

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПОЛИТОЛОГИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
В НАУКЕ**

Москва
Издательство «Прспект»
2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ПОЛИТОЛОГИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В НАУКЕ**

Москва
Издательство «Перспектив»
2024

УДК 32
ББК 66.0
П50

Авторский коллектив:

Борщевский Г.А. (2.2), Бурда М.А. (2.3), Демиденко С.В. (8.3), Дубровина О.В. (8.2),
Гаман-Голутвина О.В. (1.2), Дорина Е.А. (4.4), Камышанов В.А. (8.1),
Климова Г.С. (Введение, 1.3), Комаровский В.С. (1.1), Матвеев Ю.И. (5.1),
Мизулин М.Ю. (7.1), Михеев В.А. (4.2), Нестерчук О.А. (5.2), Павлютенкова М.Н. (3.2),
Рогачев С.В. (4.1), Сашенко Н.П. (5.3), Сергеева С.Л. (7.2), Сквоиков А.К. (6.1),
Соколов А.В. (3.3). Тимофеева Л.Н. (Введение, 3.1, Заключение), Тимошенко В.И. (6.2),
Фалина А.С. (4.3), Шабров О.Ф. (2.1)

Рецензенты:

Сморгунов Л.В., д-р филос. наук, профессор (СПбГУ)
Соловьев А.И., д-р полит. наук, профессор (МГУ им. М.В.Ломоносова)

Политология и политическое управление: традиции и новаций в науке / под ред. Л.Н. Тимофеевой, Г.С. Климовой. — М. : Изд-во «Проспект», 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-98597-557-4

Коллективная монография посвящена итогам научной деятельности одной из старейших кафедр политологии страны — кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, чьё 30-летие отметили в 2024 г. Она стала одной из первых в исследовании политического и политико-административного управления, политического анализа и прогнозирования, политических технологий, политической коммуникативистики, политического PR и GR, политической конфликтологии, политического лоббирования, цифровых технологий в публичном управлении и других научных направлений, что нашло отражение в монографии. Ею выпущено более 20 учебников и учебных пособий, десятки монографий и сборников научных статей, часть из которых получила заслуженные дипломы Российской ассоциации политической науки и международных организаций.

УДК 32
ББК 66.0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Раздел 1. Политология в российском вузе: взгляд из прошлого в «оптике» настоящего	18
1.1. Политика стучится в двери аудитории	18
1.1.1. Творчество в учебном процессе	18
1.1.2. О чем нужно думать преподавателю	23
1.1.3. Взгляд в будущее: обучение политологов	27
1.2. Методологический вызов современной политической науке	35
1.2.1. К вопросу о несущих конструкциях политической науки	35
1.2.2. Содержательные коллизии политической методологии	40
1.2.3. Понимание методологии в российской традиции	47
1.2.4. Кризис развития политической науки	49
1.3. Политология в «ускользающем мире»	59
1.3.1. Меняется ли взгляд на будущее политологии?	59
1.3.2. Методология как критерий сформированности дисциплины	62
1.3.3. Чем должна заниматься политология?	65
1.3.4. Зачем нужна политология?	68
Раздел 2. Политика и политическое управление в мире и в России	75
2.1. Политика и политическое управление в условиях глобальных изменений	75
2.1.1. Политика	75
2.1.2. Политическое	80
2.1.3. Политическое управление	83
2.1.4. Глобальные изменения	87
2.2. Трансформации института государственной службы России в современном политическом процессе	91
2.2.1. Кризис госслужбы как проявление кризиса государственности	91
2.2.2. Библиометрический анализ исследований государственной службы (2017–2021)	93
2.2.3. Реформа госслужбы в программах политических партий	95
2.2.4. Институционально-правовые рамки современных трансформаций госслужбы России	97
2.2.5. Российские эксперты о будущем госслужбы	98
2.2.6. Трансформации госслужбы в современном политическом процессе	103

2.3.	Политическое управление миграционными процессами в контексте обеспечения политической стабильности	107
2.3.1.	Миграция и миграционные процессы в современном мире . . .	107
2.3.2.	Антимигрантская риторика как один из векторов политических процессов в странах Запада	111
2.3.3.	Миграция в современной России	115

Раздел 3. Политические коммуникации и конфликты в управлении: традиции и цифра 121

3.1.	Публичный дискурс власти и оппозиции в цифровой и нецифровой среде: как услышать друг друга	121
3.1.1.	Цифровая среда или новая медиаэкология	121
3.1.2.	Политический спор как конструктивный конфликт	125
3.1.3.	Особенности дискурса власти и оппозиции	127
3.2.	Цифровые технологии и процессы в публичном управлении . . .	138
3.2.1.	Большие данные, искусственный интеллект, «умные» среды	138
3.2.2.	Платформизация и датафикация	144
3.2.3.	Алгоритмическое управление	146
3.3.	Интернет-активизм в России	150
3.3.1.	Сущность Интернет-активизма	150
3.3.2.	Динамика развития Интернет-активизма в России	152
3.3.3.	Особенности Интернет-активизма в России	160

Раздел 4. Политическая экономия и экономическая политика в управлении государством и обществом 164

4.1.	Политическая экономия цифрового способа производства	164
4.1.1.	Политическая экономия и ее предмет	164
4.1.2.	Диалектика объективных и субъективных факторов цифрового способа производства	166
4.1.3.	Интересы в условиях цифровизации	169
4.1.4.	Экологическая доминанта цифрового способа производства	173
4.2.	Социальное партнерство: экономическая, политическая и социальная солидарность	175
4.2.1.	Классификация форм социального партнерства	175
4.2.2.	Сферы социального партнерства и солидарности	178
4.2.3.	Новые ориентиры социального партнерства и солидарности	183
4.3.	Политическое лоббирование в новой реальности	186
4.3.1.	Операционализация понятия «политический лоббизм» . . .	186
4.3.2.	Некоторые особенности современного политического лоббизма	192

4.4.	Политика и экономика в новых реалиях	198
4.4.1.	Интернет-технологии: за и против лоббизма.	198
4.4.2.	Интернет-технологии, IoT в бизнес-процессах и лоббизме . . .	201
4.4.3.	Интернет как инструмент реализации информационной функции лоббизма и канал для нетворкинга.	204
Раздел 5. Политическая аналитика в практике управления		208
5.1.	Роль и место политического анализа и прогнозирования в аналитических исследованиях	208
5.1.1.	Политический анализ.	211
5.1.2.	Политическое прогнозирование	215
5.2.	Социально-политическая ситуация в «новой реальности»	218
5.2.1.	«Новая реальность» и социально-политическая ситуация. . .	218
5.2.2.	Мировые индексы социально-политической ситуации . . .	220
5.2.3.	Национальные индексы социально-политической ситуации .	223
5.2.4.	Эпидемиологический фактор социально-политической ситуации	224
5.2.5.	Индикаторы социально-политической ситуации	226
5.3.	Анализ идентификационных процессов в российском обществе: основные подходы	230
5.3.1.	Актуальность исследования идентификационных процессов в контексте социально-политических изменений. .	230
5.3.2.	Междисциплинарные подходы к анализу идентичностей . .	232
5.3.3.	Факторы идентификационных процессов.	237
5.3.4.	Идентификационные процессы в сетях	244
Раздел 6. Институты гражданского общества: зарубежный опыт и российская практика		248
6.1.	Гражданское общество: особенности и динамика развития	248
6.1.1.	Понятие и эволюция представлений о гражданском обществе	248
6.1.2.	Некоторые характеристики гражданского общества	252
6.2.	Партии и партийная система современной России: рубежи 2021/2022 гг.	258
6.2.1.	Характеристика политических партий России	258
6.2.2.	Характер и своеобразие партийной системы современной России	281
Раздел 7. Политика и право		287
7.1.	Политология права: идея, содержание, эвристический потенциал .	287
7.1.1.	Зарождение и первичная институализация идеи «политология права»	287
7.1.2.	Сущностная институализация идеи	288
7.1.3.	Эвристический потенциал идеи «политология права»	289

7.2. Единство публичной власти в Российской Федерации: политико-правовой анализ	295
7.2.1. Понятие и сущность политико-правовой категории «публичная власть»	295
7.2.2. Нормативно-правовое регулирование единства публичной власти в Российской Федерации	296
7.2.3. Политическая легитимация единства публичной власти в современной России.	300
Раздел 8. Международная политика и регионалистика	306
8.1. Кризис глобализации: истоки фрагментации и вызовы регионализма	306
8.1.1. Конфигурации современного развития международных отношений	306
8.1.2. Корни проблемы — в забвении истоков безопасности	310
8.1.3. Необходимость поиска новых решений	317
8.2. Регионы государств как акторы международной политики	321
8.2.1. Регионы государств и международная политика: основные понятия	321
8.2.2. Основные факторы, влияющие на участие регионов государств в международной политике	323
8.3. Феномен радикального ислама в постиндустриальном обществе: на примере Европы, США и России	333
8.3.1. Кого считать мусульманским радикалом?	333
8.3.2. Основные вехи формирования мусульманской диаспоры Европы	337
8.3.3. Гетто и исламизм постиндустриального времени	338
8.3.4. Новое слово в пропаганде ислама.	344
8.3.5. Россия и исламизм постиндустриального времени	346
Заключение	347
Литература	349
Сведения об авторах.	380

Введение

Коллективная монография посвящена научному наследию одной из первых кафедр политологии и политического управления, которая была создана в 1994 году на базе профессорско-преподавательского коллектива Политологического центра Российской академии управления (1992–1994 годы). До этого с 1992 г. в Центре было несколько кафедр политологического профиля, среди которых выделялась кафедра общей и прикладной политологии, во многом ставшей ядром новой кафедры академии, преобразованной в 1994 году в Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации¹. В 2024 г. кафедре политологии и политического управления исполнилось 30 лет.

Уже за первые 10–15 лет своего существования кафедра, по мнению независимых экспертов, вошла в число трех лучших политологических подразделений страны среди факультетов и отделений, ведущих обучение по специальности «Политология» после МГИМО и МГУ. Опрос проводился по трем показателям: уровень квалификации профессорско-преподавательского состава, качество учебных программ, эффективность системы практик, и был опубликован в журнале «Обучение и карьера» № 40 (83) 17–23 октября 2005 г. Выпущенный кафедрой в 2006 г. учебник «Политология» стал одним из лучших по признанию экспертов Российской ассоциации политической науки в конкурсе учебников и учебных пособий по политическим наукам.

Уникальность кафедры прослеживается с первых дней существования. Ее коллектив изначально был плодovit на новые идеи и новые научные направления, которые затем успешно реализовались в масштабах всей

¹ Указ Президента РФ № 1140 от 6 июня 1994 года «О Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации».

страны, во многом благодаря кадровой политике директора Политологического центра, д.э.н., профессора С.В.Рогачева, который сумел разглядеть и собрать вокруг себя талантливых ученых и преподавателей. Сергей Владимирович Рогачев сам подавал пример постоянного поиска, прочитав первую актовую лекцию в Академии на тему «Политология. Введение к предмету» в 1992 г. Он известен как крупный организатор политологической отрасли российской науки, один из учредителей и первых президентов Академии политической науки, автор книг по проблемам политики и экономики в России, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

В начале 90-х его заместителями в Политологическом центре были В.С.Комаровский и О.Ф.Шабров, которые сыграли особую роль в истории кафедры, в разное время возглавлявшие ее.

Вообще о «роли личности в истории» — о людях, возглавивших первые кафедры политологического профиля, стоит сказать особо. Политология как наука только складывалась в России, и собственно специалистов данного профиля практически не было, но были знатоки этого направления. Кафедру общей и прикладной политологии возглавлял с 1992 по 1994 гг. В.В.Смирнов, кандидат юридических наук, заведующий сектором политологических исследований Института государства и права РАН, долгое время — вице-президент Международной ассоциации политической науки и Российской ассоциации политической науки. Он был одним из инициаторов создания комитета в защиту парламентаризма в России после расстрела здания Верховного Совета в октябре 1993 г., затем — членом Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; научным руководителем Секции по вопросам международного сотрудничества Общественного научно-методического консультативного совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Его коллега А.И. Ковлер, доктор юридических наук, стоявший во главе кафедры теории и истории политических партий и движений Политологического центра, был в это же время экспертом Конституционного Суда РФ, участвовал в работе над Конституцией России 1993 г, а также над проектами законов о политических партиях, избирательном законодательстве, и затем был избран от России судьей Европейского суда по правам человека, одно время являлся главным редактором журнала «Государство и право». Эти две кафедры легли в основу новой кафедры политологии и политического управления.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор В.С. Комаровский стал первым заведующим кафедрой политологии и политического управления. Перед ним стояла сложная задача: сплотить коллектив вокруг нового научного направления, воодушевить коллег на создание первых учебников и учебных пособий для студентов и слушателей. Сегодня он известен как автор многочисленных книг и статей по политико-административному управлению, связям с общественностью и СМИ, по проблемам политической и административной реформы в России, заложивший основы таких учебных курсов как «Политико-административное управление», «Связи с общественностью». Он возглавлял кафедру по 2006 год, и за это время под его руководством кафедра подготовила такие учебники, как «Политология», «Связи с общественностью в политике и государственном управлении», «Управление общественными отношениями», «Политико-административное управление» (последний — совместно со Сморгунным Л. В., возглавляющим дружественную кафедру политического управления СПбГУ).

Затем эстафету перенял О.Ф. Шабров, доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководивший кафедрой вплоть до 2019 года. Он защитил в 1998 г. докторскую диссертацию на тему «Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход)», а до этого еще в 1994 г. стал лауреатом конкурса учебных пособий Госкомвуза РФ и фонда Дж. Сороса по программе «Обновление гуманитарного образования в России» за первое в стране учебное пособие «Компьютерное моделирование социально-политических процессов» как редактор и один из его авторов. О.Ф. Шабров много сделал для учебного процесса на кафедре, возглавив работу над созданием серии учебно-методических пособий «Политология. Дисциплины специализации». В 2007 году под его редакцией вышел первый номер альманаха «Моделирование социально-политических процессов». По его же инициативе долгие годы работал «Эльбрусский научный клуб» в горном предместье г. Нальчика, собирающий для научных дискуссий талантливых политологов со всей страны. Одновременно О.Ф. Шабров вместе с доцентом Н.П. Сашенко и другими преподавателями активно занимался избирательными технологиями в качестве содиректора и руководителя избирательных кампаний агентства «Эмиссар», «Миссия-Л» и других консалтинговых фирм, а затем стал Генеральным директором консалтинговой компании «Академ-Групп».

С 2019 по 2024 г. кафедру возглавляла молодой, талантливый руководитель, кандидат исторических наук, автор работ в области европейской иден-

тичности Г.С. Климова. Вместе с Л.Н. Тимофеевой, доктором политических наук, профессором, много лет проработавшей заместителем заведующего кафедрой по науке, а ныне исполняющей обязанности научного руководителя факультета политических исследований в 2022 г. и в 2024 г. организовала Первый и Второй Московский политологические форумы по теме «Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы», поддержала ее идею создания и модерации на Субботних политологических чтениях в Президентской академии совместно с РАПН и АПН, и сама участвовала в них с докладом (уже состоялось одиннадцать заседаний). Стала руководителем и одним из создателей онлайн курса База данных учебно-методических материалов по дисциплине «Политология», что позволило записать онлайн интересные лекции, сопроводив их тестами, списком литературы.

О плодотворности и живучести многих идей, появившихся в Политологическом центре, где родилась кафедра, можно судить по следующим результатам. Именно здесь созрела идея проведения первой всероссийской конференции преподавателей — политологов, которая успешно реализовалась в 1993 году и со временем переросла в известные всей стране конгрессы. Первый всероссийский конгресс политологов РАПН, правопреемницы Советской Ассоциации политических (государствоведческих) наук (САП(Г)Н) прошел в академии в 1998 г. при самом активном участии сотрудников кафедры. Именно здесь была выдвинута идея и создана Академия политической науки, которую одно время возглавлял С.В. Рогачев. Она была оформлена в 1995 году группой ведущих российских политологов, зарегистрирована 23 марта 1999 г., и уже много лет ею руководит О.Ф. Шабров. Именно в Политологическом центре прошло обсуждение первого проекта закона о политических партиях. Издан уникальный по тем временам сборник программных документов «Политические партии России» в 3-х частях, куда вошли документы российских партий начала и конца XX в.

В начале 90-х, когда страна бурлила после переломных для нее событий 1991–1993 гг., был создан общественно-политический клуб, на заседаниях которого собирались известные политики и аналитики для осмысления и экспертизы политического процесса в стране. Это был прообраз тех самых «мозговых трестов», которые во множестве появились потом в России. Выходили сборники «Ситуация. Записки политического клуба», затем альманахи «Политолог: взгляды на современность», затем — «Актуальные проблемы политики и политологии в России».

Ко многому, чем занималась кафедра, можно добавлять «первой» или «одной из первых в стране» кафедра освоила, предложила, издала...

Политология как наука и учебная дисциплина в России, испытывавшая на себе огромное влияние американской и западноевропейских политологических школ, нуждалась не только в адаптации к российской традиции, но и в осмыслении и новом прочтении политических категорий и понятий, в создании собственных научных направлений, собственных учебников и учебных пособий. Этим была озабочена и кафедра. В 1997 году коллектив кафедры принимает участие в издании первой в стране пятитомной «Антологии мировой политической мысли», включавшей в себя и работы выдающихся российских мыслителей. Возглавил рабочую группу д.ф.н., профессор В.А.Кулинченко, который успешно довел этот проект до конца — выхода антологии в свет.

Заметным вкладом ученых кафедры стало их участие в создании двухтомной «Политической энциклопедии» (1999 г.) и двухтомной «Социологической энциклопедии» (2003 г.), двухтомной «Энциклопедии государственного управления в России» (2008 г.) и т.д.

На кафедре постепенно сложились и свои научные направления, с некоторыми читатель познакомится в этой монографии.

Политико-административное управление. Долгое время кафедра искала свое место среди структур академии, занимающихся проблемами государственного управления, государственной службы и кадровой политики, и сумела обозначить предмет своего исследования и точку приложения своих сил. Ею стало именно политическая деятельность государства и его политических чиновников, весьма сложно и порой незаметно для непосвященного перетекающая в сферу административного управления. Разработанный В.С. Комаровским и Е.Г. Морозовой совместно с Л.В. Сморгунным и его коллегами с родственной кафедры Санкт-Петербургского университета учебник «Политико-административное управление», который вышел в 2004 г. и переиздан в 2019 г. — пока единственный такого рода в России. Он получил одобрение, прежде всего, у государственных служащих, пользующихся им как настольной книгой. Вдохновленная этим успехом, кафедра подготовила обновленный учебник для бакалавров и магистров, охватывающий весь спектр политико-административных отношений в стране. Его переиздание состоялось в 2024 г.

Политические коммуникации, политическая коммуникативистика. Это направление исследований стало успешно развиваться благодаря правильному выбору, сделанному заведующим кафедрой В.С.Комаровским. С 1995 года на кафедре ежегодно проходили переподготовку специалисты по связи с общественностью и прессой в органах государственной власти и управления как федерального, так и регионального

уровня. Кафедра первой в стране стала разрабатывать тематику связей с общественностью в государственном управлении, подготовив учебное пособие, затем — учебник по управлению общественными отношениями. Широкий резонанс получила книга «Связи с общественностью в политике и государственном управлении» (2001 г.), которая впервые содержала российский взгляд на проблему, обобщала отечественный опыт работы с общественностью и средствами массовой информации. Развивая тему, ее научный редактор В.С. Комаровский готовит и издает курс лекций «Государственная служба и СМИ» (2003 г.). А монография преподавателя кафедры и его коллеги Е.Г. Морозовой «Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели и технологии» (1999 г.), где особое место уделяется политическим коммуникациям, удостоивается Национальной премии в области развития связей с общественностью «Серебряный лучник» за 2000 год. На III Всероссийском конгрессе политологов ведение секции политической коммуникации поручается заместителю заведующего кафедрой по науке — Л.Н. Тимофеевой — одному из авторов-составителей уникальной хрестоматии «Власть и пресса. К истории правового регулирования отношений: (1700–1917)» (1999 г.). По итогам работы секции почти треть участников которой составляли докторанты, аспиранты, ученые кафедры, выходит книга «Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития» (2003 г.), тепло встреченная специалистами. В 2008 г. на очередном заседании методологического семинара кафедры выдвигается идея создания Исследовательского комитета по политической коммуникативистике РАПН, который возглавила Л.Н. Тимофеева. В 2009 г. в журнале «Полисе», № 5 выходит ее статья по конституированию нового научного направления: политической коммуникативистики под названием «Политическая коммуникативистика: проблемы становления». В 2012 г. она становится научным редактором и одним из авторов коллективной монографии, разрабатывающей новое направление «Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика», получившей специальный диплом в серии «Библиотека РАПН». А затем вместе с Л.В.Сморгуновым, заведующим родственной кафедрой политического управления СПбГУ, становится редактором и соавтором первого в стране учебного пособия «GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством», ставшего победителем в номинации Всероссийского конкурса «Лучшая работа по теории PR» и удостоенного международной премии в области развития общественных связей.

Политическое моделирование. В 1994 году коллектив кафедры под руководством О.Ф.Шаброва выпускает уникальную по тем временам книгу «Компьютерное моделирование социально-политических процессов» (под общ. ред. О.Ф.Шаброва), вошедшую в число победителей в открытом конкурсе «Гуманитарное образование в высшей школе», проводившемся Комитетом по высшему образованию РФ и Международным фондом «Культурная инициатива». В апреле 2004 года кафедра становится инициатором проведения Межвузовского научно-практического семинара «Моделирование в социально-политической сфере», по итогам которого выходит одноименный сборник научных трудов. Возникает идея создания альманаха по моделированию социально-политических процессов.

Политические технологии. Ломка старых отношений в стране, воссоздание нового государства и строительство иной политической системы вызвали к жизни потребность в изучении и освоении политических технологий. Изучением политических технологий на кафедре последовательно, в течение нескольких лет занимались М.Г. Анохин, Ю.И. Матвеевко и др. Выпущено уже немало книг и брошюр, учебных пособий по политическим технологиям в области государственного управления, избирательных кампаний, управления конфликтами, создания имиджа политика и т.д. Защищены диссертации, обобщившие российский опыт политического проектирования и конструирования социально-политических реалий.

Долгие годы развивалась учебно-методическая деятельность кафедры, основанная на подготовке специалистов по программе второго высшего образования в области политологии по трем специальностям: «Политико-административное управление», «Политический анализ и прогноз» и «Связи с общественностью», а также на переподготовке и повышении квалификации государственными служащими по широкому кругу специальностей. За годы работы кафедра дала путевку в жизнь около 500 специалистам, работающим на разных государственных должностях, включая губернаторов и их заместителей, мэров городов, работников Администрации Президента РФ. Теперь кафедра обучает бакалавров, магистров и является выпускающей кафедрой для аспирантов.

Кафедра постоянно наращивает свой научный потенциал. С большим успехом в 2006 году в РАГСс по инициативе кафедры прошла Международная научно-практическая конференция «Власть в глобальном и культурном измерении», вызвавшая большой интерес в научной среде, собрав политиков, экспертов, ученых из Гарварда (США), Российской академии наук, МГИМО, МГУ, Государственного университета управления (ГУУ), Новосибирского государственного университета (НГУ) и др. научных

и учебных заведений. Основной тезис доклада Джозефа Ная — декана факультета государственного управления Гарвардского университета имени Дж.Кеннеди, автора книги «Гибкая власть» звучал так: кроме всем знакомой «жесткой власти», которая выражается в военной и экономической мощи государства, есть и другая власть, не менее реальная — «гибкая», которая позволяет добиться желаемых результатов без применения неких ощутимых материальных угроз или «проплат». Это «власть соблазнения» образом жизни, политикой, массовой культурой страны и т.д. Еще в 1939 году известный британский деятель Э.Х. Карр, описывая власть в международных делах, выделил три ее категории: военная, экономическая и власть над мнениями. Най настаивал на том, что «большая часть американской гибкой власти является результатом деятельности Голливуда, Гарварда, «Майкрософта» и Майкла Джордана». Вот именно эта власть над общественным мнением в условиях глобализации и информационно-коммуникативной революции и стала предметом не только обсуждения на конференции, но затем и последующего исследования, проведенного на кафедре для Администрации Президента РФ. Исследование называлось «Современный имидж России для россиян: проблемы формирования и перспективы развития». Были проанализированы в течение восьми месяцев 2006 г. новостные программы пяти основных телевизионных каналов («Первый», «Россия», НТВ, ТВЦ, Ren-TV), а также материалы 14 популярных газет и 6 общественно-политических журналов, что позволило сделать определенные выводы о том, какой имидж формируют СМИ в сознании российских граждан, и что необходимо сделать для корректировки информационной политики государства.

В целом профессорско-преподавательский состав кафедры за годы ее существования принял участие в организации и проведении более ста международных и российских, примерно столько же региональных научно-практических конференций по проблемам политологии и политического управления. Наиболее значительным событием 2004–2006 гг. было участие преподавателей кафедры во II Международном конгрессе конфликтологов (г. Санкт-Петербург) и в Российско-Британской конференции «Британские политические традиции и реформы власти в России» (г. Москва). Кроме уже упоминавшейся международной конференции по проблемам власти, были проведены еще две: в октябре 2005 г. совместно с Фондом Эберта — Международная конференция «Парламентаризм в России и Германии: достижения, вызовы и перспективы»; в апреле 2006 г. с участием представителей фракций Верховной Рады и Централь-

ного штаба Партии регионов Украины — «Круглый стол» на тему «Выборы на Украине: политические итоги и перспективы».

Кафедра постоянно участвовала в научных исследованиях, осуществляемых по заказам органов государственной власти и управления, включая Правительство РФ, Государственную Думу РФ и Администрацию Президента РФ: «Государственная служба России: пути и методы реформирования» (1997 г.); «Связь с общественностью в органах региональной власти» (1998 г.); «Политологическая и правовая экспертиза предвыборных (программных) платформ и лозунгов избирательных объединений и блоков» (1999 г.); «Технологии политико-административного управления» (2002); «Политологический анализ программных документов политических партий в современной России» (2002); «Государственная служба и гражданское общество в России в условиях проведения административной и судебно-правовой реформ» (2003–2006 гг.); «Современный имидж России для россиян: проблемы формирования и перспективы развития» (2006 г.) и т.д. С 2001 по 2004 гг. преподаватели кафедры были участниками проекта «Мониторинг введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», организаторами которого стали Комитет по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Администрация Президента Российской Федерации.

Состав кафедры изначально был представлен весьма квалифицированными специалистами. Подавляющее число штатных преподавателей кафедры в уже в начале 2000-х годов — 10 из 17 — являлись докторами наук, профессорами. При этом пятеро из них — доктора политических наук, остальные — доктора философских или исторических наук, 7 — кандидаты наук, доценты. С именем каждого сотрудника кафедры исторически связано одно или даже два научных направления исследования. Перечислим лишь основные научные «привязанности» коллег в порядке алфавита: изучение политических систем и политических технологий связано с именем М.Г. Анохина; политических процессов и дистанционного образования — В.В. Бакушева; связей с общественностью — М.Д. Валовой; политической и военной безопасности страны — А.А. Возженникова; политических элит — О.В. Гаман-Голутвиной; проблем глобализации и регионализации — О.В. Дубровиной; политических партий и избирательных систем — З.М. Зотовой и В.И. Тимошенко; политической культуры — Ю.В. Ирхина; политико-административной реформы и деятельности СМИ и PR — В.С. Комаровского; политических идей в истории русской и зарубежной общественной мысли — В.И. Кулинченко; политической модернизации и политических технологий — Ю.И. Матвеевко; взаи-

мосвязи права и политики — М.Ю. Мизулина; социального партнерства и социальных конфликтов — В.А. Михеева; политического маркетинга и политико-административного управления — Е.Г. Морозовой; электронной демократии и электронного правительства — М.Ю. Павлютенковой; государственной политики современной России в области высшего профессионального образования — О.А. Нестерчук; политической психологии — Н.П. Сащенко; гражданского общества и политического участия — В.В. Смирнова, А.К. Сквоикова; политической коммуникации и политических конфликтов — Л.Н. Тимофеевой; политического лоббирования и корпоративизма — А.С. Фалиной и Е.А. Дориной; политического управления и политических систем — О.Ф. Шаброва и др. В последние годы в состав кафедры вошли молодые преподаватели, которые продолжили традиции и заложили новые, среди них Г.А. Борщевский, издавший учебники «Государственно-частное партнерство» (2015 г., 2023 г.), «Государственная служба» (2018 г., 2023 г.), «Управление государственными проектами и программами» (2022 г., 2023 г.) и др.; М.А.Бурда, исследующий проблемы государственного управления миграцией и ставший инициатором проведения в 2022 и в 2023 гг. двух Всероссийских научно-практических молодежных конференций на тему «Духовно-нравственные ценности российской молодежи: история и современность».

За годы работы диссертационные советы при кафедре дали путевку в жизнь более 250 кандидатам политических наук и около 50 докторам политических наук. Кафедра воспитала 7 докторов наук из числа своих преподавателей. Долгие годы обязанности ученого секретаря диссовета кафедры политологии и политического управления добросовестно и квалифицированно исполняла кандидат экономических наук, доцент А.С. Фалина.

Кафедра заложила основы для развития международных научных связей. Совместно с Северо-Каролинским государственным университетом (США) было проведено исследование «Этика государственного служащего: корпоративный анализ» (1998, 1999 гг.). Были завязаны научные контакты с университетом в Марселе (Франция).

С 2001 по 2003 годы кафедра включилась в международный проект департамента политической науки Южно-Иллинойского университета США по проблеме взаимодействия государства и гражданского общества (SIU — штат Иллинойс, США, 2001; Москва, 2001–2002; Сочи, 2002; Суздаль, 2003).

В 2008 в Софии (Болгария) при посредничестве Посольства России в Болгарии был заключен Меморандум о сотрудничестве между кафедрой

политологии и политического управления РАГС (Москва, Россия) и кафедрой политологии Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария). В дальнейшем это послужило основой для развития двусторонних отношений не только кафедр политологического профиля двух университетов стран России и Болгарии, но и двух университетов. Соглашение о сотрудничестве и дружбе было подписано на международной встрече Президентов двух стран, в Кремле ректором РАГС (Россия) В.К. Егоровым и ректором Университета национального и мирового хозяйства (Болгария) Б. Борисовым. Сотрудничество продолжалось до 2016 года.

Осенью 2006 г. преподаватели кафедры принимали участие в международном семинаре «Восток — Запад» в Чехии; в 2017 г. в Зимней школе в «Политические конфликты в современном мире» в Университете имени Яна Амоса Коменского; в Польше в 2017 г. в Третьем Международном междисциплинарном Евразийском Конгрессе «Русская революция и ее наследие», проходившем в Ягеллонском университете. Были также установлены научные отношения кафедры с Лодзинским университетом в Польше, затем — в 2019 г. с Болонским университетом в Италии. В.С. Комаровский и Л.Н. Тимофеева, будучи членами Международной ассоциации политической науки (IPSA), неоднократно принимали участие в ее конгрессах в Канаде, Польше, Австралии, Аргентине и т.д.

Есть такая поговорка: «дорогу осилит идущий». Она в полной мере относится к сотрудникам кафедры политологии и политического управления. Не проходит года, чтобы кафедра не запустила какой-нибудь новый проект. Вот динамика выпуска ею только крупных работ: 2001 г. — книга «Связи с общественностью и в политике и государственном управлении»; 2002 г. — учебник «Управление общественными отношениями», учебник «Политология»; 2003 г. — учебное пособие «Политико-административное управление»; 2004 г. — электронный учебник «Политология»; 2005 г. — тестирующие программы по политологии в режиме on-line; учебник «Политико-административное управление»; 2006 г. — учебник «Политология» (2-е издание, дополненный и переработанный); 2009 г. — учебник «Управление общественными отношениями» (дополненный и переработанный); 2024 г. — учебник для вузов «Политико-административное управление» (дополненный и переработанный); учебник для вузов «Политология» (3-е издание, дополненный и переработанный).

Путь кафедры к вершинам мастерства, известности, самобытности продолжается.

Раздел 1

ПОЛИТОЛОГИЯ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО В ОПТИКЕ НАСТОЯЩЕГО

1.1. Политика стучится в двери аудитории

1.1.1. Творчество в учебном процессе

Тридцать лет жизни творческого коллектива, которым является (должна являться) кафедра — это, безусловно, уже история. Обращение к истории (прошлому) вразумляет, помогает понять настоящее, оценить достижения и просчеты, сверить выбранный курс с главными тенденциями развития политической науки в стране и мире. При одном непеременимом условии: если правильно выбрана «точка отсчета» — период в развитии кафедры, когда ее сотрудниками создаются значимые научные и учебные продукты (монографии, учебники, программы), и когда эти продукты становятся предметом саморефлексии и критической оценки. Для кафедры политологии и политического управления такой точкой отсчета может быть начало нынешнего тысячелетия, когда к кафедре пришло признание научной общественности (в пятитомнике «Российская политическая наука». Т. 5. 1995–2006 г. Академия государственной службы (а фактически — кафедра) названа в числе тех организаций, которые определяли лицо российской политологии в то время). Одна из работ того периода [Комаровский, 2001, с.61–67] предлагается вниманию читателя без каких-либо изменений, чтобы полностью сохранить не только смысл, но и атмосферу творчества в тот период.

«Взяться за перо автора побудило участие в Международной конференции «Национальные ориентиры и мировой опыт в области преподавания социально-экономических дисциплин в высшей школе» и в Третьем

Международном молодежном форуме «Терра политика». Размышления дополнены личным опытом работы в РАГС и впечатлениями от пребывания в нескольких западных университетах.

Чрезвычайно представительная конференция, собрав зарубежных и отечественных ученых, руководителей вузов, высоких чиновников, поставила в центр своей работы проблемы стратегии и тактики реформирования системы образования в мире и России. Молодежный же форум был интересен тем, что давал представление о том, как новые методы организации занятий реализуются на практике.

Неизбежное для подобных встреч множество не совпадающих, а иногда и прямо противоположных точек зрения, подходов к общим проблемам не помешало, однако, осознанию того, что существует достаточно широкое поле согласия и совпадения позиций.

Практически единодушно участники констатировали, что в наиболее развитых странах мира набирают обороты процессы реформирования системы образования, которые обусловлены фундаментальными изменениями, происходящими в современном мире (информатизация, глобализация и т.д.). Россия не может стоять (и не стоит) в стороне от этих процессов. (Правда, вопрос, чего ей удалось достичь в этом направлении, вызвал на конференции бурную дискуссию).

Всеми было признано положение, что в реформах просматриваются как общие тенденции, так и национальная специфика. Она определяется исторически сложившимися традициями, особенностями стоящих перед системой образования задач в той или иной стране, пониманием роли и места человека в обществе. (От себя добавлю: мы частенько стали забывать, что вузы готовят не только специалиста, но и гражданина).

Соответственно выстраивается цепочка:

**Изменения
(реформы
в обществе)**

**Адекватные
изменения
в системе
образования**

**Адекватные
программы
и методы обучения**

Центральный вопрос, на который призвана была дать ответ конференция: насколько и что именно из опыта работы лучших, элитных вузов США и Западной Европы можно использовать в России. Ответы, естественно, были разными. Часть участников весьма скептически оценивала возможность «приживания» на российском древе высшей школы западного «привоя». По крайней мере, в ближайшее время. Назову самый весомый, на мой взгляд, аргумент скептиков. Россия еще не обрела ясно-

го представления, какой она должна стать в результате реформ. Назван лишь общий вектор: интеграция в мировую экономику, развитие рыночных отношений и демократических институтов. Но нет ясной программы, как двигаться по этим азимутам, кто, какие общественные силы поддержат и сумеют реализовать намеченные планы.

Другую точку зрения (политически ее заострив) можно представить так: тот, кто не знает английского языка и не владеет им так, как в США (Европе) — тому не место в вузе.

Наиболее взвешенной позицией по этой проблеме я бы назвал доклад Теодора Шанина, ректора Московской высшей школы социальных и экономических наук. Опыт ее работы доказывает, что можно успешно реализовывать программы, сочетающие в себе лучшие западные и российские образовательные традиции (для сведения: выпускники школы получают сразу два диплома — российский и английский). В основу новых подходов к организации и содержанию учебного процесса, по мнению Т.Шанина, которое, кстати, разделил ряд других участников семинара, должны быть положены следующие принципы:

- развитие творческого потенциала личности;
- воспитание самостоятельности мышления, уверенности в собственных силах;
- формирование способности к самообучению и саморазвитию.

Реализация названных принципов, в свою очередь, базируется на четырех академических свободах:

- свобода университета определять содержание своих учебных программ и планов;
- свобода факультета определять набор своих дисциплин без вмешательства университета;
- свобода преподавателя определять содержание и методику своего курса без вмешательства факультета;
- свобода студента выбирать большинство курсов (формировать свой учебный план) в ходе учебы.

Предложенная специалистами формулировка системообразующих принципов вузовского образования особых возражений не вызвала, чего нельзя сказать о технологических принципах их реализации.

Учебные планы и программы

В западных вузах нет государственных стандартов. Консенсус специалистов в отношении предметного поля, проблематики любой социально-экономической дисциплины установился давно. Россия этого уровня еще

не достигла. Поэтому большинство оценило стандарты, программы отдельных дисциплин, подготовленные Министерством образования, как явление положительное. В то же время отмечалось, что отдельные вузы, в том числе и РАГС, уже выросли из этих программных «коротких штанишек» и вполне могут претендовать на большую степень самостоятельности.

Но надо сказать и о другой стороне медали. Наши программы, по большей части, слишком общи, мало и поздно ориентируют студента на определенную специальность, нацелены, образно говоря, на подготовку «врача», тогда как обществу нужны хирурги, терапевты, кардиологи (или — в политологии — политические аналитики, специалисты по связям с общественностью и т.д.). Вне всяких сомнений — спрос надо изучать и более серьезно, более точно на него реагировать. Кафедра политологии первые шаги в этом направлении сделала.

Организация обучения

Два принципа являются определяющими в организации обучения лучших университетов Запада: *неразрывная связь обучения с исследовательской работой и предоставление студенту широких возможностей выбора программ обучения.*

Научная работа является неотъемлемой частью образовательного процесса. Учебники и методика готовятся на основе самостоятельных научных изысканий. Все остальное рассматривается как пересказ известных истин. В научно-исследовательскую деятельность студенты включаются буквально с первых курсов, что решающим образом меняет парадигму образования. Смыслом становится не «натаскивание» студента, не усвоение готовых истин, часто далеких от реальной жизни, а *совместный поиск решения реальных жизненных проблем. Это в значительной степени определяет содержание и методы обучения (о чем ниже).*

Курс базируется на эксклюзивной информации, в его основе лежит понимание и трактовка соответствующих проблем преподавателем. В идеале он уникален и неповторим. Интерес студентов к курсу рассматривается как главный показатель квалификации и мастерства преподавателя (студенты имеют право выбирать большинство курсов). Характерно, что ведущие профессора, как правило, не заняты на младших курсах, где осуществляется общеобразовательная подготовка.

Необходимость единения образования и научной работы, по крайней мере, в лучших вузах России вряд ли у кого вызовет сомнения. Правда, возникает проблема финансирования, и ее, безусловно, надо обсуждать и решать. Тем не менее, даже имеющиеся возможности используются не

лучшим образом. Можно было бы, например, в нашей академии предоставить право кафедрам за счет неиспользованных ставок брать на работу научных сотрудников, в том числе из числа очных аспирантов. Преподаватели кафедр получили бы возможность сэкономить время, которое тратят на поиск и первичное обобщение текущей политической, экономической, социальной информации.

Вторая проблема, которую предстоит решать, — это ослабление жесткой «привязки» студента к одной кафедре или факультету. Возможности выбора курсов у российского студента минимальны, «перегородки» между кафедрами у нас тоже очень жесткие.

Положение не в одночасье, но надо менять. Студенту, слушателю необходимо предоставить возможность выбора спецкурсов не только на своей, но и на других кафедрах, других факультетах, вплоть до возможности получения двойного диплома (например, экономиста и юриста, экономиста и политолога и т.д.). Кстати, это резко повысило бы привлекательность РАГС для тех, кто готов оплачивать свое обучение в Академии.

Что в этом направлении можно (и нужно, на мой взгляд) сделать уже сейчас?

Во-первых, привлекать для чтения лекций и практических занятий преподавателей других кафедр. К примеру, занятия у нас, на кафедре политологии по теме: «Нормативно-правовые основы деятельности служб по связям с общественностью в органах власти» трудно представить без преподавателя-юриста. С другой стороны, специалистам-госслужащим любого профиля сегодня необходимы достаточно глубокие политические знания, которые может обеспечить наша кафедра.

Во-вторых. Курсы «для других» кафедр надо максимально «подтянуть» к их нуждам. Сейчас они у нас читаются по единому лекалу, что вряд ли правильно. Например, в МГУ курсы иностранного языка на факультетах журналистики и экономическом ведут разные преподаватели, которые не только предлагают студентам разные тексты для переводов, но и располагают разными подходами и методами обучения. Первый шаг к решению проблемы: предлагаемые программы согласовывать не только с ректоратом, но и с «другими» кафедрами.

Наконец еще один важный момент в организации обучения — это работа библиотек. На конференции отмечалось, что сегодня важно не только иметь необходимую литературу и электронный каталог, но и организовать работу библиотеки по принципу «открытых полок», обеспечить широкий доступ к имеющейся литературе.

Методы обучения

В российских университетах аудиторные занятия составляют 30–40 часов в неделю, в западных — 12–15 часов. За этими цифрами стоят принципиально различные установки: ориентация на самостоятельную работу или фактическое «натаскивание» студента под руководством и контролем преподавателя. На первый взгляд перед РАГС эта проблема вообще не стоит в силу преимущественно заочного характера обучения. Для заочных вузов нет иного пути, кроме как заставить студента (слушателя) готовить и регулярно представлять в той или иной форме письменные задания. Однако некоторый опыт, накопленный в этом отношении кафедрой политологии, свидетельствует о том, что и при таком взаимодействии у преподавателя есть возможности активизировать самостоятельность студента. Главное — формулировать задание предельно индивидуально и так, чтобы нельзя было найти готовых ответов на него (проще — откуда списать, скопировать). Второе условие — важна не только тщательная проверка письменного задания, но и индивидуальное собеседование со слушателем о ее результатах. Сегодня Интернет позволяет осуществить это чрезвычайно оперативно.

Отдавая себе отчет в трудностях преодоления бюрократических препонов, выскажу еще одно предложение: надо разрешить слушателям проходить курс и сдавать экзамены по непрофильным дисциплинам в других вузах (как это допускается у аспирантов). Это, кстати, «загрузило» бы слушателя во вне сессионный период, а во время сессии он имел бы больше возможностей для самостоятельной работы, для пользования библиотекой. (Не стоит упускать из вида, что такой библиотеки, как в РАГС, нет в большинстве городов.)

Прохождение же соответствующей дисциплины в РАГС могло быть сведено к индивидуальному собеседованию и перезачету.

1.1.2. О чем нужно думать преподавателю

О содержании занятий

Думается, что нашим слушателям на курсах переподготовки или магистрантам, которые уже имеют одно высшее образование и обладают почерпнутым из практики представлением о проблемах, поднимаемых на занятиях, больше всего подходит лекция-дискуссия. Преподаватель (лучше двое) лишь определяет и структурирует проблему, выделяет в ней самое важное, обозначает те «точки бифуркации», которые служат водо-

разделом для различных подходов, трактовок, парадигм, предлагает свое личное понимание проблемы, оценивает различные точки зрения. Такой подход, естественно, рождает дискуссию.

Семинары также должны изменить свою суть. Пока они чаще являются формой проверки усвоения лекционного материала. Главная же цель семинаров, как отмечалось в дискуссии на конференции — научить молодых людей использовать полученные теоретические знания для решения конкретных задач. Хорошим примером того, как можно это реализовать, явилась организация работы на форуме «Терра политика». Трём группам студентов было поставлено задание: дать характеристику имиджа России в глазах рядовых граждан страны и мировой общественности; назвать факторы, определяющие его формирование; предложить способы и средства его изменения в лучшую сторону. Каждая группа была самостоятельна в поисках решения и формы представления результатов, которые затем совместно обсуждались. В группах работали студенты различного профиля: политологи, журналисты, экономисты и т.д., что обеспечило, с одной стороны, комплексный, если уже не системный подход к проблеме, а с другой — разнообразие форм представления результатов: от рисунков до математически обоснованных моделей.

Контроль уровня знаний студента

Три момента определяют в западных университетах особенности подхода к контролю уровня знаний. Во-первых, большая часть экзаменов проводится в письменной форме. Письменные работы развивают логическое мышление и аналитические способности студентов, приучают к самостоятельной работе, способствуют саморазвитию. Во-вторых, экзамены, как правило, принимают преподаватели других вузов. Это обеспечивает «прозрачность» оценок, исключает субъективизм отдельного лица и, что еще более важно, вырабатывает единый подход, единые стандарты, единое «образовательное поле» дисциплины. Третья особенность: преподаватели западных вузов ставят оценки «отлично» примерно 3–4% студентов, в российских вузах количество таких доходит до 50–60%. Убеждать кого-либо в том, что наш безмерный либерализм ни к чему хорошему не приводит, нужды нет. Задача состоит в том, чтобы психологически переломить ситуацию и вернуть оценкам их реальную дифференцирующую роль. Фактов субъективизма в оценке знаний студентов (слушателей) также достаточно. На конференции приводились примеры того, как экзамен превращался в пересказ учебника преподавателя, принимающего экзамен. И, упаси Господь, отступить от него! Более того, иногда

студентов фактически насильно заставляли покупать учебник и пользоваться только им.

В лучших российских вузах (на экономическом факультете МГУ, например) большую часть контрольных заданий студенты сейчас выполняют в письменном виде. О значении письменных работ для РАГС говорилось уже выше, но для широкого внедрения этого вида контроля требуется доведение многих заданий до тестовой формы. В этом направлении и нужно серьезно работать. На взгляд автора, следует шире привлекать преподавателей других вузов для приема экзаменов, хотя бы на принципах «взаимообмена». Это позволит посмотреть на содержание и методы обучения со стороны, понять, в чем состоят сильные и слабые стороны курса, в дискуссиях с коллегами обменяться опытом. В то же время «отстранять» преподавателя, ведущего курс, от участия в цикле экзаменов вряд ли оправданно. Принимая экзамен, преподаватель может понять и оценить, как он ведет курс, что осталось у студентов в памяти, а что бесследно исчезло и т.д.

Переподготовка преподавателей

В эпоху динамичных изменений, постоянно возрастающего объема информации каждый специалист обречен учиться всю жизнь. Преподавателю вуза это требуется вдвойне. Знания и навыки также «изнашиваются», как промышленное оборудование и технологии. В западных вузах переподготовка каждого преподавателя — это перманентный процесс. Задача сводится не только (и не столько) к периодическому переобучению на какого-либо рода курсах, сколько к созданию стимулов для саморазвития, для постоянного обновления арсенала знаний по своему предмету и методов его преподавания. Один из наиболее важных стимулов профессионального роста — большая дифференциация заработной платы между университетами, а в частных вузах — и между преподавателями. Естественно, что наиболее талантливые и работоспособные стремятся работать в сильных престижных и лучше оплачиваемых университетах. Мобильность преподавателей на Западе достаточно высокая, личные профессиональные устремления также поддерживаются. Каждый профессор на протяжении трех лет может один семестр полностью посвятить научной работе, или уйти на стажировку в другой университет.

В России, как известно, абсолютное большинство преподавателей вынуждены работать сразу в нескольких местах, время на самообучение у них остается минимальное. Кардинально изменить что-то, пока не изменится экономическая ситуация в стране, и пока наука, образование реально не станут приоритетами — невозможно.

Тем не менее, приниматься за дело надо. В конечном счете уровень знаний студента в большинстве случаев определяется уровнем подготовки преподавателя. Первая задача в этой связи — осознание масштабов проблемы и изменение отношения к ней на всех уровнях: министерства, ректоратов, факультетов и кафедр, самих преподавателей.

Промышленники уже поняли, что если не будут внесены кардинальные изменения в экономическую политику, темпы обновления оборудования и технологий, нас ждет на рубеже 2005 г. серия обвальных техногенных катастроф. Последствия застоя в сфере образовательных технологий, переподготовки преподавательских кадров проявятся не так очевидно, но окажутся не менее плачевными для страны. Эта проблема требует специального обсуждения. Обозначу некоторые направления, по которым может быть найдено хотя бы частичное ее решение. Сегодня в заработной плате преподавателей вузов учтены и ученая степень, и звание. Вместе с тем, на «верхнем этаже» (доктор наук, профессор) оплата труда более или менее адекватна, но оценивает скорее прошлый труд и заслуги, чем достижения преподавателя в делах дня сегодняшнего. Изменения в этой области — задача для министерства. На уровне вуза тоже есть над чем поработать — прежде всего, изменить отношение не только к научной, но и к методической работе преподавателя, чем мы и думаем заняться у себя на кафедре.

Ведь вплоть до нынешнего учебного года работа над методиками и программами в РАГС относилась к занятиям второй половины дня, т.е. фактически считалась необязательной, отсюда и соответствующее отношение к ней со стороны преподавателей, которое было бы полезно изменить. Пора менять и отношение к стажировкам преподавателей, особенно молодых, в других вузах. РАГС могла бы принимать гораздо большее число стажеров, прежде всего, из подведомственных региональных академий. Условия для этого имеются.

Допускаю, что существует еще немало неиспользованных и более эффективных путей и средств решения затронутых проблем. Главное же состоит в том, что если Академия претендует на звание элитного образовательного учреждения, она должна показывать пример новаторского подхода к организации учебного процесса (включая, естественно, его содержание). Игнорирование лучшего зарубежного опыта при этом так же недопустимо, как и его некритичное заимствование».

1.1.3. Взгляд в будущее обучение политологов

Подытожим. Исходная позиция автора статьи в 2001 г. состояла в следующем: изменения в обществе влекут за собой изменения в системе образования, а затем — в программах и методах обучения политологии в том числе. Проследить в одной статье всю обозначенную цепочку изменений, произошедших тогда за 20 лет, не представляется возможным. Сосредоточим основное внимание на первом, задающем звене — изменения в обществе, влияющие на политологию как научную и учебную дисциплину.

В третьем издании учебника «Политология» в разделе «Структура и познавательные возможности политологии» отмечается: «Логика развития политической науки во многом соответствует логике развития политической сферы жизни общества... [хотя] совпадения имеют место только в общем и целом» [Комаровский, 2016, с.18].

Более развернуто, применительно к России, эта мысль сформулирована в статье А.И.Соловьева, опубликованной в вышеупомянутом 5-томнике «Российская политическая наука»: «российская политическая наука — это своеобразный продукт всей культурной истории страны... Это не просто особая форма рационально-теоретического отображения происходящего, но и специфический способ чувствования россиянами мира политики (в его актуальном, ретроспективном и перспективном измерениях)... Так что российская политическая наука — это во многом ретроспекция связи российской власти и российского общества... механизмов власти других политических атрибутов, которые с учетом национальных традиций по культурным каналам транслировались и облекались в формы научного знания» (Российская..., т. 1, 2008, с. 8].

Итак, что с этих позиций изменилось в России за прошедшие двадцать лет, и как это повлияло на политологию? В начале XXI столетия ориентир политического и социокультурного развития России в основном укладывался в рамки инерции 90-х годов прошлого века, суть которой сводилась к тому, что рано или поздно, в той или иной форме Россия станет (примкнет) к Западному миру, вернется в лоно Европейской цивилизации. В общем и целом эту позицию разделяло как политическое руководство страны, так и общество, равно как и большинство политологов. В политической науке мейнстримные позиции занимала теория демократического транзита, согласно которой политическая система России, как и большинства других стран, «освободившихся от тоталитарных режимов», со временем трансформируется по лекалам западной демократии. Отмечаемые специалистами трудности и недостатки движения по этому пути рассма-

тривались большинством из них как временные, или как результат непродуманных, непоследовательных решений властей.

Начиная примерно с середины «нулевых», пришло понимание, что Россия «не вписывается» в Евро-Атлантический проект. Началом отсчета нового видения положения России в мире можно считать широко цитируемую в свое время Мюнхенскую речь Президента России В.В. Путина. Окончательную точку на этот счет Президент В.В. Путин поставил во время выборной кампании 2012 г. — Россия особая цивилизация, со своей собственной 1000-летней историей, не Восток и не Запад (позднее, правда, уточнил — особая, но в общих рамках европейской, христианской цивилизации).

Сразу отметим, разворот «от Запада» сделало не только политическое руководство страны, но и большая часть общества. Так, по данным Левада-Центр в 2019 г. лишь треть молодых людей (не говоря уже о более взрослом населении) считают Россию европейской страной (равно как и себя европейцами).

Аналогичные данные в том же самом 2019 г. получены автором в ходе реализации проекта «Образ желаемого будущего России глазами учащейся молодежи». Разворот от Запада произошел в том числе и в силу снижения притягательности западной модели развития, обозначившегося кризиса ее основ — кризиса, глубина которого превосходит великую депрессию 30-х годов прошлого столетия и ставит под сомнение само существование западного общественно-политического уклада [Валлерстайн и др. Есть ли будущее у капитализма..., 2015, с. 21]. Суть коротко: «Капитализм — это система, а все системы имеют срок жизни» [Там же, с. 23]. Что это значит для политологии? Отказ от одной теоретической конструкции («демократического транзита»), которая де-факто выполняла роль ведущей методологии, требует ее замены другой. Но заменить оказалось нечем. Как следует из обстоятельного анализа ведущего российского политолога, члена-корреспондента РАН Оксаны Гаман-Голутвиной (в прошлом — сотрудник кафедры), хотя российская политология с момента ее институционализации в конце 80-х годов достигла впечатляющих успехов, «в настоящее время ощущается исчерпанность инерционного движения, но выйти за ее пределы пока не удастся. Данная фаза коррелируется и с состоянием мировой науки, которая находится в стадии переосмысления существующего потенциала и не предлагает больших идей и теорий, сопоставимых с масштабными парадигмами прошлого» [Гаман-Голутвина, 2019, с.37].

Ситуация действительно тяжелая, но не критическая. В цитируемой статье О.В. Гаман-Голутвина подчеркивает, что кризис в отечественной

(равно как и мировой политологии) — это прежде всего кризис развития с обозначившимся позитивным вектором. В пользу такого вывода свидетельствует публикация и другого авторитетного российского политолога А.Ю. Мельвиля [Мельвиль, 2020, с. 22–43]. На материалах обзора публикации по шести кардинальным проблемам политического развития России (и постсоветского пространства в целом) автор показывает возможность преодоления описательности проводимых политологических исследований путем «модернизации» имеющегося теоретико-методологического багажа, и согласования теоретико-методологических подходов отечественных и зарубежных специалистов. Одно из основных направлений поиска методологической основы политологических исследований, адекватных нынешним реалиям — это «более углубленный фокус на выявление роли исторических, цивилизационных, культурных, социальных, институциональных и пр. традиций как специфических факторов, воздействующих на результаты трансформаций» (там же, с. 29).

Аналогичную позицию в этом вопросе занимает другой известный в России специалист, член-корреспондент АН РАН И.С. Семененко, которая подчеркивает необходимость учитывать социокультурные основания политических изменений, и что цивилизационные ценности способны компенсировать дефицит различных ресурсов, а общим утвердившимся в современной политической науке принципом является методологический плюрализм (Семененко, 2016, с. 29, 33).

Один из признанных классиков современной социологии и политологии Петр Штомпка, развивая положение о методологическом плюрализме современной политологии, утверждает, что методологическая основа политических исследований не может не быть в определенном отношении эклектичной. Но это эклектизм особого рода — дисциплинированный эклектизм, предполагающий сознательный акцентированный выбор определенной теоретической концепции, которая лучше других объясняет определенную сторону политического процесса [подробнее: Политология..., 2016, с. 23].

Логический вывод из сказанного: в современных условиях, для России в особенности, цивилизационный подход, безусловно, один из ключевых теоретико-методологических парадигм анализа мира политики. Не случайно в капитальном труде российских политологов последних лет «Современная политическая наука. Методология» на первом месте анализируемых современных теоретико-методологических парадигм и подходов стоит глава «Цивилизационная парадигма в изучении политики» [Современная..., 2019, с.12–38]. В главе обстоятельно показывается,

почему в современных условиях ключевую роль в определении вектора и форм социально-политического развития играет именно цивилизационный подход — признание ключевой роли социокультурной и ценностной специфики [там же, с. 15, 16]. Естественно, это не означает забвение всех других теоретико-методологических парадигм и подходов. На наш взгляд, речь идет о другом: за прошедшие 20 лет произошла смена теоретико-методологических приоритетов в российской политической науке — со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые, в свою очередь, конечно же, требуют специального анализа. В том числе, в плане влияния на программы и методы обучения, о чем шла речь в представленной выше публикации автора 2001 г.

Необходимость внесения значимых коррективов в образовательный процесс вызвана еще одним фактором, мимо которого нельзя пройти — нынешние студенты — это представители другого поколения, поколения миллениалов (поколение Y), которые существенно отличаются от своих предшественников (не говоря уже о старших поколениях). Известный российский специалист Вадим Радаев в своей монографии «Миллениалы: как меняется российское общество» (Радаев, 2020) утверждает, что выход на арену общественной жизни этого поколения означает, ни много, ни мало, как социальный перелом в современной России. Под социальным переломом В.Радаев понимает формирование в России нового социально-культурного типа личности, с отличающимся мировидением и оптикой воззрения на происходящие в стране и мире события, оставивший за бортом все, что привычно называлось «советский простой человек», вместе с наследием, с которым не смогли расстаться полностью представители предыдущих поколений. Социализация поколения миллениалов проходила в иной социокультурной среде: они не знали, ни что такое «реальный социализм», ни что такое «лихие 90-е». И, что не менее важно, за время их взросления сменилась коммуникационная матрица, стал достоянием большинства Интернет и социальные сети, явления, сравнимые по значимости с изобретением печатного станка. Как в свое время заметил Мангейм, облик поколения формирует не то, что люди живут в одно время, а то, что они переживают одни и те же события.

В 2013 г., характеризуя новые контуры поколения, которые в России еще только обозначались, автор отмечал: «они живут в интернет-среде, общении со сверстниками всего мира. Они восприняли ряд либеральных ценностей — таких, как свобода самовыражения и стремление к саморазвитию и самореализации своей личности, у них нет почтительно-патерналистского отношения к государственной власти ... [у них] уже сформи-

ровался свой стиль и образ жизни..., их объединяет [прежде всего] механизм общения, социализации» [Комаровский..., 2013, с. 283–284].

Дальнейший ход событий в целом подтвердил выводы автора, хотя и потребовалось уточнение некоторых из них: политическое лицо нового поколения сегодня выглядит скорее, как «новые левые» (тоже в кавычках). Зато рассеялись любые сомнения в своеобразии образа жизни нового поколения, его способности выстроить свою, собственную, особую модель мирозидения и воздействия на мир, что дано далеко не всякому новому поколению.

В выше названной работе В.Радаева обстоятельно описаны отличия социального облика нового поколения и его образа жизни: отношения к собственному здоровью, характеру проведения досуга, погруженности в социальные сети, уровню владения иностранными языками, приверженности авторитетам, характеру общения, наконец, ценностям предыдущих поколений, которые не оспариваются, но и не принимаются, поскольку таковыми не считаются.

Что же касается политического облика поколения «У», то его отличия от других поколений не столь очевидны. Как отмечает В.Радаев, новое поколение не бросает вызов существующей политической системе, властной вертикали. Оно менее политизировано и предпочитает не традиционные формы политического участия.

Наши исследования 2019–2020 гг., равно как и исследования других авторов, позволяют внести дополнительную ясность в этот вопрос. В упомянутом выше исследовании 2019 г. «Левада Центр» обращает внимание на низкий уровень вовлечения молодежи в политическую жизнь страны, но одновременно исследователи отмечают, что молодые люди хотят быть более активно представлены в политике. В чем причина явных расхождений? По нашим данным в молодежной среде нет единого мнения на этот счет: примерно половина обследованных лиц считает, что причина — в пассивности самой молодежи, а вторая половина — в том, что существующая система не способна и (или) не заинтересована в политической активности молодежи как самостоятельного актора. А в иной роли она себя не видит [Образ будущего..., 2021, с. 25–97]. И самое главное: нынешняя молодежь и по нашим данным против революционной ломки существующей политической системы, но также, безусловно, и за ее глубокую трансформацию. Властная вертикаль во главе со строгим и заботливым президентом-отцом явно не идеал для современной молодежи. Что взамен? Это не вполне ясно для самой молодежи, но при этом она (большая ее часть) уверена, что решение будет найдено. [Образ будущего... С. 89–91].

В совокупности значимые особенности социального и политического облика современной молодежи формируют и значимые особенности ее отношения к учебе в целом, включенности в учебный процесс и изучение политологии, в частности.

Общепризнанно, что современная молодежь позже, чем предыдущие поколения вступает в активную самостоятельную жизнь (женится, заводит детей, начинает жить отдельно от родителей и т.д.). Как показали наши исследования, она лишь в общих чертах, весьма смутно, представляет свое будущее. А это не может не сказаться на мотивации обучения (нет ясности ответов на вопросы: «Зачем я учусь? Что хотел бы получить по результатам обучения в вузе?»). И это притом, что одновременно современная молодежь чрезвычайно амбициозна, часто ориентирована на нереальные, недостижимые стандарты, желание получить все сразу, здесь и сейчас (специалисты называют это «социальным перфекционизмом»). Это так или иначе проявляется не только в жизненных устремлениях, но и в образовательном процессе непосредственно. Привычный долгий путь поиска истины современную молодежь мало интересует. Намного важнее прикладная сторона получаемых знаний, возможности их непосредственного использования в реальной жизни. На это накладываются особенности «клипового мышления», сформировавшиеся в результате постоянного пребывания в интернет-пространстве [Образ будущего..., с. 56–69; с.140–153; с.73–184]. По сравнению с накоплением знаний приоритет отдается поиску информации, отсюда «прохладное» отношение к большим текстам, отсутствие навыков погружения в сложный текст. Автору (и убежден, не только ему одному) во время семинарских занятий неоднократно приходилось отмечать, что часто студент может более или менее адекватно воспроизвести текст, рекомендованной для чтения статьи (главы, монографии), но далеко не всегда способен выделить главные идеи, содержащиеся в тексте, замысел автора публикации, не говоря уже о том, что сформировать свое отношение к идеям и замыслу рекомендованной публикации. И это опять-таки при том, что для современной молодежи нет признанных, постоянных авторитетов. Преподаватель сам по себе, по своему статусу также совсем не обязательно авторитет для студента (некоторое, относительное исключение — блогеры социальных сетей).

Отчасти выход из положения видится в том, чтобы лекцию (не говоря уже о семинаре, практических занятиях) максимально приблизить к формату лекции-дискуссии, включая в процесс обсуждения проблемы самих студентов и представляя различные точки зрения на обсуждаемую проблему, одновременно отдавая себе отчет в том, что навыки ведения дис-

куссии у многих студентов первого-второго курса не развиты. Удержанию внимания студентов на занятиях, безусловно, способствует использование новых возможностей представления наглядного материала (графиков, статистических данных, сюжетов реальной жизни и т.п., и т.д.).

Как показывает практика, наибольшую активность студенты проявляют при обсуждении проблемы в формате «кейс-стади» или деловой игры, когда движение мысли происходит от частного к общему. На наш взгляд, эти формы в наибольшей степени отвечают заявленной нами в 2001 г. цели обучения: «не натаскивании» студентов на усвоение готовых истин, часто далеких от жизни, а совместный поиск решения реальных жизненных проблем, «развитие творческого потенциала личности», «самостоятельном мышлении, уверенности в собственных силах». Вполне понятно, что для проведения занятий в таком ключе преподаватель должен быть в курсе событий, происходящих в стране, понимать сущность проблемы, которую он собирается обсуждать со студентами, равно как и возможные пути и методы ее решения.

Но даже среди студентов-политологов немало таких, кто фактически не интересуется политикой, не в курсе тех важных событий, которые происходят в стране и мире. Соответственно, у них нет исходного, собственного представления о проблеме, хотя бы на уровне обыденного сознания. Обсуждать конкретные проблемы и вести диалог с такими студентами очень трудно. С другой стороны, по конкретным проблемам, так или иначе связанным с политикой, в студенческой группе нередко наличествуют прямо противоположные мнения, и обсуждение проблемы может свестись к обычной перепалке, когда аргументы заменяются негативно окрашенными эмоциональными высказываниями в адрес оппонента. В этой ситуации от преподавателя требуется большее искусство, чтобы направить дискуссию в нужное русло, не погасив ее. Следующий проблемный момент: конечным результатом занятия «кейс-стади» при обсуждении конкретных проблем и ситуаций должен быть выход на широкие теоретические обобщения, подобно тому, как это имеет место в юриспруденции прецедентного права. Перейти от частного к общему студенту удастся далеко не всегда, при том, что далеко не все проблемы политологии можно «увязать» с конкретикой.

Вывод. В заключении об одной из наиболее трудно решаемой проблеме, отмеченной нами еще 20 лет назад: формирование способности к самообучению и саморазвитию. За прошедшие 20 лет характер и количество изменений социальных и политических процессов настолько возросло, что каких-либо сомнений в том, что полученных в вузе знаний не

хватит на всю оставшуюся жизнь, уже нет ни у кого. В свое время автор обозначил некоторые подходы и решения этой проблемы, предложив разработать для нужд обучения идеальную, устремленную в будущее нормативную и реальную модель госслужащего (Политическая наука..., 2003, с. 8–19). В учебных программах, по мнению автора, должны найти отражение все три модели, поскольку каждая из них носит свою особую функциональную нагрузку, а их «стыковка» в учебном процессе обеспечивается, прежде всего, путем отбора для анализа тех конкретных практик, которые не только уже хорошо зарекомендовали себя, но и отражают (соответствуют) новым, передовым концепциям организации работы госслужбы (там же, с. 10). При этом важно обратить внимание еще на один момент: анализ передовых практик, при всей его значимости, не единственная цель обучения. Не менее важно, чтобы в результате соответствующей работы студент овладевал навыками *general skiles* — навыками, востребованными в любой ситуации. Так, читая курс «Общественное мнение в государственном управлении», автор всегда строит его на анализе того или иного конкретного события, вокруг которого в данный момент в обществе идет широкая дискуссия (пенсионная реформа, выступления некоторой части молодежи в поддержку оппозиции и т.д.). Но свою задачу он видит не только в том, чтобы у студентов сформировалось адекватное представление о состоянии общественного мнения, механизмах и технологиях его формирования и использования в целях управленческой деятельности, не менее важно и другое: чтобы студенты овладели навыками работы с источниками, анализа любой информации, представляли себе критерии и алгоритм деятельности по оценке ее содержания, достоверности и т.д. Чтобы заострить внимание студентов на этом моменте, автор предлагает им сравнить анализ со спортивными занятиями: не важно, каким образом человек накачивает мышечную массу, главное, что это может пригодиться ему в любой ситуации.

1.2. Методологический вызов современной политической науке

1.2.1. К вопросу о несущих конструкциях политической науки

Сравнительная политология утвердилась в качестве самостоятельного и одного из ведущих направлений политической науки ко второму десятилетию XX в., что в 1912 г. было официально зафиксировано созданной в 1903 г. Американской ассоциацией политической науки (APSA) [Wahlke, 1991, с. 58; Ильин, 2019]. Перечень впечатляющих достижений компаративистики за прошедший век обширен — достаточно назвать только некоторые из них: предпринятое А. Тойнби монументальное сравнительное исследование цивилизаций; стэнфордский проект по изучению кризисов и политических изменений; концептуальная карта Европы С. Роккана; сравнительное изучение политических режимов, режимных изменений политических институтов (в том числе систем управления, партий и выборов) и неинституциональных измерений политики — политических культур и политического лидерства. На протяжении нескольких десятилетий сравнительная политология выступала главным источником критических инноваций для всей политической науки [Schmitter 2009, с. 35], что во многом было определено ее способностью сопрягать философско-субстантивные, инструментальные и политико-прикладные измерения [Munk & Snyder, 2007, с. 59].

Однако на рубеже XX и XXI вв. наметилось заметное торможение в развитии субдисциплины и отчасти политической науки в целом, что было зафиксировано, в частности, в ходе проведенного 1994 г. исследования на основании собранных в США десятилетием ранее данных относительно того, в каких отраслях науки достигнуты наиболее впечатляющие прорывы, и в каких отраслях такие прорывы наиболее вероятны. В анализе участвовали представители 32 дисциплин широкого диапазона — от физики до психологии. Последнее, 32-е место в рейтинге достигнутых научных результатов и перспектив дальнейшего продвижения заняла политическая наука [Hargens & Kelly-Wilson, 1994, с.1177–1195].

С момента упомянутого исследования прошла четверть века, однако она не добавила энтузиазма в оценках. Более того, тревожной тенденцией последних лет стала характеристика нынешнего периода эволюции политической науки как кризисного [Таагерера, 2018; Патцельт, 2018, с.72;

Ильин, 2018, с. 40–42]. В качестве наиболее веских оснований этого вердикта рассматривается отсутствие на протяжении нескольких десятилетий значимых новационных идей, крупных эвристически эффективных теорий/парадигм (М. Ильин), способных стать ответом на критические эндогенные и экзогенные политико-интеллектуальные вызовы, и/или искажение ее методического инструментария (Р. Таагепера). Известный немецкий специалист в области эволюционной морфологии, член Исполкома МАПН профессор В.Патцельт добавляет к этому перечню и иные основания для скепсиса: современная политология оказалась замкнутой в рамках западного этноцентризма; погруженной в поток настоящего в ущерб историческому контекстуализму; неспособной к критической саморефлексии и состоящей в непродуктивных отношениях с практической политикой [Патцельт, 2018, с.72].

На наш взгляд, исходной предпосылкой эффективности того или иного научного направления является релевантность его системообразующих параметров актуальной научной картине мира (НКМ), которая представляет собой базовую эпистемологическую матрицу, обуславливающую стиль и способ научного мышления. В современной философии науки сложилось представление об эволюции НКМ [Степин, 2011; Алексеева, 2017], поэтому отнесемся только к тем характеристикам НКМ, которые имеют отношение к рассматриваемому предмету. Существенное несоответствие между субстантивными характеристиками актуальной НКМ и используемыми в политической науке методологическими подходами и инструментарием определяет ее нынешнее состояние, которое автор не рассматривает как критическое, но характеризует как нуждающееся в существенном обновлении.

Считается, что первым понятие «картина мира» (которое изначально трактовалось преимущественно в терминах физики, логики и философии) ввел Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1921). М. Хайдеггер в статье «Время картины мира» (1927 г.) определил картину мира как изображение мира, а мир — как обозначение сущего в целом, к которому относится космос, природа, история и, более того, вся мирооснова [Хайдеггер, 1986, с.102]. По М. Хайдеггеру, картина мира — это изображение «сущего», а мировоззрение — это отношение человека к «сущему». М. Хайдеггер делает принципиально важный вывод: историческая субъектность начинается с момента рефлексии картины мира, и с этого момента начинается деятельность человека как субъекта исторического процесса. Операциональным понятием современной философии науки является концепт научной картины мира (НКМ), который характеризует

лежащие в фундаменте культуры мировоззренческие структуры: «образ мира», «модель мира», «видение мира» [Степин, 2011].

Анализ структуры, функций и этапов эволюции НКМ (в том числе на основании специфических типов рациональности) и ее роли в процессах генерации нового знания позволяет выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую картины мира. Возникшая как переосмысление донаучного отражения реальности исторически первая системная научная картина мира — классическая (механистическая) — сформировалась в XVII–XIX вв. на основании достижений Коперника, Галилея и Ньютона. Ее ключевыми характеристиками были однозначная и универсальная причинно-следственная зависимость, в рамках которой все состояния могли быть просчитаны и предсказаны, а прошлое определяло настоящее так же изначально, как и настоящее определяло будущее. Описание объектов представлено как существующих изолированно, в строго заданной системе координат. Случайность исключена из природы; обратимость времени определяет одинаковость всех состояний механического движения тел; пространство и время абсолютны.

Основной посылкой гносеологии становилось требование элиминации субъективности как возмущающего фактора. Ключевыми гносеологическими ориентирами признавались редукционизм и рационализм. Редукционизм как сведение закономерностей более высоких форм движения к низшим означал тождественность законам простейшей — механической — формы и проистекал из механики Ньютона, в которой Вселенная состоит из взаимодействующих по законам механики «материальных точек»; организм определялся как сложная версия механизма. Рационализм как безграничная вера в возможности разума стал новой религией и обрел статус универсального инструмента познания.

Представление о простой и однородной механической Вселенной как о часовом механизме было перенесено на другие сферы, включая социальное управление. Как заметил О. Тоффлер, механицизм явно довлел над умами творцов американской конституции, разработавших структуру государственной машины, все звенья которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма.

Пришедшая на смену классической НКМ в результате революционных открытий в естествознании рубежа XIX–XX вв., неклассическая (квантово-релятивистская) картина мира (А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор) изменила взгляды на субъект-объектные отношения, привнесла с собой более гибкую схему детерминации, учитывающую роль случайности, представляющей проявлением закономерности. Развитие системы отныне мыслит-

ся направленно, подчиняясь статистическим закономерностям, законам вероятности и больших чисел, ее состояние в каждый момент времени однозначно не детерминировано. Отсутствие жесткой детерминированности на уровне индивидов сочетается с детерминированностью на уровне системы в целом. Сущность неклассической картины мира передает принцип дополнительности: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явлений» [Гейзенберг, 1998, с.205–206], а в противоречащих друг другу явлениях присутствуют одинаково существенные аспекты единого комплекса сведений об объектах [Бор, 1971, с. 393]. Эвристический смысл неклассического типа рациональности состоял в акцентировании вероятностного типа движения, роли случайности, многовариантности развития, возможности сосуществования разнокачественных характеристик [Динамика инноваций, 2011].

Кризис квантово-релятивистской парадигмы на исходе XX в. определил основные контуры постнеклассической картины мира как основанной на инициированных Г. Хакеном идеях синергетики, нацеленной на изучение не саморегулируемых (как в рамках неклассической картины), а самоорганизующихся систем. Параметрами этих систем становятся стихийно-спонтанный структурогенез, нелинейность, неустойчивость, неравновесность, непредсказуемость, темпоральность — повышенная чувствительность к ходу времени; открытость обменивающихся с внешним миром веществом, энергией и информацией систем. В синергетической картине мира доминирует становление, характеризующееся многовариантностью и необратимостью. Синергетика внесла в миропонимание возможность резонансного воздействия на систему, находящуюся в неравновесном состоянии («эффект бабочки»). Ключевым эвристическим принципом становится нелинейность, предполагающая отказ от ориентации на однозначность и унифицированность, признание методологии разветвляющегося поиска и многовариативного знания. Основу постнеклассической картины мира составили достижения школы И. Пригожина, который, родившись в Москве в год русской политической революции, произвел революцию научную. Постнеклассическая картина мира открывает новую онтологию реальности, радикально меняющую и гносеологию: если классическое научное знание основано на картезианском каркасе мира, то постнеклассическое опирается на холистическое мировидение и переосмысление времени. Кроме того, постнеклассическая наука

расширяет поле рефлексии над деятельностью: она учитывает соотносительность получаемых знаний об объекте не только с процессом и субъектом, но и с его ценностно-целевыми структурами [Степин, 2011].

Таким образом, классическая научная картина мира описывает предметную реальность на основании модели научного знания, концептуализированной позже позитивистской философией науки. Неклассическая научная картина мира рассматривает реальность не как совокупность тел в пространстве, а как сеть взаимосвязей. В постнеклассической научной картине мира реальность, трактуемая как сеть взаимосвязей, включает познающего субъекта. Философская рефлексия синергетики открывает возможность сосуществования всех трех научных картин мира, синтезируя и примиряя их на основании принципа дополнительности, обретая статус не только науки, но также мировидения, и выступает инструментом постижения сложного, нелинейного мира, в котором соседствуют или антагонизируют между собой случайность и необходимость, устойчивость и неустойчивость, детерминация и индетерминация, обратимость и необратимость, равновесность и неравновесность, линейность и нелинейность, динамичность и стабильность, свобода и произвол, и иные, взаимно исключаящие характеристики мира [Алиева, 2008].

Принципиальной характеристикой процесса смены НКМ является не-уничтожаемость прежней картины при наступлении следующей, что определено принципом соответствия Н. Бора: новая научная теория включает прежнюю теорию и ее результаты как частный случай. Как показал И. Пригожин, элементы и законы ньютоновской механики сохраняют свое локальное значение и продолжают функционировать в рамках ниш, характеризующихся устойчивостью, порядком, однородностью, равновесием, замкнутостью и линейными соотношениями. Поэтому, несмотря на ограниченность, механистическая парадигма во многих отношениях остается «точкой отсчета» для многих направлений мысли, а механицистическое мировидение продолжает определять мышление во многих направлениях и социально-гуманитарного знания, в том числе политической мысли.

Отмечая существенные сложности вхождения теории международных отношений (ТМО) и смежных областей, включая политическую науку, в неклассическую и постнеклассическую эпоху, Т. Алексеева правомерно констатирует существенное запаздывание этих дисциплин по части интеграции элементов неклассической и постнеклассической картин мира [Алексеева, 2017], что стимулирует попытки имплантации этих элементов в политическую науку и теорию международных отношений. Приме-

ром подобного обновления может служить идея видного конструктивиста А.Вендта рассматривать социальную науку под углом зрения квантовой физики [Wendt, 2015; Алексеева, Минеев, Лошкарёв, Ананьев, 2018], что расширяет возможности для обоснования теоретического плюрализма, поскольку применение квантово-волнового дуализма позволяет, в частности, примирить ряд противоположных философских течений.

1.2.2. Содержательные коллизии политической методологии

Актуальный эвристический вызов политического знания состоит в том, чтобы понять, каким образом эти онтологические изменения тектонического масштаба проецируются в политическую сферу. Очевидно, что политическая сфера в контексте постнеклассических сдвигов во все возрастающей степени характеризуется экспоненциальным по характеру и универсальным по степени распространения нарастанием нелинейной динамики, движением к нестационарной системе социальных связей, существенной де-иерархизацией власти в пользу сетевой матрицы, расширением гибридных форм организации управленческих институтов и т.д. Характеристиками политического мира становится размывание референтов и референций, феномен незавершенной переходности, составляющий трудноуловимую, «ускользающую натуру» текущего времени. В *онтологическом* плане постнеклассическая картина политического мира выражается в том, что «Указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [Бауман, 2004, с. 113–114]. Таким образом, важно понять, как должно меняться политическое знание в контексте изменения научной картины мира и общей методологии науки. Очевидно, что речь не идет об однонаправленной связи причина-следствие, а о сложном взаимовлиянии. Современная постановка вопроса состоит в прояснении этой взаимосвязи и соответствующей концептуализации эпистемологии политического знания. Пока эти тектонические сдвиги (определяющие онтологический вызов) находят недостаточное отражение в *эпистемологическом* отношении — преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются в основном в линейно-детерминистском ключе. Очевидно, гносеологическая некорректность коренится в ограни-

ченности *методологии* компаративистики и политологии в целом, которая призвана обеспечивать релевантность эвристического здания дисциплины актуальным параметрам реальности. В чем истоки сложностей в обновлении политической методологии?

В 1980-х гг. К. Ахен скептически оценивал аутентичность политической методологии, в значительной мере построенной на заимствованиях достижений иных дисциплин:

Еще в середине 1990-х гг. Х.Р.Алкер-мл. предлагал переосмыслить субстанциональные феноменологические и интерпретационные основы политической методологии [Алкер, 1999, с. 773], рассматривая преодоление «антипатии к философским течениям в рамках социальных наук и к теоретическим спорам, начатым еще классиками политических исследований» в качестве средства преодоления отсутствия аутентичности политической методологии, «определение которой как политической статистики слишком узко» [Алкер, 1999, с. 776].

В начале нового века классик современной политической науки Рейн Таагепера (соавтор знаменитого эффективного числа партий) акцентировал необходимость значимого расширения методологии социальных наук. Обсуждая эпистемологический аппарат политологии, Таагепера, в частности, вел речь не просто об использовании математики и вычислений, а об «об уместном их соединении с логикой и другими исследовательскими возможностями» [Таагепера, 2008, с. 2015]. Тональность, в которой Р. Таагепера говорил об этой проблеме в своей лекции по случаю присуждения ему премии им. К. Дойча на XXIV Всемирном конгрессе политической науки в 2016 г., позже опубликованной в формате статьи, уже близка к алармистской: «...политология, как и другие социальные науки, сегодня *менее* научна, чем полвека назад» [Таагепера, 2018].

Это тем более удивительно, что предпосылки прорыва в зарубежной компаративистике налицо — впечатляющий эвристический потенциал, многочисленный корпус исследователей, плотность и качество профессиональной коммуникации, а формирующий повестку перечень системных вызовов уплотняется — достаточно упомянуть проблему искусственного интеллекта. Чем объяснить затяжную паузу?

На наш взгляд, о существовании оценок можно спорить, скорее, речь идет об инерционной фазе развития научного знания — «нормальной науке» в терминологии Т. Куна, что, впрочем, не снимает вопроса об эвристической уязвимости политической компаративистики и политологии в целом. Очевидно, что ответ на него не может быть односложным — речь идет о многофакторном процессе, однако в данной связи принципиально

важен вопрос о качестве методологии, ибо именно она определяет эвристическую эффективность. Можно предположить три неисчерпывающих обстоятельства: 1) вытеснение методологического дискурса на глубокую периферию компаративистики и дисциплины в целом; 2) неравновесность в использовании различных категорий методов (гипертрофия в применении статистических методов как исключительных инструментов в ущерб всей палитре количественных инструментов, и еще в большей мере — в ущерб методам качественным); 3) в сфере собственно методологии — слабость сопряжения актуального и исторического опыта: американская сциентистская традиция разорвана с традициями английского историзма и интерпретативизма, и шире — с традициями континентальной европейской философии; слабость методологического обоснования кросс-темпорального компаративного анализа, который порой выглядит как «уходящая натура».

Затронем две первых из названных проблем, отложив обсуждение методологических оснований сопряжения исторического и актуального контекстуализма как требующее отдельного обстоятельного разговора. Относительно первой проблемы обращает на себя внимание смещение фокуса профессиональных дискуссий с вопросов методологии в сферу методики — изучение профильной литературы, заявленной как методологическая, обнаруживает удивительную особенность: под рубрикой методологии обсуждаются вопросы методики — процедуры, техники и методы, и это совсем не безобидная подмена. Три четверти раздела «Методология политической науки» знакового издания «Политическая наука. Новые направления» посвящены обсуждению методических вопросов; изрядный объем оксфордского фундаментального труда по политической методологии *The Oxford Handbook of Political Methodology* [Box-Steffensmeier, Brady & Collier 2008] представляет собой обсуждение методов. Раздел по политической методологии в другом авторитетном издании *The Oxford Handbook of Political Science*, принадлежащем перу известных авторов [Brady, Collier and Box-Steffensmeier 2011], также в значительной мере посвящен рассмотрению методов политической науки и так далее, точнее далее — везде.... Характерно, что подобный ракурс обсуждения сформировался не вчера, а сложился на протяжении предшествовавших десятилетий. Л.Бартелз и Г. Брейди в начале 1990-х гг., признавая, что политическая методология заимствует достижения других дисциплин, перечисляли эти заимствования: технические приемы для применения событийного счета, пространственные модели и модели ложных определений, параметры совокупных данных, измерения пропавших данных, анализ данных

динамического ряда [Bartels, Brady, 1993, с.121]. Несомненно, выбор методов определяется методологической оптикой, однако это никак не заменяет обсуждения методологической повестки — «песок — плохая замена овсу...». Налицо подмена даже не понятий — системных категорий, а значит, речь идет о субстантивном неблагополучии в организации профессионального дискурса.

Казалось бы, ключевые эвристические инструменты в профессиональной среде хорошо известны, как минимум, с аспирантских времен, однако путаница, обнаруживаемая порой даже в авторитетных академических изданиях (как в отечественных, так и зарубежных), побуждает вернуться к их уточнению. Позволю себе напомнить, что хрестоматийно известно: различие теории, методологии (не тождественна философии политики!), методики и методов исследования, в том числе политического — отнюдь не достояние прошлого. *Теории* — эвристический инструмент, представляющий собой совокупность логически увязанных между собой утверждений/суждений, закономерно выведенных из исходных предположений/допущений и призванный дать объяснение/характеристику изучаемых явлений/процессов. Наиболее общие (генеральные, большие теории, *grand theories*) представляют собой метатеории, теории теорий — парадигмальные /межпарадигмальные конструкции, выступающие масштабными средствами интерпретации крупных областей/процессов и связующие онтологические, методологические и эпистемологические измерения. В данной связи — несмотря на ставшую традицией критику подхода Т.Куна — существенное значение имеет понятие парадигмы в качестве модели постановки проблем и их решений. Предложенный Р. Мертоном термин *теории среднего уровня (middle range theory)* определяет конструкции, находящиеся в промежуточном пространстве между частными рабочими гипотезами и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, способную объяснить все наблюдаемые типы социальных изменений. Наконец, *частные теории* как рабочий инструмент характеризуют конкретные взаимосвязанные параметры объектов/процессов и операционализируют объяснительные возможности теорий среднего уровня. *Методология* никак не может быть сведена к методам — это интерпретативный контекст, определяющий систему координат, исходные установки, принципы и способ рассмотрения предмета. Разница между *теорией предмета* и *методологией его изучения* состоит в том, что теория объясняет структуру/действие явления/процесса, а методология задает модус/ракурс/способ его рассмотрения посредством помещения в контексте более общих парадигмальных конструк-

ций, близких по статусу метатеориям. Применительно к сфере политики разница между *политической методологией* и *политической философией* определяется тем, что политическая методология задает принципы и способ рассмотрения политического мира, тогда как философия фокусируется на рассмотрении *отношений человека и политического мира*. Методы представляют собой совокупность разнообразных эвристических средств, стандартов, правил, инструментов, позволяющих выявлять причинно-следственные связи, закономерности и тенденции развития мира политики [Гаман-Голутвина, 2015, с. 25]. *Методика* — совокупность приемов, техник, процедур применения методов.

Подчеркну: разведение *политической методологией* и *политической философией* проведено в аналитических целях, в реальном познавательном процессе политическая философия выполняет методологическую функцию. Строго говоря, любая методология — это определенное понимание политики как основанной на определенной философской традиции, которая может быть артикулирована прямо или неявно. Это означает фактическое единство методологии процессов и онтологии, и за различными методологиями — будь то бихевиоризмом, структурно-функциональный анализ, сетевой подход или картирование — стоят определенные трактовки политики.

Ввиду общепризнанного лидерства американской компаративистики не только как старейшей, но также как наиболее профессионально развитой национальной школы, ее особенности определили понимание политической методологии в мировой науке. В свою очередь, в США характер дискурса о политической методологии во многом определен относительной молодостью этой субдисциплины, которая сформировалась только в середине 1970-х гг., когда был основан журнал «Политическая методология», позже сменивший название на «Политический анализ» [Beck, 2000]. К. Ахен впоследствии вспоминал: когда политическая методология начиналась в середине 1970-х годов, она чаще была призванием, чем профессией. «Ни один политологический журнал не приветствовал методологические статьи, и многие журналы отклоняли их сразу же. Никаких форм организации политических методологов, которые бы агрегировали их потребности, не существовало» [Achen, 1985]. В начале 1990-х гг., характеризуя эволюцию политической методологии, крупный специалист в области количественного анализа Г. Кинг привел целый ряд названий, которые определяли то, что «сейчас мы называем политической методологией» [King, 1991, с.1]: «политическая статистика» (1926), «политическая арифметика» (1971), «полиметрия» (1972), «количественная поли-

тическая наука» (1973), «политиметрия» (1975), «политометрия» (1976) и т.д. В этой работе Г.Кинг однозначно отождествляет политическую методологию с количественным анализом и выделяет 5 этапов эволюции этого направления в период 1906–1988 гг. на основании возрастания масштабов и сложности используемых количественных методов, которые, как указывает Кинг, преимущественно заимствовались из других областей (причем, по его признанию, без должной модификации или адаптации), прежде всего эконометрии и психометрии. Характерно, что уже в 1980–90-х гг. данное отождествление подвергалось критике, и К. Ахен настоятельно обращал внимание на то, что импортированные статистические техники не должны доминировать в политической методологии, и призывал к развитию теории [King, 1991, с. 9].

В начале нового века субдисциплина все еще трактовалась как «молодая» [Achen, 2002, с. 423], но последовавший период был отмечен активным развитием политической методологии, и в настоящее время две секции по политической методологии принадлежат к крупнейшим в APSA. Причем, как на этапе становления направления, так и сегодня характер данной субдисциплины трактуется однозначно — это знание о методах: «По определению политическая методология характеризует способы измерения и методы получения ответов на вопросы политической науки...это характеристика методов и способов подбора методов для решения вопросов политической науки» [Roberts, 2018, с. 597].

В понимании политической методологии в США существенную роль сыграл генезис политической науки, эволюция которой дает основание выделить четыре мотива построения идентичности новой отрасли науки в США. Исторически в начале XX в. APSA возникла посредством выделения инициативной группы из Американской исторической ассоциации (АНА), и стремление обрести отдельную от истории идентичность сформировало то, как политологи определили свой предмет посредством дистанцирования от истории, что было сделано двумя путями. Во-первых, политологи оставили прошлое историкам и *сосредоточились на современности*; во-вторых, они ограничили фокус рассмотрения политики только *формально-юридическими измерениями*, предоставив изучение остальных социальных факторов историкам. Третьим мотивом стало стремление новой науки Нового света к собственной идентичности, отдельной от европейской традиции социальной науки, что обусловило *дистанцирование от традиций европейского теоретизирования* в области философии, истории, социологии. Наконец, в отличие от американских социологов, развивавшихся в логике европейской теоретической тради-

ции (что сыграло свою роль в мощном и результативном развитии социологии в США в XX в.), политологи США изначально стремились к специализации, что определило *эмпирический профиль* новой науки. Этот алгоритм имел серьезные последствия: дисциплина формировалась вне адекватного исторического, теоретико-методологического и философско-социологического контекста и была, по существу, лишена теории, будь то метатеория или теории среднего уровня [об истории отрасли см.: Munck & Snyder, 2007].

В дальнейшем развитие политической методологии в США испытало сильное влияние формализованных дисциплин (особенно прикладной эконометрики), и ее арсенал складывался, в том числе, посредством инкорпорации подходов и методов других, преимущественно, формализованных дисциплин. В 1980-х гг. департаменты политологии даже принимали в штат эконометристов и статистиков. Политическая методология и сегодня в немалой мере опирается на эконометрику и современную статистику, хотя различия между методологией и статистикой очевидны: статистика оперирует данными, методология основана на теории [Beck 2000].

Было бы несправедливо сводить все существующие трактовки политической методологии только к узкому определению. В представленном Г. Брэйди, Д. Кольером и Ж. Бокс-Стеффенсмейер обзоре развития политической методологии [[Brady, Collier and Box-Steffensmeier, 2011] она несколько шире, но все равно с акцентом на методах.

Можно констатировать, что произошедшее не только в рамках американской политической методологии, но и за ее пределами, смещение, а порой и смещение методологической оптики предстает как неизбежное следствие отмеченного еще К.Ахеном в середине 1980-х гг. отторжения субстантивной содержательной повестки, отчетливого неприятия философско-сущностных измерений политики и ее философско-методологической рефлексии как аксиологически избыточных, диссонирующих с преобладающим типом рациональности, который порой смещается в плоскость *de facto* позитивистской тональности. Содержательно-динамические, антропологические, ценностные и нормативные в целом компоненты политической методологии — несмотря на обширнейшую традицию обсуждения политико-культурных измерений политики на протяжении более полувека — как-то потерялись в методологическом дискурсе: оставшись элементами предметного поля, они лишены методологической роли. Посвященная критике позитивистской методологии в различных ее версиях, включая и весьма изысканные, литература последних десятилетий измеряется даже не килограммами, однако будучи в свое

время изгнанным с официальной кафедры, позитивистский методологизм частично вернулся «через окно» — в образе новейших тенденций, которые при ближайшем рассмотрении оказываются хорошо знакомым отрицанием «метафизики». Ответвлением новейшей версии неузнанного позитивизма в контексте тренда коммерциализации политического времени выглядит дальнейшее смещение дискурса в плоскость даже не утилитаризма, а в сферу упрощенной версии маркетизации. Экспансия эконометрии, к которой призывала целая когорта политологов, апеллируя к строгой научности этой парадигмы, и экономический империализм в целом имел множественные и разнообразные следствия, одним из которых стала маркетизация политико-методологического дискурса. Одно из объяснений трансформации методологического дискурса в методический может состоять в том, что политологи в условиях кризиса политической науки совершенствовали метод и его теорию.

1.2.3. Понимание методологии в российской традиции

Понимание методологии в отечественной политико-философской и науковедческой традиции принципиально иное: она трактуется в эпистемологически-динамическом ключе — как модус/угол зрения/способ рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий мета-контекст, задающий фокус изучения. Более того, сложившаяся в стране 1960–80-е гг. школа философии, методологии, гносеологии науки и науковедения, представленная плеядой имен, принадлежала к числу наиболее развитых направлений отечественной философии и, несомненно, соответствовала мировому уровню. Состояние современного отечественного политико-методологического дискурса удручающе, что, по-видимому, стало результатом наложения двух факторов. Во-первых, становление отечественной политической науки после ее официального признания в конце 1980-х гг. пришлось на период упадка социальной роли и авторитета фундаментальной науки в обществе и перекоса спроса практической политики преимущественно на прикладные отрасли, что, в свою очередь, повлекло за собой диспропорции в структуре политического знания в пользу инструментальных направлений. Во-вторых, в период становления отечественной политологии были восприняты не столько сильные стороны американской школы политической методоло-

гии (эффективный количественный анализ), сколько индифферентность к философско-методологической рефлексии. В соответствии с отечественной традицией приверженности крайностям этот тренд на отечественной почве обрел гипертрофированную форму, и интерес к вопросам методологии в России упал ниже того уровня, на котором он находится даже в американской политической науке, которая, как было отмечено, мало склонна к подлинно методологической рефлексии. В итоге *методология* изучения политики занимает маргинальное место в профессиональной дискуссии, публикации по теме малочисленны и фрагментарны, а предметное поле поддерживается усилиями немногочисленных энтузиастов. Подчеркну, что речь идет именно о политической *методологии* (принципы, способ изучения), а не о политической *философии* (отношения человека и политического мира). И если *философия политики* в России, хотя и заметно уступает прикладным направлениям, все же находит авторов, то *политическая методология* остается падчерицей политической науки. Не случайно первое систематическое издание по методологии политической науки было опубликовано только в текущем году. Нахожу необходимым подчеркнуть: слабость методологических измерений состоит в том, что нет адекватной рефлексии того, какой должна быть трансформация компаративистики и ПН в целом, чтобы они были релевантны субстантивным и динамическим характеристикам постнеклассической политики. В частности, это находит проявление в разделенной оптике анализа статичных и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов. Методологический вызов состоит в необходимости соединения субстантивных и динамических измерений политики в оптике, адекватной постнеклассической политике.

Именно в эрозии методологических оснований компаративистики видится ее (и политической науки в целом) существенная проблема. Удивительно, но сегодня оказались воспроизведены многие из тех уязвимостей, осознание которых в свое время обусловило критику и последовавшую в 1970-х гг. трансформацию методологической конфигурации политической компаративистики (и дисциплины в целом) в пользу отказа от методологии бихевиорализма и структурного функционализма. Как известно, существенная критика в адрес этих двух парадигм была связана с тем, что компаративистика предстала как опирающаяся преимущественно на позитивистскую методологию и потому лишенная аксиологической составляющей, слабо чувствительная к неинституциональным измерениям политики; склонная к не всегда оправданной формализации и сопутствующему ей преобладанию количественных методов

анализа. В результате, будучи обременен отмеченными эвристическими уязвимостями, данный тип методологии ограничивал возможности создания картины политического мира, обладающей адекватным реальному многообразию.

1.2.4. Кризис развития политической науки

Методологический плюрализм компаративистики начала XXI в. порой расценивается в литературе как признак теоретического кризиса отрасли, хотя это суждение не представляется бесспорным. Тем более, что к исходу 2010-х гг. набрала силу тенденция синтеза противостоящих методологий и ослабления традиционных оппозиций политической методологии (анализа и описания, объяснения и понимания, позитивизма и герменевтики) посредством обоснования новых методологических подходов, претендовавших на разрешение проблем противостояния разнонаправленных исследовательских ориентаций. Проблема состоит в том, что их синтез достигается преимущественно на пути аддитивного подхода, который понижает уровень обоснования их эвристической значимости. В литературе обоснованно отмечается, что поиск холистской основы может позволить разрешить проблемы методологического синтеза и усилить его роль в трансформационных процессах в современной компаративистике, повысить ее эвристические возможности [Сморгунов, 2014, с. 302].

Актуальный методологический статус субдисциплины выражается концепцией мультипарадигмальности, однако вопрос о непротиворечивых основаниях синтеза методологий компаративистики остается открытым. В этом вопросе важно не просто избежать эклектики, но найти ключи к интерпретации таких измерений политического процесса, как неустойчивость, переходность, разнокачественность, что предполагает преодоление не только чрезмерно жестких эвристических схем, но также выход за дисциплинарные границы. Кажется, ответ лежит на поверхности, и этим ответом является междисциплинарность, однако вряд ли этот простой «рецепт» может быть адекватным ответом на сложный вызов. Междисциплинарные подходы востребованы тогда и там, где источники и факторы возникновения, причины и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного генеза. Применительно к политической науке дополнительная актуальность междисциплинарных исследований обусловлена сложносоставностью предме-

та, которая обозначена знаменитой метафорой Г. Алмонда о «столиках в кафе», призванной отразить наличие множества «школ и сект» в политической науке [Almond, 1990]. Существенная методологическая проблема состоит в формате сопряжения этих условных «столиков»: станет ли внутренний дизайн этого многообразия вавилонской башней, или «цветущей сложностью», соответствующей многослойности своего объекта — бесконечно сложного мира относительных истин? [Торкунов, 2018]. Сложность политологии в этом качестве состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного свойства, большинство из которых имеет относительно короткий период действия [Алмонд, 1999].

Однако следует в полной мере признать, что далеко не всякое пересечение межпредметного знания может стать подлинно междисциплинарным исследованием — велика вероятность мультидисциплинарного шведского стола (Р.Таагепера). Более эффективным представляется иная модель интеграции. Традиционно междисциплинарность мыслится по предметному принципу, однако методологическая уязвимость данного подхода к интеграции состоит в том, что он имеет несистемный и неустойчивый *ad hoc* характер, ограничивающий его эвристические возможности. Это актуализирует использование предложенной Центром перспективных методологий ИНИОН РАН идеи трансдисциплинарной стратегии, в рамках которой меняются связи и соотношения между предметом и методом. Трансдисциплинарное взаимодействие представляет собой трансферт знаний методологического типа, которые не затрагивают теоретическое содержание дисциплин, не вносят изменений и не закрепляются в теории их предметной области. Данный подход состоит в интеграции через определенное отвлечение или дистанцирование от поля предметного дробления дисциплин и выход в более абстрактное «надпредметное» или «наддисциплинарное» пространство науки, что возможно в рамках рефлексивного подхода, получившего в современных исследованиях науки статус метатеоретического. Он образует слой знания, располагающегося как бы «поверх» поля наук, но тесно с ним связанного посредством методологической рефлексии многообразных предметных знаний. С другой стороны, он восходит к всеобщим основам рефлексии как таковой, сближаясь с философией, но ориентируется на вычленение в ней особого типа научной рефлексии, связанной с общими условиями формирования и развития научных знаний. Коллеги выдвигают гипотезу о существовании именно в этом слое тех комплексов методологических и метатеоретических знаний, которые они определяют как *органоны-интеграторы*, способствующие методологически корректной

интеграции различных наук. *Органоны-интеграторы* могут существовать вне приложения к предметным областям конкретных дисциплин, но при этом способны действовать и в определенных дисциплинарных границах, насыщаясь необходимой предметностью [Ильин, 2014, с.6–11; Ильин, Фомин, 2017, с.23; Авдонин, 2015, с.266, 269]. В этом качестве обсуждаются эвристические возможности математики, семиотики и морфологии. Вскользь упоминается возможности компаративистики в этом качестве, однако ее эвристический потенциал как инструмента трансдисциплинарной интеграции субдисциплин политической науки и смежных направлений пока недооценен. Между тем именно политическая компаративистика может эффективно выполнять функции трансдисциплинарной интеграции политического знания.

Отмеченная выше нерелевантность существующих эпистемологических парадигм, ориентированных на устойчивость, системность, упорядоченность, стимулирует также поиск адекватных новой реальности эпистемологических конфигураций, обладающих возможностями отражения таких свойств современной политики, как экстраординарность, случайность, неустойчивость. В последние годы появляются основанные на новой методологии работы, в которых предложен принципиально новый взгляд на онтологию (и, соответственно, эпистемологию) посредством объединения природы, техники и человека в единые ассамбляжи («коллективы»); иначе ставятся вопросы причинности, субъектности, уникальности, случайности. Это работы Дж. Беннет, К. Мейасу, Б. Латура [Latour, 2018; Meillasoux, 2015; Bennett, 2010]. В контексте обсуждения новых теоретико-методологических горизонтов уместна постановка вопроса об эвристических возможностях синтеза общей космологии с социальной космологией и с когнитивистикой, подкрепленной нейронаукой (М. Ильин). Востребованы теоретические конструкты, обладающие потенциалом многомерного и нелинейного отражения характерных для постнеклассики неустойчивых состояний политического мира как *сада расходящихся тропок*.

Таким образом, рассмотрение методологического статуса компаративистики показывает, что ее проблемой является существенное запаздывание в интеграции постнеклассической картины мира в свой методологический арсенал, что в немалой степени связано с преимущественно сциентистским характером современной методологической рефлексии компаративистики и профессионального дискурса о ней [Политическое управление, 1999; Политический класс в современном обществе, 2012]. С одной стороны, это оправданно, так как ньютоновская картина мира

остается верной локально, однако ориентация на нее как на гносеологический инвариант, очевидно, методологически уязвима. Данное противоречие имеет объективный характер — оно обусловлено вероятностной природой политического знания, побуждающей искать основания повышения его обоснованности посредством обращения к характеризующемуся более высокой внутренней валидностью естественнонаучному знанию. Однако принципиальной ошибкой является обращением не к постнеклассическим теориям, а к теориям классической эпохи. Таким образом, имеем дело с очевидным онтологическим редукционизмом, который предстает результатом редукционизма эпистемологического — сведения методологии к методу, что побуждает обратиться к рассмотрению методного измерения сравнительной политологии.

Оценка инструментального измерения современной компаративистики более позитивна, нежели ее методологии — в этой сфере импульс бихевиоральной революции 1950–60-х гг. был благотворным, и прошедшие десятилетия стали периодом интенсивного совершенствования методного оснащения субдисциплины и политической науки в целом (при этом первое постбихевиоральное поколение американских политологов получали подготовку в рамках других дисциплин — сначала по профилю социологии, позже — экономики [Beck 2000]). Дискуссии о методах в политологии хронологически и концептуально совпали со Вторыми Великими дебатами в ТМО и, несомненно, принесли свои результаты — методический арсенал компаративистики в настоящее время обширен и разнообразен, хотя картину трудно назвать безоблачной. Видный американский специалист по вопросам методного оснащения компаративистики Дж. Герринг как-то заметил, что важнейшие размежевания в современном социальном знании проходят не по идеологическим, а по методическим границам, и это размежевание настолько глубоко, что обозначающие различные методические направления и школы определения иногда используются в полемике как бранные [Gerring, 2012, XIX–XX], а порой кажется, что они воюют [King, 1991, с. 3].

Методная экспансия бихевиорализма и близких ему направлений была настолько активной, что в 1994 г. известный французский исследователь М. Доган констатировал тенденцию «сверхквантификации» [Dogan, 1994, с. 37]: достигнутый в методной технике прогресс не сопровождался должным продвижением в деле корректного сбора данных и преодолением разрыва между данными и методом. Доган был не одинок в осознании этой проблемы — годом ранее Д. Кольер [Collier, 1993; см. также Collier & Munck, 2017] представил аргументы в пользу

качественных методов, а в год, когда Доган вынес свой вердикт, была предпринята первая значимая попытка синтеза количественных и качественных методов [King, Keohane and Verba, 1994; анализ дискуссии см.: Гаман-Голутвина, 2015, с.81–86; Локшин, 2014]. Авторы исходили из того, что количественные и качественные методы в главном фундаментально схожи: они пролагают путь к строгому научному знанию, и поэтому исследовательский дизайн, применяемый в границах этих подходов, на глубинном уровне может быть одинаковым. Они последовательно стремились применить к двум парадигмальным методикам один и тот же алгоритм и продемонстрировать эффективность применения этой единой логики. Однако ограниченная эвристическая ценность этой попытки была обусловлена спорностью исходной посылки, состоявшей в том, что универсальная логика и проистекающий из нее исследовательский дизайн были заимствованы преимущественно из математической статистики и эконометрики.

Хотя в начале второго десятилетия XX в. казалось, что дебаты Q/Q в основном окончены [Brady, Collier & Voth-Steffensmeier, 2011, с. 1040], они, тем не менее, идут. В одном из последних по времени обзоров продолжающегося *Methodenstreit* Герринг констатирует, что качественный подход нередко рассматривается как противоречащий современным стандартам анализа и недостоверный, поскольку способен предоставлять несколько правдоподобных точек зрения на предмет, ни одна из которых не может быть окончательно доказана или опровергнута. Это, действительно, недостаток, если речь идет о проверке гипотез, однако это достоинство, если задача состоит в выдвижении новых гипотез. Ключевое достоинство качественных методов состоит именно в их способности генерировать новые концепции и новые рамки анализа [Gerring, 2017].

В ходе длительных дебатов сторонников двух групп методов сложилась третья позиция — комбинированное применение качественных и количественных методов в рамках единой стратегии. Для ее обозначения используются различные понятия: триангуляция, «сочетаемые» исследования, мультиметодные исследования, комбинированные, интегративные/объединенные, синтезированные методы. К настоящему времени в качестве общепринятого закрепился термин *смешанные методы* (*mixed methods*). Смешанные методы сочетают разнообразные качественные инструменты со статистическими подходами там, где это возможно. Особый интерес представляет *nested analysis* («совмещенный» или «гнездовой» анализ) [Lieberman, 2005]. Сторонники комбинированных методов ратуют за использование «аналитического нарратива» [Laitin, 2002;

Фидря, 2019; Фидря и Смирнов, 2016] и/или «трипартистских» методов, включающих статистику, формализацию, нарратив.

Вместе с тем, несмотря на значительные достоинства смешанных методов, не стоит рассматривать их как панацею — несмотря на то, что мультиметодные исследования становятся все более распространенными, существуют серьезные вопросы о его эффективности [Gerring, 2017], их использование также не свободно от ограничений (слабая совместимость теоретико-методологических и философских оснований, лежащих в основе различных используемых методов; сложность построения общей для количественных и качественных методов концептуальной рамки в качестве непротиворечивого исследования; отличающийся формат сбора и обработки данных различными методами, следствием чего может быть несоразмерный и несопоставимый формат различных блоков изучаемого объекта).

Поэтому по мере разработки смешанных методов проблема методической корректности компаративистики не исчезла, но обрела новое измерение в связи с возникшим искажением в применении количественных методов, о чем в полный голос заявил на XXIV Всемирном конгрессе политической науки Р. Таагерера. Свой диагноз «Политология от своей полной *не-научности*» переходит все больше к *«псевдонаучности»* Таагерера делает в том числе на основании анализа методического инструментария дисциплины: «Это произошло, поскольку бессмысленная обработка статистических данных вытеснила логическое моделирование» [Taagerera, 2018].

Тревога Таагереры, физика по первому образованию, убежденного сторонника и разработчика количественных методов, связана не с проблемой Q/Q — сегодня очевидно, что они равно востребованы и взаимодополняемы — его озабоченность касается того неверного пути, по которому происходит эволюция количественных подходов, а именно: палитра количественных методов в значительной мере сведена к статистическим методам, чаще всего — к методам линейной регрессии. Драматизм ситуации, по мнению Таагереры, состоит в том, что данный методический дискурс обрел характер обязательности, в том числе порой практикуемой профильными профессиональными журналами: авторов, осуществляющих «логически обоснованное *количественное* исследование, порой принуждают к добавлению бессмысленных линейных моделей [Taagerera, 2018]. В итоге вместо того, чтобы использовать статистику как инструмент, ее превращают в подобие религиозной литургии: «Слишком много рецензентов научных журналов выступают ревност-

ными служителями такой религии. Они навязывают исполнение ее ритуалов даже тем исследователям, которые далеки от нее. Это одна из причин того, почему политология от своей полной «не-научности» переходит к «псевдонаучности» ... Статистические методы — это полезные инструменты. Они как долото. Но горе тому обществу, где каждый принуждается использовать долото и для выпиливания, и для копания, или где количественные исследования упрощаются лишь до статистики [Таагепера, 2018].

В своей критике неоправданного применения квантификации (в связи с чем он призывает к большему использованию качественных методов в политологии) Таагепера не одинок — целый ряд исследователей обращает внимание на издержки неверного применения и/или неверной интерпретации применения статистических методов [в частности, Gigerenzer, 2004; Kittel, 2006; Longford, 2005; Schrodt, 2014; Valentine, 2015 и др.] Этот вопрос ранее ставился представителями возникшего в политическом сообществе США в начале нового века «движения перестройки» [Monroe, 2005; Schram and Caterino, 2006], которое подвергло критике мейнстрим американской политической науки. Хотя повестка движения была пестрой, ее ключевым элементом было оспаривание мейнстрима в том, что он слишком полагается на использование количественных методов, моделирование на основе теории рационального выбора и теории игр, что способно снизить социальный эффект дисциплины. Сторонники движения предлагали расширение палитры методов, обладающих потенциалом критической рефлексии реальной политики и проводили аналогию между описанной в компаративистике ошибкой (искать ключи не там, где они потеряны, а там, где светлее): дисциплина порой склонна двигаться не в том направлении, которое наиболее актуально для общества, а в том, которое в наибольшей степени обеспечено данными [Stoker, Peters and Pierre, 2015, с. 10]. Видные компаративисты Б.Г. Петерс, Г. Стокер и Дж. Пьер [Stoker, Peters and Pierre, 2015] также ставят вопрос о том, насколько адекватна современной политической реальности практикуемая совокупность методов и подходов. Аналогична позиция В. Патцельта, который констатирует неоправданное использование количественных методов за пределами их реальной востребованности, что получает распространение в связи с позицией ряда профильных журналов и аттестационных комиссий. Обратной стороной этого тренда становится недооценка качественных методов (особенно уместных в вопросах выработки новых теорий) и сопутствующее падение уровня владения данной категорией методов. [Патцельт, 2018, с. 73–75].

Считаю необходимым подчеркнуть, что упомянутые специалисты ведут речь не об оппозиции использованию количественных методов в компаративистике (они абсолютно необходимы, и этот факт не подвергается сомнению!), а о нецелесообразности сведения всей палитры количественных методов только к одной их категории (линейной статистической регрессии), поскольку данный подход чреват сведением множественности социальных каузальных взаимосвязей к их упрощенным версиям.

В отечественной компаративистике проблема избыточного использования количественных методов не актуальна — напротив, остро стоит проблема слабого владения сложными методами анализа, и ликвидация этой лакуны представляется насущной задачей.

Критический взгляд специалистов на состояние методического инструментария компаративистики позволит определить истоки сложившейся ситуации. Они видятся отнюдь не в профессиональном несовершенстве, а обусловлены объективным противоречием. Вероятностная природа политического знания побуждает искать более надежные инструменты доказательности, заимствуемые из сферы формальных наук и сопровождаемые системной методной экспансией. Эта логика имеет резоны: аргументация в формальном знании обладает существенными преимуществами в плане большей точности, глубины и фундаментальности. Соответственно, более совершенными и развитыми представляются также познавательные средства и методы, позволяющие достигать этих результатов. Однако эвристическая неэффективность сведения высших форм и более сложных явлений к их упрощенным версиям очевидна, и построение сложных аналитических схем на основании простого суммирования информации о более простых формах методологически несостоятельно ввиду более сложного характера социальных интеракций. А. Эйнштейн показал, что ни одну значимую проблему нельзя разрешить на том уровне, на котором она возникла — требуется обращение к более высокому уровню. Неудачи попыток разрешения отмеченного противоречия в рамках собственно методической сферы возвращают нас к методологическим поискам — именно формулировка методологических оснований анализа, в большей мере релевантных объекту, способна дать ключ к разрешению данного противоречия, что означает серьезный вызов для политической науки и в целом, и политической компаративистики, в частности. Предварительным условием выбора/разработки метода выступает концептуализация, осуществляемая в рамках методологического позиционирования стратегии.

Вывод. Рассмотрение актуального методологического и методического статуса мировой и отечественной компаративистики показывает,

что существующие проблемы во многом обусловлены упрощенным пониманием роли теории и методологии, что значительно обедняет и использование методных техник. Представляется, что мы имеем дело с системным редукционизмом. Понимание методологии сводится к ее пониманию как метода, а на следующем шаге разнообразная палитра методов порой сужается до одной категории внутри количественных методов. Этот двойной редукционизм определяет ограниченность современной компаративистики и политологии в целом в адекватном отражении постнеклассической политики. Еще один весьма серьезный теоретико-методологический вызов — необходимость преодоления разделенной оптики анализа статичных и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов и нахождения оснований синтеза субстантивных и динамических измерений политики в адекватной постнеклассической политике оптике.

Однако автор не склонен расценивать сложившуюся ситуацию как кризисную, точнее, если это кризис, то, скорее, — это кризис развития. Хотя более точной представляется оценка текущего этапа как «нормальной науки» в терминах Т.Куна — как эволюционной фазы аккумуляции, осмысления/переосмысления созданного ранее эвристического потенциала. Общеизвестно представление о цикличности развития науки как включающей две взаимосменяющихся и при этом несоразмерных по продолжительности фазы: длительные периоды накопления (осмысления, эмпирической проверки и т.п.) данных результируются в кардинальных прорывах, после которых требуется новый длительный период для освоения и развития полученных в результате прорыва результатов, тщательная работа в рамках которого исподволь готовит новую революцию («Сова Минервы вылетает в полночь», Г.-В.-Ф.Гегель). Очевидно, что значительная часть прошедшего после официального конституирования политической науки в России в конце 1980-х гг. тридцатилетия стало в России естественной «парадигмой освоения» (А. Богатуров), позволившей форсированным темпом создать инфраструктуру (и субъекта) дисциплины. Нельзя не признать, что в целом этот этап был успешным, если учесть в каких исключительно сложных условиях (во многих отношениях) он проходил [Гаман-Голутвина, 2004]. В настоящее время ощущается исчерпанность инерционного движения, но выйти за ее пределы пока не удастся. Данная фаза коррелирует с состоянием и мировой науки, которая находится в стадии переосмысления существующего потенциала, и в настоящее время предлагает больше идей и теорий, сопоставимых с масштабными парадигмами прошлого. Однако вектор ближайшего развития — скорее, позитивный, поскольку по многим направлениям

ведется кропотливая «лабораторная» работа — индуктивным и эмпирическим путем идет накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций. Это состояние можно выразить мыслью Гегеля «Крот истории роет медленно, но роет хорошо», поэтому подлинно значимые события — «это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы» (Ф. Ницше).

В пользу суждений о продуктивности «негромкой», но результативной лабораторной работы свидетельствуют как результаты многочисленных эмпирических проектов, так и данные о восходящей динамике научных исследований по политическим наукам, которая многократно превышает аналогичные показатели, например, по истории. Несомненно, количественные показатели мало что говорят о качестве изысканий, но их кумулятивный эффект непременно скажется в будущем. Констатация продуктивности текущей деятельности не отменяет необходимости поиска технологий перезагрузки, и актуальной перспективной задачей представляется необходимость «выйти из гетто» описательных исследований [Мельвиль, 2019], что актуализирует обсуждение возможных способов этого выхода. В компаративистике необходимы свои «Великие дебаты» о теории, методологии и методах, которые позволят реструктурировать поле, его теоретико-методологические и методные измерения.

Достойный ответ на эти эндогенные вызовы может помочь найти ключи к решению и экзогенных проблем, к категории которых можно отнести те, что порождены меняющимися характер социальности технологическими сдвигами (искусственный интеллект, цифровизация политики, «Большие данные» и т.п.). Все вместе взятое может означать решение еще одной системной проблемы — оптимизации интерфейса «академическая наука/практическая политика», отношения компаративистики с которыми пока колеблются в диапазоне равно непродуктивных конформизма/конфликта.

1.3. Политология в «ускользающем мире»

1.3.1. Меняется ли взгляд на будущее политологии?

В 1999 г. Энтони Гидденс прочел на BBC курс лекций «Ускользящий мир». Британский социолог убрал из названия знак вопроса, который был в одноименном курсе антрополога Эдмунда Лича в середине 1970-х гг. Гидденс посчитал, что в конце XX в. он уже неуместен [Гидденс, 2004, 10–11]. В 20-е годы XXI в. эта фраза еще точнее передает чувства всех нас, живущих в эпоху сверхбыстрых перемен. Как историк, я могу сказать, что ощущение стремительно меняющегося мира не раз описывали в разные эпохи, но как политолог готова признать уникальность утекающей сквозь пальцы современной реальности.

Быстро меняющейся мир ставит, возможно, неразрешимые задачи перед исследователем. Мы все оказываемся в эпистемологической ситуации, описанной Гераклитом. Базовые концепты политической науки — государство, власть, идеология и т.п. утрачивают свое привычное содержание и делают это стремительнее, чем описывали предыдущий их путь историки понятий [См.: Словарь, 2014)]. А мы пытаемся ухватить и концептуализировать то, что, возможно, уже не является собой или, как минимум, тем, чем было пять минут назад.

Академическое сообщество прекрасно осознает сложность своего положения. Так, например, во время семинара «Современная политическая наука: кризис или развитие?», прошедшего в 2017 г. на кафедре политологии и политического управления ИОН РАНХиГС, произошла интересная дискуссия о политических универсалиях. Марина Мирановна Мчедлова отметила, что размываются не только понятия, но и универсалии, связывавшие весь нарратив политологии. И одной из причин этого является наша неспособность успеть за современным миром и концептуализировать его. В свою очередь Михаил Васильевич Ильин заметил, что универсалии не исчезают, и вопрос заключается в том, как возможно сосуществование универсалий и меняющихся знаний. Соответственно, нам необходимо сосредоточиться на том, что не исчезает [Ильин, 2018, С. 65–66]. Обе позиции демонстрируют возможные ответы на эпистемологические вызовы. Действительно, научному знанию сложно существовать без твердой концептуальной опоры, при этом релятивизм является одной из центральных идей в социальных и гуманитарных науках. Как исследователю пройти между этими Сциллой и Харибдой? Является ли методологический плюрализм таким способом, или нам необходимо раз-

вивать более универсальный язык политологии, чтобы иметь возможность анализировать и изучать ускользящий объект?

У слова «runaway», которое использовал Гидденс, есть еще одно значение — «вышедший из-под контроля». Оно добавляет граней идее «ускользающего мира» и уточняет возникающие перед исследователем задачи. Научная рациональность, рожденная в эпоху Просвещения и во многом определяющая современную науку, исходит из того, что чем лучше количественно и качественно мы знаем что-то, тем лучше мы можем это контролировать. Кажется, что чем глубже мы погрузимся в суть вещей, тем точнее будут прогнозы и выше качество управления процессами. Но за последние годы несколько наук, включая политологию, столкнулись с достаточно серьезными разочарованиями со стороны общества. Ярчайший тому пример — кризис 2008 года. Многие задавались вопросом: как же экономическая наука и ее представители проморгали финансовый кризис? Политологам задавали не столь острые, но похожие вопросы по поводу Трампа, Брексита и т.д.² Но может ли наука что-то прогнозировать в условиях современных ускорений? Или проблема в том, что результаты научных исследований в недостаточной степени используются при принятии политических решений? А может быть, дело в отсутствии спроса на фундаментальную науку? Все это не может не вызывать некоторых профессиональных сомнений о путях будущего развития.

Еще бóльшую растерянность должны испытывать преподаватели и вузы. Чему и как учить студентов, если знания так быстротечны и ненадежны? Усложняют задачу другие последствия ускользящего мира — студенты и работодатели поколения Digital natives предъявляют новые требования к подготовке специалистов в области управления, политического консалтинга и т.д. Любой преподаватель, кафедра и факультет ставят перед собой вопросы о содержании и форме образовательного процесса. Ответы на них во многом зависят от того, как мы видим развитие политологии в целом. То есть, прежде, чем осмыслить возможные пути развития программ по профилю «Политология», нам придется лицом к лицу столкнуться с вопросами о будущем науки.

² Однако необходимо отметить, что социальные науки сталкиваются с подобным не впервые. Например, в статье 1969 г. Д. Истон писал, что «мы, политологи, доказали, сколь разочаровывающе неэффективны в предвосхищении мира 1960-х «...» С этой точки зрения правомерность сомнений в адекватности или актуальности политической науки в современном мире кризисов не подлежат сомнению.» (Easton, 1969, P. 1053). Это высказывание Истона чрезвычайно актуально сегодня.

Политологи, как и другие ученые, всегда размышляют о будущем своей дисциплины. Чуть больше ста лет назад тогдашний президент Американской ассоциации политической науки Эдвард С. Корвин возлагал «позитивистские» надежды о превращении политологии из «нормативной» в естественную науку, способную к предсказанию будущего, на бихевиоризм. (Corwin, 1929) Успехи поведенческой психологии вселяли надежду в возможность прогнозирования политических последствий человеческого действия. Сорок лет спустя Дэвид Истон, признавая успехи бихевиористской революции, уповал на новую революцию в политической науке. Истон писал, что поведенческие исследования в политической науке стремились внедрить в свою дисциплину «техническое мастерство в поиске надежного знания, стремление к базовому пониманию с его необходимым отходом от практических интересов и исключение ценностной спецификации как выходящей за рамки общепринятой». (Easton, 1969, 1054) Но именно прикладные исследования, ориентированные на конкретные политические действия, должны стать в центре политологии в условиях кризиса. Американский политолог призывал «признать обоснованность прямого обращения к повседневным проблемам, чтобы получить быстрые, краткосрочные ответы с помощью доступных в настоящее время инструментов и обобщений, какими бы неадекватными они ни были» (там же). Чуть раньше еще один американский политолог Гарольд Д. Лассуэлл опубликовал книгу «Будущее политической науки», в которой говорил о необходимости максимизировать потенциал политологии, чтобы избежать войн и другого зла, а также поддерживать человеческое достоинство. Локальные, национальные и международные данные политологических исследований должны быть основой принятия решений (Lasswell, 2009, 47–48). Не претендуя на репрезентативность выборки и вынеся за скобки особенности исторических моментов, когда были написаны эти тексты, можно увидеть, что будущее политологии ученые связывали с тремя факторами: методологией, объектом исследования и социальной миссией. Эти три фактора являются центральными осями в размышлениях о перспективах политологии в условиях современного ускользающего мира.

1.3.2. Методология как критерий сформированности дисциплины

Дискуссия о том, как необходимо изучать какую-либо область, является фундаментом для любой науки. Причем, уровень различения методологии и методов, на мой взгляд, является важным критерием сформированности дисциплины. Публикации последних лет свидетельствуют о том, что это различие привлекает все больше исследователей [См.: Современная политология, 2019; Handbooks of Oxford, 2008, 2009]. Но в то же время, как отмечает О.В.Гаман-Голутвина, «изучение профильной литературы, заявленной как методологическая, обнаруживает удивительную особенность: под рубрикой методологии обсуждаются вопросы методики — процедуры, техники и методы, и это совсем не безобидная подмена» [Гаман-Голутвина, 2019, С. 25]. Подмена, действительно, не безобидная, поскольку обнажает не только дискуссии о вторичности политической методологии³, но и системное смещение в науке. «Призывы Истона» к развитию прикладных исследований и внимание к каузальности [Oxford Handbook, 2008] привели к погоне за методами без попыток выявить методологические основы современной политологии. Дискурс-анализ, институционализм и т.д., скорее, остаются набором методов, а не методологией. Методология — это система координат, которая определяет оптику и способ изучения политического предмета, и именно система координат очень часто дает сбой. Причины этого многомерны. С одной стороны, мы можем говорить о том, что увлечение методами в ущерб методологии характерны для разных дисциплинарных традиций. Об этом свидетельствует и сокращение количества публикаций по методологии политической науки по отношению к статьям, посвященным методам⁴, и такие программные тексты, как Oxford

³ Необходимо отметить, что политология — не единственная социально-гуманитарная дисциплина, периодически страдающая от «комплекса методологической неполноценности». Для других наук это не менее характерно, возможно, как системное наследие позитивизма и стремления к точности естественнонаучного знания. Во время одной из научных дискуссий в Центре российских исследований ИОН РАНХиГС экономический историк Кэрл С. Леонард говорила, как черпала методологию из политологических исследований на заре своей карьеры, поскольку история не могла предложить действительно нового подхода. И таких примеров взаимного обогащения в периоды стагнации одной из областей знаний немало. Поэтому отсутствие методологических и эвристических прорывов в последние десятилетия не означает того, что политология неспособна на собственные методологические достижения.

⁴ Об этом свидетельствуют данные как Scopus, так и Web of Science.

Handbook of Political Science и Oxford Handbook of Political Methodology⁵. Очевидно, что это общемировая тенденция. С другой стороны, дискретность подходов, характерная для неклассической парадигмы, расширив представление об объекте, негативно отразилась на возможности универсалий и, как следствие, контекстуальной интерпретации, составляющей основу методологической системы координат. Современная политология функционирует в условиях не только ускользающего значения базовых понятий, но и множества различных концептов, описывающих одно и то же и разрывающих научное поле.

Дополнительные сложности возникают в связи с положением количественных методов в политологии. Один из основоположников клиометрической школы И.Д. Ковальченко говорил, что любая наука стремится к математизации. В конце 1980-х гг. он писал, что «природа явлений общественной жизни является такой, что не только допускает применение количественных и математических методов при изучении этих явлений, но и может быть наиболее глубоко познана только на их основе» [Методы, 2003, С. 312]. Сегодня мы слышим весомые аргументы против бездумного использования количественных методов⁶. Опасения Р. Таагеперы, сформулированные в его программном выступлении в 2016 г. и в публикации 2018 г., в том, что погоня за регрессией и другими количественными методами без должного логического осмысления данных приводит к тому, что политология становится «менее научной» — справедливо. [Таагепера, 2018, С. 25] Методы превращаются в самоцель, создавая иллюзию научности. Кажется, что с цифрами, формулами и графиками рассеивания исследования становятся более обоснованными, но, к сожалению, это не так. В отечественных публикациях это хорошо видно. Часто методы и расчеты являются «бесполезной завитушкой», призванной убе-

⁵ Косвенным свидетельством является и определение методологии политической науки, предлагаемое англоязычной Википедией: «Политическая методология — это раздел политической науки, изучающий количественные и качественные методы, используемые для изучения политики». Данная энциклопедия — срез усредненного знания. Кафедра политологии Стэнфордского университета предлагает очень схожее определение: «Область политической методологии включает обучение статистике, эконометрике и формальной теории; рассмотрение и разработка новых методов научного изучения политики; уделяет особое внимание байесовскому статистическому подходу, причинно-следственному анализу, вычислительно-интенсивным подходам к статистическому анализу, планированию и анализу экспериментов, теории игр, графическому отображению количественной информации, выборке для исследований на основе опросов, анализу пространственных данных, статистический анализ текста». URL: <https://politicalscience.stanford.edu/research/political-methodology> (дата доступа 10.01.2022).

⁶ Важно отметить, что Ковальченко также пишет о рисках математизации.

дить в научности. При этом к логике исследования они не имеют никакого отношения (это беда не только студенческих, но и «взрослых» работ).

Очевидно, нет повода отказываться от количественных методов, но это также подтверждает необходимость перестать прятаться за различными регрессиями и задаться вопросом, как эти методы соотносятся с методологией политической науки, могут ли количественные данные отразить ускользающий характер нашей реальности. И, конечно, увеличивать количество междисциплинарных команд и число мультидисциплинарных специалистов, не просто загружающих какие-то данные в SPSS и т.п. программы, а понимающих математику.

Есть еще один аспект, который необходимо учитывать в размышлениях о методологии и будущем политологии — это Digital Humanities. Об этой области исследований много споров, вокруг нее много надежд и разочарований. Тем не менее, цифровой переход в социальных и гуманитарных науках можно считать состоявшимся. Как отмечает А. Володин, «по сути, любое гуманитарное исследование сегодня основано на спонтанной или систематической, выборочной или сплошной оцифровке документов» [Володин, 2014, С. 5]. Конечно, Digital Humanities нередко обвиняют примерно в тех же грехах, о которых пишет Р. Таагепера применительно к политологии. Основной критике подвергается недостаточная методологическая строгость, подход «мы сейчас что-нибудь посчитаем, а потом пойдем, что с этим делать». Тем не менее, Digital Humanities указывает на одну особенность современного «ускользающего мира» — «Цифровая революция» современного общества видоизменяет и ставит под вопрос традиционные формы создания и распространения знаний (Манифест Digital Humanities). Очевидно, что данные и политика сегодня не отделимы, данные формируют наши социальные связи, условия работы и принципы функционирования политических систем. При этом политологи не очень активно пишут о цифровом переходе, несмотря на интерес к политике данных, цифровым выборам и т.п. Здесь мы видим определенный перекос в сторону прикладных исследований в ущерб концептуализации, ведь внутренние дискуссии Digital Humanities могут дать новые возможности не только для эмпирических исследований, но и новые вызовы для методологии, концептуализации ускользающей политической реальности.

Увлечение методами во многом связано с амбициями политологии стать «нормальной наукой», и отвлекает внимание ученых от построения системы координат для исследований. Дальнейшее различение методов и уточнение методологии является частью нормального развития науки. Теоретически постнеклассическая парадигма может способствовать

преодолению дискретности, но для этого необходима открытая дискуссия с другими дисциплинами, точное разведение методов и методологии и поиск более универсального языка (поиск универсалий). Особую роль в этом может сыграть более интенсивное взаимодействие с Digital Humanities. Оно позволит точнее понять, что концептуально и технически дает политологии цифровой переход.

1.3.3. Чем должна заниматься политология?

Чем должна заниматься политология? Каковы ее объект и предмет? Ответы на эти вопросы не менее важны для понимания будущего науки и того, чему каждому исследователю стоит посвятить свое время. Дискуссия о природе «политического», безусловно, играет огромную роль в понимании объекта политологии. Многогранность и длительность дискуссии заставляет во многом согласиться с позицией, высказанной Карлом Шмиттом во введении к «Понятию политического» — это историческое понятие, сопряженное с эпохой. (Шмитт, 2016, С. 5–7)⁷ Именно это позволяет многим авторам вслед за Шмиттом прийти к заключению, что политическое не имеет универсального значения. Каждый этап развития политической науки предполагает уточнение, расширение или сужение понятия. Но это не останавливает многих от поиска универсального понимания политического (например, Магун, 2011; Шабров, 2016). Это отсылает нас к вопросу о возможности универсалий в современном мире и, очевидно, требует отдельного исследования. Поэтому в рамках данной главы проблему объекта и того, как ее видят современные политологи можно в первом приближении рассмотреть через тематику ведущих международных конференций.

Крупнейший политологический конгресс организует сегодня Международная ассоциация политологической науки (IPSA). За последние три десятилетия можно выделить несколько центральных тем. В 1990-е политологическое сообщество, по очевидным причинам, было обеспокоено процессами демократизации и взаимодействия политического центра и периферии. Собственно, конфликты и сотрудничество между странами также рассматривалось в контексте демократизации, во многом в логике

⁷ Согласие с позицией К. Шмитта об исторической природе политического не означает согласие с более развернутой его трактовкой. Напротив, мне ближе понимание политического у Х. Арендт.

Ф. Фукуямы. В 2000-е годы проблемы демократии сохраняют свое значение, но дополняются вопросами экономического характера. Влияние мирового капитализма и глобальные диспропорции уточняют проблематику демократии. Конференции 2010-х гг. демонстрируют чуткую реакцию политологического сообщества на исторический контекст и высокую социальную динамику. Изменения власти, границ, неравенство, миграция и новые формы национализма определяют исследовательское поле политологии. Очевидно, что политологов интересовали и интересуют не только эти области. Но тематика ведущих конференций отражает не только модные тенденции, но и те сферы, которые перестали быть устойчивой константой и требуют переосмысления.

Отечественные конференции отличаются чуть более консервативной повесткой, обычно ориентированной на место России в политическом пространстве. Региональная специфика естественна для национальных конференций, и вполне логично вписывается в недолгую историю политологии в нашей стране. Так, тематика конгрессов Российской ассоциации политической науки чаще всего была сосредоточена на России в контексте мировых политических процессов (хотя последние годы наблюдается смещение интереса в сторону более общей повестки). Но примечательно, что конгресс 2015 г. был посвящен именно политической науке и тому, как она может осмыслить современные политические изменения. Это явно реакция на осознание того, что понятной и универсальной модели политического развития нет, а политические институты, которые казались незыблемыми, находятся в состоянии неустойчивости в самых разных уголках мира. Мы видим общий запрос на более критическое отношение к основам политической науки.

В 2009 г. была опубликована книга «The Future of the Political Science. 100 Perspectives», в которой редакторы спросили 100 политологов о том, на каких еще не получивших ответа проблемах должна сосредоточиться политология и какое политологическое открытие они хотели бы популяризировать. Тексты получились чрезвычайно разнообразными. Авторы указывали на широкий спектр переменных для понимания политики — личность, семья, демография, социальные группы, законы, институты, нации, интересы, рациональный выбор, неравенство и т.д. Список предметных областей был еще шире: демократия, лидерство, память, элиты, активизм, экономическое неравенство, социальный капитал, политическая коммуникация, эмоции, национализм, измерения, политический выбор, иммиграция, социальные измерения, репрезентация, идеологии и ценности, гендер, образовательная политика — это лишь часть предло-

женных авторами тем, которые должны, с их точки зрения, быть в фокусе внимания политологии.

Большое разнообразие предметных полей также является реакцией на неустойчивость политического и понятий политической науки. Но, с другой стороны, такая дискретность связана с усложнившимся пониманием человеческого общества в целом, его собственной дискретности при сохраняющемся единстве. Проведем мысленный эксперимент. Памятуя, что политическое — феномен исторический, попробуем, тем не менее, согласиться с А. Магуном в том, что политическое может быть понято как «сфера коллективного единства людей. Причем речь идет о единстве, которое не дано от природы (как, например, единство человеческого рода), а которое должно специально устанавливаться и поддерживаться, зачастую насильственно, законодательно навязывая себя разобщенным и эгоистичным людям и группам людей» [Магун, 2011, С.13]. Это единство, очевидно, функционирует и конструируется на очень разных основаниях в разные исторические периоды. А в условиях современной сверхдробности общества попытка понять эти основания и приводят к расширению и диверсификации предметного поля политологии.

В равной степени дискретность эпистемологических подходов, характерная для неклассической парадигмы, расширила спектр политологических проблем и даже привела к излишней диверсификации исследовательского поля. Постнеклассическая парадигма в свою очередь ориентирована на пересборку этого дробного пазла в усложненное предметное единство «политического», политического, характерного именно для нашего сверхбыстрого времени. Мне кажется, последние 30 лет политология пересматривает свои объект и предмет именно в этом направлении. Российская политология не исключение, хотя и со своими особенностями. Одним из главных достижений этого поиска, на мой взгляд, становится не только междисциплинарный подход к политическому, но и, что важнее, отказ от бездумной универсальной нормативности европоцентричности политологической теории. Конечно, сравнительная политология давно ставила вопрос об этом, но именно сегодня в условиях «ускользающего мира» нормативность с ноткой идеографии становится неотъемлемой частью понимания объекта и предмета политологии. Дискретность предметного поля позволяет в уникальном искать новые опоры для универсального.

1.3.4. Зачем нужна политология?

Поразмышляем о социальной миссии политологии. Действительно, зачем заниматься политологией? Если сразу отбросить вариант, что можно просто заниматься наукой как иллюзией, мы понимаем, что политологические, как и любые другие научные исследования, имеют социальные последствия. Во-первых, хочет ученый или нет, он не может сегодня быть независимым. Для кого мы делаем исследования? Кто за них платит? Чей грант мы готовы взять, а от чьей поддержки отказываемся? Этос современной науки давно вышел за пределы предложенной Р. Мертоном модели этичной науки⁸ (Мертон, 2006), сегодня, скорее, актуальна версия Дж. Зимана⁹ (Ziman, 2000). Неоэтос Зимана указывает на прикладной и заказной характер современной науки. Во-вторых, даже если ученый стремится «не вмешиваться» и, благодаря альтернативным источникам дохода осуществляет исследования абсолютно независимо, результаты его «беспристрастных» исследований влияют на общество. Ученые несут ответственность даже за понятия, которые употребляют. Социально-гуманитарное знание не только изучает, но и порождает реальность. В политологии эта проблема стоит не острее других наук, но очевидна даже извне.

Поэтому в любом случае мы все занимаемся политологией не только из академического любопытства, но с определенными политическими и социальными целями. В идеале они все будут сводиться к формуле «сделать мир лучше». И вот тут начинается самое интересное, лежащее в зоне личной ответственности каждого исследователя. В своей программной работе М. Вебер писал о том, что нужно уметь отвечать за то, что ты

⁸ CUDOS (C – Communalism (Коммунализм); U – Universalism (Универсализм); D – Disinterestedness (Бескорыстие); OS – Organized Skepticism (Организованный скептицизм). Коммунализм предполагает, что ученый рассматривает себя как человека, вносящего вклад в общую базу данных, поскольку результат исследования является общественной собственностью. Универсализм означает, что оценка труда ученого абсолютно не связана с индивидуальными характеристиками. Ни пол, ни возраст, но происхождение не должны влиять на научную репутацию. Бескорыстие как социальная норма науки подразумевает, что никакие внеученые интересы не должны влиять на работу исследователя. Организованный скептицизм означает, что ученый обязан быть критичным не только по отношению к другим, но, прежде всего, к себе.

⁹ PLACE. P (Proprietary) – право собственности – на науку распространяется право собственности, патента взамен всеобщего владения научным знанием. L., A. (Local, Authoritarianism) – местный, авторитаризм – исследовательская работа теперь решает конкретные локальные задачи, определяемые начальством; ученые более не выбирают предмет исследования автономно. C (Commissioned) – уполномоченный – НИР теперь осуществляется на заказ, а не ради «бескорыстной» науки. E (Expert Work) – экспертная работа – научная работа стала прерогативой ограниченного круга экспертов.

делаешь. Для этого он предлагал не делать вид, что никому не служишь, а понять, кому ты служить, для чего необходимо знать, каких ценностей ты придерживаешься [Вебер, 2018]. Несмотря на кажущуюся патетичность, позиция Вебера очень точно отражает меру ответственности ученого и политолога, в частности, за стремление «сделать мир лучше». Продолжая эту логику, несложно прийти к заключению: неважно, выступает ли политолог за а) сохранение или б) изменение status quo (включая все промежуточные варианты), он должен осуществить значительное интеллектуальное усилие по определению своих ценностей и тех, кому служит.

У меня нет однозначных ответов на вопрос о будущем политологии, потому что даже в нашем казуально детерминированном мире сохраняется вариативность будущего и элементы индетерминизма. Но я уверена, что направление его зависит от методологии, объекта и миссии: во-первых, от того, как мы будем изучать политическое; сможем ли мы преодолеть существующие комплексы политологии и пройти между методологическими Сциллой и Харибдой универсалий и релятивизма. Не меньшее значение имеет и то, как мы решим вопрос с методами исследований. Я не уверена, что сегодня нужны какие-то особенные и уникальные политологические методы, но преодоление погони за бездумной математизацией и компьютеризацией в пользу необходимого и грамотного использования количественных методов и софта является, на мой взгляд, жизненно необходимым. Вдумчивый диалог с областью Digital Humanities мог бы стать одним из путей к этому. Во-вторых, будущему как таковому точно способствует постоянное переосмысление предметного поля, это значит, что наука и политологическое сообщество способны к критическому взгляду на себя. Как бы ни была банальна мысль о перспективности междисциплинарных, транс- или интердисциплинарных исследований, подчеркну, что она все еще актуальна. Но совмещение и расширение предметных полей также не должно быть самоцелью и должно строиться на разумных основаниях, действительно позволяющих приумножить знания в области политического. В-третьих, понимание своей индивидуальной ответственности за то, что происходит за стенами «башни из слоновой кости», является залогом того, что политология не превратится в форму тоталитарного знания. Сомнение в основах и плюрализм нам в помощь.

Предложенный порядок: как, что и зачем может, на первый взгляд, показаться нелогичным, ведь вопрос о том, что изучает наука, стоит задавать первым. Но я полагаю, что именно вопросы методологии позволяют современной политологии подойти к проблеме того, что мы изучаем. В образовательном процессе стоят те же вопросы, но порядок их вопро-

пания, на мой взгляд, иной. Создавая и организуя учебный процесс подготовки, преподаватели, кураторы и все, кто занимаются дизайном образовательных продуктов, начинают с вопроса «зачем». Это в равной степени справедливо для подготовки любых кадров.

В области политологического образования вопрос «зачем» сопряжен с двумя факторами. Первый — динамика рынка труда, выпускник должен отвечать его запросам. Но и современный рынок труда быстро меняется, его меняют технический прогресс, глобализация и старение населения. В то же время новые организационные бизнес-модели и меняющиеся предпочтения работников способствуют появлению новых форм работы. По прогнозам Организации экономического сотрудничества и развития около 14 % рабочих мест будут автоматизированы в ближайшем будущем, и многие профессии, включая интеллектуальные, будут роботизированы. [См.: OECD, 2019]. При этом тенденции, ускоренные COVID-19, могут вызвать более значительные изменения в структуре рабочих мест в странах, чем мы предполагали до пандемии [См. The Future, 2021].

Атлас новых профессий, созданный на базе Сколково в 2015 г., например, предсказывал исчезновение профессии аналитика к 2020 г., т.к. интеллектуальные системы способны проводить аналитические работы в различных областях [Атлас, 2015, С. 268]. Очевидно, это предсказание не только не сбылось, но оно входит в противоречие с другим прогнозом авторов о востребованности специалистов, отслеживающих появление новых тенденций в разных отраслях экономики, общественной жизни, политике и культуре, составляющих отчеты о влиянии новых тенденций на клиентские потребности [Атлас, 2021, С. 205]. Тем не менее, мы не знаем, с какими задачами столкнутся наши выпускники, а значит, мы не можем предложить готовый набор знаний и умений. По большому счету, мы должны их научить работать в условиях неопределенности.

Второй аспект вопроса «зачем» носит менее универсальный для образования характер и касается непосредственно политологической подготовки. Он возвращает нас к социальной миссии политологии. Мы готовим специалистов, которые понимают свою ответственность как эксперты, исследователи или практики управления. Интеллектуальное усилие и осознание ценностей, определяющих труд и карьеру будущих политологов становится своеобразной сверхзадачей образовательного процесса, результатом совместных усилий преподавателей и студентов.

Осмысление двух аспектов вопроса «зачем» позволяет приблизиться к пониманию того, что, собственно, преподавать современным студентам политологам. Если мы не знаем, что ждет наших выпускников, то самое

главное, что мы можем им предложить, это так называемые надпрофессиональные или метапрофессиональные компетенции. Прежде всего, речь идет о системном мышлении. На мой взгляд, это основное конкурентное преимущество современных вузов перед составляющими им все большую конкуренцию образовательными платформами и курсами. Умение полнее и точнее воспринимать все происходящее вокруг нас и способность использовать это понимание для принятия решений и составляет компетенцию системного мышления. Модное сегодня направление evidence-based policy является частным примером реализации этой компетенции. Одной из наших задач, таким образом, является научить студентов думать, как политолог, чтобы они могли постоянно саморазвиваться. Не менее значимыми становятся разнообразные soft skills — прежде всего, коммуникация и управление проектами.

Очевидно, что содержание профессионального образования, тем более, настолько теоретизированного, как политологическое, не может состоять только из практических знаний. При этом задача усложняется изменчивостью политической реальности, о которой я писала в начале этого текста. Ответом не может быть отказ от освоения существующей теоретической базы в классических политологических вопросах. Понимание основ необходимо для их переосмысления. Но классика политологии должна быть содержательно помещена в текущую академическую и практическую дискуссию. Она не может быть возведена на пьедестал, необходим здоровый скепсис, основанный на понимании логики аргументации, и постоянное обновление не только фактологического, но и теоретического контекста. Как бы ни очевидны были эти идеи, они предъявляют очень высокие требования к преподавателю.

Ответ на вопрос, что преподавать политологам сегодня, я бы дополнила несколькими содержательными блоками — регионоведческий аспект и введение в data science. Расширение географии не только составляет эмпирическую базу сравнительной политологии, но и позволяет выявить сферы политического, политические институты, не вписывающиеся в европейскую политическую теорию, а также является частным проявлением междисциплинарности. Возрастающие объемы данных, цифровая трансформация и ожидания Digital natives делают изучение науки о данных (предполагающей математическую, методологическую и IT подготовку) не то, чтобы неизбежным, но необходимым. Понимание того, какие политические задачи и как можно решить с помощью больших данных, может чуть расширить возможности политологов не только по решению прикладных задач, но и концептуализации ускользающего мира.

Сегодня кафедра политологии и политического управления ИОН РАНХиГС объединена в одну структуру с кафедрой мировой политики и зарубежного регионоведения, что позволяет решить задачу по внедрению регионоведческого компонента. Задачу по расширению подготовки в сфере data science наших выпускников кафедра также решает.

Очевидно, что изучение как классической теоретической базы политологии, так и дополнительных содержательных компонентов невозможно сегодня в привычных педагогических формах. Вопрос, как преподавать политологические дисциплины становится едва ли не основным, хотя его решение невозможно без понимания того, зачем и что мы преподаем. Если мы преподаем навыки системного мышления и других компетенций, помещенные в поле изменчивого политологического знания, то проектное обучение представляется наиболее перспективным вариантом. Дело не только в особенностях восприятия Digital natives, о которых писал автор этого термина М. Пренски — привычка к быстрому получению информации и многозадачности, более быстрое восприятие визуальной информации, чем текстовой, оборотной стороной чего становятся сложности с длительной концентрацией. (Prensky, 2001) В условиях ускользающего мира только знания, помещенные в практический контекст с измеримым результатом, могут быть полезны. Проектное обучение позволяет развивать и онлайн-специализации (ставшие нормой за последние два года), и персонализированное обучение. Это отвечает ожиданиям поколения Z, ориентированным на потребление и персональный подход. Индивидуальные и коллективные проекты, особенно, реализованные в связи с возможными работодателями, способны поддерживать мотивацию к обучению у поколения Z, которое склонно заниматься только тем, что им интересно. Также проект позволяет включать миниблоки теоретической информации (в любой форме, включая варианты EdTech), учитывающие специфику «клипового мышления». Еще одной особенностью проектности является взаимное обучение студентов и преподавателя, что позволяет во многом удовлетворить высокие требования к преподавателю. Проектность, интерактивность, персонализация и эффективная коммуникация — вот краткая форма ответа на вопрос о том, как учить политологов сегодня. Конечно, эти параметры подходят не только политологическому образованию, но для политологии это реальная возможность минимизировать некоторую растерянность, которую мы все испытываем, задаваясь вопросом о будущем дисциплины и ее преподавания.

Перспективным способом реализации такого подхода к обучению может стать адаптация опыта MIT по трансформации образования

в новом инженерном деле (NEET). Один из принципов этого проектно-ориентированного подхода заключается в том, чтобы помочь студентам стать исследователями и новаторами, но параллельно обучить их фундаментальным знаниям, которые ложатся в основу как исследовательской, так и практической профессиональной деятельности. Мне кажется, этот принцип очень близок и политологическому образованию.

Систему проектного обучения можно представить в виде двух схем. Схема 1 позволяет понять, как проект может быть вписан в дисциплинарные рамки, дополнен смешанным обучением, персонализированным подходом и самостоятельной работой студентов.

Схема 2 демонстрирует, как по мере усложнения проектов осваиваются более сложные теоретические знания, практические навыки, и как реализуется необходимость междисциплинарного подхода.

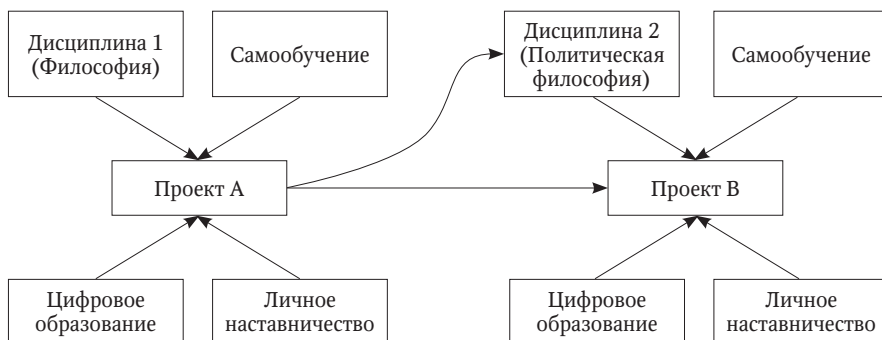

Схема 1

Проект А	Проект В	Проект С	Проект D
Один студент	Небольшая группа	Большая группа	Междисциплинарная группа
Базовые методы анализа	Методы политологических исследований	Методы количественного и качественного анализа	Аналитика с помощью soft
Личностные компетенции	Работа в команде	Межличностные компетенции	Лидерство
Базовое профессиональное образование	Углубление профессиональных знаний	Цифровое образование	Развитие самообучения

Схема 2

Такой подход к проектному обучению трудозатратен, требует серьезной переподготовки преподавателей, но на мой взгляд, это один из вариантов развития, который позволит продолжить традиции кафедры политологии и политического управления ИОН РАНХиГС, но не застрять в прошлом политологической подготовки.

Вывод. Осознанно оставляю этот текст без полноценного заключения, потому что понимаю, что все эти идеи вполне могли устареть еще вчера и, тем более, к моменту публикации текста. Меняющиеся времена требуют радикального переосмысления того, кто мы есть и кем мы хотим быть как в дисциплине, так и в профессии. Но, на мой взгляд, необходимость постоянно задавать себе вопросы о будущем — это не способ его прогнозирования и контроля, но совершенствования настоящего.

Раздел 2

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МИРЕ И В РОССИИ

2.1. Политика и политическое управление в условиях глобальных изменений

2.1.1. Политика

Понятие политического управления вошло в научный оборот относительно недавно. Некоторые авторы начинают его историю со времен В. Вильсона, К. Маркса и даже Платона. Например, А.В.Худяков утверждает, что «Платон определял политическое управление как искусство, основанное на знаниях и умениях, координирующее деятельность людей по поддержанию в обществе социального порядка» [Худяков, 2015, с. 138]. Разумеется, это очень большая натяжка. Как научное понятие, оно было введено в научный оборот лишь в 90-е годы прошлого столетия, когда в 1994 году Российская академия управления была преобразована в Российскую академию государственной службы при Президенте РФ, и на базе коллектива политологического центра РАУ была создана кафедра политологии и политического управления. И за несколько первых лет ее работы появились публикации ее преподавателей, включая монографии [Шабров, 1997], сборники статей [Политическое ..., 1998], курсы лекций [Политическое..., 1999], а в 1998 году по этой теме была защищена и первая докторская диссертация [Шабров, 1998].

Это понятие относительно быстро стало входить в обиход российской политической науки. В ряде учебных заведений были созданы кафедры политического управления¹⁰, увидело свет немало научных работ, посвя-

¹⁰ Кафедры политического управления и кафедры политологии и политического управления созданы с тех пор в Кубанском, Санкт-Петербургском, Удмуртском государственных университетах, в Институте государственного управления, права и социально-гуманитарных наук и других учебных заведениях.

щенных различным аспектам политического управления [Кузич, 1999; Сморгунов, 2014; Володенков, 2017; Крушанов, 2017 и др.]. Появился научный информационно-образовательный электронный журнал «Политическое управление»¹¹.

Однако единых подходов к определению и содержанию этого понятия, его соотношению с другими ключевыми понятиями политологии найти пока не удалось. Причина этого, прежде всего, в наличии различных подходов к пониманию управления и неоднозначности категориального аппарата политической науки.

Попробуем разобраться. Начнем с политики.

Представления о ней колеблются в широком диапазоне от распространенного утверждения, что политика — «грязное дело», до возвышенного представления о ней как деятельности на общее благо. К примеру, И.А.Ильин полагал, что «политика есть прежде всего *служение*... Служение предполагает в человеке *повышенное чувство ответственности* и способность *забывать о своем личном «успехе-неуспехе»* перед лицом Дела» [Ильин, 2007, с. 194]. Но из этого следует, что своекорыстные решения и действия даже демократически избранного представителя народа не есть политика. Да и как узнать, из каких побуждений он действует? Э.Хейвуд определяет политику как «процесс, в рамках которого люди создают, сохраняют и обогащают нормы собственного общежития» [Хейвуд, 2005, с. 3]. Но под столь широкое определение подпадает процесс социализации практически в любых его формах. В качестве одного из классических вариантов принято ссылаться на определение М.Вебера, согласно которому политика есть «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» [Вебер, 1990, с. 646]. Но почему лишь «стремление»? И что тогда дает основание для распространенных среди части российских политологов суждений типа «В России политики, в западном понимании этого слова, нет» [Пастухов, 2007]? Разве М.Вебер не имеет отношения к Западу и разве в России никто не стремится к власти? И что значит «политика в западном смысле»? Разве содержание научных понятий может иметь разные смыслы в разных частях планеты?

Все это служит для некоторых основанием считать, что определить понятие политики в принципе невозможно. Из 62 статей, содержащихся

¹¹ Политическое управление. Научный информационно-образовательный электронный журнал. URL: <http://политуправление.рф> (дата обращения 05.01.2022).

в вышедшем в 2007 году объемном издании «Политология: Лексикон» и раскрывающих понятия и категории, составляющие, по мнению авторов, основное содержание современной политической науки, 27 посвящены категориям, содержащим термин «политическое». Не раскрыто лишь само понятие политического. Статья же, посвященная понятию политики, содержит недвусмысленное предупреждение, что «...наиболее серьезная интеллектуальная ловушка, которая подстерегает ученых.., состоит в их стремлении придать политике целостный и системный характер, уловить законосообразность ее исторического движения, сформировать лишенный противоречий образ этого явления» [Политология, 2007, с. 324]. То есть, всякий раз в начале дискуссии в кругу политологов нам необходимо определяться, что каждый из участников имеет в виду под словом «политика».

В итоге возникает проблема статуса политологии. Возникает принципиальный вопрос: а можно ли рассматривать политологию как науку, четкие критерии которой дал еще советский академик В.И.Вернадский. «Есть одно коренное явление, — писал он, — которое определяет научную мысль и отличает научные результаты и научные заключения ясно и просто от утверждений философии и религии, — это общеобязательность и бесспорность правильно сделанных научных выводов, научных утверждений, понятий, заключений» [Вернадский, 1991, с. 139]. У нас же речь идет не о каком-то второстепенном понятии, а о понятии, которое очерчивает существенную часть предметной сферы политологии.

Отсутствие однозначного определения политики в политологии имеет целый ряд причин.

Одна из них состоит в различии способов отражения реальности в разных культурах, находящем отражение в специфике языков. В сознании российского человека, в большей степени созерцательного, объект воспринимается и обозначается понятием, прежде всего, как целое, которое затем «расчленяется», анализируется. Напротив, рациональный западный человек познает объект через различные его стороны, вычленение составляющих, которые не всегда затем объединяются в целое. В результате и русское слово «политика» переводится на английский язык, как минимум, тремя терминами — *polity*, *policy* и *politics* — означающими, в первом приближении, три аспекта политики: институциональный, содержательный и процессуальный. Поэтому российские переводы текстов с западных языков, а политология пришла к нам в своей существенной части с Запада, могут существенно отличаться от первоисточников в связи с неверной интерпретацией понятий.

Характерным примером может служить работа Э.Хейвуда «Politics». В русскоязычном варианте она названа «Политология», хотя английское слово *politics* переводится на русский язык как политика, причем лишь в одном из ее аспектов, процессуальном. И поэтому Э. Хейвуд, естественно, определяет политику лишь как процесс. Но можно понять переводчиков: нет в английском языке слова, однозначно переводимого на русский язык как политология¹². Есть три понятия: *political science* (политическая наука), *political theory* (политическая теория) и *political philosophy* (политическая философия), которые в русском языке, в соответствии с его отмеченной выше спецификой, объединены общим термином «политология».

В некоторых случаях представление о том, что политической науке присуще ценностное измерение действительности, привнесено в отечественную науку просто не вполне корректными переводами с европейских языков. Примером может служить книга Ф.Бенетона «Введение в политическую науку» [Бенетон, 2002], пронизанная пафосом необходимости служения добру. Вот только в оригинале это произведение называется «Introduction à la politique», или «Введение в политику», а не в политическую науку.

Вторая причина коренится в специфике политологии, связанной со спецификой самой политики. Ведь основная функция политики как подсистемы общественной системы — целедостижение (Парсонс, 1998). Цель же политики заложена в ее идеологических ценностях, отражающих интересы части общества или общества в целом. В отличие от науки, идеология ориентирована не на поиск истины: как справедливо отмечал А.А.Зиновьев, «...она приспособливает истину к своим целям... для более эффективного воздействия на умы и чувства людей...» [Зиновьев, 2003, с. 43].

Проблема в том, что, как и всякий гражданин, политолог может принадлежать к числу последователей той или иной идеологии и воспринимать заложенные в ней ценности и цели как объективную необходимость. В той мере, в которой суждения политолога детерминированы идеологическими убеждениями, они не соответствуют критериям, сформулированным В.И.Вернадским, нередко носят оценочный характер и не могут рассматриваться как научные в силу многообразия идеологий¹³.

¹² Термин *polilology* вошел в официальный отечественный лексикон в 1989-х году, когда в реестр специальностей вузов страны была введена специальность «Политология», в разработке содержания которой принимал участие автор, как англоязычный аналог этого понятия. В английском языке этот термин не используется.

¹³ В информационном пространстве присутствует немало «политологов», позиционирующих себя как либеральных, левых, правых и прочих, критерием истины для них является соответствие идеологическим ценностям.

Третьим источником оценочных суждений о явлениях в сфере политического является философия. Со времен Платона философы ищут проект идеального государственного устройства, а реальное оценивается по степени соответствия идеалу. В этом смысле, как и для идеологии, для философии критерием истины становится не практика, а должное. С этих позиций следует рассматривать и приведенное выше суждение русского философа И.А.Ильина, согласно которому деятельность ради личного блага не может рассматриваться как политика. А в силу разнообразия философских позиций философские суждения не могут претендовать ни на общеобязательность, ни на бесспорность.

Нельзя, наконец, не указать и на еще один, четвертый источник путаницы в категориальном аппарате политологии. Это проникновение в него обыденного понимания политики. В повседневном общении говорят о политике преподавателя, директора предприятия, отца в семье и т.п. Вряд ли, конечно, найдется политолог, включающий подобный круг явлений в область своих научных интересов, но это не мешает им проникать в политическую науку через междисциплинарное пространство. Примером может служить книга авторитетного нидерландского приматолога Ф.Б.М. де Ваала «Политика у шимпанзе» [Де Валь, 2016]. Он не заслуживал бы внимания, если бы русский перевод книги не был издан в Высшей школе экономики в серии «Политическая [!] теория»¹⁴.

Единственный способ преодолеть неопределенность понятия «политика» видится в том, чтобы обратиться к законам формальной логики. А она требует, чтобы определение понятия содержало совокупность признаков, с одной стороны, присущих всем объектам данного класса, а с другой, не была присуща ни одному из объектов другого класса [Сковиков, 2015]. Естественно рассматривать политику как определенный вид целенаправленной деятельности некоего субъекта. Иными словами, существуют три признака, присущие всем объектам класса, определяемым словом «политика»: субъект, цель и деятельность. Но их явно недостаточно: этим признакам соответствуют многие другие классы объектов, не попадающие в предметное поле политологии, включая рассмотренные выше. Нас же интересует не любая политика, а только та, которая входит в круг интересов политолога, является предметом политологии, т.е. «политическая» политика. Следовательно, нужно дополнить названные признаки признаками политического.

¹⁴ Восклицательный знак. О.Ш.

2.1.2. Политическое

Ясно, что область политического не совпадает с политикой: выше уже было показано, что не всякая политика является политической. Представляется также очевидным и обратное — не все политическое является политикой: политическая культура, политическое сознание, политическая система и пр. выходят за пределы политики, если под последней мы понимаем определенного рода деятельность.

Будем исходить из очевидного факта, что все политическое так или иначе связано с государством, а под политической властью понимается власть, прежде всего, государственная или реализуемая посредством государства. Причастность государства к тому или иному явлению является первым необходимым признаком того, что явление это относится к сфере политического. Необходимым, но не достаточным: не все государственное мы относим к политическому. Мы не считаем, например, политическими функции бухгалтера, делопроизводителя государственного учреждения, служебные отношения начальника и подчиненного в министерствах — все, что не выходит за пределы государственного аппарата. К политическому принято относить только то государственное, что оказывает влияние на общественную среду. Недаром в английском языке государственная политика — это *public policy*¹⁵. Получаем второй необходимый признак политического.

Но и совокупности этих двух признаков недостаточно. Существует множество государственных учреждений, вступающих в непосредственные отношения с общественной средой, — в России это Государственная инспекция безопасности дорожного движения, полиция, санитарно-эпидемиологическая, пожарная и прочие службы, деятельность которых, как правило, не рассматривается как политическая.

Эту сторону специфики политического раскрыл К.Шмитт, для которого ключ к ее пониманию — «это различие на *друга и врага*¹⁶» [Шмитт, 2012, с. 25]. Если отвлечься от алармистского характера используемой им терминологии, К.Шмитт обратил внимание на действительное, вряд ли оспариваемое отличие сферы политического от других сфер общества: оно начинается там, где отношения между социальными группами, между «мы» и «они» обостряются из-за несовпадения интересов.

¹⁵ Это словосочетание можно перевести на русский язык и как «публичная политика», что породило еще одну проблему идентификации смыслов перевода и англоязычного оригинала.

¹⁶ Курсивом выделено О.Ш.

В том, собственно, и состоит основная функция политических лидеров, партий, групп давления, общественно-политических движений, чтобы агрегировать и артикулировать специфические интересы различных значимых с точки зрения их влияния на государственную политику социальных групп и отстаивать их, оказывая воздействие на принятие и реализацию государственных решений. Что же касается государственных учреждений, упомянутых выше, то они решают задачи, общественно важные для страны в целом, и не должны, по своему предназначению, вторгаться в сферу несовпадения интересов значимых социальных групп.

Нетрудно видеть, что наличие у явления этих трех названных признаков — государство, значимые социальные группы, несовпадение интересов — не только необходимо, но и достаточно, чтобы отнести его к числу политических, — разумеется, если не соотносить это явление с ценностями, то есть, оставаясь в поле науки. Иными словами, *политическим можно назвать любое общественное явление, связанное с государством и затрагивающее несовпадающие интересы значимых социальных групп.* В определении же политики должны, помимо этого, присутствовать три других выше сформулированных признака. И тогда *политику мы можем определить как целенаправленную деятельность субъектов, представляющих в государственной сфере несовпадающие интересы значимых социальных групп.*

Группы эти формируются вокруг общих материальных интересов и духовных ценностей. Если у разных групп интересы и ценности не совпадают, формируются общности, в той или иной степени идентифицирующие себя как «мы» в отличие от групп, воспринимаемых как «они». Между «мы» и «они» могут возникать отношения конкуренции, а то и конфликта, переставшего при определенных условиях в противостояние по принципу «друг» — «враг». «Современная политология, — писал А.С. Панарин, — сочетает две методологические стратегии. Одна из них связана с процедурами отнесения к интересам. Раскрыть пружины «реальной политики» — значит вскрыть стоящие за ней интересы... Вторая стратегия связана с процедурами отнесения к ценностям. В аналитическом смысле она предполагает раскрытие той пружины политических событий, которая связана с конфликтом ценностей, менталитета, традиций» [Панарин, 1997, с. 10]. Обе эти процедуры равноценны и отражают два реальных источника политики, коренящихся в экономической и духовной сферах, но проявляющих себя в форме социальных противоречий, в сфере социальной. Именно для регулирования отношений между значимыми социальными группами и существует сфера политического.

Могут возникать противоречия и между группами по половой, возрастной или иной принадлежности, но эти противоречия, как правило, уступают по остроте противоречиям, имеющим предпосылки в экономической и духовной сфере. Бывает, однако, что принадлежность к той или иной из таких групп связана с экономическим положением (молодежная безработица, производственная дискриминация по признаку пола и т.п.), или с формированием особых ценностных установок (этнический бизнес). Если такие группы достаточно консолидированы и оказывают влияние на принятие государственных решений, их тоже следует отнести к числу значимых социальных групп, отношения с которыми проецируются на сферу политического.

В триаде формальных признаков политического особая роль принадлежит государству. Ее уяснение необходимо для понимания сути политического. Не углубляясь в разбор научного творчества К.Шмитта в целом, отметим лишь одну, но принципиальную ошибку в его рассуждениях. Государству он фактически отводит роль арбитра, который вправе «по собственному решению определять врага и бороться с ним» [Шмитт, 2016, с. 42]. Проецируя этот тезис на внутреннюю политику, он утверждает, что «государство, как политическое единство, пока оно существует, может определять своего «внутреннего врага»» [Шмитт, 2016, с. 43]. Последовательное развитие этой идеи приводит его не только к теоретическому обоснованию национал-социализма, но и в ряды гитлеровской Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

На самом деле, государство, как институт не только управленческий, но и политический, функционируя в интересах наиболее значимых социальных групп, призвано обеспечить при этом целостность страны в их же, этих социальных групп, интересах. Здесь — одно из принципиальных отличий государственного управления от производственного и любого иного: оно неизбежно имеет политическую составляющую, через которую, совместно с другими политическими институтами, обеспечивается социальное согласие, достаточное для поддержания стабильности общественной системы. Даже в отсутствие демократических институтов оно находится под постоянным прессом влиятельных кланов, каст, сословий, классов, этнических и религиозных сообществ, а периодически и недовольных низов. В том и состоит миссия сферы политического, чтобы в ней осуществлялся поиск возможных компромиссов между значимыми социальными группами через их представителей с целью недопущения дезинтеграции общества. В сфере политического значимые социальные группы получают возможность вместо прямого выяснения отношений находить

компромисс через своих представителей и реализовывать его с использованием механизмов государственного подчинения.

Это дает основание некоторым исследователям идеализировать политическое, рассматривать его исключительно как сферу договоренностей и компромиссов, рассматривать политику как «искусство посредничества» [Политология, 2008, с. 22] между группами людей, противопоставлять политическое административному. Как любая идеализация, эта схема далека, однако, от реальной практики. Не случайно наука оперирует понятиями «политическая коррупция», «политическое насилие», «политический террор» и другими, к компромиссам, договоренностям и посредничеству никакого отношения не имеющими. К тому же не все решения политиков, основанные на компромиссе и даже консенсусе, охотно исполняются гражданами, что требует от государства применения насилия. Реальная политика, как и все реальное, далека от идеала.

Итак, мы сформулировали три признака, наличие которых позволяет отнести управление к сфере политического. Осталось определиться с содержанием самого понятия «управление».

2.1.3. Политическое управление

Понятие управления не настолько, разумеется, неоднозначно, как понятия политики и политического: на него не в такой степени накладывают свой отпечаток идеология и философия. Зато различных подходов и языковых проблем не меньше. На английский язык его можно перевести уже не тремя, а как минимум, десятью способами в зависимости уже не только от аспекта, но и от сферы применения, подхода (*administration, control, direction, driving, guidance, government, leadership, management, operation, ruling* и пр.). И как в случае с политикой и политическим, нет в английском языке синтетического, общего для всех случаев понятия, соответствующего понятию «управление» в русском языке.

Начало истории науки об управлении принято связывать с именем американского инженера начала XX века Ф.Тейлора, опубликовавшего в 1911 году работу «Принципы научного управления» [Taylor, 1911]. Возникла так называемая «Школа научного менеджмента» в сфере производственного управления как процесса мобилизации материальных и человеческих ресурсов для достижения целей организации. А понятие менеджмента (*management*) утвердилось, в самом общем виде, как один из аспектов управления, ориентированного на достижение цели посредством согласования интересов.

В сфере государственного управления первые научные работы появились, однако, немного раньше. В 1887 году известный тогда ученый, доктор наук, ставший впоследствии Президентом США В. Вильсон в своей знаменитой статье «Наука государственного управления» (*The Study of Administration*) [Wilson, 1887] обосновывает отделение административного ресурса от политики. Позднее этот тезис был развернут в работах М. Вебера [Вебер, 1990]. А в науку вошло еще одно понятие, *administration*, которое в сочетании с *public* (*public administration*) переводится сегодня на русский язык как государственное управление, другой аспект понятия управления.

В политической науке оба термина закрепились во взаимосвязи, когда в 1970-е годы в государствах Европы начался процесс административных реформ как переход от государственного администрирования к политическому менеджменту.

Между тем еще в середине XIX столетия начало формироваться еще одно направление науки об управлении процессами социальной природы — кибернетика. Считается, что первыми ввели в оборот этот термин французский физик и математик А.-М. Ампер и польский философ Б. Трентовский [Моисеев, 2001]. В середине XX века этот термин был воскрешен Н. Винером, придавший соответствующему научному направлению современный характер [Wiener, 1948]. В этом подходе в английском языке понятию «управление» соответствует термин «*control*».

Будучи одной из основ общей теории управления, кибернетика и в операциональном плане дает конструктивный инструментарий для анализа управления протекающими в обществе процессами, в том числе и в политике. Можно было бы ограничиться существующим в современной науке понятием политической кибернетики [Грачев, 2015]. Однако, с одной стороны, кибернетика — это наука не только об управлении в смысле *control*, но и о связи (*communication*). С другой, существует определенный скепсис относительно возможностей использования инструментария кибернетики для решения практических задач в сложных социальных системах [Давтян, 2019]. Это делает оправданным использование русскоязычного термина «управление» как общего для трех рассмотренных аспектов. При этом предметное поле политического управления образуется на пересечении предметных полей двух входящих в него понятий: управления и политического.

В таком случае система управления, как и кибернетическая система, может быть представлена как совокупность двух взаимосвязанных подсистем: управляющей и управляемой. Такое упрощение может показаться

чрезмерным. Но, во-первых, оно является уровнем абстракции, позволяющим включить все рассмотренные выше и не рассмотренные аспекты управления, обозначенные англоязычными терминами. Во-вторых, это дает возможность использовать ряд принципов кибернетики для анализа политических процессов. И в-третьих, представление управления как субъект-объектного, вертикального взаимодействия позволяет разделить все общественные отношения на вертикальные и горизонтальные, отношения управления и самоорганизации.

Один из наиболее важных принципов кибернетики, а значит, и управления, принцип обратной связи¹⁷. Управление, в том числе политическое, представляет собой взаимодействие управляющих и управляемых подсистем, единство прямой и обратной связей, прямого и обратного воздействия. Обратная связь существует в управлении всегда, она корректирует поведение управляющих своей реакцией на прямое воздействие. Это утверждение может показаться очевидным, но в некоторых работах это обстоятельство игнорируется, и управление определяется как воздействие управляющей подсистемы на управляемую [Теория..., 2019, с. 4].

Игнорирование обратной связи — явление, к сожалению, типичное не только на практике, но и в науке. Еще в начале шестидесятых годов прошлого столетия известный британский кибернетик С.Бир сетовал, что «по какой-то непонятной причине мы научились хорошо использовать обратную связь только в определенных машинах: двигателях, артиллерийских орудиях, судах и на некоторых предприятиях. В других областях она почти совсем неизвестна. Отсюда можно сделать вывод, что в идее обратной связи скрыта определенная сложность, которая является препятствием для ее понимания большинством людей, что ограничивает ее широкое применение в экономических, социальных и промышленных системах управления» [Бир, 1965, с. 47]. У. Эшби подметил, что обратная связь намеренно игнорируется даже в экспериментах в области физиологии [Эшби, 1962, с. 72].

Таким образом, управление можно в самом общем виде определить как субъект-объектное отношение, в котором можно выделить воздействие субъекта на объект, прямую связь, называемую властью (в политическом управлении — политической властью), и воздействие объекта на субъект, обратную связь (политическая обратная связь). Субъект управления может игнорировать обратную связь, может принимать в ответ на

¹⁷ Ниже общность принципов кибернетики и управления обозначаться не будет, как сама собой разумеющаяся.

ее воздействия неадекватные решения, но это с неизбежностью приведет к накоплению ошибок управления и потере устойчивости системы. То же относится и к политике. К сожалению, исключительно редко можно встретить публикации, в которых ставятся и анализируются проблемы политической обратной связи [Гаджиев, 2021; Тимофеева, 2018].

Другие два принципа управления связаны с понятием разнообразия, степень которого измеряется числом различных (отличающихся) элементов системы и связей между ними.

Первый из них — принцип необходимого разнообразия, обоснованный, как считается, У.Эшби: чтобы эффективно управлять, управляющая система должна обладать не меньшим разнообразием, чем управляемая (Эшби, 1959)¹⁸. Это означает, что для эффективного управления социальной системой, степень разнообразия которой по мере ее развития возрастает, необходимо, как минимум, настолько же повысить степень разнообразия управляющей подсистемы. Проблема современного управления, в том числе государственного, связанная со скачкообразным ростом разнообразия общественных систем, подробно раскрыта в работе Э. Тоффлера «Треть волна» [Тоффлер, 2008], и сегодня она только усугубляется.

В рамках управления можно решить эту проблему, повысив степень разнообразия управляющих. Но есть предел: так называемый принцип хрупкости хорошего, сформулированный советскими математиками В.И.Арнольдом [Арнольд, 1990] и Л.В.Левантовским [Левантовский, 1982]: чем сложнее организация системы, тем более вероятна потеря ее устойчивости.

Понятно, однако, что со степенью разнообразия системы связано ее развитие, понимаемое как увеличение способности адаптироваться к неблагоприятным изменениям внешней среды и внутреннего состояния. Общественные системы не исключение, так что по мере развития до сих пор неумолимо возрастала и степень их разнообразия, оставляя государствам все меньше маневра для сохранения собственной эффективности.

С этим связана еще одна проблема: как показал британский кибернетик С.Бир, управление упорядочивает управляемую подсистему, снижая тем самым степень ее разнообразия [Бир, 1965, с. 67]. Иными словами, управление противостоит развитию управляемой подсистемы, и чем шире область управляемых социальных отношений, тем ниже ее способ-

¹⁸ Дословно мысль У.Эшби сформулирована так: «Только разнообразие может уничтожить разнообразие». При этом разнообразие он понимал в информационной парадигме, как число различных наблюдателей элементов.

ность к развитию. Предназначение управления в другом: она обеспечивает стабильность общественной системы в целом. Недаром С.Бир рассматривал управление как «гомеостатическую машину» [Бир, 1965, с. 46]. Что же касается развития, то оно реализуется за счет подсистемы горизонтальных отношений, которая функционирует по законам самоорганизации, или синергетики. Применительно к общественной системе эту подсистему называют гражданским обществом.

Таким образом, *система политического управления как совокупность субъект-объектных отношений в рамках государства, деятельность которого определяется значимыми социальными группами с несовпадающими интересами*, будучи одной из подсистем общественной системы, функционирует во взаимодействии с другой подсистемой, с гражданским обществом. Первое обеспечивает стабильность, второе — развитие общества. Граница между ними определяется в процессе их взаимодействия, однако от государства зависит определить ее таким образом, чтобы процесс развития не сменился процессом деградации.

Глобальные изменения последних десятилетий запустили целый ряд процессов, оказывающих существенное влияние на функционирование политического управления.

2.1.4. Глобальные изменения

Одно из них — нарастающий накал борьбы за сферы влияния между Востоком и Западом на фоне достижения предела антропогенной нагрузки на природную среду [Доклад..., 2020] и включение в эту борьбу глобальных центров силы — таких как мировые финансовые центры и транснациональные корпорации [Кочетков, 2015]. По циничному признанию Д. Сороса «государствам приходится все больше внимания уделять требованиям со стороны международного капитала в ущерб ожиданиям собственных граждан» [Сорос, 2010, с. 197]. Иными словами, в число значимых социальных групп с несовпадающими интересами, участие которых в делах государства является одним из признаков политического, помимо национальных, вошли сегодня глобальные элиты, с растущим влиянием которых невозможно не считаться субъектам политического управления. Это в принципе ставит под вопрос перспективы современного государства-нации [Харин, 2016].

Еще одним разрушительным обстоятельством является совокупность глобальных факторов, размывающих национально-государственную

идентичность, основой формирования которой служит общность социальных ценностей, лежащих в ядре культуры. Передаваемые из поколения в поколение путем вытеснения в подсознание [Фрейд, 1992, с. 191], ценности эти — по Т. Парсонсу — «образцы» [Парсонс, 1998, с. 18] восприятия окружающего мира, консолидируют общество и регулируют поведение его членов нормами обычного права. Между тем в механизме культурного наследования, как справедливо отмечал С.П.Капица, заложен единственный, свойственный лишь человеку, способ организации и самоорганизации общества, развития общественных систем и человечества в целом [Капица, 2004, с. 46]. Его разрушение также сделало бы невозможным существование национального государства.

Существенным обстоятельством, затрудняющим культурное наследование, является радикальное ускорение хода истории: опыт, накопленный старшим поколением, оказывается все менее применимым в мире, окружающем молодежь. Разрушению национально-государственной идентичности способствует и нарастающая миграция населения, порождаемая борьбой ТНК и мировых держав за ресурсы: совместное существование, тем более столкновение заложенных в культуре коренного населения и мигрантов «образцов» также нарушают целостность общественного организма. Наконец, процессы цифровизации, глобальная сеть Интернет расширяют пространство виртуальных взаимосвязей, реальные отношения переносятся из реального в виртуальное пространство, препятствуя реальной социализации [Сащенко, 2021], «воспроизводству образа», усвоению социальных норм и ценностей реальных сообществ.

Эти процессы, объективно усложняющие социализацию индивидов, усугубляются целенаправленно реализуемой стратегией «гибкой власти», или «soft power». Суть ее откровенно изложена в одноименной книге начала этого века Дж.Наем, бывшим заместителем Министра обороны и Председателем Национального разведывательного совета США: понуждение других народов хотеть результатов, которых вы желаете получить, за счет продвижения в их сознание собственных ценностей [Най, 2006]. Развитие цифровых технологий породило в современных обществах и соответствующее отношение управляющих к свободе. «Если классический либерализм, — пишет профессор Копенгагенской школы бизнеса М.Дин, — можно рассматривать как систему естественной свободы..., то развитая либеральная власть превратила свободу в техническое средство управления...» [Дин, 2016, с. 518].

Действие совокупности всех этих факторов влечет за собой атомизацию общества и существенно снижает эффективность политической

обратной связи, включая один из общепризнанных ее институтов: выборы. «События последних десятилетий... подорвали веру в то, что демократические режимы эффективны и могут дать адекватный ответ на сложные вызовы нашего времени», — не без основания отмечают составители аналитического доклада «Демократии XXI века: смена парадигмы» [Демократии..., 2015, с. 8]. Этому есть серьезные причины.

Смысл представительной демократии состоит в том, что избиратель вручает мандат на представительство своих интересов в органах государственной власти. Предполагается, что избиратель осознает собственный интерес и знает представителя, который совместно с представителями прочих интересов будет определять курс суверенного государства.

Но сегодня становится все более очевидным, что современному государству приходится делиться суверенитетом с внешними и надгосударственными структурами. Происходит ли это в форме делегирования суверенных прав на наднациональный уровень [Гадисов, 2019] или прямого посягательства на суверенитет [Носов, 2015], но избирателю приходится мириться с тем, что его представитель будет вынужден считаться и с интересами политических элит других государств, и глобальных элит.

С другой стороны, и сам избиратель все в меньшей мере способен осознать свой интерес. Информационное отчуждение человека от реального мира делает это все менее возможным, и, реализуя «свободный» выбор, избиратель не предполагает, что его свобода есть лишь средство управления им. Как отмечает тот же Д.Сорос, «люди поступают так или иначе не в соответствии со своими интересами, а в соответствии с собственным *восприятием* своих интересов...» [Сорос, 2010, с. 161].

Наконец, как отмечал почти полвека назад Ж.Бодрийяр [Бодрийяр, 2000], с развитием средств массовой коммуникации реальный мир все в большей степени вытесняется разрастающимся миром виртуальных образований, симулякров социальной реальности. Люди и партии, которым человек доверяет право отстаивать его интересы, скрыты за образами, поставляемыми интернетом и средствами массовой информации. Сегодня уже появились киберсимулякры, которые «с развитием самообучаемых нейросетей становятся все более реалистичными...», и с появлением технологий deep fake становятся способными симулировать «реально существующих политиков, от лица которых осуществляется трансляция вымышленных сообщений» [Володенков, 2021, с. 26].

Таким образом, сложившаяся модель политического представительства оказалась перед трудно разрешимой и со временем усугубляющейся проблемой: избиратель голосует, не вполне осознавая собственный инте-

рес, не зная своего представителя и выбирая его в государственный орган, для которого интересы собственных граждан не являются единственным источником его власти.

Проблема эта усугубляется рассмотренными выше процессами разрушения национально-государственной идентичности и атомизации общества. Гражданин же голосует, исходя из интересов общества и составляющих его этнических, религиозных и прочих групп лишь в той мере, в которой он чувствует себя их частью. Сегодня как никогда актуальными становятся размышления Аристотеля, обозначившего принципиальную разницу между государственными устройствами, в которых власть осуществляется ради общего или личного блага, отнеся их соответственно к лучшим и к худшим. По этому критерию он различал и власть большинства, как политику и демократию [Аристотель, 1997, с. 112]). Обратная связь в управлении атомизированным обществом ослаблена: оно не может ни сформулировать общих требований, ни оказать реальное воздействие на управляющих.

Наконец, претензии глобальных элит на управление в масштабах всего человечества вступают в противоречие с принципом необходимого разнообразия. В этом случае к росту степени разнообразия общественных систем, вызванному переходом к новому технологическому укладу, добавляется несопоставимо более высокая степень разнообразия мирового сообщества. Преодолеть возникающее несоответствие разнообразий можно лишь двумя путями. Первый — радикальное сокращение численности населения Земли, о необходимости которого в 2011 году на Международном форуме по нанотехнологиям сообщил А.Б. Чубайс [Чубайс, 2021]. Второй — не менее радикальное упрощение человека, создание, по образному выражению М.В. Ковальчука, его подвида — «служебного человека» (Директор..., 2015). В любом случае упрощение общественных систем равносильно снижению степени их разнообразия, а значит, деградаци и снижению способности адаптироваться к изменениям среды, которые, судя по наблюдаемым тенденциям, обещают быть весьма неблагоприятными для человека.

Вывод. В начале XXI тысячелетия человечество столкнулось с глобальными изменениями, которые грозят приобрести катастрофический характер. Строго формализованный научный аппарат, связанный с использованием понятия «политическое управление», может быть использован в качестве эффективного инструментария для анализа этих процессов и их возможных последствий. В самом общем виде его применение дает основание для вывода о необходимости радикального изменения подходов к пониманию возможности избежать негативных последствий.

Первое — это преодоление доминирующих сегодня социально-экономических отношений общества потребления, стимулирующего рост потребления материальных благ в условиях истощения природных ресурсов и расширенное воспроизводство механизмов глобального управления. Перспективу имеет только общество, ориентированное, прежде всего, на рост потребления не материальных, а духовных благ, где личный успех и высокий социальный статус будут зависеть от интеллектуального и духовного богатства, а не размера банковского счета и количества предметов роскоши.

Второе — это снижение степени разнообразия управляемых социальных подсистем за счет сокращения сферы ответственности государственного и надгосударственного управления. Единственный надежный способ решения этой проблемы состоит в передаче все большей части функций политического управления в сферу самоорганизации, структурам гражданского общества, которое, со своей стороны, должно быть готовым взять эти функции на себя.

То и другое возможно только при условии формирования интеллектуально и духовно развитого человека.

2.2. Трансформации института государственной службы России в современном политическом процессе

2.2.1. Кризис госслужбы как проявление кризиса государственности

В период модерна (конец XVIII — вторая половина XX вв.) государство было символом прогресса, безопасности, благополучия и надежды. В центре мир-системы (по И.Валлерстайну) упрочивались государственные институты ради построения лучшего будущего (общество благосостояния, социализм), а зависимые народы стремились к обретению суверенной государственности.

Впоследствии мир столкнулся с нарастающим кризисом способности государств решать реальные проблемы людей и создавать лучшее будущее для большинства [Wallerstein, 2015]. Это не замедлило выразиться в падении доверия к институтам и росту влияния групп, существующих парал-

тельно с государством. Ю.Хабермас констатирует рассогласование между дискурсом в публичной сфере и процессами бюрократического правления (Habermas, 2019). Нарастание хаоса и энтропии вместо мирового порядка отмечает Г.Киссинджер [Kissinger, 2014] и другие авторитетные эксперты.

Для России эти процессы особенно актуальны ввиду традиционного этатизма. Институт государственной гражданской службы сложился в 1990-е гг. и подвергается периодическим реформам. Общественно-политические изменения и цифровая трансформация создают для госслужбы новые вызовы. Эксперты [Жулин, Кузьминов, 2020; Шклярчук, 2021] констатируют ряд системных проблем и новых негативных тенденций:

- 54 % россиян, по опросам, не доверяют государственным органам и 66 % граждан относятся к госслужащим негативно;
- популярность госслужбы как престижного места работы среди выпускников вузов за три года снизилась с 38 до 19 % (в два раза);
- треть работников госаппарата занята выполнением обеспечивающих и рутинных функций, 43 % служащих, прошедших обучение, не считают его полезным, а 52 % рассматривают возможность своего ухода с госслужбы.
- 31 % принимаемых законов вводят новые полномочия органов власти; их объем (и трудовая нагрузка служащих) за 15 лет увеличились в два раза;
- за последние 10 лет доля госслужащих младше 30 лет снизилась с 27 до 19 %, лишь 40 % кадров остаются на службе дольше трех лет, а текучесть кадров моложе 30 лет в госорганах достигает 20 % в год.

Эксперты единодушны в том, что госслужба сегодня заключена в тиски жестких правовых норм, обособлена от других сфер деятельности, уровень нагрузки там выше, а оплата в среднем ниже, чем в коммерческом секторе. Цели и задачи трансформации госаппарата не ясны как большинству госслужащих, так и налогоплательщикам-избирателям. Это создает риски внутри государственной машины и в общеполитическом контексте, усиливая отчуждение власти от общества, генерируя протестные настроения.

Проблемы госслужбы обычно изучаются в контексте кадрового менеджмента, так как проведение реформы возложено на кадровые службы государственных органов. Однако решить системные проблемы точечными технократическими мерами невозможно, при таком подходе реформы обречены на малозначительные изменения. Ни цифровизация, ни новые кадровые практики не смогут принципиально изменить положение дел, ведь трещина проходит по всей государственной системе и состоит в потере доверия к государству, власти.

В данном материале мы стремимся выяснить видение российскими законодателями и исследователями текущего и перспективного состояния государственной службы и предложить вектор дальнейшей трансформации данного института в современном политическом процессе. Мы проводим библиометрический анализ публикаций 2017–2021 гг., чтобы определить ключевые теории и исследовательские приоритеты. Далее мы определим место государственной службы в программах российских политических партий и рассмотрим основные направления развития гражданской службы и «дорожные карты» по их реализации, сравнивая запланированные и реализованные изменения. Критически проанализировав предложения экспертов, мы формулируем свое видение стратегии развития госслужбы в России и смежных реформ.

2.2.2. Библиометрический анализ исследований государственной службы (2017–2021)

Библиометрический анализ позволяет оценить востребованность конкретного исследовательского направления. С этой целью мы рассмотрели динамику российских публикаций, использующих тезаурусные слова «государственная служба» и включенных в системы научного цитирования.

Как видно на рис. 1, частота упоминаний госслужбы в публикациях долгое время неуклонно возрастала, но после 2017 г. снизилась.

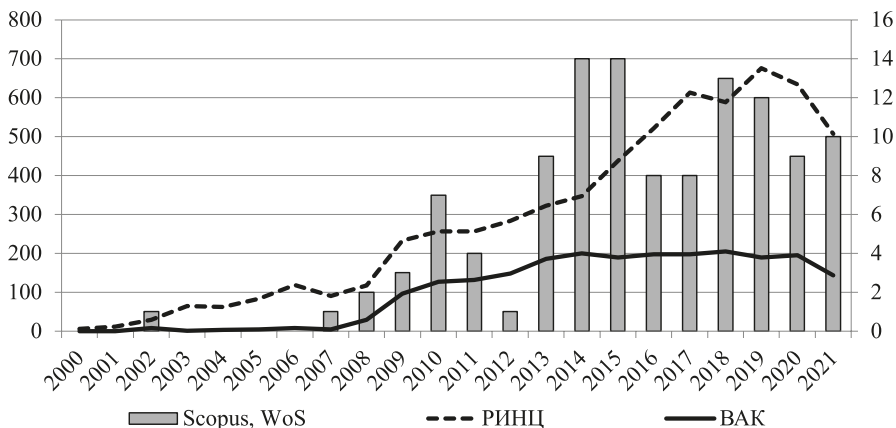

Рис. 1. Динамика публикаций о государственной службе (ед.)

Источник: составлено автором по данным E-library (дата обращения: 28.12.2021).

В то же время количество публикаций в ведущих рецензируемых журналах из перечня ВАК резко увеличилось в 2008 и 2013 гг., а в 2014–2020 гг. оставалось стабильным. Рост числа статей в изданиях, входящих в международные системы цитирования Scopus и Web of Science (WoS), указывает на постепенное повышение научного уровня статей о госслужбе.

Учитывая межотраслевой характер тематики, представляет интерес распределение работ по научным сферам (рис. 2). Преобладают публикации в изданиях в сфере права (55 % в РИНЦ, 58 % в журналах ВАК, 40 % в журналах Scopus и WoS). Доля изданий экономической тематики в трех группах примерно равна, а доля социологии и истории велика в группе Scopus и WoS.

Предмету политических исследований соответствуют лишь 4 % публикаций о госслужбе в РИНЦ, 5,5 % в ВАК и 3 % в журналах международного уровня, что указывает на невысокий исследовательский интерес к проблемам госслужбы в отечественной политической мысли. Исключения составляют статьи, посвященные концепту бюрократии [Гостев и др., 2021], политико-административной дихотомии [Фомин, 2018] и государственной службе как институту [Исаев, 2020]. К сожалению, в содержательном плане эти работы вторичны по отношению к аналогичным зарубежным исследованиям [напр.: Studin, 2018].

Закрепление в 2020 г. норм о публичной власти в Конституции РФ активизировало исследования данного концепта [Лапшина, Попов, 2021; Епинина, 2021]. В этом вопросе также наблюдается неоднозначность оценок: одни авторы противопоставляют публичное управление (самоуправление) бюрократическому управлению [Левакин. 2020], а другие указывают на необходимость институционализации публичной службы [Коновалов, 2021; Денисов, Стаурский, 2021]. Число публикаций, использующих

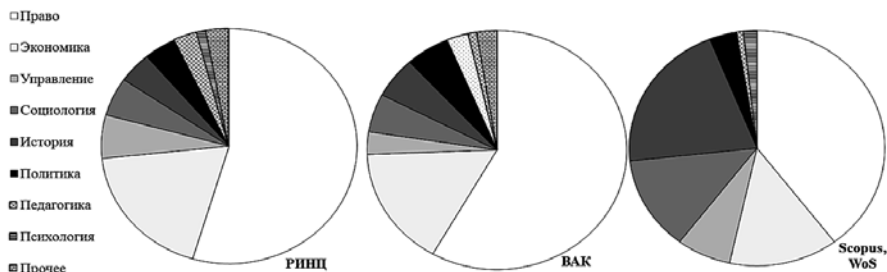

Рис. 2. Распределение публикаций о государственной службе по сферам

Источник: составлено автором по данным E-library (дата обращения: 28.12.2021).

понятие публичной службы, возрастает: если в 2010 г. таких работ в базе e-library было лишь три (и все они рассматривали зарубежный опыт), то в 2020 г. уже 22, преимущественно посвященных российским реалиям.

2.2.3. Реформа госслужбы в программах политических партий

Будучи выразителями интересов общественных групп, борющимися за овладение политической властью [Kogunyuuk, 2017], партии стремятся к овладению госаппаратом как ключевым инструментом для практической реализации политических решений. Это ориентирует партии формировать свои представления о направлениях трансформации публичного управления и госслужбы. В предыдущем избирательном цикле предложения партий по данным аспектам чаще касались перераспределения полномочий между центром и регионами, создания новых органов власти и усиления контроля со стороны общества [Тимшина, 2020].

Проведя контент-анализ программ партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу РФ в 2021 г., мы выяснили, какие тезисы в сфере публичного управления и госслужбы повторялись чаще всего (табл. 1).

Таблица 1

Повторяющиеся тезисы о публичном управлении в программах партий

Тезисы	Партии
Конфискация имущества за коррупцию	КПРФ, ЛДПР, СРЗП, РПСС, Коммунисты России
Ратификация конвенций ООН против коррупции	Яблоко, СРЗП
Усиление государственных органов лесохраны	Зеленые, Яблоко, Коммунисты России, Родина
Сокращение числа чиновников	КПРФ, Гражданская платформа, Новые люди
Наделение новыми функциями Почты России	Гражданская платформа, Партия пенсионеров
Воссоздание милиции	Коммунисты России, Гражданская платформа
Отмена призыва в армию	ЛДПР, Яблоко, Партия роста
Выборность судей	КПРФ, ЛДПР, Новые люди, Яблоко, РПСС, Гражданская платформа
Сокращение отчетности в бюджетной сфере	ЛДПР, Новые люди, Единая Россия, СРЗП

Видно, что многие тезисы нашли отражение в программе более чем одной партии. При этом, кроме тезиса об отмене призыва в армию, характерного для правых партий, остальные предложения выдвигали как левые, так и правые партии. Например, усилить органы лесоохраны одновременно призывали «Коммунисты России» и «Родина», занимающие полярные точки идеологического спектра.

Особенности идеологического позиционирования российских политических партий являются предметом дискуссии [Баранов, 2021]. Проведенное нами исследование не выявило явной взаимосвязи между партийной идеологией и предложениями по реформе публичного управления и госслужбы в предвыборных программах. Как левые, так и правые партии зачастую выдвигали сходные предложения (усиление органов лесоохраны, выборность судей, наделение Почты России новыми полномочиями, восстановление милиции, сокращение отчетности в бюджетном секторе, конфискация имущества коррупционеров, сокращение числа госслужащих).

Кроме того, мы выяснили, что содержательные предвыборные программы¹⁹ имеют более полные тезисы в сфере публичного управления и госслужбы. Так, в программе «Единой России» сделан акцент на цифровые сервисы, а у «Гражданской платформы» — на аутсорсинг функций и эффективные контракты с публичными служащими.

Для большинства тезисов предвыборных программ характерны установки на открытость, сетевые коммуникации, вовлечение граждан. Ввиду усложнения социально-экономических и политических конфигураций, государство вынуждено привлекать граждан к реализации публичных функций [Бляхер и др., 2021]. Политические силы, активизировавшие на прошедших выборах дискурс о приоритетности общественно-государственного управления, получили мандат доверия от избирателей, и теперь им предстоит реализовывать запрос на социальную справедливость и развитие практик реального участия граждан в публичном управлении.

¹⁹ По данным Индекса содержательности программ, учитывавшего их структурированность, охват тем, реалистичность, логику, обоснованность, отсутствие популизма (см.: Выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва: анализ партийных предвыборных программ. М.: НИЦ «Особое мнение», 2021).

2.2.4. Институционально-правовые рамки современных трансформаций госслужбы России

Основные направления развития государственной гражданской службы РФ на 2019–2021 гг. утверждены указом Президента РФ от 24.06.2019 № 288. В его развитие Правительством РФ утверждена «дорожная карта» из 34 мероприятий по четырем направлениям: улучшение порядка назначения на должности; развитие стимулирования и государственных гарантий; внедрение новых форм профессионального развития; повышение качества кадровой работы с использованием цифровых технологий. Как видно, задачи поставлены еще менее амбициозные, чем ранее. Сколько-нибудь открытого общественного или экспертного обсуждения снова не проводилось.

Реализация началась со второго полугодия 2019 г., что предопределило смещение сроков. Официальные данные об исполнении отсутствуют, но, по нашим оценкам, к концу 2021 г. выполнено не более 50 % мероприятий. Мы учитывали только те мероприятия, информация о которых есть в открытом доступе. Так, доклад Минтруда РФ о состоянии гражданской службы за 2020 г. недоступен, но упоминания о нем есть на ведомственных сайтах, поэтому мероприятие считалось выполненным. Результаты мониторинга Минобрнауки РФ качества подготовки госслужащих по дополнительным профессиональным программам не выявлены, и мероприятие включено в число неисполненных.

Прослеживается взаимосвязь анализируемого документа с пенсионной реформой и оптимизацией бюджетных расходов. Для изыскания средств на повышение оплаты труда гражданских служащих проведено 10-процентное сокращение их численности. В рамках новой системы профессионального развития введены государственные образовательные сертификаты и гранты вузам по ним, урегулированы служебные стажировки и порядок целевого обучения. Появилась единая методика аттестации и новые условия сдачи служащими квалификационного экзамена. В самом конце 2021 г. принят закон об увеличении доли оклада в структуре оплаты труда госслужащих.

Нерешенными остались задачи в части стратегического планирования развития государственной службы, взаимосвязи ее видов, нормирования должностей, открытости службы и контроля исполнения решений. Как и ранее, не сформулированы цель развития и критерии ее эффективности.

Представляется маловероятным, что эти аспекты будут решены в рамках следующей итерации основных направлений, ожидаемых в 2022 г.

Изменения в системе стратегического планирования (новое положение о государственных программах, Единый план по достижению национальных целей, развитие национальных проектов, цифровизация государственного управления) давали бы основания рассчитывать на аналогичные новации в системе госслужбы. Однако сомневаться в этом заставляют такие факторы, как: 1) формат основных направлений, не вписанный в систему документов стратегического планирования; 2) отсутствие в бюджете специального финансирования на эти цели; 3) отсутствие поддержки обществом; 4) реализация ведомством с небольшим аппаратным весом (Минтруд РФ).

Поскольку власть не показывает готовности сформулировать ясные цели развития госслужбы, рассмотрим видение этих целей экспертами.

2.2.5. Российские эксперты о будущем госслужбы

В последние годы появился ряд экспертных публикаций, содержащих направления дальнейшего развития отечественной государственной службы.

В докладе НИУ ВШЭ [Жулин, Кузьминов, 2020] предлагается использовать опыт крупных коммерческих организаций (банков, цифровых и промышленных компаний) по изменению организационных структур. Далее авторы, обращаясь к опыту Москвы, предлагают ряд мер по цифровой трансформации сервисов для граждан. Третий раздел касается совершенствования функционала органов власти путем использования информационных систем, аудита первичных данных, регуляторной гильотины, доказательной политики, оценки регулирующих воздействий, расширения аналитических подразделений государственных органов.

Попытка вписать развитие государственной службы в более широкий контекст политико-административных реформ заслуживает одобрения. Вместе с тем другие авторы справедливо указывают, что «авторы доклада надеются исправить ситуацию техническими мерами за счет увеличения потоков информации и расширения полномочий ... власти» [Андреев, 2021, с. 11]. Кроме того, положения доклада содержат ряд противоречий:

- внедрение гибких проектных технологий, расширяющих автономию госслужащих, на фоне сохранения высокого уровня коррупции в РФ, а также сочетание неоднократных призывов к гибкости системы управления с предложениями по усилению ее централизации;

- смещение внимания «с анализа сложившихся трендов на обоснование и описание направлений реформирования» вызывает вопрос, возможно ли реалистичное планирование без анализа сложившихся трендов;
- отсутствие методики расчета оптимальной численности гражданских служащих (в одном месте доклада сказано, что численность служащих Минпромторга РФ слишком мала для реализации его функций, а в другом предлагается сократить там почти 100 чел. служащих), и т.д.

В материале, подготовленном Центром перспективных управленческих решений, предлагается «инициировать пересмотр текущей парадигмы работы с кадрами на госслужбе», провести «комплексную трансформацию российской госслужбы» [Шклярчук, 2021. с. 3]. Предложены восемь блоков проблем и решений, систематизированных нами в таблице 2.

Таблица 2

Экспертные предложения по реформированию государственной службы

Проблемы	Решения
<i>1. Изменение законодательства</i>	
Зарегулированность кадровых процедур	Более гибкие процедуры приема и увольнения
Избыточные требования к кандидатам	Более гибкая должностная структура и система оплаты
<i>2. Изменение правил формирования оплаты труда и ее уровня</i>	
Избыточная доля премий, не привязанных к результатам, в структуре оплаты	Увеличение доли постоянной части
Неконкурентный уровень оплаты труда	Выплата премий за достижение КПЭ
Диспропорции по оплате между ведомствами и внутри ведомств	Повышение базового уровня оплаты путем перераспределения средств от тех ведомств, где оплата выше среднего уровня
<i>3. Изменение технологий управления персоналом</i>	
Ориентация кадровых служб на контроль, а не на развитие персонала	Разработка полного цикла работы с персоналом
Неэффективная система профессионального развития	Повышение ответственности и статуса кадровых служб
<i>4. Изменение принципов управления кадровой политикой</i>	
Децентрализованная кадровая политика	Создание сопровождающего офиса в сфере комплексной кадровой политики
Противоречие между запросом общества на честность и отзывчивость госслужащих и установкой на лояльность внутри системы	Разработка требований к кадрам с учетом ожиданий общества

Проблемы	Решения
<i>5. Изменение моделей компетенций</i>	
Отсутствие или не использование моделей компетенций	Актуализация моделей компетенций, обучение кадровых служб их применению
<i>6. Изменение условий труда</i>	
Существование «функциональных колодцев», внутриведомственных барьеров	Внедрение открытых рабочих пространств и гибкого графика, в т.ч. удаленной работы
<i>7. Изменение должностной структуры</i>	
Несоответствие структуры должностей госслужащих их реальным задачам	Внедрение единой системы грейдов на основе компетенций
Избыточная доля руководящих должностей	Разделение моделей карьеры на руководящую и экспертную
<i>8. Изменение принципов подбора кадров</i>	
Длительность и сложность конкурсных процедур отталкивает кандидатов	Сокращение длительности процедур отбора
Трудно как уволить сотрудника, так и привлечь работника на определенный срок	Расширение случаев применения срочных контрактов

Источник: составлено автором по данным (Шклярчук, 2021).

При многочисленности предложений большинство уже звучали ранее. Мы считаем необходимым акцентировать утверждение, что «для граждан ... важнее всего отношение сотрудников госорганов к нуждам и интересам населения, способность удовлетворять и защищать их («забота о народе»), неподкупность, стабильность, законность и справедливость. Компетентность и эффективность чиновников для граждан отходят на второй план» [Шклярчук, 2021, с. 68]. Этот аспект ранее почти не рассматривался. Его появление может знаменовать поворот от обсуждения того, *какой* должна быть госслужба к тому, *для чего* она нужна обществу, как оправдать ее существование в глазах избирателей и налогоплательщиков.

Здесь стоит вспомнить слова представителя Минтруда РФ в Совете Федерации о том, что госслужба «не так уж сильно отличается от трудовых отношений, то есть по-другому названа, но в глобальном смысле мы очень далеко оттуда не ушли. И это вопрос уже перспектив, следующих реформ, готовности перехода» [Кривов, 2020, с. 62]. Важна констатация органов, отвечающим за развитие гражданской службы, того, что госслужба по факту — это обычная трудовая деятельность, «только

по-другому названа». Но не менее важно определиться с вектором перехода: пойдет ли он в сторону стирания границ с трудовой деятельностью, или к большему обособлению. Нынешняя гибридная модель, создававшаяся почти три десятилетия, вызывает равное отторжение как у общества, так и у самих госслужащих.

При сопоставлении позиций экспертов обращает внимание их общее представление о госслужбе как о плохо организованной бизнес-структуре. Чтобы сделать ее «хорошей», нужно повысить эффективность, развернуть лицом к клиентам, выстроить работу с данными и цифровыми платформами.

Однако бизнес не может и не должен быть образцом для организации госсектора, так как эти сферы имеют *несовместимые* цели. Это видно из простого примера с подходом к оказанию услуг клиентам. Целевая модель поведения бизнеса *a priori* сводится к тому, чтобы оказать минимальное количество коммерческих услуг (снижение издержек) по наивысшей цене, которую участники рынка согласны заплатить (максимизация прибыли). Для госсектора это неприемлемо, так как он призван оказывать максимальное количество услуг (удовлетворение запросов всех граждан, имеющих право на такие услуги) по минимальной стоимости (экономия средств бюджета).

Таким образом, опыт бизнеса если не прямо вреден для транслирования в госсектор, то полезность такого опыта крайне ограничена. После увлечения государственным менеджментом (*new public management*) к подобным выводам пришли западные эксперты, предложившие теории мотивации служения и общественных благ. Работники бизнеса и госсектора имеют различную мотивацию, ломка которой не повышает, а снижает эффективность организации. Это относится к грейдам (уровням оплаты), моделям компетенций, ключевым показателям эффективности, срочным контрактам. Подобные инновации, как показали реформы в высшей школе, науке, здравоохранении, не повышают качество работы организаций, а способствуют вымыванию кадров, для которых важна мотивация служения и которым трудно адаптироваться к менеджеристской логике поведения.

В завершение данного краткого обзора отметим, что пять лет назад автор этих строк выступил автором раздела о будущем госслужбы в проекте Стратегии социально-экономического развития России до 2030 г. [Борщевский, 2017], где была сделана попытка системного подхода к решению проблем госслужбы (таблица 3).

Систематизация мер по совершенствованию государственной службы

Барьеры и вызовы	Точки роста	Предлагаемые меры
<i>Краткосрочная перспектива</i>		
«Ручное» управление, игнорирование научных подходов	Внедрение систем управления качеством	Установление соответствия между численностью должностей и объемом функций госорганов
Неоптимальные требования к должностям и порядок подбора кадров	Развитие антикоррупционных кадровых технологий	Единые требования к кадрам госслужбы с учетом квалификации, стажа, деловых качеств; единый кадровый резерв госслужбы
Необеспеченность реформ госслужбы финансированием	Аутсорсинг части государственных функций	Создание НКО «Агентства по подбору, обучению и оценке кадров госслужбы», подведомственного Администрации Президента РФ, и его региональной сети
<i>Среднесрочная перспектива</i>		
Отсутствие критериев эффективности института госслужбы	Развитие принципов управления по результатам	Введение правового принципа ориентации госслужбы на достижение национальных целей
Правовое обособление госслужбы от бюджетной сферы	Расширение участия гражданского общества в управлении	Сближение границ госслужбы с иной деятельностью в интересах государства и общества
Слабая связь реформ госслужбы с конституционной, бюджетной и иными реформами	Принятие решений после общественно-го обсуждения	Создание публичной службы, включая гражданскую и муниципальную службу, госслужбу иных видов, руководство бюджетных организаций, внебюджетных фондов, иных публичных организаций
<i>Долгосрочная перспектива</i>		
Неоптимальная система управления госслужбой	Цифровизация кадровых процедур	Единый кадровый резерв гражданской и муниципальной службы; планирование кадровой потребности в масштабе страны
Слабость механизмов общественного контроля	Публичная оценка руководителей госслужбы гражданами	Распространение законодательства о публичной службе на НКО, общественные организации; единый кадровый резерв публичной службы

С некоторыми нашими предложениями перекликаются последующие рекомендации иных экспертов²⁰. Часть рекомендаций к настоящему времени реализована (кадровый портал с возможностью подачи документов

²⁰ Например: Агентство по подбору, обучению и оценке кадров государственной службы (Борщевский, 2017) и Сопровождающий офис по внедрению единых принципов для формирования комплексной HR-политики на госслужбе (Шклярчук, 2021).

онлайн, новый порядок привлечения экспертов и аттестации госслужащих). Усилена взаимосвязь деятельности всех звеньев публичной власти с национальными целями; создан реестр функций (полномочий) федеральных органов исполнительной власти; формируется единая государственная цифровая платформа «ГосТех» и др. Однако потребность в изменениях гораздо больше.

2.2.6. Трансформации госслужбы в современном политическом процессе

В предыдущих разделах мы выяснили, что: 1) в современных научных публикациях политический аспект госслужбы рассматривается фрагментарно; 2) политические партии в своей предвыборной риторике апеллируют к простым «рецептам» и не обозначают путей решения системных проблем публичного управления; 3) программные документы по госслужбе рассчитаны на краткосрочный период и предполагают лишь точечные улучшения; 4) в экспертной среде преобладает установка о необходимости применения в госсекторе стратегий бизнеса.

Однако существование негативных тенденций, обозначенных в начале этой главы, требует комплексного подхода к трансформации госслужбы в политическом процессе РФ. Необходимо перезаключить общественный договор, зафиксировав роль государства в цифровом обществе, отличную как от роли гегемона, так и от роли «ночного сторожа». Государство должно удовлетворить запрос общества на обеспечение справедливости, что проявляется, в первую очередь, в производстве общественных благ и оказании социальных услуг, направленных на обеспечение законных прав граждан и не зависящих от платежеспособного спроса. Это сближает государство с «третьим сектором» и наделяет ролью координатора всех видов некоммерческих организаций.

В рамках изменений Конституции в РФ и вновь принимаемых законов в стране формируется единая система публичной власти. Ее логическим продолжением станет трансформация гражданской и муниципальной службы в публичную службу [Коновалов, 2021; Денисов, Стаурский, 2021]. Вместе с тем, большинство социальных услуг и общественных благ производятся работниками бюджетного сектора, не состоящими на государственной или муниципальной службе. Общество воспринимает этих лиц как часть публичной системы. Для роста доверия к этой системе она должна стать более понятной для граждан. Этому будет способство-

вать включение в число публичных служащих руководителей организаций бюджетного сектора и государственных компаний, то есть всех, кого сегодня неофициально именуют «чиновниками».

Уже сейчас для руководства Центробанка, госкорпораций, финансовых уполномоченных и иных категорий должностных лиц применяются общие нормы об отсутствии иностранного гражданства (вида на жительство), счетов в зарубежных банках, декларировании доходов, расходов и имущества. Эти нормы, отраженные в Конституции, на наш взгляд, следует кодифицировать в едином правовом акте, содержащем понятные для граждан квалифицирующие признаки публичных служащих, такие как:

- 1) вознаграждение из средств бюджетной системы РФ или доходов организаций, принадлежащих государству;
- 2) деятельность по исполнению полномочий публично-правовых образований и иных публичных функций;
- 3) обеспечение реализации национальных целей развития.

Сущностное отличие публичной службы от работы в коммерческом секторе — нацеленность на производство общественных благ и оказание социальных услуг. С учетом этого в контур публичной службы могут быть включены негосударственные организации некоммерческого сектора. Должность публичной службы связана, в первую очередь, не столько с осуществлением власти, сколько с реализацией общественного интереса.

Единая система должностей публичной службы позволит:

- увязать их численность с полномочиями органов публичной власти и функциями публично-правовых компаний;
- планировать требования к кадрам, их квалификации, численности, территориальному размещению с учетом достижения национальных целей;
- установить базовые квалификационные требования и принципы подбора кадров для всех звеньев публичной службы, а также специализированные требования по профессиональным сферам;
- сформировать единый кадровый резерв публичной службы;
- установить уровень оплаты труда, обусловленный функциональной нагрузкой и уровнем ответственности (с учетом среднего уровня оплаты в соответствующей отраслевой, профессиональной сфере).

Все эти новации технически осуществимы в условиях цифровой трансформации, соответствующие платформы и аналитические алгоритмы уже существуют и используются.

Кроме того, необходима единая градация публичных служащих:

- 1) политические руководители (лица, замещающие государственные и выборные муниципальные должности);
- 2) административные и хозяйственные руководители (руководители органов власти, публичных организаций и учреждений);
- 3) специалисты.

Следует выстроить кадровую политику таким образом, чтобы все назначения, кроме выборных должностей, на каждом должностном уровне осуществлялись по единым принципам и технологиям. Для руководителей политического уровня, по нашему мнению, должна существовать система политической оценки избирателями, либо высшим должностным лицом; для административных и хозяйственных руководителей — срочные контракты с показателями результативности и эффективности. Для подбора и оценки специалистов будут созданы кадровые центры, а также эффективная система профессионального развития и планирования карьеры с участием непосредственных руководителей и отраслевых экспертов. Осуществление вспомогательных и обеспечивающих функций должно быть централизовано, что также позволяет сделать современные цифровые технологии.

Экономический смысл предлагаемых мер состоит в устранении барьера между «чиновниками» и «бюджетниками». В настоящее время прослойка подведомственных организаций выполняет функции госорганов, но с более высоким уровнем оплаты труда и меньшими ограничениями по сравнению с госорганами. В новых условиях станет бессмысленным перевод госслужащих после имитационных сокращений и реорганизаций в подведомственные организации, так как в правовом отношении их работники будут иметь равный правовой статус и сопоставимый уровень оплаты с работниками органов власти (кроме руководителей).

Идейный смысл всех этих изменений состоит в преодолении ведомственной и территориальной разобщенности госсектора, консолидации усилий на достижении национальных целей. Будет сформулирована кадровая политика, базирующаяся не на «лучших практиках» бизнеса, а на более свойственной государству мотивации общественного служения, что позволит подбирать кадры с соответствующими ценностями и предлагать значимые для них стратегии мотивации, стимулирования и продвижения в публичной сфере.

Изложенные меры сами по себе не решат проблему доверия к власти. Граждане будут доверять государству, лишь понимая, что оно работает в их интересах. Поэтому у избирателя-налогоплательщика должна существовать возможность понять, как распределяются уплаченные им средства

внутри федерального, регионального и местного бюджетов. Параллельно должен быть создан электронный реестр государственных функций, обновляемый в режиме реального времени при изменениях в нормативном регулировании. Эти функции, вытекающие из задач государственных органов, должны в той же системе декомпозироваться на задачи структурных подразделений и на должностные обязанности публичных служащих. Там же следует отражать целевые показатели, установленные для ведомств-исполнителей программ и национальных проектов, включая КПЭ руководителей и иных должностных лиц. Наряду с этим в единой системе будут отражаться бюджетные расходы на финансирование государственных органов, включая фонды оплаты труда в целом, в разрезе структурных подразделений и отдельных штатных единиц.

По итогам отчетного периода в систему будут вводиться данные об уровне достижения целевых показателей, установленных документами стратегического планирования, а также о выполнении КПЭ должностными лицами. При этом условии выплата премиальных средств будет поставлена в зависимость от достижения результатов конкретными работниками. Начинать формирование системы следует сверху — с уровня ведомств и их руководителей, постепенно детализируя на уровень специалистов. Там же могут размещаться данные о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера должностных лиц.

Вывод. В завершенном виде описываемая система позволит осуществлять мониторинг выполнения национальных целей всеми ведомствами, сопоставлять их функциональную нагрузку, штаты и уровень оплаты труда. Частично система может быть открыта для общественного контроля, а в закрытой части использоваться контролирующими органами для оценки и планирования оргштатных и кадровых процессов.

Наконец, следует обратить внимание на то, что деятельность госслужащих в значительной степени связана с нормотворчеством и правоприменением. Сложная и запутанная правовая система также способствует недоверию к институтам власти. По данным исследований, тексты российских законов понимают не более 5% граждан²¹. Эксперты предлагают симплификацию (от англ. *simplification* — упрощение), существенное сокращение числа норм и переход к доказательному регулированию. В конечном итоге речь должна идти о ревизии правовой системы и ее новой кодификации. Все действующие правовые акты должны быть пред-

²¹ <https://rg.ru/2016/04/17/rektor-spbgu-iazyk-chinovnikov-ponimaiut-tolko-5-procentov-rossiiian.html>

ставлены в единой поисковой системе, структурированы (например, по жизненным ситуациям) с возможностью гражданам получить бесплатно и онлайн полную актуальную информацию о регулировании каждого вопроса на законодательном и подзаконном уровне, включая специфику конкретного региона и правоприменительную практику. Выявленные при формировании такой системы дублируемые, устаревшие, противоречивые, неприменимые нормы должны удаляться (принцип регуляторной гильотины). Последовательная реализация этих мер сделает правовую систему более компактной, современной и удобной для граждан, что сократит возможности злоупотреблений и повысит доверие.

Все изложенные меры соотносимы с происходящими процессами в системе госуправления и политическим вектором на консолидацию общества и власти вокруг достижения национальных целей развития.

Безусловно, каждый из вопросов, поднятых в этом кратком очерке, нуждается в дополнительной проработке, детализации и аргументации. Здесь мы стремились выделить ключевые факторы, позволяющие вывести политико-административную систему России из состояния усиливающейся стагнации. Формирование целостной программы изменений и экспертная дискуссия вокруг нее призваны привлечь внимание властных институтов.

2.3. Политическое управление миграционными процессами в контексте обеспечения политической стабильности

2.3.1. Миграция и миграционные процессы в современном мире

Интенсификация миграционных процессов с учетом имеющихся тенденций глобализации, а также на фоне происходящих политических, межэтнических, религиозных и иных конфликтов, существующего и прогрессирующего неравенства экономического развития государств, обуславливает повышение интереса научного сообщества к изучению миграционных факторов в контексте их возможного влияния на стабильность политических систем и происходящих в рамках этих систем политических процессов.

В условиях усиления тенденций глобализации политического пространства процессы миграции становятся неотъемлемым элементом

жизни государства. Все большее число стран оказываются вовлеченными в миграционные процессы, и почти не осталось стран, которых бы не коснулись проблемы миграции и ее последствия [Бурда, 2014, с. 807].

По данным информационного ресурса Международной организации миграции (МОМ) MIGRATION DATA PORTAL количество международных мигрантов в период с 1995 по 2019 годы включительно увеличилось более чем на 120 млн человек и составило порядка 271,6 млн человек [MDP, 2020].

Новая миграционная волна на рубеже XX–XXI веков обусловлена такими факторами, как деколонизация, образование новых государств, повышение мобильности населения, поощрение или понуждение к миграции в результате проводимой государством политики. Можно утверждать, что в современном мире миграция населения приобретает поистине глобальные масштабы, становясь одним из значимых факторов социального, политического, экономического и культурного развития.

При анализе влияния миграционных факторов на политическую стабильность необходимо рассмотреть особенности формирующих миграционные тренды процессов, в которых выделяют три основных стадии [Рыбаковский, 2001, с.114], позволяющих понять структуру миграции, которая в свою очередь, как процесс, может быть как организованной, так и самостоятельной.

Говоря об организованной миграции, следует особое внимание уделить ее общественно-организационной форме, т.е. роль государств в исходе и приеме мигрантов (компетентные в сфере миграции органы государственной власти, общественные организации). В данном случае механизмами, позволяющими влиять на объемы и направление перемещения населения из одной страны в другую, выступают международные соглашения, а также акты национального миграционного законодательства. В свою очередь неорганизованная миграция связана с более свободным и самостоятельным перемещением мигранта в рамках некоего миграционного пространства, и в этой связи несет в себе определенные риски потенциального выхода мигранта из правового поля и последующего нивелирования возможностей социальной защиты и защиты гражданских прав мигранта [Паскачев, Волох, Суворова, 2019, с. 14].

Можно сказать, что соотношение организованной и самостоятельной миграции становится критерием стабильности миграционной системы, являющейся структурной составляющей политической системы государства.

На первом, подготовительном, этапе у мигранта формируется некий запрос на перемещение, который может носить как добровольный, так

и вынужденный (принудительный) характер. В рамках данного этапа мигрант оперирует определенным набором критериев миграционной привлекательности государства приема, среди которых можно выделить уровень социальных гарантий, существующие потребности рынка труда, сложившиеся национальные диаспоры, этно-религиозные, культурные и исторические компоненты. При этом следует отметить и определенные миграционные критерии государства исхода, побуждающие мигранта к перемещению, к которым отнесем различные формы дискриминации, экономические и политические кризисы, военные, этнические и религиозные конфликты, а также отсутствие возможности реализовать свой профессиональный потенциал и экономические амбиции.

На следующем этапе мигрант осуществляет непосредственное перемещение в пространстве (переселение), где важным отличительным условием именно международной миграции является факт пересечения государственной границы какого-либо государства и, следовательно, изменение правового статуса мигранта. На данном этапе возрастает роль критериев, предъявляющихся к внешним мигрантам государством их приема в рамках реализуемой миграционной политики, которая как может симулировать привлечение отдельных категорий востребованных мигрантов, так и ограничивать нежелательные миграционные элементы посредством отдельных актов миграционного законодательства, экономического регулирования и языковой политики. Данные критерии формируются государством на основании мониторинга миграционной ситуации, анализе социальной и экономической обстановки, расчетах и прогнозах возможного развития событий (миграционных рисках).

Формируемое государством политико-правовое регулирование процессов миграции является составляющей частью государственной миграционной политики, реализуемой в целях обеспечения его национальных интересов. На основании предъявляемых к мигрантам критериев государство осуществляет выдачу (или отказ в выдаче) документов, дающих право на временное или постоянное пребывание на своей территории, тем самым легализуя правовой статус мигранта.

Необходимо отметить, что рост миграционных потоков в благополучные, экономически развитые государства Европы в современных масштабах отчетливо выявляет и определенные риски, в том числе и риски нелегальной и незаконной миграции, т.е. мигрантов, находящихся на территории государства приема в нарушении миграционного законодательства [Burda, Gerasimova, Ochacha, 2019].

В связи с этим представляется необходимым определить различия понятий «незаконной» и «нелегальной» миграции. В данном случае можно говорить о том, что термины «нелегальная миграция», или «нелегальный мигрант» имеют более широкую трактовку и включают в себя всех нарушителей миграционного режима, не только утративших легальность своего правового статуса в государстве приема, но и не имевших ее вовсе. Таким образом, к категории «нелегалов» можно отнести как лиц, незаконно переместившихся через государственную границу, так и лиц, с истекшим сроком действия разрешительных документов, например, визы.

При этом термины «незаконная миграция» и «незаконный мигрант» характеризуются латентным нарушением миграционного законодательства в момент легального пересечения государственной границы, самыми распространенными из которых является умышленное указание не соответствующей предполагаемым занятиям цели въезда и предоставление подложных и фиктивных документов.

Существующая в научной среде полемика относительно упомянутых выше терминов обусловила появления иного термина — «недокументированный мигрант», под которым подразумевается лицо, которое могло незаконно пересечь государственную границу, или въехать на территорию государства приема легально, однако со временем утратившее легальный статус своего пребывания. Данный термин в настоящее время активно используется в американском миграционном законодательстве для определения лиц, которые не могут быть отнесены к «узаконненным мигрантам» [Постон, Моррисон, 2018].

На третьем этапе интегрирования в новое общество мигрант выбирает одну из стратегий: адаптации к новому обществу, в случае установленного срока временного пребывания в государстве приема, или интеграции в случае, если его перемещение на новое место носит постоянный характер. При этом процесс адаптации, либо интеграции мигранта в новое общество должен протекать не только в рамках сформированных государством приема критериев такой адаптации или интеграции, но и поддерживаться непосредственно мигрантом и сообществами мигрантов (диаспорами), которые должны выступать в качестве союзника государства приема, а не его антагониста. Конструктивное взаимодействие диаспор и государственных институтов необходимо в целях предупреждения одного из основных рисков внешней миграции — формирования замкнутых этнорелигиозных сообществ, где мигрант может реализовать все свои потребности, не контактируя с «внешним миром».

2.3.2. Антимигрантская риторика, как один из векторов политических процессов в странах Запада

Современные российские исследователи, например, В.А. Волох отмечают, что процессы взаимодействия мигранта с новым обществом (адаптация или интеграция) включают в себя не только реализуемые государством механизмы нормативно-правового регулирования, но и перестройку психологических качеств мигранта, связанных с нормами поведения и новой социальной средой в целях их полноценной взаимной деятельности и развития [Волох, 2019].

Отсутствие выстроенных каналов взаимодействия мигрантов и принимающего общества усиливает конфликтный потенциал противопоставления цивилизационной идентичности «Восток-Запад», что особенно ярко проявилось на примере миграционного кризиса в Западной Европе, интенсифицированного военными конфликтами в отдельных государствах Ближнего Востока, а также межэтнические и межрелигиозные конфликтами в Центральном и Северо-Западном регионах Африки.

Миграционный кризис актуализировал соответствующую проблему в европейской политической повестке, сделав ее не менее значимой, чем противодействие терроризму, экономическое неравенство, безработица и др. Проведенное совместное франко-британское социологическое исследование зафиксировало устойчивую долю европейцев (более 60%), прежде всего во Франции, Германии и Великобритании считающих, что мигранты вносят раскол в традиционное европейское общество, отказываясь от интеграции в него и не принимая европейские ценности и образ жизни. В восьми из десяти обследованных Pew Research Centre европейских стран две трети опрошенных граждан видят в увеличении количества мигрантов потенциальную террористическую угрозу, а в Венгрии и Польше этот показатель находится на уровне 70% [Pew Research Centre, 2020].

Примечательным является такой факт, что именно политические лидеры Венгрии и Польши (Виктор Орбан и Анджей Дуда) находятся в авангарде европейской антиэмиграционной риторики, выступая за сохранение и главенство традиционных христианских ценностей и недопущения исламизации Европы.

Антиэмиграционная риторика обрела определенную популярность в странах Восточной Европы ввиду того, что через территорию этих государств пролегают маршруты нелегальных мигрантов и беженцев. В этой

связи необходимо отметить принципиально отрицательную позицию, которую заняли страны так называемой «Вышеградской группы» (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия) относительно вопроса квотированного распределения беженцев по всем государствам Европейского Союза. Также вышеназванные государства отказались подписать «Всемирный пакт ООН за безопасную, упорядоченную и регулируемую миграцию», о котором мы говорили выше, присоединившись тем самым к позиции США, Австрии, Италии, Швейцарии, Австралии, Израиля, Болгарии и др., которые также мотивировали свой отказ подписания заботой о национальной безопасности и борьбой с нелегальной миграцией.

Приведенные эмпирические данные демонстрируют имеющиеся критические настроения части европейского общества относительно массового притока носителей другой культуры и этничности, которые, по их мнению, оказывают влияние на размывание государственной и национальной идентичности европейских народов, что позволяет говорить об определенном ренессансе идей «национальной лояльности» [Krastev, 2017, с. 128].

Миграционный кризис и показательная неэффективность реализуемой в рамках Европейского Союза миграционной политики популяризировали в европейской политической повестке антиэмигрантскую риторику, что позволило существенно упрочить свои позиции целому ряду политических партий, ранее считавшихся маргинальными: Партия свободы (Австрия), Альтернатива для Германии (Германия), Лига Севера (Италия), Вокс (Испания), Партия свободы (Нидерланды), Национальный фронт (Франция), Партия свободы и прямой демократии (Чехия), Шведские демократы (Швеция) [Бурда, 2017, 2019].

Вместе с тем необходимо отметить, что рост популярности правых и антиэмигрантских партий не является тенденцией сугубо современных политических процессов в Западной Европе и отмечался исследователями еще с начала 90-х годов XX века, параллельно процессам интенсификации внешней миграции в Западную Европу [Хангтингтон, 2017, с. 339].

Можно говорить о том, что правые европейские политические партии оперируют категориями рефлекторной миграционной политики — политики, осуществляемой в ответ на изменение миграционной ситуации, находящейся под давлением общественного мнения. Такая миграционная политика на этапе формирования имеет наибольшую политическую составляющую и не имеет длительной перспективы, т.е. является, как отмечал Ю.В. Рощин, «политикой текущего времени» [Рощин, 2007] ввиду зависимости от политической конъюнктуры в обществе и интенсивности внешних миграционных потоков.

Идеологически такие политические партии весьма близки, как бы это ни показалось странным, к радикальным движениям политического ислама. В данном случае идеологическая схожесть заключается в следующем:

- формирование образа внешнего врага (у правых европейских партий — это мигранты мусульмане, у исламистов — западные ценности);
- обвинение действующего политического режима в коррумпированности, несамостоятельности и зависимости от внешних сил;
- популяризация традиционных (догматических) религиозных ценностей;
- использование этнических и религиозных лозунгов.

Сторонниками такого рода политических сил выступает не только молодежь из бедных районов, лишенная определенной части социальных лифтов, но и лица более старшего возраста, ставшие жертвами экономических кризисов и глобализации, проживающие в небольших городах, сельской местности, где традиционно более распространены консервативные взгляды.

Кризис существующей модели миграционной политики Европейского Союза, которую характеризуют, как «политику открытых дверей», демонстрирует, что миграционная политика государства, имеющая, в свою очередь, определенные критерии допуска внешних мигрантов, позволяет структурировать категории востребованных мигрантов и ограничить доступ нежелательных миграционных категорий. Такой подход позволяет существенно снизить уровень критического восприятия мигрантов в обществе государства приема, а также способствует формированию образа мигранта, как нового члена общества, а не социального изживенца, требующего толерантного отношения к себе, но не готового продемонстрировать толерантность к окружающим.

Приведенный опыт позволяет говорить о достаточно существенном влиянии миграционного фактора на стабильность политических процессов в современной Европе в контексте его кризисных проявлений.

Вместе с тем наибольшую значимость влияния миграционного фактора на стабильность политической системы государства мы можем наблюдать на примере США эпохи Дональда Трампа.

8 ноября 2016 года Дональд Трамп выиграл президентские выборы в США, одержав в определенной мере резонансную победу над кандидатом от демократической партии Хиллари Клинтон. Одним из основных направлений избирательной кампании Дональда Трампа стала критика миграционной и социальной политики, проводимой администрацией действующе-

го на тот момент Президента США Барака Обамы, являвшегося приверженцем атрибутов и ценностей либеральной демократии и либеральной модели реализации государственной миграционной политики.

Используемая Трампом достаточно радикальная и популистская риторика, которая в современных условиях является нетипичной для кандидатов на пост президента США, оказалась весьма популярна у определенной части американского общества — «нативистов XXI века», испытывающей латентное недовольство изменением в этнической структуре населения, вызванное увеличением потока мигрантов, в том числе и нелегальных.

Согласно проведенным исследованиям, сторонниками Президента Трампа стали белые мужчины и представители христианских конфессий. Так, по данным ВВС, основными избирателями Дональда Трампа стали мужчины — 53 %, 41 % — женщины. Из них 58 % белых избирателей, 29 % латиноамериканцев и лишь 8 % — африканского происхождения [BBC News, 2016].

Первым существенным шагом Д.Трампа как Президента США на миграционном треке стало исполнительное распоряжение об ограничении иммиграции из некоторых стран, представляющих террористическую угрозу для США. К таким странам были отнесены Ирак, Иран, Йемен, Ливия, Сирия, Сомали и Судан. Данный нормативный правовой акт американского президента вводил 90-дневный мораторий на въезд на территорию США граждан и 120-дневный мораторий на прием беженцев из указанных государств. Одновременно в два раза была сокращена общая квота приема беженцев (до 50 тыс. чел.) и аннулировано порядка 100 тыс. ранее выданных виз. Однако данный акт не был реализован в полной мере ввиду того, что неоднократно оспаривался в суде и был отменен Федеральным Судом в феврале 2017 года. В этой связи уже в марте 2017 Трампом был выпущен скорректированный акт, в котором, не смотря на отдельные послабления, была сохранена жесткая антиэмиграционная риторика. Из списка стран были исключены Ирак и Судан, а добавлены КНДР и Венесуэла. Второй акт также был приостановлен Федеральным судом одного из штатов и обжалован Трампом в Верховном Суде США, который, рассмотрев апелляцию американского Президента, разрешил применение отдельных положений второго акта. Так, реализуемыми положениями указа становятся установленные американской властью критерии, в соответствии с которыми будут выдаваться документы, дающие право на въезд в США, в том числе и беженцам из Ирана, Йемена, Ливии, Сирии и Сомали. Также пересмотрена категория «близких родственников», в которую стали входить только родители, супруги, дети, родные братья и сестры, зятья и невестки. При этом род-

ственная связь должна иметь документальное подтверждение [Михайлова, Бурда, Гришин, 2020. с. 45–46].

В рамках закона «Нет убежищам для преступников» были снижены инициативы, с одной стороны, позволяющие говорить об имеющемся потенциале реализации предвыборных обещаний в части повышения государственного контроля за внешней миграцией. Однако имеющийся в США принцип разделения властей, независимая судебная власть, неподконтрольный главе государства парламент, в первую очередь Палата Представителей, где большинство принадлежит демократической партии, выступают достаточно серьезными факторами сдерживания антиэмигрантских инициатив американского президента в частности, самой главной из них — строительства «Стены Трампа» на границе с Мексикой.

В этой связи необходимо отметить и такую особенность существенной части американского истеблишмента, связанную с желанием привести в действие механизм дестабилизации и делигитимации действующего президента США [Шевченко, 2018].

2.3.3. Миграция в современной России

Наряду со странами Западной Европы и США миграция оказывает существенное влияние на политические процессы и на постсоветском пространстве. Распад СССР повлек за собой структурные изменения происходящих миграционных процессов, в том числе и их направленности. Особенностью подобных процессов является наличие одного крупного центра миграционного притяжения — России, взаимодействие которого с государствами-донорами на миграционном треке выступает в качестве одного из наиболее значимых факторов политической стабильности в регионе [Зорин, Бурда, 2020].

Анализ влияния миграции, как одного из факторов, влияющих на стабильность политических процессов в России, целесообразно начинать с оценки миграционного и демографического потенциала страны, где прослеживается общемировая тенденция развитых стран — снижение доли коренного населения, его старение и, как следствие этого — сокращение трудоспособного населения.

Так, по информации, публикуемой Федеральной службой государственной статистики (Росстат), в период с 2010 г. по 2020 г. в целом по России численность населения, находящегося в трудоспособном возрасте, сократилась почти на 6 млн человек [Росстат, 2021].

О подобной тенденции ранее говорили и представители научного сообщества, констатирующие изменение возрастной структуры общества (увеличение доли лиц пенсионного возраста), которая наряду с имеющимся коэффициентом фертильности не позволяет говорить о естественном воспроизводстве населения без внешнего миграционного прироста [Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р., 2017].

Образующийся таким образом дефицит на рынке труда восполняется за счет внешней миграции из государств постсоветского пространства – Узбекистана, Таджикистана, Украины, Киргизии и др., что подтверждается актуальными статистическими данными МВД России (таблица 1)²².

Таблица 1

Количество иностранных граждан, въехавших на территорию Российской Федерации с распределением по государствам исхода в 2021 году (более 100 тыс. чел.) [МВД России, 2022]

	Государство	Количество граждан иностранного государства, поставленных на миграционный учет в Российской Федерации	Заявленная цель въезда в Российскую Федерацию «Работа»
ВСЕГО		13 392 897	9 530 934
1.	Узбекистан	4 902 805	4 519 618
2.	Таджикистан	2 949 671	2 439 198
3.	Киргизия	1 045 202	884 133
4.	Украина	642 957	240 590
5.	Армения	534 851	389 809
6.	Казахстан	504 637	163 938
7.	Азербайджан	435 854	275 280
8.	Беларусь	442 700	174 500
9.	Молдова	189 948	104 582
10.	КНР	148 919	87 257
11.	Турция	106 993	61 247

При этом необходимо отметить, что динамика изменения количества въезжающих в Россию внешних (международных) мигрантов достаточно стабильна.

²² МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/> (дата обращения 21.03.2022).

Несмотря на то, что в Российской Федерации в период пандемии миграционные потоки были ограничены, были и введены новые временные миграционные правила [СЗ РФ. 2021 № 25. Ст. 4787], которые фактически можно назвать своеобразной миграционной «амнистией».

В этой связи В.А. Волох и Н.В. Курдюмов отмечают, что в рамках действия упомянутого указа: «Введен мораторий на принятие решений об аннулировании документов иностранным гражданам. Предусмотрены ограничения на осуществление контрольно-надзорной деятельности. В основном не выносились решения о выдворении и депортации» [Волох, Курдюмов, 2021].

Отметим, что по данным МВД за первое полугодие 2022 года в Российскую Федерацию въехало уже более 8 млн иностранных граждан, из которых 5,8 млн указали целью своего въезда – работу [МВД, 2022], что позволяет прогнозировать показатель в 14–15 млн иностранцев по итогам года.

Политические режимы республик Центральной Азии рассматривают внешнюю миграцию своих граждан в Россию как механизм, позволяющий минимизировать внутривнутриполитические риски, связанные с невысоким уровнем жизни и безработицей. Отметим также, что объемы денежных переводов трудовых мигрантов в страны исхода продолжают оставаться значимым аспектом экономической стабильности государств-доноров миграции [Банк России, 2020].

Можно утверждать, что возможность направлять своих граждан на работу в Россию является для постсоветских государств одним из ключевых элементов сохранения стабильности их политических систем.

Миграционная привлекательность России для мигрантов с постсоветского пространства также обусловлена имеющимися особенностями

Рис. 1 Динамика въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию в 2010–2021 гг.

российского миграционного законодательства, дающего определенный набор преференций именно мигрантам из государств СНГ, и еще большие преференции мигрантам из государств Евразийского Экономического Союза.

Вместе с тем российское общество, в отличие от государства, не настолько позитивно настроено к внешним мигрантам, демонстрируя в целом схожие с европейскими тенденции их восприятия, базирующихся на одобрении различных рестриктивных мер ограничения притока приезжих.

Данный тезис подтверждают социологические исследования, проведенные в рамках подготовки аналитическим центром Ю. Левады (Левада-центр)²³ мониторинга ксенофобских настроений, согласно которым за предыдущие два года фиксируется увеличение доли россиян, негативно настроенных к внешним мигрантам — с 58 до 72 % [Левада-Центр, 2020].

Миграция продолжает оставаться значимой составной части публичной повестки, при этом существующая в общественном мнении определенная негативная коннотация миграционных процессов не находит своего отражения в повестке российских политических акторов, как в странах Западной Европы. Среди российских политиков достаточно регулярно «работает» по миграционной проблематике лишь лидер ЛДПР В.В. Жириновский. В частности, в программе ЛДПР широкое отражение находит так называемый «русский вопрос», также акцентируется внимание на необходимости ограничения внешней миграции, защиты традиционных христианских ценностей, приветствуется протекционизм национальным производителям товаров и услуг.

В этой связи говорить об актуализации миграционной тематики во внутрироссийских политических процессах с точки зрения существенного воздействия на стабильность политической системы современной России в настоящее время не приходится, по крайней мере, до этапа более тесной взаимосвязи вопросов внешней миграции и национальной безопасности, внешней миграции и социальной политики (социальных гарантий) государства.

Такого рода риски в полной мере могут проявиться на фоне «отложенного эффекта» пандемии COVID-19, в ходе которой многие иностранцы, находящиеся в России как легально, так и нет, лишились не только работы, но и возможности вернуться домой, в государство исхода.

²³ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Кроме того, обусловленный пандемией экономический кризис повысил уровень безработицы среди россиян, в первую очередь имеющих низкий уровень квалификации, являющихся прямыми конкурентами внешних мигрантов на российском рынке труда. При этом в России отсутствуют выстроенные единые, на законодательном уровне закрепленные, механизмы адаптации и интеграции внешних мигрантов, а данная сфера отдана на откуп некоммерческим организациям, которые в ряде случаев преследуют свои корыстные интересы, становясь своеобразной «прокладкой» между мигрантами и органами государственной власти.

Совокупность приведенных факторов, основанных на усилившихся в российском обществе мигрантофобских тенденциях, является питательной средой для роста конфликтного потенциала на межнациональной почве. Принимая во внимание, что политические силы, использующие право-популистскую консервативную риторику в российском политическом спектре в целом отсутствуют, использование антиэмигрантской повестки вызовет определенный рост популярности среди части россиян, при ее гипотетическом появлении, такого рода политической партией, что это может стать дестабилизирующим фактором политической системы многонационального государства.

Таким образом, рассматривая миграцию как один из факторов, влияющих на стабильность политической системы, можно сказать следующее.

Во-первых, глобализация миграционных процессов обуславливает усиление влияния наднациональных структур на миграционную политику государства, которая в рамках такого давления не в полной мере может соответствовать национальным интересам государства, поддерживаться обществом и, следовательно, приведет к дестабилизации политической системы.

Во-вторых, миграционная система государства, являясь одной из составных частей системы государственного управления, также обретает зависимость от принимаемых политических решений, которые в управленческой плоскости отвечают за формирование и последующее применение критериев востребованной миграции в государстве приема и миграционной привлекательности государства приема в государстве исхода мигрантов.

В-третьих, критическое восприятие принимающим обществом внешних мигрантов, относящихся к иной культурно и этно-религиозной общности, обуславливает тенденцию роста популярности политических сил, отстаивающих «традиционные общественные устои». Однако такое восприятие не всегда основывается на ксенофобии, а зачастую являет-

ся ответной реакцией местного населения на нетолерантное отношение мигрантов к местным порядкам и традициям. В этой связи миграционная проблематика все чаще включается в политическую повестку правыми популистами в целях определенной дестабилизации общественных отношений.

В-четвертых, на постсоветском пространстве динамика и направленность миграционных процессов выстраивается в целом с учетом определенного более высокого уровня экономического положения России относительно других государств-членов СНГ, в первую очередь наиболее активных государств-реципиентов — Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Граждане указанных государств рассматривают работу в России, как возможность улучшить свое материальное благосостояние, а денежные переводы трудовых мигрантов по-прежнему составляют существенную часть ВВП указанных государств. Тем самым политические режимы постсоветских государств Центрально-Азиатского региона, на государственном уровне стимулируя выход своих граждан на российский рынок труда, снижают протестный потенциал внутри своих стран, чем стабилизируют политические процессы в регионе.

Раздел 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И КОНФЛИКТЫ В УПРАВЛЕНИИ: ТРАДИЦИИ И ЦИФРА

3.1. Публичный дискурс власти и оппозиции в цифровой и нецифровой среде: как услышать друг друга

3.1.1. Цифровая среда или новая медиаэкология

В первой четверти XXI века мы столкнулись с такими явлениями, как Интернет-политика, Интернет-представительство, Интернет-дискурс, политический электронный консьюмеризм, электронная демократия, инфлюенсеры и т.д., связанные с появлением качественно иной среды — электронной. Это подтверждает выводы выдающегося канадского исследователя в области культуры и коммуникации Маршалла Маклюэна, который еще в 60-е годы прошлого века задолго до появления Интернета предложил исследовать коммуникацию с точки зрения экологии — связи человечества с окружающей средой. Изменения в технологии общения изменяют символическое окружение людей — социально конструируемый, сенсорный мир значений, который в ответ формирует наше новое восприятие, опыт, установки и поведение. Фактически ученый разрушил традиционное представление о том, что средство передачи и сообщение есть независимые конструкты и утверждал, что средство коммуникации и является сообщением в определенной социальной среде. Опубликованная пьеса о Гамлете, фильм, радио- или телеспектакль о нем не одно и то же, они по-разному формируют наше восприятие, воображение и символическое окружение. Маклюэн доказывал, что содержание не существует вне того пути, по которому оно опосредуется и серьезно влияет на развитие цивилизации.

Если до эпохи Интернета в создании информационной повестки дня важную определяющую роль в формирующемся демократическом, плюралистическом обществе играли политические элиты и контрэлиты, парламентские и непарламентские партии как ньюсмейкеры, проправительственные и оппозиционные СМИ (печать, радио, телевидение), которые распространяли их влияние, то сегодня лидерами мнений часто становятся пользователи online-пространства — инфлюенсеры, причем не только в пределах страны, но и из-за рубежа. При этом особенность online-пространства как поля политических практик заключается в том, что пользователи с большим количеством подписчиков с легкостью формируют и трансформируют политическую повестку дня в цифровую социально-политическую. Главное здесь не то, какой политический продукт предлагает правящая элита, а то, что желает потреблять, покупать (консюмеризм) массовая аудитория и ее собственные представления о текущей политике, ее перспективах. Здесь действует известный закон коммуникации: правда — это то, во что хотят верить люди. Известный исследователь политической пропаганды времен первой мировой войны и один из основателей политической науки Гарольд Лассуэлл писал: публику нельзя убедить логикой, но можно убедить сказками (Lasswell, 1927). Интернет предоставляет ей (публике) широкую возможность влиять на цифровую социально-политическую повестку дня посредством своего участия с помощью блогволн и информационных каскадов. Иными словами, электронные медиа стали важным инструментом демократизации общества и разрушения традиционных перегородок между элитами и массами.

Это не значит, что политические элиты и контрэлиты, традиционные СМИ покинули возникшее поле цифровой публичной коммуникации. Они вынуждены были освоить эту новую для себя цифровую среду и изменить подходы к коммуникации с тем же электоратом, одновременно осознав, что у них появились непредвиденные соперники, оппоненты, критики. Им предстояло войти в Интернет-пространство и освоить новую форму журналистики. Желая расширить влияние на аудиторию, одним из первых в середине 2000-х издательский дом «Комсомольская правда» открыл свой портал для поддержки бумажной версии и запустил свою редакцию на радио. При этом читательская аудитория разделилась. Старшее поколение по-прежнему покупало газету в киоске или слушало новости по радио «КП», а молодежь обосновалась на интернет-портале, выведя его в лидеры информационных ресурсов. Уже в январе 2011 г., по версии рейтинга Mail.ru, у «КП» было свыше 13 млн посетителей (для сравнения: у «Аргументов и фактов» — свыше 4 млн, у «Россий-

ской газеты» — свыше 3 млн). Причем, интернет-версия газеты (в отличие от бумажной с ее обязательным дедлайном) стала производиться круглосуточные сутки, постоянно обновляя тексты и фотографии. И делают это те же журналисты, что работают для бумажной версии. Сотрудники интернет-отдела в основном подбирают и размещают материалы в сети.

В то же время официальная версия правительственной «Российской газеты», хотя и вошла в сеть, но в Facebook сильно теряла из-за того, что пользователи этой социальной сети в основном настроены «оппозиционно». К тому же «РГ» не использовала потенциал новых социальных медиа, у ее пользователей не было возможности для самостоятельной активности в ее поле. Так же и SMM-менеджеры (специалисты по раскрутке аккаунтов в социальных сетях) были ограничены редакционными правилами, сотрудникам пришлось овладеть всеми существующими методами мультимедийной или мультиплатформенной журналистики. Руководством «РГ» была обозначена стратегическая задача — сделать www.rg.ru качественным новостным ресурсом и поставлять читателю оригинальный контент все 24 часа в сутки. Формат работы информационного агентства для региональных филиалов (их свыше 30, а это около 100 человек творческих единиц, пишущих и снимающих) и редакции сайта был запущен в тестовом режиме с января 2011 года, что не означало конкуренции с информагентствами типа ТАСС, РИА-новости и др. Приоритетами редакционной политики «РГ» для интернет-версии (впрочем, как и для бумажной) являются тщательный отбор тем для создания авторских заметок, качественная собственная (зачастую эксклюзивная) информация. Среди тематических приоритетов — деятельность властей на местах, важные для региона экономические события, значимые с правовой точки зрения судебные и досудебные прецеденты, громкие происшествия. За счет этого «Российской газете» удалось увеличить число пользователей в сетях, с которыми она ведет диалог [Каллиома, 2011].

Сегодня в цифровой трансформации социально-политической повестки дня задействованы акторы самого разного уровня и разного социально-политического статуса (блогеры, социальные сети, сетевые сообщества, online-СМИ, подписчики официальных пабликов²⁴ органов власти, и представители гражданской или партисипативной журналистики²⁵,

²⁴ Паблик — публичная страница в сети Интернет, содержащая информацию о бренде, личности, органе власти с целью их продвижения в информационном пространстве.

²⁵ Партисипативная или гражданская журналистика, которая приветствует «активное участие» читателей благодаря интерактивному характеру новых медиа, и возможность сотрудничества между множеством людей, предлагаемая Интернетом.

рядовые граждане и т.д.). Когда-то в классической теории коммуникации при формировании «публичной повестки», «политической повестки», «общественной повестки» и др. им отводилась роль потребителя. Сегодня же они превращаются в значимых акторов, особенно в период реформ, кризисных и чрезвычайных ситуаций. Это подтверждает ситуация с пандемией коронвирусной инфекции. Более того, часть из них выступают как альтернатива традиционной журналистике. Как известно, альтернативные СМИ появились еще в эпоху перестройки, когда заработал объявленный М.С.Горбачевым либеральный принцип: «разрешено все, что не запрещено законом», но еще действовала политическая цензура до ее отмены в 1990 году. Альтернативная печать заменила собой «самиздат» и «тамиздат» и стала вызовом для официальной печати [Тимофеева, 1992]. Авторами совсем необязательно были журналисты, скорее – активная общественность, с воодушевлением воспринявшая лозунг «Больше социализма, больше демократии!». Именно тогда родилась альтернативная журналистика («Демократическая газета», «Демократическая Россия», «Гражданское достоинство», «Гласность», «Наша газета», «Свободное слово» и др.) Всего за три года с 1987 по 1990 гг. в Советском Союзе число альтернативных изданий выросло с 30 до 1200 с общим разовым тиражом в 150–200 тысяч экземпляров. Как известно, понятие альтернативы, альтернативизма в политике прошло путь от толкования понятия как выбора одного из ряда вариантов до понятия необычного явления, нового, противопоставляющего себя принятой классической научной картине мира или истеблишменту, текущей политике, искусству, официальной прессе и т.д. [Тимофеева, 2019]. Со временем часть АП превратилась в оппозиционную, борясь вместе с оппозиционными политическими партиями за власть. Часть прекратила свое существование с победой либерально-демократической оппозиции на выборах президента РФ в 1991, чей кандидат Б.Н.Ельцин пришел во власть [Тимофеева, 2020]. Сегодня в условиях мирового кризиса, событий на Украине и внутренних проблем она вновь заявляет о себе своим альтернативным мнением о происходящем, но теперь масштаб ее деятельности невероятно расширился, это более 30 % граждан страны, которые ежедневно входят в Интернет.

С появлением Интернета в условиях устоявшихся демократических свобод партсипативная журналистика приобрела большее влияние, чем прежде. Растет число интернет-сайтов, блогов, лонгридов, где содержательная составляющая подготовлена не журналистами, а обычными медиапользователями, чей медиаресурс становится выразителем общественного мнения. В итоге аудитория потребляет нужную ей информа-

цию уже не только из традиционных, признанных СМИ, но и из ресурсов, составляющих альтернативу мнению медиасообщества [Тимофеева, Рябченко и др. 2022]. Именно она вмешалась в конфликт между властью и оппозицией в условиях новой медиаэкологии. Одна из проблем состоит в том, что если журналист обязан отвечать за проверку фактов, которые он излагает, инфлюэнсеры этим не озабочены и могут распространять фейки, непроверенную информацию. Это касается как сторонников власти, так и сторонников оппозиции. Другая важная проблема связана с организацией политического спора как конструктивного конфликта между ними как в цифровой, так и в нецифровой среде.

3.1.2. Политический спор как конструктивный конфликт

Чтобы помочь людям мирным путем устранять возникающие перед ними конфликты, необходимо знать, как в действительности люди разрешают свои противоречия, и строить рекомендации, основываясь не только на общегуманных принципах, но и на результатах научного исследования. В этих целях были разработаны «рациональные» и «описательные» подходы к объяснению поведения людей в конфликтах. В рамках «рациональности» рассматривалась теория игр, а в рамках «описательности» — различные концепции психологического реагирования людей на проблемную ситуацию. Разрабатывалась теория вето игроков в достижении политической стабильности, под которыми понимались индивидуальные и коллективные акторы, чье согласие крайне необходимо для достижения политического статус-кво. В их число входили институты власти и оппозиции. Со временем все больше внимания стали уделять коммуникации. Известный американский философ, психолог, математик российского происхождения Анатолий Рапопорт еще в 1955 году издает книгу «Наука и цели человечества»²⁶, где убеждает, что многие волнующие людей политические проблемы предопределяются не тем, что происходит в действительности, а тем, как, *какими словами, с использованием каких клише они сами об этих проблемах говорят* (выделено Л.Т.). Интерес

²⁶ Примечание: заслуга Анатолия Рапопорта состоит в доказательстве того, что подлинные источники идеологической конфронтации, как правило, не осознаются самими идеологами, и для понимания их природы необходимо проводить специальные научные исследования. Одна из первых проблем, которой занялся Рапопорт, была связана с изучением смысла человеческих высказываний.

Рапопорта к общей семантике неслучаен. В книге «Уверенность и сомнения» он написал, что благодаря знакомству с общей семантикой он стал весьма чувствительным к демагогии, и она ему опротивела. «Я перечитал «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и решил, что эта книга вздор. Я пересчитал «измы» — ярлыки, которые Ленин навешивал на взгляды людей, — их оказалось 52. Ленин в этой книге показался мне мономаном, поставившим основной задачей клеймить всякого, кто хоть в малейшей степени отходил от «абсолютной истины», открытой Марксом» [Рапопорт, 1999]. Действительно эта работа является одной из ярких иллюстраций борьбы Ленина с политическими противниками, их суждениями, примером политических антагонизмов в конфликте. Но и высказывание самого Рапопорта вряд ли назовешь нейтральным.

Невозможно представить себе политику без столкновения различных точек зрения в форме противоположных суждений. Политическое суждение — это всегда выбор позиции в пространстве дискуссии, спора. В отношениях же между политическими суждениями власти и оппозиции столкновение политических суждений обретает форму острого конфликта. Но тот же Рапопорт различает на международном уровне три вида конфликтов: конфликт типа схватки (открытое столкновение, «драка» без правил до победного конца), конфликт типа игры (спор, «соревнование» в рамках определенных правил, но при этом задача состоит в том, чтобы выиграть как можно больше у своего противника) и конфликт типа дебатов (рациональное поведение, анализ позиций сторон, их переосмысление, что приводит к устранению остроты конфликта и его самого, ликвидируется первоисточник конфликта в целом).

Кроме того, у политического спора как конфликта есть как позитивные, так и негативные функции. Среди позитивных: *функция психологической разгрузки* (власть и оппозиция высказались, довели свою мысль до оппонента и широких масс); *функция давления* на власть с целью изменения курса, неприемлемых для общества решений и *давления на оппозицию* — с целью разоблачения нереалистических или фальшивых требований; *сигнально-информативная функция* — власть и оппозиция сообщают друг другу о новых проблемах, которые следует решать сегодня; *новационная функция*, т.е. привлечение внимания друг друга к новой повестке дня, к новым общественным силам, предупреждение об опасностях реализации тех или иных решений или требований определенным путем; *эвристическая функция* — альтернативное прежнему осмысление своей роли, поиск иной политической самоидентификации, пересмотр прежних политических целей, ценностей, позиций [Тимофеева, 2008, с.6].

Негативные функции политических суждений в форме конфликтов возникают тогда, когда позитивные функции не принимаются в расчет обеими сторонами, не переосмысливаются и не переводятся в программу конструктивных действий. В этом случае затянувшийся смысловой конфликт переходит в стадию радикальных выступлений и превращается в конфликт-схватку, разрывая ткань социальных отношений; рождая абсолютную нетерпимость, жесткую самоидентификацию, бескомпромиссное противостояние в форме «друг-враг»; уничтожает каналы переговоров и согласований позиций, доводит до политической нестабильности, гражданской войны, бунтов, переворотов с лозунгом «Долой!».

Чтобы позитивные функции смыслового конфликта не переросли в негативные, сохраняя тем самым конфликт типа дебатов, есть определенные рекомендации для конструктивной критики. Если стороны хотят, чтобы дискуссия продолжилась и было найдено минимальное согласие, компромиссное решение — важно сохранить атмосферу для понимания и придерживаться определенных правил и договоренностей. Это исключает использование в споре осуждающего ярлыка, клейма типа: «вор», «предатель»; расширение проблемного поля за счет новых тем, не разобравшись с заявленными; искажение логики спора и непроверенных доказательств в суждениях; жесткую и крайнюю позицию: «не отступлю ни на шаг» и т.д.

3.1.3. Особенности дискурса власти и оппозиции

Так что же главное в политическом споре? Главное в политическом споре не победить, а приблизиться с двух сторон к истине, используя приемы, помогающие ее раскрыть, а не затуманить. Но есть ли у нас для этого воля, желание власти и оппозиции, и переговорные площадки, кроме «уличной демократии» и «сетевой демократии», где каждый высказывается, как хочет, но при этом не стремится слушать и слышать другого, попытаться понять его аргументы и пойти навстречу друг другу? Рассмотрим подробнее несколько таких возможностей: ежегодные встречи президента с руководителями оппозиционных парламентских фракций; деятельность Совета непарламентских партий во главе со спикером парламента и некоторые другие.

Встреча президента с лидерами оппозиционных парламентских фракций. Еще со времен Б.Н.Ельцина установилась практика периодических встреч президента со всеми руководителями парламентских фракций, включая оппозиционные. При Путине В.В. эти встречи, как правило,

предваряют начало работы очередной сессии парламента или подготовку его обращения к Федеральному Собранию РФ, как это было, к примеру, в феврале 2021 года. Тогда состоялась очередная такая встреча, где В.В.Путин говорил приглашенным главам фракций о близости избирательной кампании в Госдуму 8 созыва (сентябрь 2021–сентябрь 2026 гг.), которая, как известно, «неизбежно повышает градус дискуссий, подстегивает межпартийную конкуренцию, политическую активность». Он сразу предостерег политических конкурентов от нечестной борьбы и предупредил об особой, повышенной ответственности, которая лежит на партиях «большой четверки». В обращении к лидерам фракций он подчеркнул, что «федеральные парламентские выборы имеют, безусловно, огромную, исключительную значимость для России, для стабильного, эффективного развития нашего государства, для успешного решения тех важнейших задач, которые отражены в национальных проектах. Все они подчинены одной главной цели — качественно улучшить жизнь людей, вывести ее на принципиально иной, гораздо более высокий уровень. Именно такой прямой запрос — это и есть однозначный наказ для всех уровней власти. *Люди не просто ждут, а справедливо требуют осязаемых, зримых результатов и перемен* (выд. — авт.). Опираясь на поддержку миллионов людей, партии «большой четверки» обязаны задавать тон всей будущей избирательной кампании, вести ее *в конструктивном, содержательном ключе, демонстрировать глубину и зрелость дискуссии* (выд. — авт.). «Не просто ругаться друг с другом, а именно показывать свой подход и свои пути развития страны. И, что особенно важно, необходимо *соблюдать культуру диалога даже с самыми непримиримыми оппонентами* (выд. — авт.)». [Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма — <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-fracij-gosdumy-stenogramma.html>]

Эту идею поддержал выступавший вслед за ним лидер оппозиционной фракции КПРФ Г.А.Зюганов. В частности, по этому поводу он сказал: «...надо все сделать для того, чтобы выборная кампания не превратилась в гражданскую междоусобицу..., а был конструктивный диалог. Но тут многое будет зависеть от того, будет ли возможность в эфире провести полноценные дебаты, обсуждение проблем. Мы к этому готовы, но на многих каналах я пока этого не вижу. Или без конца ругают Украину вместе с Зеленским, или Трампа, или еще что-то, а содержательного обсуждения проблем и тех задач, которые Вы ставите, к сожалению, у нас в эфире пока нет, и, на мой взгляд, от этого мы все теряем очень много» [Встреча В.В.Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма —

<https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html>]. В качестве же важных для решения проблем он выдвинул такую повестку: сокращение безработицы; избегание дальнейшей приватизации стратегически важных для государства объектов; борьба с социальным неравенством; преодоление технологического отставания страны. Не удержался лидер коммунистов и от вполне аргументированной критики правительства. В частности, он указал на то, что за пять лет доходы государства выросли на 10 процентов, доходы корпораций и олигархов — на 53 процента, а граждан — сократились на 7 процентов. Это легко поправить, если поставить перед собой такую задачу. Он считает, что мешает этому, в том числе, и межпартийный раздрай, который «всегда хоронит демократию». Зюганов предложил своим коллегам действовать в русле той поправки к Конституции, которая гласит о единстве территорий и единстве нашей истории. «Советская история, как бы к ней ни относились, обеспечила нам победу и на фронте, и в космосе, и в технологиях. Поэтому нам надо думать сейчас о будущем и консолидировать все свои усилия для решения этих проблем» [Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма — <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html>].

Напротив, лидер ЛДПР В.В.Жириновский сразу же начал с острой критики своих партнеров по Госдуме, что характерно для его риторики. Сначала он пожаловался на фракцию проправительственной партии «Единая Россия» и потребовал остановить ее диктат в регионах, приведя следующий довод: «Мы устали от КПСС. Почему быстро свергли КПСС? Почему миллионные митинги по всей стране? Потому что устали 70 лет от одной партии. Неважно, какая — коммунистическая, народная — но 70 лет одна и та же идеология. И люди вышли, их не надо было собирать. И ничего не могла сделать милиция и так далее... Поэтому нельзя так делать. Везде коалиционные правительства, везде в парламентах парламентское большинство, коалиция двух партий. Назовите мне парламент в Европе, где доминировала бы одна партия. Нет такого абсолютно. Люди не хотят, чтобы был монополист, они против, это нужно учитывать» [Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма — <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html>].

Он пояснил, что проблема заключается в том (кстати, об этом уже говорил на подобной встрече Миронов, а на этой — Зюганов), что на местах отказываются вообще или резко сокращают партийные списки,

тем самым способствуя приходу кандидатов от «ЕР», которых поддерживает губернатор. Жириновский предложил везде и всегда выдвигать кандидатуры только по партийным спискам. В этом случае, он считает, мы получим в округах несколько сильных партий. Если же сохранять одномандатников, то это приведет регионы к сепаратизму. «Одномандатник молчит, в Думе ни один одномандатник ни разу не вышел, не сказал: моя область, мой край, я защищаю, — ни разу, все молчат, все под каблуком у губернатора. А губернатор под каблук взял полицию, ФСБ, прокуратуру, суд» [Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма — <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html>].

Далее он поднял другие вопросы. И первым был социальный вопрос — восстановить индексацию пенсий работающим пенсионерам. Но и тут не обошлось без резкой критики, теперь уже «Справедливой России», которую он обвинил в «воровстве законов», а парламент — в невнимании к предложениям его партии, которая за 30 лет выдвинула целый портфель законов, но они не были взяты во внимание. ЛДПР давно говорила об этом, «а теперь «Справедливая Россия» вытаскивает законы ЛДПР, которые не были приняты, подает как свои, с кем-то договаривается...»

Далее он предложил (не в первый раз) ввести продовольственные сертификаты для малоимущих слоев населения и привел пример США, где 40 миллионов пользуются этими сертификатами.

Важным моментом его выступления стало предложение о создании Министерства по делам молодежи и специальных площадок в вузах, школах, кафе для политических дискуссий с молодежью. При этом он посетовал, что «молодежь — очень зыбкая часть общества. Они хорошие, но они не устойчивые, они любят все другое. Они отрицают родителей, школу, вуз, директора, начальника. Нужна третья площадка. Мы все время забываем про это: семья, работа или вуз — это две площадки, а вот третьей у нас нет. Мы закрываем страну, негде собраться, поговорить. Ну хорошо, не можем дать Гайд-парк — можем дать хотя бы одно молодежное кафе на город, дешевое, обычное, куда они могли бы прийти и поdiskутировать с политиками?» (Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма — <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html>).

Затем слово было предоставлено С.В.Неверову от «Единой России». Первым делом он ответил Жириновскому на его критику засилья «ЕР», приведя примеры: во Владимирской области — депутаты от «Единой России», а губернатор — представитель ЛДПР, в Орловской — тоже «Единая

Россия», а губернатор — представитель КПРФ. Это нормально. Это люди сами определяют, выбирают.

Затем он поблагодарил президента за личное участие в волонтерских инициативах, за поддержку предложений добровольческого движения на федеральном уровне, которое на региональном поддерживает «Единая Россия», уделяя особое внимание ветеранам. Затем он рассказал о двух приоритетных законодательных инициативах: чтобы в трудных жизненных ситуациях не оставить человека без средств к существованию, фракция внесла законопроект, который гарантирует защиту минимального дохода от списания по исполнительному производству. Реализация закона даст возможность должнику указать службе судебных приставов банковский счет для сохранения ежемесячного дохода в размере не ниже величины прожиточного минимума. Банк и другие кредитные организации не смогут списывать эту сумму в счет погашения долга. И второе. Неверов сообщил о том, что фракция завершает подготовку законопроекта, который направлен на совершенствование политики в сфере занятости. Это, в первую очередь, развитие электронных форм предоставления государственных услуг в центрах занятости. Кроме того, эти центры должны стать местом переобучения безработных граждан. Из бирж труда, куда обращается человек за пособием, они должны превратиться в удобные, клиентоориентированные центры.

В завершение он остановился на теме индексации пенсий работающим пенсионерам, которая звучит практически у всех партий. Он напомнил, что в свое время «ЕР» от имени пенсионеров-опекунов обращалась о помощи к президенту, и он дал поручение внести поправки в соответствующее законодательство и сегодня у этой категории пенсионеров, которые занимаются опекой, пенсии индексируются.

Говоря о предстоящих выборах, Неверов поддержал своих коллег — Зюганова и Жириновского, что в их рамках должны чаще проходить дискуссии, дебаты и беседы. Но они должны быть конструктивными, и содержать не огульную критику, а серьезное обсуждение программ, предложений, путей их реализации.

Взяв слово, лидер фракции «Справедливая Россия»²⁷ С.М. Миرون не преминул напомнить, что «СР» внесла предложение о несписании

²⁷ 22 февраля 2021 года в Москве состоялись три съезда — СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ и партий ЗА ПРАВДУ и «ПАТРИОТЫ РОССИИ», которые завершились общей объединительной частью. Согласно принятому делегатами решению об объединении Съезд утвердил новую редакцию Устава, изменив наименование партии в Социалистическую политическую партию «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ», сокращенное название: партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ.

минимального дохода с должников еще летом прошлого года, но оно не нашло поддержки, и хорошо, что «ЕР» сегодня выступает с этой инициативой. «Неважно, кто автор, главное, чтобы дело делалось» — резюмировал Миронов, тем самым дав ответ и Жириновскому на его критику внесенного ранее «СР» законопроекта об индексации пенсий работающим пенсионерам, и мягко напомнил Владимиру Вольфовичу, чтобы он внимательно посмотрел в календарь внесенных законопроектов. Кроме того, не без иронии заметил, что именно ЛДПР не подписалась под обращением в Конституционный Суд в защиту работающих пенсионеров, когда фракции КПРФ и «Справедливая Россия» собрали подписи, а ЛДПР отказалась. И попенял коллеге: «Вот что на словах-то получается». Далее Миронов остановился на другой инициативе фракции: сделать так, чтобы материнский капитал семья могла потратить на ремонт своего жилья, а в сельской местности, например — на газификацию, на подведение водопровода. А дальше он поддержал Жириновского по поводу помощи одиноким женщинам, но по-другому, чем предлагал тот, а именно: выплачивать по 500 тысяч рублей женщинам, отказавшимся от аборта. Он предложил одиноким женщинам, оставшимся с ребенком на руках, и не получающим алименты от «бегущих» мужей, помочь со стороны государства из федерального бюджета. По его мнению, государство быстрее найдет беглеца и потом с процентами с него взыщет то, что государство платило ребенку, потому что дети не должны страдать.

Что касается избирательного законодательства, то Миронов, в целом поддержав Зюганова и Жириновского, тем не менее, выдвинул свое предложение по пропорциям при выдвижении кандидатов, подчеркнув, что всегда было так 50 на 50, т.е. 50 % шли по партийному списку, 50 % — по одномандатным округам. Сейчас губернаторы от «Единой России» на местах хотят уменьшить количество депутатов, которые пройдут по партийным спискам, и увеличить по мажоритарным, что нарушает эту пропорцию. Боятся, что их отругают за низкие показатели «ЕР».

Среди нескольких предложений Сергея Михайловича было и такое — не забыть об индексации пенсий для военных пенсионеров: «Пенсии для неработающих пенсионеров у нас индексируются, и обязательно выше, чем уровень инфляции. Вот на этот год будет проиндексирована на 6,3 %, хотя официальная инфляция четыре с лишним. А у военных пенсионеров — индексация меньше показателя инфляции». Затронул он и вопрос и об увеличении метража квартир, выделенных государством инвалидам, и о финансовом погашении им оплаты съемных квартир, как это делается для детей-сирот, пока они не получили жилья.

На каждое из предложений лидеров фракций президент либо дал определенный ответ, согласившись или нет с высказываниями, коротко прокомментировав и аргументировав его, либо обещал поручить правительству в короткое время рассмотреть предложение.

Часть из них уже реализовано. К примеру, В.В.Путин подписал указ о расширении общефедеральных партийных списков на выборах. Уже летом накануне выборов парламент в сентябре 2021 г. партии смогли зарегистрировать на выборах в Госдуму не 10, а 15 человек в общефедеральной части своего списка. Норма стала результатом компромисса между фракциями Госдумы — изначально предлагалось увеличить списки вдвое — до 20 человек. По мнению председателя Госдумы В.В.Володина, новая модель добавляет парламентским партиям устойчивости, о которой они говорили на встрече с президентом.

Анализ данной встречи и состоявшейся дискуссии перед выборами в Госдуму РФ VIII созыва, которые состоялись в единый день голосования 19 сентября 2021 года, заставляет сделать следующие выводы об отношениях власти и системной оппозиции. Польза от таких встреч и дискуссий есть, нормы этики в определенной мере соблюдаются, но у экспертов возникает впечатление, что тем самым открывается окно для выхода на арену новых оппозиционных партий. Эту точку зрения обосновал президент холдинга «Минченко консалтинг» Е.Н.Минченко. На его взгляд, эта встреча фактически закрепила идею «единой партии власти», в которую входят четыре парламентские политические структуры и которые обладают консенсусом по темам суверенитета, защиты исторического наследия, традиционных ценностей и др. В этом смысле президент ведет диалог с ними со всеми, как с составной частью общего консенсуса правящей элиты. С одной стороны, это хорошо для парламентских оппозиционных партий, это несколько снизит давление на них в регионах во время выборов, но с другой стороны, это открывает ворота для новых проектов, расширяет площадку для поддержки новых оппозиционных партий, которые не воспринимаются сейчас как часть элиты. «Тех, кто настроен оппозиционно, против правящего истеблишмента, такое единодушие может толкнуть к другим проектам», — отметил эксперт (Эксперты оценили встречу Путина с лидерами думских фракций — <https://ria.ru/20210217/vstrecha-1597888535.html>).

В свою очередь руководитель «Политической экспертной группы» К.Э. Калачев по результатам встречи отметил запрос президента на обновление системы. «Тезис, что народ требует перемен, который заявил Путин, это попытка соответствовать народной повестке. Народ действи-

тельно хочет перемены, нового, но нет смысла наливать новое вино в старые стаканы... У нас значительная часть общества вообще не считает, что какая-либо из партий представляет их интересы, и президент это фиксирует и предлагает поразмышлять, каких перемен хотят люди. Они, прежде всего, хотят реальную политическую конкуренцию, реальную открытость. Не имитацию» (Эксперты оценили встречу Путина с лидерами думских фракций — <https://ria.ru/20210217/vstrecha-1597888535.html>). В этой связи важно проанализировать, как и где взаимодействует власть с непарламентской оппозицией, новыми партиями.

Как итог этих встреч и размышлений о политических реальностях и ожиданиях народа, на выборах побеждает партия «Новые люди», которая становится пятой фракцией в Думе. Отчасти она восполнила недостающую либеральную оппозицию, представляющую интересы малого и среднего бизнеса и молодежи. А какова судьба непарламентских оппозиционных партий?

Совет непарламентских партий. Идею создать при председателе Госдумы площадку для контактов с непарламентариями выдвинул глава оппозиционного «Яблока» С.С.Митрохин в ходе встречи с С.Е. Нарышкиным, фактически в ответ на массовые акции протеста в 2012 г. с требованием проведения честных выборов. Спикер парламента поддержал идею и предложил создать переговорную дискуссионную площадку для непарламентских партий в виде Совета непарламентских партий. Такой Совет под руководством председателя Госдумы РФ был учрежден в конце того же года, и на первом заседании представители партий «второй лиги» обсудили порядок работы Совета. В своем вступительном слове спикер отметил, что в центре работы будущего Совета должен, во-первых, стать диалог с органами государственной власти; во-вторых — участие в выборах, а соответственно, и участие в формировании органов власти; в-третьих — участие в законотворческой деятельности через экспертизу законопроектов и через мониторинг правоприменения. Согласно законодательству теперь непарламентские партии имеют право не менее одного раза в год участвовать в пленарных заседаниях Госдумы.

Под председательством Нарышкина прошло семь заседаний Совета, и его участники постепенно набирались опыта и знаний. Были рассмотрены следующие вопросы: законопроекты о выборах депутатов Государственной Думы; о государственном стратегическом планировании; о противодействии оскорблению религиозных убеждений и чувств верующих; об общественном контроле в сфере жилищно-коммунального хозяйства;

о перспективах развития пенсионной реформы; о результатах единого дня голосования 8 сентября 2013 года и об участии непарламентских партий в заседании Думы; о концепции нового базового закона о культуре и др.

На одной из первых встреч участники попробовали свои силы как эксперты в дискуссии с заместителем главы Министерства экономического развития о законопроекте, посвященном государственному стратегическому планированию. Встреча показала, что для квалифицированно-го обсуждения серьезных политических вопросов ее участникам нужны специальные знания, глубокая эрудиция, понимание реальной ситуации. Неслучайно их больше интересовали прагматические вопросы: выделение здания, где они могли бы заседать, и развитие политической системы через возвращение партиям возможности вступать в блоки в ходе избирательных кампаний. Тем не менее, со временем к ним приходил опыт экспертного анализа.

Власть услышала непарламентскую оппозицию. Претерпело серьезные изменения избирательное законодательство, в результате чего расширены возможности для политической конкуренции. 4 апреля 2012 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». Новые поправки существенно изменили систему партийного строительства и порядок регистрации политических партий. Снижен минимальный процент голосов избирателей, который необходимо получить федеральному списку кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы, чтобы участвовать в распределении депутатских мандатов порог снизился с 7 до 5%. Порядок регистрации партий заметно упростился: необходимая минимальная численность политических партий была снижена в 80 раз: с 40 тыс. до 500 человек. По состоянию на 29 июля 2023 года в Российской Федерации официально зарегистрировано 27 политических партий, 25 из которых имеют право участвовать в выборах.

При С.Е.Нарышкине появился **формат «Открытой трибуны»** с приглашением известных ученых, экспертов в различных областях жизни для поиска общих вариантов решения острых проблем государства и общества. Такой формат был создан для того, чтобы депутаты Государственной Думы, в прямом и подчас непросто-м диалоге находили и дорабатывали созидательную для государства линию развития, которая поддерживалась бы российскими гражданами. В ходе заседаний «Открытой трибуны» шли не только экспертные обсуждения, но и горячие идеологические споры. Дума, таким образом, стала возвращать себе статус главного места для дискуссий, навсегда перечеркнув ошибоч-

ное заявление предыдущего спикера Б.В.Грызлова, что «парламент — не место для дискуссий».

В мае 2017 года руководитель «Партии ветеранов СССР» и общественного движения «Патриотические силы в поддержку политики президента» Резяпов И.В. обратился к новому спикеру В.А.Володину (он стал им в 2016 г.) с предложением созвать Совет непарламентских партий по вопросам реновации жилья в Москве и обсудить концепцию реновации. Это было связано с неоднозначной ситуацией вокруг проекта Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей реновации жилищного фонда в столице Российской Федерации — городе федерального значения Москве». Несмотря на предварительное обсуждение положений закона по реновации, организованного властями города с выездом в многолюдные места юристов, экспертов для консультаций с горожанами в области жилищного строительства, а, может быть, и благодаря этому, у москвичей появилось немало вопросов к реновации жилищного фонда Москвы. Этим воспользовались ряд оппозиционных непарламентских партий, чтобы перед единым днем голосования раскатать социальный протест и сделать на этом себе имя и узнаваемость. В результате состоялись расширенные парламентские слушания, в которых активно участие приняли москвичи, не только поддержавшие проект, но и критиковавшие его, выходявшие и на акции протеста. В результате многочасовой дискуссии было внесено до 500 поправок в закон о реновации — фактически был принят новый закон с учетом мнения протестантов.

На этом основании один из лидеров представленной в Мосгордуме, но не в федеральном парламенте, демократической партии «Яблоко» С.С. Митрохин считает, что возможность общаться с властью имеет не только парламентская оппозиция, более того, власть иногда идет навстречу ей и даже удается добиться выполнения своих требований, правда, с той оговоркой, что контакты могли бы быть более частыми и продуктивными, и в большинстве случаев выполняются лишь те требования оппозиции, в поддержку которых дополнительно проводились уличные акции [Виноградов Егор. Что мешает диалогу между властью и оппозицией России <https://inosmi.ru/russia/20120920/199512705.html>].

В сентябре 2020 г. прошла презентация новой платформы в Рунете «Страна онлайн», которая, как заявили ее идеологи, предназначена для участия обычных граждан в совершенствовании жизни в России. «Есть масса народа, которая хотела бы заниматься общественной деятельно-

стью, проявлять свою гражданскую позицию, у которой есть идеи. Но многие не готовы к публичности: не готовы, по разным причинам, реализовывать себя в каком-то партийном проекте или участвовать в государственных мероприятиях», — считает руководитель платформы «Страна онлайн», председатель Объединения наставников Николай Калмыков [В России появилась платформа для прямой коммуникации общества с властью — <https://rg.ru/2020/09/30/v-rossii-poiavilas-platforma-dlia-priamoi-kommunikacii-obshchestva-s-vlastiu.html>]. Передать власти свое мнение, принять участие в дискуссии и реализовывать свои проекты — именно под это «заточены» сервисы на новой платформе. Их задача — собрать все идеи и предложения, которые поступят от равнодушных людей, оценить их качество, дать комментарии, а самые лучшие — рекомендовать исполнительной и законодательной власти для осуществления. Еще один раздел портала — гражданская газета. «У нас многие научились писать очень качественные посты и аналитические заметки, но они публикуют их в своем личном блоге. Теперь будет возможность поделиться своим мнением на всю «Страну онлайн». По словам Калмыкова, миссия новой платформы — вырастить и собрать в одно онлайн-сообщество или клуб лидеров людей, способных вести общественно-полезную деятельность. «Мы говорим не столько о политиках или профессиональных общественных деятелях, а о социальных предпринимателях и просто о гражданах, которые могут быть чем-то недовольны. Но не просто сливают свой негатив в Интернет, а способны предложить реальные проекты, чтобы преобразить страну», — объясняет руководитель платформы. К слову, уже сейчас собрано более двух тысяч таких предложений, в частности, по борьбе с коронавирусом. Многие уже пересланы законодателям. Новая платформа будет отличаться от социальных сетей, где тоже есть и профессиональные сообщества, и клубы по интересам, тем, что, во-первых, это отечественная площадка, что защищает от информационных манипуляций и блокировок, с которыми сталкивается примерно половина общественных деятелей, выражающих свою гражданскую позицию, считают авторы проекта; во-вторых, это не просто сервис. Здесь реализуются программы по развитию. Уже готовы 14 программ, которые можно проходить в онлайн-режиме с цифровым наставником, накапливая свои компетенции в общественной, политической и других областях. Площадка предназначена для всех без исключения активных граждан, независимо от их политической принадлежности. И главное: «Страна онлайн» — это инструмент для госорганов и парламентариев: посмотрели на идею, увидели, что у нее много голосов и внесли законодательную инициативу.

Вывод. По мнению Ханны Арендт, право на суждение — абсолютное и неотъемлемое право человека, ведь только непрерывно вынося суждения, мы способны делать мир осмысленным для себя, а в отказе от суждения, в неспособности представлять себе присутствующими и принимать во внимание других — исток величайших бедствий в сфере политики (Арендт, 2000, с. 185). Она полагала: лучшее, на что можно надеяться — это «согласие в суждениях», а главная опасность — отказ от суждения, банальность зла, опасность, что в критической ситуации человек предпочтет уступить натиску «зла», не прибегая к самостоятельному, независимому суждению.

Конструктивный дискурс или просто дискурс в хабермасовском смысле, служащий выяснению смыслов, пониманию того, что говорит другой, направленный на поиск новых политических идей и перспектив для общественного развития, переговоры в случае возникающих конфликтов пока у нас в стране между властью и оппозицией только налаживаются. Его отсутствие чревато новыми взрывами насилия в стране. Хорошо бы и тем, и другим помнить одну из заповедей С. Поварнина: «чем менее уверенность основана на рассуждении, тем крепче за нее держатся». И власти, и оппозиции нужно учиться логически рассуждать и обстоятельнее доказывать верность своей позиции и уметь признавать свои ошибки.

3.2. Цифровые технологии и процессы в публичном управлении

3.2.1. Большие данные, искусственный интеллект, «умные» среды

Прогресс в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) ведет человечество 21 века к постоянно расширяющемуся цифровому миру и созданию цифрового общества, в котором информация и знания становятся доступными для все большего числа людей с каждым днем. Общества становятся ландшафтами, опосредованными различными платформами цифровых медиа, цифровыми услугами и технологиями, которые позволяют проводить зондирование, сбор данных и аналитику. Этот прогресс и изменения в технологиях неизбежно приводят к изменению того, как организовано общество, как происходит управление в нем, как его члены взаимодействуют друг с другом. Тем не менее, существует ограниченное понимание того, как государству и организациям необхо-

димо измениться в этих условиях и какие предпринимать действия, чтобы принять и реализовать эти технологические инновации. Не менее актуальным представляется вопрос о том, насколько формирующаяся в России система публичного управления способна отвечать вызовам цифрового общества. Напомним, что публичное управление — это административно-государственный процесс, включающий действие различных (формальных и неформальных) акторов и структур, вовлеченных в процесс принятия и исполнения решений. Специфика публичного управления заключается в том, что правительство является не единственным актором этого процесса, в него включается деятельность неправительственных организаций, структур гражданского общества, групп интересов и т.д. [Купряшин, 2016, с. 101]. Основная цель публичного управления видится в согласовании властных, частных и общественных интересов для реализации на этой основе «публичного интереса», а его особенностью является интенсивное развитие пространства публичной коммуникации, позволяющее включать в процесс принятия решений по общественно значимым проблемам максимально большое число участников [Василенко, 2020, с. 12].

Следует подчеркнуть, что риторика о преимуществах ИКТ в использовании в деятельности органов государственной власти теперь в основном охватывает дискуссию о применении искусственного интеллекта (ИИ), Больших данных (БД) и «умных» (интеллектуальных) сред. Последние привлекли к себе серьезное внимание в плане оптимизации принятия решений различными структурами. По мере распространения инструментов и приложений для работы с БД они неизбежно изменяют общепринятые представления о принятии решений, методах управления, формировании стратегии, создании ценностей. Тенденция все большего использования цифровых данных трансформирует традиционные концепции управления.

Рассмотрим применение этих технологий более подробно, начав с Больших данных. В последние несколько лет БД и аналитика БД привлекли к себе внимание в плане стимулирования принятия решений в структурах различного рода, поскольку организации постоянно работают над тем, как придать данным цель и извлечь из них новый смысл и знание, явно в них не содержащееся. БД стали одним из самых значительных технологических изменений в экосистемах и научных исследованиях за последние годы. Под Большими данными понимаются данные, которые имеют большой объем, поступают с большой скоростью и являются слабо структурированными; они чаще всего создаются и хранятся в Интернете и в цифровых экосистемах. БД генерируются из источников различного типа, таких как выполняемые ежедневно транзакции, публикации в соци-

альных сетях или данные с датчиков, установленных на многочисленных объектах. Аналитика БД — это инструмент, который выходит за рамки анализа шаблонов, позволяет предсказывать события и поддерживает ИИ, который может автоматизировать процессы, преобразовывать организации и внедрять новые виды деятельности, а также создавать ценности для развития устойчивого и процветающего общества [Pappas, 2018]. БД и бизнес-аналитика, основанные на практике, все чаще используются для анализа и прогнозирования множества явлений, от покупательского поведения населения до намерений при голосовании.

В настоящее время БД уже используются в управлении как отдельных государственных секторов, так и в государственном управлении в целом. В специальной литературе в связи с развитием аналитики БД все чаще встречается термин «умный» (smart), который применительно к управлению означает интеллектуальный сетевой компонент системы управления [Scholl, 2014]. Существует и иная трактовка «умного управления» как модели электронного правительства третьего поколения, основанного на цифровых технологиях — «smart government». По мнению исследователя С. Мельхема [Melhem, 2013], «умное» — это аббревиатура S.M.A.R.T, где S означает социальный, M — мобильный, A — аналитика, R — радикальная открытость, а T — доверие. В контексте умного правительства эти сокращения трактуются так:

- социальный: предоставление населению персонализированных и удобных в использовании услуг, что также позволяет гражданам и их объединениям осуществлять совместную с правительством работу по решению важнейших социальных проблем;
- мобильный: использование мобильных технологий, приложений, социальных сетей, облачных вычислений для предоставления государственных услуг и решения текущих вопросов.
- аналитика: с помощью аналитики больших данных можно предиктивно принимать политические решения и действовать.
- радикальная открытость: умное правительство обеспечивает легкий доступ к информации и обеспечивает участие граждан в решении важнейших проблем, поддерживает проведение политики открытости власти, подотчетности, инклюзивности, активного взаимодействия с гражданским обществом, отзывчивой правительственной позиции по отношению к инициативам гражданского общества;
- доверие: умное правительство стремится обеспечить эффективную безопасность и отказоустойчивость государственных услуг, включая конфиденциальные.

Некоторые развитые страны уже частично внедрили технологии БД для интеллектуального правительства и управления. Но все же государственное управление большинства стран не готово к полноценному использованию таких технологий, поскольку это требует больших инвестиций для внедрения, особенно при регулярном производстве, сборе, обработке и хранении данных. Иногда преждевременное и необдуманное внедрение БД может вызвать проблемы и угрозы в государственном секторе. С другой стороны, интеллектуальное управление дает возможность создать открытое, основанное на широком участии умное правительство с использованием технологий БД [Desouza, 2017].

В России первым шагом к внедрению элементов интеллектуального управления является проект «Умный город», входящий в нацпроект «Жилье и городская среда». В него входят мероприятия по внедрению цифровых технологий в управление городской средой, планируется применение БД и систем ИИ, создание «цифровых двойников» городов, широкое вовлечение граждан в решение вопросов городского развития на базе цифровых платформ. Ряд технологий «умного города» был использован для контроля за соблюдением гражданами режима самоизоляции во время пандемии COVID-19, преимущественно в крупных городах [Смирнов, 2021, с. 148].

В ряде развитых стран инновационные решения в сфере оказания услуг и принятия решений в государственном секторе с новым акцентом на необходимость интеллектуального управления с неизбежностью выходят на применение технологий ИИ [Cevasco, 2019]. Оно сопровождается разработками в области робототехники и другими появляющимися инновациями, алгоритмы становятся более способными реализовывать и развивать специфические навыки, которые ранее были присущи исключительно человеку, что радикально меняет характер деятельности.

Понятие «искусственный интеллект», приобретя широкую известность в 21 веке, появился значительно раньше — в 50-х годах 20 века. Его развитие началось с попыток решения двух задач: создания программы для игры в шахматы в 1954 г., к решению которой подключились выдающиеся математики А. Тьюринг и К. Шеннон, и разработки программ машинного перевода с одного языка на другой. В конце 60-х годов интерес к искусственному интеллекту вспыхнул с новой силой в связи с появлением интереса к созданию и развитию Экспертных Систем, а также разработкой шахматной программы «Каисса». Для последующего этапа развития характерным явилось быстрое развитие технологий искусственных нейронных сетей, имитирующих работу биологических нейронов живых существ. В 2006 г. появилась

система Google Переводчик, основанная на Больших данных. Первоначально тезаурус (словарь) системы насчитывал 1 трлн слов и состоял из фрагментов интернет-контента [Пройдаков, 2018]. В настоящее время система позволяет мгновенно переводить слова, фразы и веб-страницы с английского языка более чем на 100 языков и обратно.

В январе 2016 г. основатель и президент Всемирного экономического форума в Швейцарии К. Шваб назвал ИИ одной из основных движущих сил четвертой промышленной революции, наряду с робототехникой, интернетом вещей и рядом других [Шваб, 2016]. В России в 21 веке также возродился интерес к ИИ, о чем свидетельствует принятие в 2019 г. Национальной Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Под ИИ в Стратегии понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» Под технологиями ИИ в документе понимаются «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта» [О развитии, 2019].

В Стратегии, что очень важно, ИИ разделяется на сильный и слабый. Слабый ИИ способен решать только узкоспециализированные задачи, сильный ИИ способен, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям. Создание сильного ИИ является сложной научно-технической задачей, решение которой пока невозможно, но в будущем оно может привести как к позитивным изменениям в ключевых сферах жизнедеятельности, так и к негативным.

Согласно прогнозам аналитиков к 2024 году решения в области ИИ обеспечат рост мировой экономики на 1 трлн \$, а мировой объем рынка ИИ по прогнозам международной исследовательской компании IDC в 2024 году достигнет в 500 млрд \$ [Развитие, 2022].

На переднем фронте развития ИИ в настоящее время находятся такие направления, как компьютерное зрение (видеоаналитика), распознава-

ние речи, понимание смысла текстов, аналитика и поддержка принятия решений, виртуальные агенты (чат-боты и виртуальные помощники), системы рекомендаций, роботизированные и оцифрованные предприятия [Искусственный, 2021].

С точки зрения глубины проникновения интеллектуальных ИТ в процессы принятия решений проявляются три варианта замены человеческого труда компьютерным:

- 1) замена человека на рутинных операциях. Эту сферу занимают различного рода цифровые помощники и средства роботизации процессов, разгружающие человека от рутинных забот, а также системы автоматизации служб поддержки: программные роботы справляются с большей частью вопросов, и только в нетривиальных ситуациях происходит переключение на «живого» сотрудника;
- 2) замена человека там, где в реальной жизни он не сможет работать, например, на опасных производствах, во вредной среде или недоступных территориях;
- 3) замена человека в тех задачах, с которыми компьютерная программа справляется лучше человека. В первую очередь, речь идет о сборе и аналитике больших объемов данных.

ИИ может быть также использован в качестве консультанта там, где от человека нужна сложная экспертиза, к примеру, правовая. В этом случае ИИ встраивается в более широкий контекст и предоставляет специалисту информацию к размышлению [Искусственный, 2020].

В России планируется активнее применять ИИ в социальной сфере, в частности, для психологической диагностики личности по социальным сетям, что стало возможным благодаря распространению технологий, использующих цифровые следы для анализа личности, к одному из источников которых относятся социальные сети. Для анализа аккаунтов в соцсетях предполагается использовать технологии ИИ, которые «открывают широкие возможности по оценке личности и прогнозированию ее поведения без осуществления психологического тестирования, требующего добровольного согласия» [Королев, 2021]. Предполагается создание доверенной технологии диагностики свойств личности, которую будут использовать, в частности, для того, чтобы оценивать состояние людей, принимающих ключевые государственные или корпоративные решения, а также для распознавания манипулятивного управления большими социальными группами.

Такие проекты имеют большую общественную ценность, поскольку могут способствовать выявлению и своевременному реагированию на

противоправные действия, разжигание межнациональной розни, создание «групп смерти», вовлечение граждан в террористическую деятельность, вербовку, экстремизм и т.п. Вместе с тем с юридической точки зрения применение такой технологии может противоречить действующему законодательству о персональных данных, а также могут быть нарушены права граждан на тайну частной жизни.

Еще один важный аспект, связанный с влиянием ИИ — проблемы занятости. Здесь следует отметить 3 момента [Cevasco, 2019]:

ИИ будет продвигаться вперед в замене механических и рутинных задач, а рабочие могут быть переведены на более творческие и продуктивные задачи;

правительству придется предусмотреть затраты на переобучение людей для последующего трудоустройства;

в широком смысле автоматизацию и роботизацию с использованием элементов ИИ следует рассматривать не как угрозу, а как средство реализации новых возможностей и преимуществ для повышения конкурентоспособности экономики страны.

В целом ИИ позволяет получать результаты, которые во многих случаях были бы невозможны для человека.

3.2.2. Платформизация и датафикация

БД и технологии ИИ составляют основу концепции «Правительство как платформа», на которой функционирует «цифровое правительство». Платформы работают как агрегаторы транзакций между конечными пользователями, государством, бизнесом и коммерческими структурами. Эта концепция совершенствует процесс предоставления электронных государственных услуг, превращая их в цифровые и делая более доступными, удобными и многофункциональными. В России это видно на примере развития федерального портала госуслуг gosuslugi.ru, который начинает предоставлять ряд услуг в проактивном (без подачи заявления) формате, а также предоставляет доступ к суперсервисам — комплексам услуг, объединенных жизненной ситуацией и предоставляемых в автоматическом режиме. В 2020 г. на портале госуслуг было запущено 7 суперсервисов, в 2021 к ним добавились еще 6.

БД, технологии ИИ и развитие платформ способствуют развитию датафикации — этого современного явления, которое относится к количественной оценке человеческой жизни с помощью цифровых данных.

Процессы датафикации извлекают цифровые данные из человеческой жизни, что неизбежно влечет серьезные социальные последствия. Ряд исследователей утверждает, что мы переживаем новую стадию «капитализма наблюдения», на котором человеческий опыт становится сырьем для производства поведенческих данных, используемых для влияния, управления и прогнозирования наших действий [Zuboff, 2019]. Датафикация объединяет два процесса: 1) преобразование человеческой жизнедеятельности в данные посредством процессов количественного определения и 2) производство различных видов ценности из данных, реализующее новый метод количественной оценки элементов жизни, которые до сих пор не были количественно определены в такой степени: происходит превращение потока социальной жизни и социального смысла в потоки чисел, которые можно обрабатывать.

В настоящее время можно наблюдать формирование способов количественной оценки аспектов социального мира, для того чтобы сделать его более пригодным для управления. Одним из наиболее важных методов на этом пути является анализ социальных сетей, в котором сетевой подход применяется к социальным объектам, что позволяет извлекать и использовать данные. Социальные графы и сетевые визуализации позволили получать информацию из потока жизни для описательного и предсказательного использования, чему также способствовало использование «умных» устройств и цифровых технологий. В сущности, вопросы влияния и власти пронизывают эти внешне нейтральные формы датафикации; здесь важное значение приобретает вопрос о том, кто занимается этим «кодированием жизни в факторизованные реальности». При таком подходе датафикацию можно рассматривать как социальный процесс, построенный вокруг «отношений данных», концентрируемых на платформах, и предназначенный для оптимизации генерации данных из социальной жизни [Couldry, 2019]. Этот процесс использует целый арсенал средств количественной оценки от БД, технологий ИИ, видеонаблюдения до инструментов кибервойн. Основными участниками и бенефициарами этого процесса являются корпорации и государственные структуры. Если посмотреть более глубоко, то проблема заключается не в данных как таковых, а в том, как, кем и с какими целями они систематически собираются и используются, и тогда ключевым вопросом становится то, как ограничить расширение сектора социальной количественной оценки в социальном пространстве [Mejias, 2019].

3.2.3. Алгоритмическое управление

Дебаты о датафикации и ИИ часто пересекаются с дискурсом об алгоритмах в управлении. Однако алгоритмы иногда работают с небольшими данными и используют процедуры, основанные на вычислениях, которые «не учатся» и не являются адаптивными. В последние годы в научной литературе появился новый термин «алгоритмическое управление», который развивает идею о том, что цифровые технологии определенным образом структурируют социальное. Алгоритмическое управление фокусируется на управлении по алгоритмам, а не на управлении алгоритмов. Алгоритмическое управление является формой социального упорядочения, которое опирается на координацию между субъектами, основано на правилах и включает в себя особо сложные компьютерные эпистемологические процедуры (Katzenbach, 2019). Актуальность работы с алгоритмическим управлением очевидна в отношении нарратива о том, что управление становится более инклюзивным, отзывчивым и допускает большее социальное разнообразие. Прямым предшественником алгоритмического управления является известная фраза Л. Лессига «код есть закон». Здесь программный код или, в более общем плане, технические архитектуры рассматриваются как один из четырех факторов, регулирующих социальное поведение наряду с законом, рыночными и социальными нормами. Ярким примером является введение и управление населением с помощью QR-кодов в период пандемии в развитых странах.

Исследователи алгоритмического управления рисуют сложную технодетерминированную картину, утверждая высокую актуальность алгоритмов. Этот акцент на целенаправленных, преднамеренных вмешательствах создает основу для исследований, которые явно заинтересованы в алгоритмах как форме управления, целенаправленно используемой для регулирования социальных контекстов и изменения поведения отдельных лиц и групп населения (Yeung, 2018). Изучается применение алгоритмического управления в цифровых коммуникациях, а также на платформах социальных сетей для регулирования контента, блокировки или фильтрации текста, видео и фотографий, что в ряде случаев является неприемлемым или незаконным.

Предоставление государственных услуг, принятие административно-государственных решений, управление гражданами и надзор за ними представляют собой еще одну ключевую область применения алгоритмического управления. Алгоритмы потенциально повышают эффективность и результативность государственных услуг, например, путем рацио-

нализации бюрократического принятия решений, выбором их наилучших доступных вариантов. Вместе с тем, как показывают исследования, развертывание алгоритмических систем в государственном секторе привело ко многим непреднамеренным и скрытым последствиям [Veale, 2019]. Применение алгоритмических инструментов государством часто выливается в новые формы наблюдения за населением. Основой для многих проектов предоставления цифровых услуг и выбора управленческого воздействия на основе алгоритмов являются системы рейтингования, оценки и прогнозирования поведения, предпочтений и мнений граждан (примером является система социального рейтинга, внедренная в Китае). Они используются для распределения социальных пособий, борьбы с уклонением от уплаты налогов и мошенничеством, при пограничном контроле, управлении миграцией, для предотвращения терроризма. Рейтингование и ранжирование достаточно широко применяется в общественных практиках к потребителям и пользователям путем присвоения количественной оценки и кредитных баллов. Исследования показывают, как основанные на алгоритмах методы оценки не только формируют рынки, но и создают механизмы стратификации, которые формируют новые социальные классы и перестраивают властные отношения, часто в ущерб бедным и «отмеченным» системой (Fourcade, 2017).

Алгоритмическое управление можно рассматривать и как способ координации, который предлагает новые возможности для участия, социальной инклюзивности, разнообразия и демократии на основе применения БД и ИИ. Известно применение программного обеспечения для расширения политического участия с помощью инструментов онлайн-участия, таких как электронные выборы и петиции, общение в социальных сетях и законодательный краудсорсинг. Кроме того, разрабатываются многочисленные алгоритмические инструменты с целью получения информации о предпочтениях пользователей различных социальных платформ, улучшения отношения между пользователями и платформами, а также между гражданами и властью [Boulianne, 2018].

Алгоритмическое управление открывает широкий консенсус в отношении того, что БД, ИИ и алгоритмы воздействуют на взгляды в обществе и отдельных лиц, что связано с увеличением и разнообразием данных, собираемых цифровыми устройствами, онлайн-трекерами и средствами мониторинга. Вместе с тем, наблюдение за целым населением и создание подробных профилей людей на основе их «цифровых двойников» открывает широкие возможности для социальной сортировки, дискриминации, государственного произвола и манипулирования [Lyon, 2014]. Неогра-

ниченная слежка представляет опасность для многих гражданских прав и прав человека, таких как свобода слова, собраний, неприкосновенность частной жизни и др.

Традиционно алгоритмы считались объективными и истинными из-за отсутствия вмешательства человека в процесс их работы, а также способности решать сложные социальные проблемы за счет огромного объема данных и увеличения вычислительной мощности. Однако в настоящее время появились основания для оспаривания идеи о том, что алгоритмы могут быть объективными и нейтральными: социальное неравенство, несправедливость и дискриминация выражаются в необъективных наборах, данных и практиках, связанных с данными. В связи с этим в литературе появилась типология систем алгоритмического управления, основанная на степени прозрачности [Yeung, 2018]:

«автономные системы» обеспечивают высокую прозрачность и оставляют решения за людьми;

«системы, основанные на доверии» работают с низкой прозрачностью и участием людей, принимающих решения;

«лицензионные системы» сочетают высокую прозрачность с автоматизированным исполнением.

«неуправляемые системы» демонстрируют низкую прозрачность и полностью автоматизированное исполнение решений.

Однако наиболее известным и успешным применением систем алгоритмического управления является модерация и регулирование контента на платформах социальных сетей. Поворот к ИИ и алгоритмам в этой области обусловлен, во-первых, количеством контента, размещенным на платформах; и во-вторых, растущим административно-политическим давлением на платформы для купирования проблем, связанных с разжиганием ненависти, дезинформацией и нарушением авторских прав, при этом регулирование частично направлено на немедленную ответственность платформы за незаконный контент. Таким образом, платформы разрабатывают и внедряют алгоритмические системы, нацеленные на выявление языка ненависти, сопоставление загружаемого контента с работами, защищенными авторским правом, выявление дезинформации [Gillespie, 2018]. Платформы-гиганты, такие как Facebook, YouTube и Twitter долгое время держали в секрете применяемые алгоритмы, критерии принятия решений, конкретные используемые технологии и данные. Однако растущая политизация модерации контента вынуждает компании повышать прозрачность в этой области, и сегодня Facebook, например, вынужденно раскрывает структуру общего процесса модерации, а также лежащие в его

основе критерии принятия решений, но сохраняет в секрете особенности процесса и подробные данные об удалениях.

В России алгоритмическое управление нашло массовое применение только на федеральном портале государственных услуг gosuslugi.ru, на котором число пользователей с подтвержденной учетной записью на конец 2021 г. достигло 90 млн. чел. Портал автоматизирует регламенты предоставления государственных услуг, в большинстве случаев не требующих принятия сложных многокомпонентных решений.

В заключение отметим, что концепция алгоритмического управления включает в себя широкий спектр социотехнических практик, которые упорядочивают и регулируют социальное, от предиктивного контроля до модерации контента. Системы алгоритмического управления, глубоко интегрированные в организационные процессы, решают важные вопросы жизнедеятельности человека, подчас затрагивающие понятия справедливости, прозрачности, предвзятости. Алгоритмическое управление многогранно: в зависимости от области применения оно может рассматриваться как упорядочение, регулирование и манипуляция поведением, как форма управления, оптимизации и участия. Благодаря алгоритмизации, датафикации, платформизации и технологиям ИИ само управление становится более мощным, навязчивым и всепроникающим. В другом нарративе оно становится более инклюзивным, гибким и допускает большее социальное разнообразие. В целом алгоритмическому управлению присущи множественность и гибкость, его вид зависит от социального, экономического и политического контекста, оно может принимать самые разные формы.

Вывод. Таким образом, в условиях активного развития и внедрения цифровых платформ, БД, технологий ИИ, «умных сред» основным содержанием публичного управления в ближайшем будущем может стать управление, в основу которого положены алгоритмические системы управления. Темпы происходящих трансформаций свидетельствуют о том, что такие технологии и решения могут стать основой всей системы публичного управления в силу их больших возможностей в совершенствовании целого ряда административно-политических процессов.

3.3. Интернет-активизм в России

3.3.1. Сущность Интернет-активизма

Цифровые технологии и интернет воздействуют на общественные процессы, оказывая трансформирующий эффект. Возникают новые механизмы коммуникаций, инструменты обмена информацией, ресурсами и вовлечения граждан в жизнь общества. В 2020 году интенсифицировались процессы цифровизации, возникли новые формы гражданской активности — онлайн-митинги, усилилось и применение технологий отслеживания и контроля за действиями граждан. Таким образом, цифровые технологии в значительной мере интегрированы в гражданскую активность и способствуют трансформации моделей взаимодействия активистов, что дает основания выделить в качестве феномена цифровизирующейся гражданской активности Интернет-активизм — форму участия граждан в общественно-политической жизни с помощью целенаправленного использования Интернет-ресурсов. Быстроразвивающиеся и интенсивно использующиеся в различных сферах общественных отношений, Интернет-технологии способствуют процессу институционализации онлайн активности граждан, «опривычивая» Сеть и повышая устойчивость виртуальных взаимодействий Интернет-активистов.

Специфика Интернет-активизма заключается в его осуществлении в Глобальной сети как специфическом пространстве, а также использовании цифровых инструментов взаимодействия и коммуникации. Данные инструменты позволяют сокращать транзакционные издержки, повышать эффективность мобилизации и коммуникации, повышать устойчивость организационных структур, их гибкость и адаптивность под нужды активистов, а также меняющиеся условия внешней среды. При этом влияние новых технологий на гражданскую активность дуально. В связи с этим Г.Асмолов указывает на исследователей, которых можно поделить на группы кибероптимистов, которые подчеркивают позитивный потенциал влияния технологий, и киберпессимистов, которые фокусируются на негативных аспектах социально-политической трансформации. Между ними находится группа киберпрагматиков, пытающихся найти баланс между двумя крайностями [Сканирование горизонтов, 2020, с. 9].

Гражданская активность, оказавшаяся под влиянием онлайн технологий, продолжает развиваться в реальном и виртуальном пространствах и имеет свои специфические особенности в обоих пространствах. Уче-

ные указывают на вероятность того, что онлайн гражданская активность является имитацией гражданского участия. При этом под онлайн-участием понимаются основанные на сетевых медиа действия, осуществляемые с целью активизировать сильные и слабые связи в социальных сетях для повышения информированности о проблемах или оказать социальное и политическое давление для их решения [Башева, 2020, с. 45]. Однако, И.А. Бронников считает, что имеющееся классическое противопоставление политического поля на традиционное и сетевое представляется необоснованным. В современном постинформационном обществе наблюдается, скорее, планомерное сближение, проникновение и коадаптация виртуального и физического политического пространства, что создает дополнительные сложности для акторов [Бронников, 2020, с. 278]. Выявление общих и отличительных характеристик гражданской активности в Сети и в реальном мире на основе проведенного исследования позволит сформулировать современное представление о гражданской активности, ее различия на обеих площадках.

Интернет-активизм представляет собой существенное изменение гражданской активности, ее технологизацию, предполагая целенаправленное использование цифровых инструментов и ресурсов. В числе первых феномен Интернет-активизма начал изучать американский исследователь П. Норрис. Он сформулировал теорию добродетельного круга, которая демонстрирует закономерность между использованием гражданами онлайн технологий и повышением их активности в общественной сфере [Norris, 2000]. При этом он не демонстрировал множество специфических аспектов, которые являются ключевыми для Интернет-активизма (в частности, таргетинг коммуникации, технологии мобилизации активистов). Выявлению их содержания были посвящены последующие исследования в данной сфере. Значимым является выявление «эффекта вовлеченности», который характеризует коммуникацию в Интернет-среде, особенно в социальных сетях [Gil de Zúñiga, 2017]. Другой важной характеристикой Интернет-активизма и взаимодействия в глобальной сети стал «эффект переноса», объясняющий возрастание их интенсивности модой, которая предопределяет определенные модели социально одобряемого поведения индивида в сообществе [Vitak, 2011]. В последующем была выявлена взаимосвязь между коммуникацией пользователя с «друзьями» в социальных сетях и общественно-политической активностью индивида в ресурсах сети-Интернет [Xenos, 2014]. Также следует отметить итальянского ученого П. Гербаудо, который, изучая Интернет-активизм, понимал его в качестве деятельности граждан, сопряженной с использо-

ванием всех цифровых средств массовой информации для достижения поставленных политических целей [Gerbaudo, 2017].

Значительный вклад в исследование Интернет-коммуникации и Интернет-активизма, в частности, внесли и отечественные ученые [Рябченко, 2016]. Исследователь Л. Никовская отмечает, что Интернет-активизм обладает критериями включенности в деятельностные политические и общественные практики, наличие готовности поддержать общественные движения [Никовская, 2017]. Также научным сообществом разработаны понятия сетевого гражданского активизма и гражданских инфраструктур [Бронников, 2019; Желнина, 2019]. Е. Морозова и И. Мирошниченко отмечают, что глобальная сеть позволяет обеспечить эффективную коммуникацию, выступая площадкой, позволяющей гражданской активности расти и развиваться [Морозова, 2011].

А. Матвеева характеризует Интернет-активизм как гражданскую деятельность, которая реализуется при помощи различных интернет ресурсов с использованием электронных средств коммуникации [Матвеева, 2018]. В это определение попадают и электронные формы гражданского неповиновения, а также хакерские атаки на персональные вебсайты, распространение хештегов и интернет-пропаганда. Гражданские практики, основанные на использовании онлайн-инструментов с целью повышения осведомленности об общественных, политических проблемах, оказание общественно-политического влияния на их разрешение определяется как Интернет-активизм.

Таким образом, Интернет-активизм можно рассматривать в качестве феномена цифровизации гражданской активности, который позволяет с помощью сетевых технологий трансформировать устоявшиеся механизмы взаимодействия активистов, перенося организационные и коммуникативные процессы в виртуальное пространство, тем самым сокращая транзакционные расходы и создавая благоприятную среду для роста Интернет-активизма.

3.3.2. Динамика развития Интернет-активизма в России

Для анализа особенностей развития Интернет-активизма в современной России автором проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015 — 14, в 2017 — 15, 2018 — 14, в 2019 — 15, в 2020 — 25, 2021 — 23 (таблица 1).

Распределение выборки и количество респондентов исследования

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Алтайский край	12	—	—	10	—	—	—
Белгородская область						12	12
Владимирская область	12	—	—	—	—		
Вологодская область	11	—	—	—	—	11	13
Воронежская область	11	12	11	13	12	12	12
Забайкальский край						10	—
Иркутская область	14	11	10	11	10		14
Кабардино-Балкарская республика						12	11
Калининградская область	11	—	11	10	10	10	10
Кемеровская область	—	—	—	10	12	14	10
Кировская область	13	12	11	—	11	—	—
Костромская область	10	11	11	12	11	11	—
Краснодарский край	10	10	—	—	—	—	—
Нижегородская область	10	—	—	—	—	—	—
Новосибирская область	10	15	—	—	—	10	10
Приморский край						10	13
Республика Адыгея	11	11	12		11	12	11
Республика Башкортостан	10	11	10	10	10	10	10
Республика Бурятия						10	10
Республика Дагестан	12	13	11	—	13	13	12
Республика Карелия	11	—	—	—	—	—	—
Республика Марий-Эл						11	10
Республика Мордовия						13	15
Республика Татарстан	10	10	10	11	12	13	10
Ростовская область	—	—	14	11	11	—	—
Самарская область	10	13	11	13	10	14	13
Саратовская область	12	14	14	13	—	—	—
Свердловская область						12	17
Ставропольский край	—	—	10	10	10	12	10
Тверская область						13	—
Ульяновская область	10	10	10	10	10	11	10
Хабаровская область	10	—	—	—	—	10	10
Ярославская область	13	12	16	11	12	10	16
Челябинская область						12	10
Всего	233	165	172	155	165	288	269

Для проведения опроса экспертов ежегодно отбиралось не менее 14 субъектов РФ. Репрезентативность выборки регионов обеспечивалась, исходя из принципа гетерогенности, по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта РФ;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;
- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Реализация принципа гетерогенности при отборе регионов обеспечивала репрезентативность выборки размером более чем в 14 субъектах РФ. Применение данного подхода для анализа гражданской активности позволяет распространять выводы настоящего исследования на страну в целом.

Компетентность и осведомленность по изучаемой проблеме стали главными критерием отбора экспертов. Каждая из целевых групп была представлена относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте Федерации, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35 % выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30 %), представители экспертного сообщества (примерно 35 %).

Центральным критерием отбора экспертов была компетентность, предполагающая:

- информированность о протестной активности в регионе;
- знание основных механизмов функционирования политической системы региона;
- вхождение в ту или иную региональную политическую элитную группу;
- опыт работы в сфере публичной политики и/или в органах государственной власти и местного самоуправления;
- знание основных акторов регионального политического процесса;
- знание политической конъюнктуры региона.

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее десяти человек. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Для опроса экспертов использовались полужформализованная анкета и заочный письменный сбор данных. При стандартном порядке проведения опроса респондент самостоятельно заполнял вопросник, выслан-

ный по электронной почте. В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для обработки результатов опроса применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS. В ходе обработки применялся метод независимых характеристик. Он позволял дать обобщенную оценку одного явления, информация о котором поступала от нескольких независимых экспертов. На первом этапе выявлялись и сопоставлялись разные мнения, на втором — обрабатывались с помощью статистических процедур для определения позиций экспертов (оценки экспертов по уровню гражданской активности, оценок деятельности различных форм гражданской активности, распространенности коалиций и партнерств, определении наиболее значимых принципов кооперации, факторов, влияющих на эффективность гражданской активности, уровня и причин протестов, оценок форм реакции органов власти на протесты), на третьем — формулировались выводы.

Представленные в статье результаты исследования были дополнены обобщениями конкретных примеров организации коллективных действий в современной России.

Исследование демонстрирует постепенное сокращение разрыва в развитии традиционных и интернет-форм гражданской активности в России. Последние несколько лет в субъектах Российской Федерации наблюдался ярко выраженный дисбаланс в развитии офлайн (традиционная активность) и онлайн (Интернет-активизма) активности в общественно-политической сфере с перевесом в сторону цифрового активизма. С 2014 года по 2019 год в России происходило поступательное развитие механизмов и увеличение числа сторонников выражения своей гражданской позиции в сети Интернет (с 5,30 балла до 6,30 балла, где «0» — отсутствие гражданской активности, «10» — масштабная гражданская активность). В 2020 году эта тенденция замедлилась с предпосылками замедления развития онлайн-форм общественной активности и «охлаждения» граждан к ним (экспертная оценка составила 6,12 балла). Тем не менее, сегодня Интернет-активизм доминирует в Воронежской области, Республике Дагестан, Калининградской области, Ставропольском крае, Ярославской области, Республике Марий Эл, Республике Мордовия, Челябинской области, Республике Кабардино-Балкария. В остальных исследуемых субъектах активность в Интернет в своем развитии с небольшим отрывом превосходит традиционные формы. Исключение — Хабаровский край, где офлайн активность граждан эксперты оценили заметно выше онлайн-активизма. Очевидно, это следствие массовых акций в поддержку арестованного экс-губернатора С.Фургала (июль-октябрь 2020 года)

Стремительное развитие и рост интереса населения к гражданской активности в Интернете, отчасти спровоцированное усилиями власти по созданию онлайн-сервисов обратной связи, в России привело к стагнации гражданской активности в офлайн. С 2018 года эксперты отмечали снижение значимости традиционных проявлений гражданской активности (экспертная оценка которой в 2020 году достигла 4,50 баллов — минус 0,8 балла за два года, где «0» — отсутствие гражданской активности, «10» — масштабная гражданская активность). Тенденция объективна, поскольку появилась еще до 2020 года — года распространения COVID-19, локдаунов, «социальной дистанции» и ограничений передвижения граждан. Можно предположить, что Интернет не всегда оказывает положительное влияние на гражданскую активность. Технология в данном случае отвлекает и способствует появлению легкомысленного, поверхностного отношения людей к общественным делам, создавая иллюзию гражданского участия, таким образом, углубляя их гражданское отчуждение.

Согласно данным исследования в России происходит смена направлений развития гражданской активности — от решения «хозяйственных» вопросов жизнедеятельности (благоустройство, экология и т.д.) к политической повестке. В ходе опроса эксперты отмечали, что проявление гражданской активности стало более политизированными, протестными, что среди участников увеличилось число молодежи. При этом новые предметы гражданской активности стали появляться все реже. С одной стороны, это может говорить об отсутствии оснований их появления, с другой — о высокой актуальности уже существующих. Так, если в 2020 году в качестве специфики проявления гражданской активности назвали «политизацию» 29,5% экспертов, то в 2021 году — 33,7%. Рост количества акций протеста в 2020 году отметили 19,6% экспертов, в 2021 году их стало 29,2%. О вовлеченности молодежи в гражданскую активность в 2020 году говорили 44,9% экспертов, в 2021 году — уже 58,7%.

Среди экспертов о политизации гражданской активности особенно часто говорили представители Хабаровского края (90,0%), Самарской области (50,0%), Ульяновской области (50,0%), Свердловской области (43,8%), Республики Дагестан (41,7%), Ставропольского края (40,0%) и Ярославской области (40,0%); росте количества акций протеста — Калининградской области (60,0%), Республики Татарстан (50,0%), Республики Бурятия (50,0%), Челябинской области (50,0%), Свердловской области (50,0%) и Самарской области (41,7%). Эксперты практически всех исследуемых субъектов Российской Федерации в большинстве своем отмечали высокую степень вовлеченности молодежи в граждан-

скую активность, т.е. наблюдают процесс ее «омоложения». Исключение — Республика Башкортостан (20,0%), Самарская область (33,3%) и Республика Кабардино-Балкария (40,0%).

За последний год отношение государства к офлайн и онлайн формам гражданской активности в России изменилось незначительно, но при этом ощущается рост опасений и противодействия с его стороны. В целом государство практически одинаково реагирует на проявления офлайн и онлайн активности. Из ответов экспертов видно, что значительная часть общественных проектов и движений получают поддержку и содействие со стороны государства, однако есть и такие движения, которые государство старается либо игнорировать, либо из-за опасений противодействует им.

Исходя из результатов исследования, возможности Интернет-технологий сегодня активнее всего используются в тех формах гражданской активности, которые сопряжены с коммуникацией большого числа людей, сбором помощи:

- благотворительность (6,81 балла, где «1» — минимальная степень включенности интернет-технологий в форму гражданской активности, а «10» — максимальная);
- волонтерство (6,61 балла);
- обсуждение общественно значимых проблем (6,42 балла);
- просветительские мероприятия (6,31 балла);
- общественные организации (НКО) (6,09 балла).

Данные формы гражданского активизма, по мнению экспертов, имеют наиболее высокую степень институционализации, т.е. сформированность набора устойчивых правил и процедур, организующих взаимодействие участников в рамках данной формы активизма.

Говоря об изменениях в направленности гражданской активности онлайн большинство экспертов склоняются к мнению, что она «содержательно не изменилась».

По поручению Президента России В.В. Путина в регионах страны активно создаются, внедряются и развиваются цифровые платформы обратной связи с гражданами. Существует множество факторов, стимулирующих органы власти создавать цифровые платформы обратной связи с гражданами, так как в последний год среди них стали преобладать формальные и технические. По итогам последнего замера лейтмотивами создания платформ обратной связи сегодня являются:

- потребность в сборе информации о существующих проблемах от населения (56,9%);
- директивы вышестоящего руководства (49,8%);

- наличие доступа к сети Интернет у большей части населения (44,2 %);
- нежелание «отставать» от других органов власти, уже внедривших подобные платформы (43,4 %);
- наличие открытого диалога между властью и обществом и стремления выявить и учесть интересы населения (25,8 %);
- высокий уровень гражданской активности и ответственности населения (17,6 %);
- отсутствие барьеров со стороны органов власти для проявления гражданской активности (8,6 %).

Вовлеченность граждан в деятельность цифровых платформ обратной связи органов власти эксперты оценили на 5,26 балла (где 1 – минимальная степень вовлеченности, 10 – активное использование), что фактически на уровне значения 2020 года (5,10 балла). Среди исследуемых субъектов высокая заинтересованность и степень участия граждан в работе цифровых платформ обратной связи фиксируется в Ульяновской области (8,00 балла), Республике Кабардино-Балкария (6,67 балла) и Хабаровском крае (6,10 балла); низкая – в Калининградской области (3,33 балла), Республике Марий Эл (4,11 балла), Челябинской области (4,19 балла), Республике Мордовия (4,40 балла), Свердловской области (4,75 балла) и Республике Татарстан (4,78 балла).

Низкий уровень вовлеченности граждан в деятельность цифровых платформ обратной связи органов власти наиболее часто встречается в тех регионах, где чиновники в процессе создания подобных платформ опираются на формальные основания – «директивы вышестоящего руководства».

Фактическое отсутствие динамики роста вовлеченности граждан в работу цифровых платформ обратной связи эксперты стали реже связывать с «низкой результативностью принимаемых решений» (в 2020 году видели причину в этом 42,4 % экспертов, в 2021 году – 34,0 %), «отсутствием обратной связи» (23,6 % и 14,6 % соответственно). Однако, главные причины связаны с незнанием граждан о наличии соответствующих проектов (56,3 %), высоким уровнем недоверия к органам власти (50,0 %) и нежеланием получения формальных ответов – «отписка» (37,7 %). Отпугивает граждан от подобных платформ и необходимость выполнения большого количества процедур (32,8 %).

Вполне логично, что эксперты в качестве главных факторов, способных положительно повлиять на дальнейшее развитие цифровых платформ обратной связи органов власти с гражданами, в очередной раз назва-

ли: увеличение уровня информационной поддержки порталов со стороны органов власти, проведение рекламной кампании в СМИ и сети Интернет (54,6%), усиление мер контроля над исполнителями поручений (48,7%), организацию работы обратной связи, позволяющей получать предложения и жалобы по организации работы порталов (38,3%), создание возможности для заявителей оценки качества выполненных работ (37,9%), создание возможности отправить обращение на доработку, если исполнение поручения заявителя устраивает не в полной мере (35,3%), и создание аналогичных порталов, групп в социальных сетях и приложения на мобильные устройства (31,2%).

С 2019 года в субъектах Российской Федерации растет активность коалиций общественных объединений. С 2014 года наибольшую активность в жизни регионов проявляли преимущественно официально зарегистрированные и не зарегистрированные общественные объединения (по отдельности), достаточно активны были и смешанные коалиции зарегистрированных и не зарегистрированных объединений, в то время как коалиции официально зарегистрированных общественных объединений практически не осуществили никакой деятельности, очевидно в виду их редкости (малочисленности).

Ситуация начала меняться в 2020 году, когда каждый шестой эксперт в числе активно действующих гражданских объединений назвал «коалиции официально зарегистрированных общественных организаций» (15,6%). Их роль в жизни регионов продолжила расти и в 2021 году: 40,1% экспертов к числу гражданских объединений, демонстрирующих наибольшую активность, отнесли официально зарегистрированные общественные объединения (плюс 4,0% к значению 2020 года), 33,5% — формально не зарегистрированные объединения граждан, коалиции официально зарегистрированных общественных объединений (22,7% плюс 7,1% к значению 2020 года).

Коалиции официально зарегистрированных общественных объединений особенно популярны в Воронежской области (41,7%), Ярославской области (40,0%), Иркутской области (57,1%), Республике Марий Эл (50,0%), Республике Бурятия (40,0%) и Новосибирской области (80,0%).

Постепенно со «сцены» общественной жизни регионов уходят смешанные коалиции официально зарегистрированных и не зарегистрированных объединений. В 2014 году назвали их активными участниками «жизни» региона 16,8% экспертов, в 2021 году — 5,6%. Коалиции различных официально не зарегистрированных объединений граждан были

и остаются редкими участниками общественно-политической жизни регионов.

Коалиции общественных объединений создаются в офлайн и онлайн среде, но традиционно вторые более «многочисленные». Согласно ответам экспертов с 2018 года организаторы коалиций в офлайн отходят от подхода, когда их создание происходит по принципам «чем больше участников коалиции, тем лучше и эффективней она становится» или «двух/трех союзников нам достаточно». Очевидно, на протяжении последних нескольких лет происходил и продолжается процесс опытного определения оптимального количества партнеров офлайн коалиций, обусловленный конкретными ситуациями и коммуникационными возможностями. В регионах страны наблюдается рост популярности коалиций с числом участников 6–15 человек. В то же самое время уменьшается число коалиций с количеством партнеров менее четырех и более пятнадцати. В онлайн среде растет популярность крупных коалиций с числом участников более десяти. Небольшие коалиции (2–6 партнера) в виртуальном пространстве, напротив, теряют свою популярность.

3.3.3. Особенности Интернет-активизма в России

Подводя итог, следует отметить, что гражданская активность практически всегда является организованной и реже носит спонтанный характер появления и дальнейшего развития. Исходя из ответов экспертов, можно сформулировать следующие заключения:

1. Наиболее развитыми формами гражданской активности в онлайн пространстве являются обсуждения на электронных площадках, в оффлайне: волонтерство и работа НКО.

2. В вопросе популярности и востребованности гражданской активности эксперты выделяют превосходство онлайн активности над оффлайн. Ключевыми факторами становится простота и доступность использования разных Интернет-технологий. Также играет роль неосознанность граждан за ответственность в выражениях своих действий онлайн.

3. Одним из определяющих факторов роста популярности Интернет-технологий является вовлечение в гражданскую активность молодежи и вовлечение СМИ в освещение гражданской активности (в частности, СМИ, которые представляют новые медиа). Участие молодежи в разных гражданских акциях в целом становится трендом.

4. Отношение государства к онлайн и офлайн проявлениям гражданской активности практически равнозначно.

5. Экспертами отмечаются факторы большего регулирования онлайн активности, которые выражаются в двух основных аспектах: появлении специальных структур по мониторингу острых социальных проблем (использование системы «Инцидент менеджмент», формирование в регионах отдельно выделенных структур «Центры управления регионом», которые занимаются сбором сообщений и жалоб в социальных сетях и мессенджерах), и в ужесточении законодательной базы (закон о «фейковых новостях», о «неуважении к власти» и др.). Одной из реакций на запреты становится радикализация онлайн активистов.

6. Роль коалиционной составляющей увеличивается. Это выражается в первую очередь в усилении онлайн коммуникаций, где проще и доступнее найти единомышленников, а также в увеличении охвата аудитории, через трансляцию успешных гражданских кампаний. При этом онлайн активность в большей степени нацелена на широкую информированность населения о своей деятельности, зачастую она направлена на «призывы к действию». Оффлайн активность в большей степени направлена на решение более конкретных задач и при этом не всегда нацелена на включенность широких масс.

7. Можно подчеркнуть несколько факторов роста протестной онлайн активности. Во-первых, это введенные ограничительные меры, связанные с распространением коронавирусной инфекции. Во-вторых, это популяризация социальных сетей, мессенджеров и видеохостингов, через которые все чаще продвигаются общественно-значимые мероприятия и ведутся обсуждения острых вопросов. Также это появление новых и распространение существующих форм онлайн протеста (цифровые акции на платформах онлайн-карт, протесты в онлайн-видеоиграх, флешмобы в социальных сетях, создание тематических протестных групп и др.). Еще одной составляющей является возрастание уровня дисбаланса интересов власти и общества, а также возросший уровень недоверия граждан к действиям власти, который они пытаются выразить в онлайн пространстве.

Подводя итог, можно сказать, что гражданская активность онлайн и оффлайн не имеет четких и серьезных различий в своих проявлениях. Сами по себе виды активности имеют свои специфические особенности функционирования. Однако механизмы, которые используют организаторы данных действий, зачастую являются одинаковыми, и все больше уходят в онлайн формат.

Гражданская активность имеет множество достаточно четких, но в то же время и противоречивых тенденций развития в современной России. Все чаще граждане берут на себя ответственность по решению локальных проблем: помощи нуждающимся (что особенно четко было видно в период ограничений, связанных с пандемией COVID-19), защиты парковых территорий от застройки, благоустройства территорий и тд.

В то же время большая часть граждан — пассивны, они не вовлекаются в гражданскую активность. Круг активистов достаточно узкий, а его расширение практически не наблюдается. Более того, отстраненные граждане все глубже погружаются в пассивность, апатию, уклоняются от каких-либо форм активности и вовлеченности.

Граждане часто инициируют кампании по защите собственных прав и интересов, обращаются в органы власти с просьбами по устранению каких-либо дисбалансов, проблем, дефицитов. Они готовы принимать соразмерное участие в решении данных проблем, однако власти далеко не всегда оперативно реагируют, прислушиваются к их потребностям. В таких случаях гражданская активность, изначально мирная, конструктивная трансформируется, становится политизированной и приобретает черты агрессии.

Значительное влияние на развитие гражданской активности оказало развитие цифровых инструментов и Интернета. В то же время следует отметить, что отмечается снижение ожиданий от Интернета, надежд, связанных с ним. Это связано с тем, развитие цифровых сервисов не изменило существенных характеристик гражданской активности и реагирования на нее власти (как это изначально предполагалось), трансформировались лишь его формы. Технологии не могут изменить содержание взаимодействия, они могут изменить лишь формат, каналы этого взаимодействия. При этом цифровые технологии существенно облегчили взаимодействие между активистами, между активистами и органами власти, данное взаимодействие стало более оперативным, позволило включать большее количество участников.

Неоспоримым стало то, что развитие новых медиа и сайтов социальных сетей позволило сделать гражданскую активность легко наблюдаемой, ее стало невозможно не замечать. Более того, обладая значительным социальным капиталом, лидеры гражданских кампаний становятся значимым акторами информационного поля, вследствие этого они могут оказывать влияние на общественные настроения.

Гражданская активность в большей степени наблюдается в Интернете. Гражданам легче высказывать там свое мнение, кооперироваться, обра-

щаться к органам власти. Это позволяет говорить о снижении роли классических форм гражданской активности. В то же время те из них, которые получают новую жизнь при помощи Интернет-инструментов, продолжают свое развитие (онлайн-петиции, краудфандинг, краудсорсинг, онлайн обращения и т.д.).

Особенностью развития гражданской активности является и формирование партнерств. Группируясь в коалиции, активисты и их сообщества объединяют ресурсы для достижения общих целей в ходе совместных коллективных действий. При этом важно отметить, что коалиции в онлайн коллективных действиях несколько более многочисленны, чем в офлайн кампаниях. Во многом это связано с возможностями цифровых инструментов, которые облегчают коммуникацию, интеграцию, согласование позиций, обмен информацией.

Можно говорить о том, что цифровизация внесла существенный вклад в развитие гражданской активности. При этом Интернет-инструменты в процессе коммуникации гражданских активистов и организации гражданских кампаний стало обыденным. Офлайн и онлайн активности стали взаимосвязанными и неразделимыми, ни одна из офлайн акций не организуется без цифровых сервисов.

Но нельзя не отметить и то, что в Интернете может создаваться не само гражданское участие, а лишь его иллюзия. В Глобальной сети могут формироваться сообщества, в которых активно ведутся дискуссии, подписываются петиции, но сами проблемы, которые их спровоцировали, ими никак не решаются. В результате у граждан, почувствовавших себя вовлеченными в иллюзорный процесс участия, формируется апатия и отчужденность.

Это позволяет говорить о том, что реальная гражданская активность, участие граждан в процессе принятия решений органами власти, в решении социально значимых проблем без офлайн участия невозможно. Именно поэтому можно говорить о том, что офлайн участие не исчезнет, его может стать меньше, но в тех случаях, где нужно влияние на органы власти, изменение физической и социальной среды без традиционных офлайн форм гражданской активности обойтись нельзя.

Раздел 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

4.1. Политическая экономия цифрового способа производства

4.1.1. Политическая экономия и ее предмет

Политическая экономия — наука, изучающая общественные отношения в сфере производства, распределения и потребления материальных ценностей в определенных социально-экономических условиях, в условиях определенного способа производства.

Важнейшая разрешающая способность науки «политическая экономия» связана с изучением диалектики взаимосвязи влияния средств производства на политическую надстройку и влияние политической надстройки на развитие средств производства, интегрированный результат диалектики этой взаимосвязи.

Авторство термина «политическая экономия» принадлежит французскому ученому, литератору, искателю приключений Антуану Монкретьену (1575–1621 гг.) Термин оказался очень востребованным. В него вкладывалось и вкладывается различное содержание.

Во времена Монкретьена политическая экономия рассматривалась как наука о государственном хозяйстве, управляемом абсолютным монархом. Огромная роль в развитии политической экономии и придание ей классической интерпретации принадлежит теоретикам капиталистического производства В. Петти, А. Смиту, Д. Рикардо.

Наукой революционного рабочего класса политическую экономию сделала марксистская школа в лице К.Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и ее социал-демократическое ответвление: Г.В. Плеханова, К.Каутского [Политическая энциклопедия, 1972, с. 277]

В период Советского Союза политическая экономия занимала одно из доминирующих мест среди общественных наук, с сильным идеологическим уклоном. Она была ориентирована на изучение экономических законов общественного развития («основной закон социализма», «закон распределения по труду», «закон планомерного пропорционального развития» и т. д.), по-существу, рассматривались принципы развития социалистической экономики. И другое направление — анализ капиталистического производства, показ загнивания капитализма [Кузьминов, 1982].

После развала СССР и ухода с политической сцены КПСС сформировалась точка зрения об отмирании политической экономии как науки — идеологемы, не имеющей практической значимости. Но сегодня по мнению многих специалистов превалирует другая позиция: поторопились хоронить! Политическая экономия опять востребована как теория нового, цифрового способа производства.

Эпизодически возникает стремление «освободить» политическую экономию от политической составляющей и рассматривать ее как экономическую теорию, что лишает ее важнейшего специфического содержания смысла.

Политическая экономия, цифровой способ производства содержательно связан со спецификой, данной конкретной социально-политической реальности, отражает взаимосвязь ее политических и экономических факторов как качественную специфическую определенность.

Цифровой способ производства в новой социально-политической российской реальности фактически становится детерминирующим фактором общественного развития, определяя многие важнейшие экономические и политические стороны ее стратегической и ситуационной определенности, возможные альтернативы развития.

Взаимовлияние политических и экономических процессов происходит как диалектика объективных и субъективных факторов, как диалектика объективного и субъективного.

4.1.2. Диалектика объективных и субъективных факторов цифрового способа производства

Диалектика объективного и субъективного в условиях цифрового способа производства охватывает многие важные базисные и надстроечные формы, придавая этой взаимосвязи специфическую социальную определенность цифрового общества [Рогачев, 1979].

Детерминирующей основой выступают цифровые технологии, со своими особенностями и формами — технологического детерминизма.

Технологический детерминизм цифрового способа производства обусловил:

- высокодинамичный тип функционирования,
- широту и глубину преобразований,
- разносторонний тип и сферы действия,
- высокие разрешающие возможности,
- специфические требования к кадрам, их квалификации.

Существует такой парадокс: задача цифровых технологий — облегчить труд человека. Но их использование предполагает работника высокой квалификации.

Цифровые технологии находят все большее применение в различных сферах жизнедеятельности российского общества, в том числе, в медицине, информационной сфере, сельском хозяйстве, военном деле, добывающей промышленности, атомной энергетике и др.

Традиционно сельское хозяйство считалось наиболее отсталой отраслью экономики, с высокой долей ручного труда. Цифровые технологии принципиально меняют положение дел и в этой отрасли. Получают промышленное применение генномодифицированные растения. Большие перспективы в производстве открывает использование различных безбилетников, различного вида роботов, сложных и менее сложных.

Особая страница цифровых технологий — искусственный интеллект, как будущее технологического развития. С его развитием связаны реальные и надуманные риски формирования будущего. Существуют чрезмерно высокие его оценки, полагают, например, что к 2025 году он сравняется с вычислительными возможностями человека и даже превысит их. Другая точка зрения: это — компьютер высочайшего уровня, но только компьютер, возможности которого будут всегда ограничены. Кто прав, покажет время.

С позиции политической экономии особо надо рассмотреть и критически обсудить следующие политически чрезвычайно значимые позиции.

Первая. Полагают, что в недалеком будущем человечество окажется в «цифровом рабстве», будет вспомогательной силой у роботов нового поколения, а они начнут строить заводы по производству роботов.

Вторая. Грядет цифровой тотальный контроль, «цифровой фашизм», и в скором времени все личные данные граждан будут под контролем государства.

Третья. Надвигается тотальная безработица. Большинство трудовых операций будут выполнять роботы.

Перечисленные риски возможны, но совсем не обязательны. Человечество с помощью науки найдет достойный выход для своего оптимального развития, и в силах исключить негативный сценарий.

Цифровые технологии активно влияют на надстроечные отношения и выглядит это следующим образом.

На наших глазах фактически формируется новое общество со своими жизненными установками, моральными критериями и ценностями, отношением к семье и браку, к культуре, выбору приоритетов.

Ускоряется ритм общественной и политической жизни, существенно меняется политический ландшафт, происходит политизация многих сфер повседневной жизни. Заметно политизируются и информационные сети. В освещении социальных проблем не остается полутонов.

Актуализируются многие социальные проблемы, время от времени становясь политическими. Динамично усиливается атомизация общества, наблюдается чрезмерно высокий уровень социального неравенства и уровень бедности.

Возрастает общественный запрос на результативную государственную и региональную политику, адекватную современным принципам.

На основе взаимовлияния объективных и субъективных факторов реализуется диалектика объективного и субъективного, определяя характер принципов формирования нового (в данном случае — цифрового) способа производства. В связи с этим политической экономией определяются следующие требования к политикам, экономистам и исследователям:

- адекватно воспринимать цифровые технологии, их специфику и социально-политическое влияние на общество и человека;
- научиться принимать всеми слоями и группами российского общества различные формы цифровизации;
- уметь упреждать риски безработицы, негативного влияния тотального цифрового контроля;
- адекватно использовать цифровые технологии, в т.ч. искусственный интеллект;

- строже подходить к выбору адекватной стратегии развития в той или иной ситуации.

С позиции политической экономии чрезвычайно важно ответить на ряд определяющих вопросов и первый среди них: почему? Почему был выбран именно такой вариант развития? И далее. Интересам каких социальных групп больше всего он отвечал, какие политические силы стояли за таким выбором? Какие политические, экономические, социальные риски возможны, и как их надо упредить? Какие развилки развития возможны в перспективе, и какая наиболее желательна? Каким характеристикам должен отвечать субъективный фактор данного способа производства, чтобы соответствовать параметрам XXI века, параметрам формирующейся диалектики объективного и субъективного.

Предметное поле политической экономии тесно связано с проблематикой детерминизма общественного развития как категории, характеризующей устойчивую причинно-следственную связь между явлениями.

Во все периоды общественной эволюции большое влияние на развитие общества оказывали различные виды технологического детерминизма (например, использование пара или электричества). Сегодня — это цифровой детерминизм, детерминизм цифровых технологий.

Достаточно широко распространена позиция, отрицающая наличие законов общественного развития, детерминирующих действия человека: люди определяют свои действия сами, исходя из своих интересов и побуждений [Поппер, 1992, с.27]. Позиция марксистской школы в данном вопросе состоит в следующем: да, люди делают свою историю сами, но они делают ее в определенных условиях, которые и определяют их действия. Базисные факторы влияют на характер деятельности общества, но и ситуация была бы иной, если бы конкретные надстроечные факторы были бы заменены другими.

Сегодня в общественной жизни происходит взаимовлияние социального и технологического детерминизма, принимая форму необходимости. Современная политическая экономия и изучает последствия диалектики такого взаимодействия в деятельности человека. В любом случае необходимо избегать упрощенчества в понимании принципов детерминизма и его влияния на процессы общественного развития.

Законы общественного развития условно можно разделить на законы общей сферы и законы частной сферы, конкретизирующие проявление общей сферы.

Политические отношения повседневной жизнедеятельности — это отношения ограниченной сферы с присущими ей статистическими зако-

нами. Под статистическими законами (закономерностями) понимаются устойчивые тенденции, обобщающие многозначные общественные связи, проявляющиеся как результат взаимодействия значительного количества единичных и случайных по отношению друг к другу явлений.

Характер статистических законов обусловил принцип вариативности (альтернативности) влияния базисных факторов (например, цифровизации) на отношения надстройки и политических рисков.

Принцип вероятности тесно связан с нелинейным, стохастическим типом развития и предполагает следующие признаки нелинейности:

- многовариантность развилок и форм развития,
- возможность выбора вариантов.

В условиях вариативности развития чрезвычайно востребовано аналитическое сопровождение развития общественных процессов, динамично реализующихся на базе возрастающего уровня цифровизации. При этом, наряду с конкретным ситуационным анализом необходим теоретический взгляд на развивающуюся реальность, формирование новых вызовов и рисков. Это и призвана делать политическая экономия как теоретическая дисциплина.

4.1.3. Интересы в условиях цифровизации

Интересы общества, социального слоя, социальной группы, личные интересы занимают особое место в политической экономии. Они выступают базовой категорией проявления системы общественных отношений.

Важнейшая задача политико-экономического прогноза состоит в том, чтобы определить:

- насколько результативен (возможен) данный вид цифровизации с позиций интересов общества, различных социальных групп, личного интереса;
- какую политическую реакцию можно ожидать от общества и различных социальных групп при осуществлении тех или иных цифровых акций;
- какие цифровые технологии будут способствовать консолидации интересов российского общества.

Нельзя исключать, что человек при выборе альтернативы развития может руководствоваться ошибочно понятым личным, групповым и даже национальным интересом, что будет сопровождаться негативными последствиями, политическими рисками. Это повышает требования

к разрешающей прогнозной способности субъекта политической экономики при определении стратегии цифровизации.

Центральное место в системе интересов занимает национальный интерес. Иногда утверждается, что национальный интерес противостоит групповым и личным интересам. Такое суждение представляется ошибочным. Правильно понятый и адекватно оцененный национальный интерес ориентирован на развитие и внедрение передовой цифровой техники, передовых цифровых технологий и, в принципе, должен отвечать интересам личности и социальных групп. Кроме того, цифровизация в стране должна отвечать передовым мировым стандартам.

Что же мы наблюдаем сегодня? Чрезвычайно высокий уровень социальной атомизации российского общества обусловил значительную «размытость» ее экономических, а, в конечном счете, и политических интересов, что рождает серьезные политические и социальные риски. Кардинальное решение назревших социальных проблем — это политическая доминанта формирующейся реальности, которую можно и нужно решать на технологической базе цифрового прорыва. Социальная защищенность личности становится все более необходимой и все более сложной. В этом противоречие цифрового способа производства. Требуются новые технологические и экономические решения [Цифровизация..., 2020, с. 16].

Говоря о системе интересов новой российской реальности, необходимо отметить серьезный и противоречивый процесс смены элит. В активную экономическую и политическую жизнь вступает новое поколение, не обремененное проблемами прошлого, со своими представлениями о ценностях, со своим отношением к искусству, семье, видением будущего. И это серьезно влияет на характер интересов элит.

В структуре новой элиты особое место занимает социальная группа «цифрового прорыва», профессий, связанных с развитием цифровых технологий. Эта социальная группа все более активно укрепляет свои позиции в коридорах власти и в бизнесе. Это эксперты, менеджеры, способные эффективно использовать последние достижения научно-технического прогресса.

Проблема первостепенной стратегической важности заключается в решении следующих вопросов: какими будут интересы новой цифровой элиты с позиции политической экономии? Какие политические взгляды и какую идеологию она будет разделять? Что станет в будущем с политическими партиями? Превратятся ли они в свой цифровой аналог или существенно поменяют свои позиции?

Большая социальная роль в новом обществе принадлежит не только технологам и инженерам, но и ряду гуманитарных профессий, например, врачам и школьным педагогам, призванным «очеловечить» процессы цифровизации.

Процессы обеспечения коллективного интереса цифрового производства не снимают с повестки дня также проблему личного интереса.

Гегелю принадлежит исключительно глубокая мысль, о том, что «люди осуществляют свой интерес, но тем самым осуществляется еще и нечто более далекое, что, хотя и заключено внутренне в этом интересе, однако не заключено в их сознании и в их намереньях» [Гегель, Философия истории, 1935]. При этом полезно вспомнить исключительно важный принцип обществоведения: чем больше широта исторических действий, тем большее число людей должно быть в них заинтересовано. Отсюда, чем глубже преобразования, которые необходимо осуществить в новой реальности, тем больший интерес к ним должен проявляться у большего числа социальных слоев и групп.

В полной мере этот принцип правомерен для цифрового прорыва. К сожалению, большой заинтересованности в его осуществлении у широких слоев населения пока нет. Так, в исследовании ФНИСЦ РАН на вопрос, обращенный к экспертам: сформировалась ли в обществе уверенность в реальности выполнения стратегии вхождения России в новый цифровой уклад, ответы были такими: да, такая уверенность есть — 4,7%. Сформировалась лишь частично — 54,3%. Такой уверенности не сформировалось — 40,2%. Затруднились ответить — 0,8% [Мерзликин, 2020, с. 88–109]. Отсутствие уверенности в реальности и эффективности цифрового прорыва — это большая социальная проблема, большой политический риск.

Особую роль в развитии цифрового способа производства играет государство, его деятельность по реализации национальных интересов, а на экономическом базисе — групповых и личных интересов членов цифрового общества.

Традиционно в политико-экономической литературе государство трактуется как бюрократический тормоз развития рыночной конкурентной экономики, говорится о месте государства как «ночного сторожа». Действительно, в деятельности современного российского государства много недостатков. Это — и значительный уровень бюрократизма, и бухгалтерский тип деятельности, и запредельный уровень коррупции. Тем не менее, именно государство формирует и реализует необходимые механизмы по цифровизации российской экономики, в т. ч. нормативно-законодательную и кадровую базы ее функционирования.

Кроме решения основных производственных задач, цифровизация решает ряд текущих, но чрезвычайно важных задач, например, в сфере информации, логистики, обеспечении контрольных функций. Исключительна роль цифровых технологий в процессах прогнозирования, определения и оценки возможных вариантов развития, упреждении возможных рисков.

Задача упреждения негативного воздействия цифровых технологий становится одновременно все более сложной и все более актуальной, требующей от государства поиска адекватных технологических и юридических решений.

В литературе перманентно возникает беспокойство по поводу места и роли человека в будущем цифровом обществе. Упрощенно вопрос ставится так: подчинит ли робот себе человека, или останется пусть очень сложным и многофункциональным компьютером, который при необходимости всегда можно выключить. С тревогой говорится о чрезвычайной необходимости принятия законов против применения генной инженерии на человеке и искушения сформировать «сверхчеловека», самоконтролируемых существ [Хокинг, 2019, с.107].

Другая методологически спорная дискуссионная проблема: взаимодействие социальных и естественных закономерностей. Имеется большой соблазн игнорировать границы их качественного различия. Утверждается, что мир не имеет жестко разделяемых границ: биосферных, технологических, социальных. А если они были, то стерлись. Зародились и активно формируются невиданные ранее сложные системы как гибриды экономического, физического, технологического, политического и социального отношений.

Обозначенные выше позиции, безусловно, претендуют на сенсацию, но они очень уязвимые, сегодня не подтверждаемые ни теоретически, ни экспериментально.

Что будет с человечеством в XXII веке, утверждать сегодня практически невозможно. Вспомним, сколько было футурологических прогнозов по поводу XXI века, и ни один не оправдался. Не следует повторять этой ошибки.

4.1.4. Экологическая доминанта цифрового способа производства

Жизнедеятельность человека и, особенно, его производственная деятельность, каким бы ни был его социально-политический характер, теснейшим образом переплетается с естественными процессами. Жизнь неоднократно убеждала, что «господство» человека над природой весьма противоречиво и обманчиво.

Более того, XXI век, несмотря на растущие научно-технические возможности, не только не ослабил влияние экологических факторов на жизнедеятельность общества, а, напротив, обострил необходимость поиска адекватных форм упреждения экологических рисков.

Многочисленные масштабные природные катаклизмы, изменение климата, истощение природных ресурсов и другие негативные природные риски эпизодически ставят перед человечеством вопрос: есть ли у него будущее? И ответ на него далеко не всегда утешительный. Как известно, конца света в последний раз ждали в 2000 г., но ошиблись...

Человек в своей производственной деятельности и быту все более активно и изобретательно использует ресурсы биосферы, далеко не полностью восстанавливая существующий природный баланс. Становится все более очевидным, что человечество подошло к «красной черте» глобальных экологических рисков, рисков влияния на природную среду, чему способствуют и генетика, агрохимия и другие научно-технологические ресурсы цифрового способа производства.

В условиях новой технологической революции противоречия «природа — общество» резко обостряются. Усиливается вероятность природных катастроф, истощение слоя стратосферного озона, глобальное потепление, возрастание загрязнения окружающей среды, нарушение биогеохимических циклов, уменьшение способности к саморегулированию биосферы [Шилов, 2008, с.252].

В международной практике принята следующая номенклатура экологических рисков: утрата биоразнообразия, изменение климата, землетрясения, извержение вулканов, ураганы и циклоны, истощение ресурсов, пожары, безопасность водоснабжения, чистый воздух, продовольственная безопасность. Эта номенклатура должна быть дополнена рисками новых генетических и агротехнических технологий цифрового способа производства.

Как альтернативное направление экологических рисков, рассматривается использование возобновляемых источников энергии. Среди них —

атомная энергетика, безусловно, эффективная, но далеко не всем странам доступная и потенциально крайне опасная. Ветреная и солнечная энергия пока не могут обеспечить устойчивое снабжение энергией.

Важно особо подчеркнуть, что экологические проблемы — это не только проблемы окружающей среды, а в конечном счете — политико-экономические проблемы, проблемы упреждения серьезнейших политических рисков. Климатическая политика превращается в мощное орудие экономического и даже геополитического противостояния. И такой риск проявился в настоящее время как протест против «зеленого передела». Протест этот имеет объективную основу.

Одни страны уже создали свою мощную индустрию и могут позволить себе использовать возобновляемую энергетику, другие стремятся активно использовать нефть и газ, чтобы обеспечить свое развитие и обвиняют развитые страны в экономическом эгоизме.

Китай и Индия не собираются отказываться от использования каменного угля. Развитые страны обвиняются в агрессивном навязывании «зеленой повестки дня». Особую экономическую и политическую роль нефть и газ имеет для нашей страны.

Как бы то ни было, у человечества нет альтернативы упреждению экологических рисков. Надо коллективным разумом понять, как наиболее рационально в интересах каждой страны и всего человечества сохранить природу для будущих поколений и предупредить возможные экологические и политические риски.

Вывод. Российское общество вступает в переломную стадию своего развития — среднесрочный период 2024–2030 гг. с точками бифуркации. Это период, характеризующийся возникновением и динамичным появлением противоречивых социально-политических трендов, развития цифрового способа производства, объективных и субъективных обстоятельств. Возросла сложность оценки возможных альтернатив и выбора одного из них — самого оптимального. Усиливается политизация многих сфер жизнедеятельности общества и политические риски.

В этих условиях первостепенная задача политической экономии — понять, что будет самым главным завтра в диалектике объективного-субъективного и сегодня попытаться предотвратить будущие риски.

4.2. Социальное партнерство: экономическая, политическая и социальная солидарность

4.2.1. Классификация форм социального партнерства

Социальное партнерство на современном этапе — весьма влиятельный социально-экономический и политический фактор согласования и реализации интересов граждан, различных социальных групп, слоев, классов; управления государственными и общественными процессами; стимулирования созидательного человеческого труда. Оно представляет собой совокупность общественных и личных потребностей, ценностных ориентаций, пробуждает гражданскую активность. Характер и особенности социального партнерства выражаются, прежде всего, в созидательной совместной деятельности граждан в достижении материального и духовного прогресса. Значительным событием в развитии страны, общества, гражданской инициативы стало включение в Конституцию РФ поправки: «В Российской Федерации обеспечиваются социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» [Конституция, 2021, с. 23].

Социальное партнерство в мировом сообществе в различных формах развивается в течение трех столетий. Понятие «партнерство» одним из первых употребил Эдмунд Берк (1729–1797 гг.), английский философ, основоположник теории консерватизма, подчеркивающий, что «общество основано на договоре, ... партнерство проявляется во всех его отношениях, во всех областях жизни... и между поколениями» [Берк, 1991, с. 120].

В России социальное партнерство получает распространение на рубеже XIX–XX веков. В советский период социальное партнерство отрицалось и характеризовалось как явление, присущее только капитализму. Тем не менее, в социально-трудовых отношениях практиковалось принятие коллективных договоров, территориальных и отраслевых соглашений [Прохоров, 1976, с. 240]. Положительное влияние на развитие партнерских отношений оказало создание в 1919 году Международной организации труда как одного из центров регулирования сферы труда и социального партнерства.

В России современное состояние социального партнерства утверждается в 1991 году в соответствии с Указом Президента РСФСР Ельцина Б.Н. «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)». В это же время создается Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений.

В настоящее время в России формируется и действует новая система социального партнерства, реализующаяся в многообразных формах и конфигурациях, соответствующих конвенциям и рекомендациям Международной организации труда, а также многим другим международным договорам и соглашениям.

Социальное партнерство в Российской Федерации рассматривается как фактор, благотворно воздействующий на процессы сохранения политической стабильности, динамичного развития экономики, социальной сферы и формирования открытого гражданского общества.

В общем виде классификация сложившегося многообразия форм социального партнерства в современной России характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, это система согласования интересов работников, работодателей, органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений. Данное определение сформулировано в Трудовом кодексе РФ [Трудовой кодекс, 2015, с.20; Михеев, 2001, с. 23].

Во-вторых, это межсекторное социальное партнерство организаций двух, трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающих синергетический эффект от сложения разных ресурсов выгодным способом [Никовская, Якимец, Молокова, 2011, с. 222].

В-третьих, некоммерческое партнерство социально ориентированных организаций, к которым относятся НКО (за исключением государственных корпораций, политических партий), не имеющих извлечение прибыли в качестве основной цели, осуществляющих свою деятельность в решении социальных проблем, развитии гражданского общества, осуществлении преобразований в сфере образования, здравоохранения, культуры, спорта, социальной защиты населения [ФЗ-7 О некоммерческих организациях..., 1996].

В-четвертых, коммерческое или хозяйственное партнерство, создающееся двумя или несколькими лицами (не более 50 человек) за счет вкладов участников с целью получения прибыли и распределения ее между участниками [ФЗ-380 Хозяйственное партнерство..., 2011].

В-пятых, государственно-частное и муниципально-частное партнерство как взаимодействие органов власти и бизнеса в решении общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях [ФЗ-224 О государственно-частном партнерстве..., 2015].

Близким по своей сущности к социальному партнерству, но с известной долей условности, относится социальный контракт, то есть соглашение, заключенное между гражданином и органом социальной защиты населения, в соответствии с которым государство обязуется оказать гражданину социальную помощь, а гражданин — реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной помощи [ФЗ-178 О социальной помощи...,1999,].

Программа социальной помощи — это мероприятия по преодолению гражданином трудной жизненной ситуации. В социальном контракте устанавливаются права и обязанности гражданина и органа социальной защиты населения; виды и размеры государственной социальной помощи (на срок от 3 месяцев до года). К социальному контракту прилагается программа социальной адаптации гражданина, предусматривающая: поиск работы, прохождение профессиональной подготовки, ведение определенных видов труда, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности и других форм.

Согласно условиям соглашения, государство безвозмездно предоставляет денежные средства, а граждане берут на себя обязательства улучшить материальное благополучие — свое и своей семьи.

Практически во всех регионах нашей страны реализуются пилотные проекты внедрения и развития социального контракта. В 2019–2020 годы, к примеру, в Москве в рамках социального контракта было трудоустроено свыше 2 тысяч человек, их средняя зарплата составила 50 тысяч рублей, 630 человек прошли профессиональное обучение [Проект «Социальный контракт», Москва]. Участниками проектов «Социальный контракт» становятся трудоспособные граждане, члены семей с детьми, среднедушевой доход в которых не превышает величину прожиточного минимума, установленного в стране и в регионе. Большой популярностью среди жителей пользуется направление «осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности».

Проще говоря, гражданин посредством государства и социального контракта включается в созидательный труд, сознательно устанавливает внутренние и внешние взаимосвязи, взаимодействие с государственной и муниципальной властью.

Социальное партнерство, представляющее собой весьма широкий спектр экономических, политических и социальных взаимоотношений, тем не менее, не имеет единого общего определения. Оно пока не выработано, хотя ученые по этому поводу высказывают заслуживающие внимания суждения.

В современной науке выделяются два основных подхода к трактовке социального партнерства. В широком смысле оно понимается как специфический вид общественных отношений; в узком — как процесс регулирования социально-трудовых отношений

Авторское определение сущности понятия социального партнерства предлагается в следующей трактовке. Социальное партнерство — это явление цивилизованных человеческих отношений, строящихся на основе общественного договора, диалога, консенсуса, удовлетворения общих и взаимозависимых интересов, воплощения экономической, политической и социальной солидарности.

4.2.2. Сферы социального партнерства и солидарности

Ключевой категорией, важнейшим ценностным критерием социального партнерства является солидарность, определяемая как социальная сплоченность и взаимосвязь индивидов, социальных групп, достигнутая степень социального консенсуса (согласия, единодушия без процедуры голосования) [Осипов, 2016, с.646]. Это также единство убеждений и действий, совместная ответственность, взаимная помощь и поддержка, основанные на общности интересов и необходимости осуществления общих целей [Кузнецов, 2013, с. 530].

В эти же годы возникает социально-политическая концепция солидаризма (в переводе с франц. — «действующий заодно»), провозгласившая первичным и основополагающим фактором общества солидарность, стремление к компромиссу, социальному сотрудничеству и духовному доверию среди различных слоев, классов, партий, групп интересов [Осипов, 2016, с.647].

Солидарность в системе социального партнерства вырабатывается на принципах достижения консенсуса. Подчеркнем, что консенсус в системе социального партнерства характеризуется преимущественно на основе выделения трех его типов. А именно: консенсус позитивный, то есть достаточный для реализации соглашений, договоров; негативный, демонстрирующий сравнительно высокий уровень недоверия; и неоднозначный, обоюдоострый, выражающийся в устойчивой тенденции нарастания антагонизмов, социальных конфликтов, обострения противоречий и неприязни между сторонами социального партнерства.

В самом общем виде солидарность — это воплощение прямых и опосредованных разносторонних личных, общественных связей, характеризующихся специфической определенностью совпадения/несовпадения позиций, интересов, принципов общественной жизни, методов решения актуальных задач, создания и использования ресурсов, средств, позволяющих индивидам, социальным, профессиональным слоям, государству и обществу обеспечивать выполнение поставленных целей.

Важность солидарности значительно возрастает с принятием закона РФ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», предусматривающего согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях; обеспечение и защиту прав и свобод человека, гарантии гласности, введение государственного контроля (надзора), парламентского контроля и общественного контроля за деятельностью органов власти и должностных лиц [ФЗ-414 Об общих принципах публичной власти, 2021].

В политической современности мы обнаружим немного процессов разворота государственной власти к публичности. В ряде стран отношение к публичной власти сдержанное, противоречивое, а, нередко, негативное. К примеру, в США власть принадлежит элите, в том числе так называемому закрытому непубличному клубу, который занимается подбором кандидатов в президенты, проведением выборов, но доступ в него не гарантирован даже действующим президентам США [Литвак, 2011, с. 165].

Обеспечение солидарности и публичной власти выражает более широкий спектр в формах, функциях и способах проявлений в сравнении с общепринятым в политической науке термином политического участия, и совершенно очевидно представляет собой вызов теориям, политико-правовым нормам, экспертным оценкам, сложившимся на современном этапе развития государства и общества.

Формирование нового механизма солидарного согласованного функционирования и взаимодействия граждан и органов публичной власти осуществляется в условиях слишком сложного переплетения интересов регионов и территорий. По данным Федерального казначейства большинство регионов, 58 из 85 субъектов РФ, завершили 2020 год с дефицитом бюджета [Титова, Зубаревич, 2021], в настроениях граждан все чаще выражается необходимость изменения государственной политики. К этому добавляются многослойные трудности пандемии, многолетнее снижение реально располагаемых доходов, высокий уровень бедности населения и т.д.

В такой ситуации все более обоснованно и остро ставится вопрос о доверии между государством и обществом. Впервые в нашей стране в новой редакции Конституции РФ изложено: «В Российской Федерации создаются условия для ... взаимного доверия государства и общества» [Конституция, 2021, с. 23]. Это положение является фундаментальной основой формирования взаимодействия умов и взаимного целесообразного, рационального приспособления жизни и окружающей ее среды через эволюцию социальной и политической сферы. Доверие в общественных отношениях возникает на основе солидарности, единства коренных интересов. Для органов публичной власти движение в этом направлении требует доказательств высокой безупречности и оправданности каждого шага своей деятельности, создание системы и механизмов обмена коллективным опытом с гражданами, и этот опыт с каждым поколением меняется, но не исчезает.

Гражданин, общество и государство тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Иначе говоря, функционирование и развитие государства во многом определяются присущими обществу и его гражданам чертами и, наоборот, тип общества зависит от характера государства, политического режима и государственного аппарата управления.

Нет никаких сомнений, центр и регионы придут к новой системе публичной власти. Это нужно обеим сторонам. Но перед этим придется перевернуть страницу прежней модели отношений, которая сейчас, увы, производит взаимное раздражение по целому ряду направлений.

Двадцатилетние исследования «Левада-центра» (2001–2019 гг.) показали, что от 45 до 30 % россиян характеризуют нынешнюю власть как коррумпированную, бюрократическую, далекую от народа, чуждую; и лишь 15 % называют власть законной [Аптекарь, 2020]. Почти три четверти россиян (72 %) считают, что интересы власти и общества не совпадают. [Мухаметшина, 2019].

Органам власти не всегда удается организовать эффективное социальное партнерство в решении острейших проблем. К примеру, таких как преодоление массовой бедности населения. Об этом образно и озабоченно высказался один из крупнейших представителей российского класса предпринимателей О.Дерипаска, заметив, что: «большинство народа бедствует, имеет униженно низкий доход..., менее 27 тысяч рублей в месяц. Стыдно смотреть людям в глаза в регионах... Но надо честно сказать: программы пока нет. Ни у правительства, ни у административно отвернувшегося от этой проблемы Центрального банка» [Дерипаска, 2020]. По этому поводу в свое время британский философ Поппер К. заметил: «правители

и управляемые пойманы в социальную сеть и вынуждены бороться друг с другом» [Поппер,1992, с.133].

Солидарность — универсальный принцип бытия, базирующийся на свободном волеизъявлении людей, возникающий и достигнувший триумфа как фактор развития человеческого общества, может разрушаться под влиянием разнообразных обстоятельств, в том числе распространенного индивидуализма, корыстных проявлений, чиновничьих измышлений, обоснования попустительства, несправедливости.

Подобных примеров множество, приведем один. В 2014 году в ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [ФЗ-10 О профессиональных союзах,1996] были внесены изменения (пункт 1, статья 7) о том, что «Уставы первичных профсоюзных организаций, их объединений (ассоциаций)...не должны противоречить уставам соответствующих профсоюзов, их объединений (ассоциаций)». Это вызвало критику граждан и выдвижение требований отменить данную поправку. Заметим, что в различных типах профсоюзов современной России насчитывается около 30 млн человек (подсчитано автором В.М.), прямо и опосредованно участвующих в процессах развития социального партнерства, солидарных взаимосвязей.

По существу, граждане вступили в конкурентное противостояние с лидерами Федерации независимых профсоюзов России, с депутатами Государственной думы, инициаторами внесенных поправок. Запросы граждан по поводу их отмены рассматривались в нескольких государственных, общественных инстанциях, в районных, городских, областных судах и даже в Верховном суде РФ, но безуспешно.

Лишь в ноябре 2020 года Конституционный суд РФ признал внесенное изменение в ФЗ о профессиональных союзах не соответствующим Конституции РФ и подчеркнул, что оно допускает необоснованное вмешательство государства в работу профсоюзов, ограничение права на объединения и свободу деятельности общественных объединений, а также констатировал выявленные нарушения многих международных правовых актов, пактов о гражданских и политических правах, конвенций о защите прав человека и основных свобод, являющихся частью правовой системы Российской Федерации [Постановление Конституционного суда, 2020, № 44-П]. Данный процесс иллюстрирует не только способности и умение граждан сознательно отстаивать свои интересы, но и трудный, сложный по форме и содержанию поиск путей создания открытой конкурентной среды в достижении политической солидарности в специфической законотворческой и управленческой сферах.

Гражданин, государство и общество довольно часто оказываются в заложниках у структур государственного и муниципального управления. Счетная палата РФ в 2020 году, проанализировав «итоговые эффекты» работы Правительства РФ по обеспечению роста реальных доходов россиян и снижению бедности, обозначила вывод, что государственная политика не способна обеспечить достижение поставленных президентом целей, отдельного документа или комплекса мер в форме нацпроекта в сфере роста доходов и снижения бедности населения не существует [Кошкина, 2020].

Сформулированные Указом Президента РФ от 21 июля 2020 года национальные цели — это предмет особого внимания граждан нашей страны. Люди стремятся активнее участвовать в осуществлении национальных целей, внести свой вклад в их реализацию, хотя отдельные целевые установки по-прежнему не удается прояснить гражданам в полной мере. В частности, это относится к обоснованию критериев оценки достойного и эффективного труда, который подменяется мерками наемного труда, не более как доходного занятия. Противоречивые и неопределенные представления граждан выражаются по поводу создания комфортной среды для жизни.

Тайна многих проблем в системе социального партнерства коренится, по-видимому, и в таком явлении, как тотальное отчуждение гражданина от результатов своего труда, от собственности не только на средства производства, но и от собственности каждого на всеобщие, научно выработанные и применяемые условия труда. В современной России, как и в прошлом в советской системе, такая собственность у граждан не сформировалась. Тем не менее в ряде развитых стран государственные обязательства по этому поводу разрабатываются и реализуются. Причина подобных издержек и упущений чаще всего объясняется неосведомленностью граждан, но, быть может, и вторжением в сферу их личной свободы. Это требует более пристального изучения.

Кроме того, заметим, что партнерские отношения строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, соглашений, либо на совокупности добровольных сообществ, либо стихийно. Соответственно, некоторые из них приобретают весьма специфические, нередко внеправовые или околосудимые формы. В этой связи подчеркнем, что современная система социального партнерства подразумевает ответы на экономическое принуждение, на формирование у граждан навыков и привычек воплощения сознательной, рациональной солидарности, основывающейся, в том числе, и на морально-этических требованиях при сохранении самостоятельности и независимости сторон.

Социальное партнерство в современных российских реалиях свидетельствует о сложном, не одномерном, противоречивом поисковом характере, сущность которого состоит в том, что стороны стремятся удержать социально-экономический процесс в русле диалога, согласования позиций, интересов. И эти усилия, заметим, осуществляются в условиях прогрессирующей в стране альтернативности общественного развития.

Сохранение равновесия системы социального партнерства обостряется в связи с ослаблением и утратой взаимосвязей между организационными принципами социального обеспечения населения, основанного на солидарности, а также в связи с усилением кризиса традиционной концепции социальных прав ввиду ее неспособности предложить комплекс мер по реализации запросов социального государства. Инициатива в этом отношении должна оставаться за государственными учреждениями.

Не ставя под сомнение значимость и полноту современной системы социального партнерства, основанной на законодательных актах, нормах и правилах правового порядка, мы наблюдаем мало признаков того, что авторы договоров, соглашений в самом деле считают усилия по поддержанию солидарности, публичности частью согласованной и систематизированной деятельности.

4.2.3. Новые ориентиры социального партнерства и солидарности

В свете новых положений, изложенных в Конституции РФ об экономической, политической, социальной солидарности и в Федеральном Законе РФ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в системе социального партнерства требуется осуществить внедрение новых принципов, функций, механизмов сопровождения солидарности и публичности в сферу деятельности участников партнерского взаимодействия. В том числе желательно предусмотреть разработку взаимосогласованных теоретических и методических материалов по проблемам экономической, политической и социальной солидарности. Речь идет о переосмыслении органами власти, общественными объединениями работодателей, профсоюзов, институтами гражданского общества всего процесса поддержания и внедрения солидарности и публичности в социально-экономическую и политическую практику. Сегодня крайне важны теоретическая и политическая разработка четкого понимания того, чем должно заниматься государство в системе

социального партнерства; какую роль оно должно играть на современном этапе и какими должны быть отношения между государством, бизнесом, профсоюзами и гражданским обществом в целом.

Одной из важнейших особенностей современных развитых обществ, которые принято называть постиндустриальными, является стремление к определенной эволюции социокультурных параметров содержательных основ социальной солидарности, социокультурной идентичности, статусных характеристик личности. Эта тенденция сегодня формулируется как цель в преодолении исторической инерции к солидарности конфронтационного типа. Важнейшей составляющей данной тенденции является поиск технологий так называемых «мягких взаимодействий», выражающихся во всемерном развитии сетевого подхода, общественных связей, политкорректности, социально-культурной и социально-психологической реабилитации людей, испытывающих трудности в общении. Важно подчеркнуть, что сетевой подход и политические сети модифицируют понимание властоцентрированной политики в направлении ее к взаимной ответственности и солидарности.

В современных условиях возник новый уровень развития солидарности — транснациональный. Соответственно, появляются и новые структуры транснационального уровня: ЕС, ШОС, ЕАЭС. Так пришел мотив создания транснациональных федераций, государственных объединений нового типа, закладывающих основы транснациональных моделей регулирования солидарности.

В настоящее время возникает потребность разработки системной государственной политики в сфере регулирования общественных отношений, включая создание открытого типа государства, единой системы публичной власти, повышение эффективности государственного управления, его транспарентности, отзывчивости к потребностям граждан, подотчетности перед ними. Социальное партнерство — это созидательный труд и борьба за будущее страны, против инерции, против отживших догм и стереотипов мышления, устаревших теоретических и политических установок.

Эти подходы и положения в известной мере изложены в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 годы [Генеральное соглашение... на 2021–2023]. В данном документе содержатся конкретные мероприятия и механизмы претворения в жизнь перспективы социально-экономического развития Российской Федерации, реализации федерального бюджета, сформулированы индикаторы определения достойного труда, пока-

затели мониторинга качества и уровня жизни населения. В Соглашении подчеркивается, что стороны договорились провести консультации о возможности ратификации Российской Федерацией Европейской Социальной Хартии и нескольких Конвенций МОТ.

В последние годы российский бизнес развивает GR-механизмы корпоративного и совместного управления как новый государственный менеджмент, самоорганизующуюся сеть. На прочном политико-правовом фундаменте осуществляется государственно-частное и муниципально-частное партнерство (ГЧП и МЧП), в котором правительство и государство выступают в качестве модераторов политико-управленческого процесса, согласования и реализации интересов различных социальных групп, политических акторов, конкурирующих между собой. GR-деятельность представляет собой не только процесс влияния на политику, но и способ, активизирующий участие бизнеса, граждан в выработке и внедрении политики [Сморгунов, Тимофеева, 2012, с.23].

Центральное место в ГЧП и МЧП составляют переход к постиндустриальному информационному обществу, обеспечение цифровизации экономической и социальной сфер, создание координационных структур с высокой специализацией политических ролей и институтов. Это по-особому значимо в связи с существующей практикой активной включенности политических партий, общественно-политических движений в процесс осуществления проектов ГЧП и МЧП.

Вывод. Социальное партнерство и солидарность — явления цивилизованных человеческих отношений, движущая сила исторического прогресса, составляющая сущность человечности, очеловечивания политики, свободы и нравственных идеалов.

Социальное партнерство и солидарность — два взаимообусловленных, взаимно связанных и взаимно дополняющих понятия, воплощающих собой согласование разнообразных интересов, дискурсов, регулирования конфликтов не только на основе тождества, одинаковости, но и в контексте различия, обеспечивая таким образом расширение условий для свободного выбора соответствующих алгоритмов, развития конкуренции и предприимчивости.

Утрата социального партнерства и солидарности провоцирует обострение социально-экономических и политических отношений, усиливает конфронтацию, противостояние классовых, национальных и межнациональных интересов.

Богатый исторический опыт социально-экономического, политического, духовного развития российского государства и общества позволя-

ют наметить и реализовать воплощение экономической, политической и социальной солидарности как желанного состояния. В современной глобальной политической игре по проблемам социального партнерства, солидарности, публичности России жизненно необходимо участвовать на правах достойного и компетентного игрока.

4.3. Политическое лоббирование в новой реальности

4.3.1. Операционализация понятия «политический лоббизм»

В последние десятилетия феномен «лоббизма» был объектом исследований специалистов в различных отраслях научного знания (политологии, психологии, социологии, экономики, истории, организационной науки и др.), академических структур (University of Oxford, Yale University, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РАНХиГС при Президенте РФ и др.) и научных сообществ (Институт Европы РАН, Институт социологии РАН, Институт философии РАН и др.), отдельных исследователей.

Понятие «lobby» впервые получило смысловое определение в словаре английского языка в 1553 году. Им обозначали проходные коридоры, преимущественно в монастырях, которые становились местом встреч заинтересованных лиц из «внешнего» для монастыря мира и его жителей, имевших в то время немалую власть, в том числе и за пределами религиозного сооружения. С 1640 года понятием «lobby» начали называться помещения вокруг залов заседаний в доме Палаты общин английского парламента. Согласно проведенным исследованиям документов Конгресса США политическое значение термин «lobby» приобрел, когда был зафиксирован в стенограмме дебатов в 1808 году. Им была обозначена группа лиц, пытавшихся любыми способами повлиять на законодателей за пределами палат американского парламента. Таким образом, с начала XIX века большинство исследователей стали рассматривать феномен «лоббизма» преимущественно негативно из-за его кулуарности, закрытости не только от большинства граждан, но и от значительной части лиц, находящихся на уровне принятия решений.

Политическая действительность современности доказывает, что кулуарный характер лоббистской деятельности противоречив, и наря-

ду с негативными последствиями для определенных структур, организаций и большинства граждан может носить конструктивный, позитивный характер. В частности, американский политолог Д.Истман аргументирует такую свою позицию тем, что лица, находящиеся на уровне принятия стратегических решений, без компетентных лоббистов находились бы в отрыве от истинных потребностей власти и бизнеса, поскольку экономические и социальные субъекты при лоббировании своих интересов предоставляют органам государственной власти информацию, которая неизвестна, либо на которую не обращали серьезного внимания, но важную для поддержания сложившегося баланса сил на общественно-политическом пространстве [Eastman, 1977].

Лоббизм присутствует «де-факто» в современных странах, несмотря на наличие/отсутствие его законодательного регулирования. Разделяя позицию П. Я. Фельдмана, что «этимология понятия «лоббизм» свидетельствует лишь о том, что соответствующая деятельность реализуется в пограничном пространстве между властью и обществом» [Фельдман, 2017, с. 21], отметим, что лоббизм — «деятельность по продвижению экономических и политических интересов специализирующимися на этой деятельности людьми и организациями посредством оказания влияния на представителей государственной (как правило, законодательной и исполнительной) власти» [Мельников, 2021, с. 533].

Смысловое значение рассматриваемого понятия существенно изменилось в последние годы. При этом в научных исследованиях наряду с понятием «лоббизм» используются и иные: GR (Government Relations); Public Affairs; Government Affairs; Policy representation; Legislative communications; Policy marketing. Кроме того, ученые стали специализироваться в исследовании отдельных видов лоббизма — партийного, политического, правового, социального, финансово-экономического, экологического и др.

При изучении феномена лоббизма необходимо учитывать ранее накопленные информационные и смысловые ресурсы в российских и зарубежных научных исследованиях, а также использовать междисциплинарный и институциональный подходы, общенаучные и специальные методы из различных отраслей научного знания, которые направлены на всестороннее раскрытие дефиниции «лоббизм» и такого его подвида, как «политический лоббизм». В частности, следует использовать онтологический подход (для определения базовых понятий «лоббизм», «политический лоббизм», «политическое лоббирование», «субъект политического лоббирования», «лоббист», «контрлоббист», «объект политического лоббирования», «предмет политического лоббирования», «институт политиче-

ского лоббизма», «система политического лоббирования»). Важны также и другие подходы: исторический (для изучения формирования и модернизации технологий политического лоббирования в современной России с учетом трендов зарубежных стран); системный (для раскрытия характеристик политического лоббирования между акторами общественно-политической жизни страны; государством и обществом; обществом и индивидом; субъектами и объектами политического лоббизма как в отдельно взятой стране, так и на межгосударственном уровне с учетом динамики мирового политического процесса в условиях глобализации, информатизации, цифровизации, распространения новой коронавирусной инфекции); структурно-функциональный (для раскрытия основных характеристик организационно-функциональной структуры при принятии решений, в том числе направленных на минимизацию негативных последствий посредством регламентирования деятельности при реализации политического лоббирования); моделирование (для конструирования процессов взаимоотношений между акторами политического лоббирования); компаративный анализ (для выявления потенциальных рисков и особенностей политического лоббирования в различных странах мира).

Анализируя работы А.С. Ванкевича [Ванкевич, 2009, с. 3–10], Л.Е. Ильичевой [Ильичева, 2015, с. 13–20], П. Каневского [Каневский, 2021, с. 134–148], Н.В. Карповой [Карпова, 2018, с. 135–150], А.В. Павроза [Павроз, 2019], В.А. Посульченко [Посульченко, Фалина, 2021, с. 97–109], А.Г. Самусевич [Самусевич, Соболева, 2019, с. 26–28], Л.В. Чернышевой [Чернышева, Кадырова, Нургалиев, 2020, с. 388–389], П.Я. Фельдмана [Фельдман, 2018, с. 182–189] и др., можно увидеть категориальную неопределенность понятия «политический лоббизм» в современной научной литературе. Даже в отдельно взятой академической или научной школе могут быть разные подходы к осмыслению феномена политического лоббизма и его политико-коммуникационной сущности.

Вместе с тем можно дать синтезированное определение «политическому лоббизму», под которым следует понимать специфическую, особого рода деятельность групп людей по оказанию влияния на процессы принятия политико-управленческих решений в органах государственной власти и управления в свою пользу. Политический лоббизм, таким образом, выступает как система и практика реализации интересов различных групп индивидов (союзов, объединений, корпораций и др.) путем организованного воздействия на законодательную и исполнительную деятельность государства [Фалина, 2002, с.376].

Политическое лоббирование является действенным проявлением политического лоббизма, осуществляемого в пределах нормативно-правового поля отдельно взятого государства, реализуя на практике стремление группы людей (группы интересов, группы давления) оказать влияние на органы государственной власти, других акторов, обладающих властными полномочиями.

Основные характерные черты современного политического лоббирования:

- лоббирование связано с принятием публичных решений;
- все виды лоббизма мотивированы желанием группы интересов оказать влияние на принятие политико-управленческого решения в государственных органах власти и управления;
- в процессе политического лоббирования может быть посредник (представитель) для передачи информации, т. е. связующее лицо между субъектом политического лоббирования и официальными лицами органов государственной власти, на которых оказывается влияние при принятии решения.

Субъект политического лоббирования — группа людей, заинтересованная в принятии того или иного решения органами государственной власти и управления с максимально выгодным учетом своих интересов.

Среди субъектов политического лоббирования могут быть не только политические группы интересов (давления), созданные на различных основаниях, но и частные компании, концерны, министерства, местные власти, т.е. все те, кто имеет групповой интерес и стремится влиять на государственную политику с целью его реализации.

Лоббист (агент) — посредник-профессионал, которым может быть физическое или юридическое лицо, осуществляющее влияние на органы государственной власти с целью оказать влияние на принятие решения в интересах группы лиц по заказу.

Лоббистами могут быть лица, хорошо знающие технологию принятия политико-управленческих решений и имеющие доступ к лицам органов государственной власти и управления, находящимся на уровне принятия решений. В частности, успешными лоббистами зачастую являются экс-президенты, экс-премьер-министры, экс-министры, экс-сенаторы, экс-депутаты и др.

Контрлоббист — физическое или юридическое лицо, осуществляющее влияние на должностных лиц, наделенных властными полномочиями, в органах государственной власти с целью принятия противоположного решения, т. е. не в интересах субъекта политического лоббирования.

Объект политического лоббирования (получатель информации) — глава государства (президент, премьер-министр и т. п.), органы государственной власти и управления всех уровней (законодательные, исполнительные).

Предмет политического лоббирования — политико-управленческие решения, принимаемые государственными органами власти и управления, затрагивающие базовые ценности и коренные интересы больших групп людей, влияющие на изменение институционального и нормативного дизайна общественно-политического порядка в государстве, или сопровождающиеся распределением или перераспределением общественно значимых ресурсов общества [подробнее см. Дегтярев А.А., 2004, с. 37–43].

Весьма конкретно по поводу предмета политического лоббирования высказывается российский исследователь П. Я. Фельдман, который на основе анализа трудов зарубежных и российских авторов выделил три основные ключевые цели лоббистской деятельности:

- проведение определенных общественно-политических преобразований;
- получение доступа к земельным ресурсам;
- привлечение государственных заказов [Фельдман, 2017, с. 28].

Институт политического лоббизма представляет собой особую детерминанту современной демократии для влияния частных и общественных организаций (групп давления) на процесс принятия или непринятия политико-управленческих решений органами государственной власти для отстаивания интересов определенной силы, группы, блока [Гричина, 2009, с. 17].

Система политического лоббирования представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов — заказчиков лоббистских услуг (субъектов политического лоббизма), лоббистов, контрлоббистов, объектов политического лоббизма, предмета политического лоббизма, методов лоббистского воздействия.

Лоббистская коммуникация предполагает и наличие обратной связи между объектом политического лоббирования и субъектом политического лоббирования. При этом один и тот же предмет лоббизма может затрагивать интересы различных акторов общественно-политического поля как внутри отдельно взятого государства, так и на уровне межгосударственного взаимодействия.

В общем виде успешность лоббистской деятельности определяется следующими ресурсами: численностью группы людей, являющейся субъ-

ектом политического лоббирования; степенью ее сплоченности; проявленным упорством и настойчивостью в достижении цели; профессионализмом лоббиста; наличием финансовых, информационных и кадровых ресурсов; общественным престижем субъекта политического лоббирования; географическими масштабами деятельности; способностью создавать коалиции; совместимостью целей субъекта с традиционными ценностями конкретного общества.

Агенты лоббизма при передаче информации от своих заказчиков к лицам органов государственной власти и управления используют различные каналы коммуникации, опираясь при этом на технологии, законодательно разрешенные или регламентированные в специальном законе, регулирующем лоббистскую деятельность в отдельно взятом государстве. К ним относятся: участие в парламентских и ведомственных слушаниях; прямые контакты с официальными лицами для изложения групповой точки зрения; завязывание неформальных контактов с официальными лицами; представление результатов собственных научных исследований или специализированной информации во властные структуры; попытки повлиять на процесс реализации решений; контакты с представителями СМИ; оказание помощи в подготовке законопроектов и проектов нормативных актов; организация кампаний по обращению граждан во властные структуры; консультирование различных государственных органов и комиссий; оказание влияния на назначения должностных лиц; организация демонстраций, пикетов, движений протеста и т.д. [Фалина, 2002, с. 384].

К перечисленным технологиям, отражающим, главным образом, опыт цивилизованного лоббирования, можно добавить и такие «формы работы», как манипулирование информацией, прямой и косвенный (через неоправданно высокие гонорары, синекуры) подкупы, угрозы, шантаж и прочие незаконные и аморальные действия. В зависимости от используемых технологий различают лоббирование открытое, или публичное, и закрытое, или тайное.

На протяжении последних двух столетий человечеством накоплен богатый и разнообразный опыт лоббистской деятельности в зависимости от сложившейся политической системы, политического режима, а также политической культуры, традиций и законодательного регулирования в отдельных странах. Де-факто лоббизм присутствует на всех уровнях власти во всех странах мира, а в современном обществе в условиях процессов глобализации, информатизации и цифровизации лоббистские отношения в значительной степени оказывают влияние на расстановку общественно-политических акторов на политическом ландшафте мира.

Например, в США лоббизм — «это не просто часть политического ландшафта, это важнейший элемент политической традиции и ключевой социально-политический институт, который в течение десятилетий формировался бизнесом, профессиональными ассоциациями, консалтинговыми компаниями, НПО, действующими и бывшими политиками» [Каневский, 2020, с. 81]. В Германии «большое внимание уделяется ограничениям в отношении самих лоббируемых — парламентариев и членов правительства» [Чумиков, 2021, с. 179]. Интерес представляет украинский опыт политического лоббирования в парламенте: практически все депутаты Верховной Рады Украины являются лоббистами интересов тех или иных олигархов. При этом их позиция может быть диаметрально противоположной руководству и большинству членов фракции, в которых они состоят. Лоббизм в современной Украине не структурирован, в отличие от европейских стран и США, что оказывает влияние и на технологии принятия политико-управленческих решений, их закрытость и несистемность.

4.3.2. Некоторые особенности современного политического лоббизма

На рубеже второго и третьего тысячелетий в ряде стран мира на законодательном уровне была регламентирована деятельность лоббистов, а их политические практики были легализованы. Основная цель законодательного регулирования лоббизма — создание самоуправляющейся системы взаимодействия акторов политического лоббизма на основе интересов, которая была бы прозрачна и минимизировала конфликты интересов.

На современном этапе развития в шестнадцати странах мира принят федеральный закон, регламентирующий лоббистскую деятельность: Австралия (2008), Австрия (2012), Великобритания (2014), Грузия (1998), Евросоюз (1996, 2008), Израиль (2008), Ирландия (2015), Канада (1989, 2008), Литва (2001), Мексика (2010), Польша (2005, 2011), Словения (2010), США (1946, 1995, 2007), Тайвань (2008), Франция (2013, 2016), Чили (2014). В соответствии с законодательством вышеуказанных государств определены акторы и порядок их взаимодействия в системе политического лоббизма. Профессиональные лоббисты включены в специальный реестр, т. е. законодательством регламентирована процедура регистрации и определены санкции за ее нарушение.

В ряде современных европейских государств существуют отдельные механизмы регулирования политического лоббизма: Германия (прави-

ла Бундестага от 1971 г.), Нидерланды (правила Генеральных штатов от 2012 г.), Дания (правила Фолькетинга от 1991 г.), Италия (правила Палаты депутатов от 2017 г.). В частности, предусмотрена регистрация лоббистов и/или регламентация их деятельности при взаимодействии с отдельными органами государственной власти федерального, регионального и местного уровней. Интерес представляет политическая практика, сложившаяся в Италии и Испании. В данных странах нет федерального законодательства, регламентирующего деятельность лоббистов, но есть законы, которые приняты на уровне отдельных регионов — Каталония (Испания), Абрुццо, Молизе, Тоскана (Италия).

В Латвии, Румынии, Чехии и Финляндии, несмотря на отсутствие федерального регулирования деятельности лоббистов в органах государственной и муниципальной власти, в условиях сложившейся политической культуры и национальных традиций функционирует самоорганизация акторов политического лоббизма со стороны профессионального лоббистского сообщества.

Все попытки принятия закона о лоббизме в Российской Федерации остаются пока безуспешными. Проекты такого закона существуют, но упорно торпедируются определенными силами (возможно, самими лоббистами) — теми, кто по примеру иностранных государственных чиновников после отставки, нередко сами занимаются лоббированием. И в России подобная деятельность также получила широкое распространение. Имея возможность от имени серьезных исследовательских организаций мелькать в коридорах власти, лоббисты решают конкретные вопросы тех или иных заказчиков. В этой связи, думается, назрела необходимость закрепления института лоббизма в Российской Федерации на законодательном уровне через принятие соответствующего федерального закона и нормативно-правовые акты, которые бы детализировали законные (составление законопроектов, представление их на обсуждение, принятие по ним решений и т. п.) и незаконные (распространение недостоверной информации в сети Интернет и посредством иных современных электронных средств коммуникации и т. п.) способы лоббизма. При принятии законов о лоббировании необходимо учесть положительный и отрицательный опыт стран, где данный закон имеет богатый опыт функционирования.

Глубокие изменения, произошедшие сегодня в мире, привели к возникновению новых форм и технологий взаимодействия общественности и государства, среди которых политический лоббизм занял прочное место, а для бизнеса, наиболее пострадавшего в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, превратился в инструмент выживания.

Пандемия стала причиной экономического и социального кризиса, изменила целые отрасли экономики, модели поведения потребителей и бизнеса, стремящегося остаться «на плаву» в условиях снижения спроса. Это оказало огромное влияние на всю российскую и мировую экономику в целом. В условиях карантина, когда упал спрос на множество определенных услуг, а производство других было приостановлено, стала заметной возросшая роль государства в регулировании экономических процессов. В подготовленном экспертами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) докладе о практике мирового лоббизма в условиях пандемии «Лоббирование в XXI веке» отмечается возрастание пакетов государственной поддержки бизнеса в большинстве стран, входящих в ОЭСР. Такая государственная политика естественным образом сопровождается усилением лоббистской активности отдельных групп бизнеса, стремящихся повлиять на важнейшие решения, принимаемые правительствами, в свою пользу. При этом, как отмечают авторы доклада, «если возможности групп, представляющих разные интересы, влиять на политические решения неравны, а механизм принятия этих решений непрозрачен, лоббизм дает преимущества отдельным игрокам в ущерб остальным» [Доклад ОЭСР..., 2021].

Из доклада следует, что распределение государством антикризисной помощи вызвало резкий рост лоббистской активности в разгар пандемии во всем мире, и уже с первых месяцев пандемии влияние лоббистов на политику существенно усилилось. Так, когда в апреле 2020 года США подготовили первый и беспрецедентный по объему антикризисный пакет помощи, квартальные расходы компаний страны на лоббирование также приблизились к рекордному уровню в более чем \$900 млн, а по итогам всего 2020 года составили почти \$3,5 млрд. Примерно столько же расходуется на лоббизм в Европе: по оценкам The Economist, общий бюджет порядка 25000 всех лиц и организаций, занимающихся лоббистской деятельностью в Евросоюзе, превышает 3 млрд евро (\$3,6 млрд) в год, при этом около 7500 лоббистов аккредитовано непосредственно в Европарламенте [Доклад ОЭСР..., 2021].

В США власти создали список сфер бизнесов, которые могут работать в условиях карантина, но с рядом ограничений, так называемых «essential business», что в русском языке имеет аналог «системообразующего предприятия». В этот список попали такие сферы как продажа продуктов и товаров первой необходимости, аптеки. Компании, занятые в других отраслях экономики, перешли на новые формы производства и продаж: на онлайн-формат работы, запустили производство продуктов эконом-

сегмента, создали новые виды упаковки, переориентировали производство на выпуск востребованной продукции, имеющей схожую технологию и др. Изменения коснулись не только физического продукта, но и языка общения многих компаний с потребителями, нацеленного на установление более «домашнего», «живого» общения с ними. Если такое невозможно, компании добиваются попадания в список «системообразующих предприятий», используя все доступные методы лоббизма. Как показывает практика лоббизма в США, наиболее эффективными оказались такие методы лоббирования, как финансирование и личные контакты. Наибольших результатов сумели добиться те организации, которые имели прямой контакт с президентом США. [Парусова Е.М., 2020, с. 31–40].

В экспертном сообществе сегодня активно обсуждается вопрос, каким станет мир, политика, экономика и общество после пандемии? В немалой степени, на наш взгляд, будущее, особенно в борьбе с экономическими последствиями пандемии, будет определяться успехами отраслевых лоббистов. В частности, речь идет о лоббировании использования цифровых технологий в сфере образования, о превращении его под напором лоббистов в преимущественно цифровое, так называемое онлайн-образование.

О плюсах и минусах онлайн-образования споры идут и по сей день, исследователи так и не пришли к единому мнению, стоит ли делать упор преимущественно на этом виде образования. Не являясь специалистом в данной сфере, думается, выбор должен делать сам учащийся, оценив, прежде всего, уровень своей ответственности и свои способности к самоорганизации.

Заметим, что IT-компании превращаются сегодня в эффективных субъектов политического лоббирования. Опыт лоббирования представители российской IT-отрасли приобрели еще в 2010 году, когда лишились налоговых льгот в связи с изменениями в законодательстве, вызванными заменой единого социального налога на прямые выплаты в пенсионный, медицинский и социальный фонды. До 2010 года IT-компании, занимающиеся разработкой экспортного программного обеспечения, подпадали под льготный режим обложения единым социальным налогом. Поскольку фонд оплаты труда является основной статьей затрат IT-компаний, существенно превышающей 50 % от общего объема расходов, повышение налогов на него оказывает наиболее значительный эффект и тем самым влияет на международную конкурентоспособность таких предприятий.

С отменой налоговых льгот расходы IT-компаний на уплату социальных взносов увеличились, ухудшилось их финансовое состояние. В этой

связи центры исследований и разработки программного обеспечения стали перемещаться в соседние страны (Беларусь, Украину и др.).

С целью принятия поправок к Федеральному Закону Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «О страховых взносах в пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный Фонд обязательного медицинского страхования» руководство одной из компаний отрасли (IBS) инициировало лоббистскую кампанию, которая оказалась весьма успешной. Ее успех был обусловлен формированием действенной команды лоббистов, хорошо проработанной программой лоббирования, в которой была указана четкая цель — установление налоговых льгот для аккредитованных ИТ-компаний; определены сторонники и противники этих льгот; перечислены факторы в пользу принятия нового режима налогообложения (возможность подготовки кадров; предоставление российских услуг на экспорт; преодоление «серых» схем заработных плат; концентрация капитала внутри РФ и др.) и условия аккредитации ИТ-компаний.

Чтобы повлиять на общественность и обеспечить реализацию задуманного, была разработана информационная программа, где утверждалось: «поддержка российских производителей программного обеспечения позволит решить задачу развития в России собственного высокотехнологичного и интеллектуального производства». В выборе центральной темы просматривается желание субъекта лоббизма убедить лиц, принимающих политико-управленческие решения, и общество в актуальности и важности поддержки российских компаний-производителей информационных продуктов и услуг, и в том, что эта поддержка обеспечит большое количество позитивных результатов, среди которых: развитие в России собственного высокотехнологичного и интеллектуального производства; создание дополнительных рабочих мест; предотвращение утечки кадров и перемещения центров разработки программного обеспечения в соседние страны.

В результате успешной лоббистской кампании хозяйствующие субъекты ИТ-отрасли, начиная с 2011 года, платят страховые взносы в государственные внебюджетные фонды (Пенсионный фонд, ФОМС, ФСС) по пониженной ставке, а выпадающие доходы фондов (оцениваются примерно в 5–7 млрд руб.) взяло на себя государство. Таким образом, ИТ-отрасль стала в России второй после сельского хозяйства отраслью, пользующейся льготами в налогообложении.

В западных странах произошел переход от традиционного, т. е. персонального лоббирования к лоббированию с помощью кампаний «grass-roots», т. е. с использованием больших масс людей для создания иллюзии массовой поддержки своих требований, предъявляемых к должностным лицам органов государственной и муниципальной власти. При этом на политическом ландшафте есть ряд акторов политического лоббирования, которые активно используют так называемые группы поддержки, в том числе образованные в сети Интернет на платформах Twitter, Facebook (Meta), YouTube и пр. для достижения своих интересов. Это неслучайно, так как «самым функциональным инструментом лоббистского сообщества в сфере интернет-технологий на современном этапе являются социальные сети, которые используются как многоформатная площадка для продвижения интересов онлайн. Отсутствие ограничений в зависимости от социального статуса, пола или расы формирует относительно сбалансированное мнение населения на онлайн площадках» (Посульченко, 2020, С. 32).

Массовая цифровизация во всех сферах жизнедеятельности придала импульс электронному лоббированию, т. е. воздействию на лиц, находящихся на уровне принятия решений в органах государственной власти и управления, посредством использования Интернета и иных современных средств коммуникации, передающих информацию мгновенно. Ряд глав государств, члены правительств, депутаты законодательных органов власти и иные политики в своей профессиональной деятельности в последние годы стали активно использовать Twitter, Facebook (Meta), YouTube и пр., что создает широким слоям населения, активистам, представляющим различные институты гражданского общества и общественно-политические движения, и, в первую очередь, лоббистам возможность оперативного коммуницирования с ними. Таким образом, представители власти могут ощущать интересы отдельных слоев общества, определять потенциальные риски при разрешении/не разрешении острых социально-политических вопросов современной повестки дня, в то время как рядовые граждане имеют возможность формировать группу давления в виртуальном пространстве сети Интернет (объединяясь на основе интересов, порой находясь на больших расстояниях друг от друга) и реально воздействовать на отдельных руководителей, наделенных властными полномочиями, и конкретные органы государственной власти. При этом используются, как правило, следующие методы:

- рассылка индивидуальных или коллективных электронных писем представителям власти с формулированием определенных требований или рекомендаций;

- направление главе государству или компетентным органам государственной власти электронных обращений с предварительным сбором подписей под ними;
- размещение определенного медиаконтента в Twitter, Facebook (Meta), YouTube и пр.

Обратим внимание, что «анонимный формат коммуникации, оперативный доступ к информации, фактически отсутствующий риск санкций со стороны государства цементировали общественный интерес, заодно повысив политическую ликвидность digital-технологий для определенных групп интересов» (Посульченко, Фалина, 2021, С. 100).

Вывод. С полным основанием политический лоббизм можно рассматривать как одну из форм политических отношений, в которой реализуется политическое представительство интересов. Поэтому правомерно утверждать, что политический лоббизм — неизбежный атрибут политической системы общества. Характер и степень воздействия лоббизма на общественную жизнь определяются, прежде всего, историческими и культурными традициями, политическими условиями (конкретно — характером политической системы), в рамках которых он функционирует, а также экономическими и социальными обстоятельствами.

4.4. Политика и экономика в новых реалиях

4.4.1. Интернет-технологии: за и против лоббизма

Интернет стал основным источником информации и коммуникационным каналом. Сегодня у ряда руководителей субъектов Российской Федерации есть свои аккаунты в социальных сетях, позволяющие организовать обратную связь с населением, избирателями. У всех органов власти различного уровня функционируют виртуальные общественные приемные. В Москве и Московской области по важным социальным вопросам проводятся онлайн опросы (своего рода референдумы) жителей — «Активный гражданин» и «Наш город», позволяющие определить и снизить уровень социальной напряженности, оперативно отреагировать на проблемы жителей, тем самым, с одной стороны, демонстрируя открытость власти к диалогу, а с другой стороны, обеспечить лояльность будущих избирателей. В 2020 г. в российском избирательном процессе благодаря интер-

нет-технологиям случился революционный прорыв — впервые граждане, достигшие избирательного возраста, смогли проголосовать за поправки в Конституцию с помощью онлайн-сервисов. Успешный опыт был имплементирован на федеральные выборы парламента страны в 2021 г. Однако расширение числа участников онлайн-голосования привело к массовым сбоям и сложностям уже на этапе регистрации избирателей, решивших проголосовать онлайн.

Регулярные мониторинги и исследования о состоянии и тенденциях интернета и социальных сетей в России, которые ежегодно выпускают как Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, так и независимые интернет-агентства, также подтверждают высокий уровень популярности интернет-технологий и укрепление позиций интернета как ключевого канала информации. Так, согласно отчету о состоянии цифровой сферы Global Digital 2021 в России интернетом пользуются 124 млн людей, из них 99 млн человек являются пользователями и социальных сетей [Вся статистика интернета..., 2021]. То есть, потребителями информации из интернета являются более 85 % россиян от общей численности населения страны [По оценке Росстата..., 2021]. Причем, на получение информации именно из интернет-пространства пользователи тратят фактически весь рабочий день (7 ч 52 мин, что на 1 ч превышает мировой показатель, составляющий 6 ч 54 мин) [Вся статистика интернета..., 2021], хотя еще буквально пару лет назад каждый интернет-пользователь в России в сети проводил в среднем только 3 ч в день [Российский медиа-ландшафт, 2019].

В условиях информационных кризисов и войн сегодня, как и более 100 лет назад, государственные структуры первым делом стремятся защитить коммуникационные узлы или ограничить к ним доступ населения. Одним из главных аргументов такой политики служит убежденность, что оппозиционные силы используют мессенджеры и социальные сети для распространения дезинформации и координации своих действий. И если второй тезис могут подтвердить или опровергнуть только соответствующие компетентные органы власти, занимающиеся вопросами киберпреступности, то первый мы можем опровергнуть, опираясь на открытые данные свободных источников. Например, в отчете «Левада-Центр» «Российский медиа-ландшафт 2019» был зафиксирован 250 % прирост популярности новостных веб-сайтов и социальных сетей: «1/3 взрослых россиян узнают все новости (или большую их часть) из Интернет-ресурсов. Большинство россиян сегодня пользуются социальными сетями и делятся информацией с их помощью, при этом 85 % россиян в возрасте

до 25 лет являются «ежедневными» или «почти ежедневными» пользователями. Социальными сетями сегодня регулярно («ежедневно, практически ежедневно» и «несколько раз в неделю») пользуется порядка 56 % россиян» [Российский медиа-ландшафт, 2019].

В отчете о состоянии цифровой сферы Global Digital 2021 указано, что самым популярным источником информации у российских интернет-пользователей являются поисковые системы — Яндекс (2,71 млрд визитов в декабре 2020 г.) и Google.com (1,39 млрд визитов за тот же период). (Официальный российский канал американской транснациональной корпорации Google — Google.ru — в этом плане серьезно проигрывает: в декабре 2020 г. было зафиксировано только 131 млн визитов на эту поисковую платформу) [Вся статистика интернета..., 2021]. К социальным сетям и мессенджерам россияне обращаются в основном, когда им требуется получить информацию о бренде или найти отзывы о товаре и/или услуге других пользователей. И здесь самыми популярными каналами являются YouTube (к нему регулярно обращается 85 % интернет-пользователей в возрасте от 16 до 64 лет), Вконтакте (78 %), WhatsApp (75,8 %), Instagram (61,2 %) и Odnoklassniki (47,1 %) [Вся статистика интернета..., 2021].

Представленная картина свидетельствует о том, что социальные сети и мессенджеры сегодня, скорее всего, являются каналом потребления информации для граждан, а бизнес-сообщество использует их преимущественно в коммерческих целях. Социальные сети для лоббирования групповых интересов (а, точнее, одна социальная сеть, которая заняла место запрещенной с 4 августа 2016 г. в России — LinkedIn-Facebook, переименованная в декабре 2021 г. в Meta) используются гораздо реже — по итогам 2020 г. Facebook используют как канал информации (для ее получения и распространения) только 38,9 % интернет-пользователей. В то же время стоит вспомнить успешные лоббистские кампании последних лет (2020–2022), которые были реализованы именно благодаря этой социальной сети: сбор подписей под петициями против ковидных ограничений президентом «Лиги защитников пациентов» А. Саверским, опираясь на которые, торговая компания «Элемент-Трейд» защитила свое право на необеспечение (в т.ч. финансовое) иммунопрофилактики, включая вакцинацию, своих сотрудников. При этом территориальный отдел управления Роспотребнадзора в судебном порядке получил отказ на запрет и приостановку деятельности данного общества с ограниченной ответственностью, поскольку основной профиль деятельности общества не входит в перечень работ, «выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения

профилактических прививок» [Стоп паника...2022]. Еще один успешный кейс по использованию социальных сетей как инструмента лоббирования бизнес-интересов можно проиллюстрировать на примере основательницы и владелицы сети семейных кафе «Андерсон» Анастасии Татуловой, которая, став в июле 2020 г. общественным омбудсменом малого и среднего бизнеса, пролоббировала предоставление государственной поддержки предприятиям общественного питания, и тем самым обеспечила выручку своему предприятию по итогам 2020 г. на уровне 2017 г., а также по сравнению с указанным периодом даже обеспечила рост чистой прибыли [СБИС. Все о компаниях и владельцах, 2020]. Более того, новый общественный статус, предполагающий тесные контакты с органами государственной власти, как на муниципальном, так и на федеральном уровне позволил владелице сети семейных кафе расширить перечень партнеров и рынок сбыта своей продукции (в т.ч. за счет включения ее предприятий в перечень поставщиков крупных торговых сетей — например, гипермаркетов «Окей»).

4.4.2. Интернет-технологии, IoT в бизнес-процессах и лоббизме

За десятилетие «Индустрия 4.0» получила не только признание среди бизнес-сообщества, но и стала неотъемлемым элементом современного успешного бизнеса. Согласно опросу MIT Sloan Management Review и BCG в ноябре 2021 г. 62 % топ-менеджеров положительно оценили влияние искусственного интеллекта на бизнес-процессы. Более того, среди положительных сторон искусственного интеллекта 78 % респондентов отметили факт улучшения коммуникационного процесса между людьми [MIT Sloan..., 2022]. Однако, несмотря на это обстоятельство, 65 % руководителей ведущих компаний, активно применяющих достижения искусственного интеллекта, пока еще затрудняются объяснить, как эти системы принимают важные для групп интересов решения [New Report... 2022]. Выявленный разрыв между осознанием преимуществ искусственного интеллекта, интернета вещей (IoT) и прослеживаемой их алгоритмизации, причинно-следственных связей в процессе принятия решений (включая политические) заставляет специалистов по связям с органами государственной власти и лоббистов отдавать предпочтение традиционным каналам продвижения своих интересов и/или интересов своих заказчиков.

В то же время на примере фармацевтической отрасли мы можем уже сегодня говорить об успехе и эффективности интернет-коммуникаций в процессе лоббирования интересов фармкомпаний. Например, с помощью массовой информационной кампании, запущенной в сети интернет и интернет-изданиях (онлайн СМИ и новостных лентах) фармацевтическим производителям, импортерам, дистрибьюторам лекарственных средств и аптечным сетям вплоть до 2020 г. удалось отложить, добиться переноса сроков обязательной маркировки лекарственных препаратов (хотя сама концепция о маркировке была принята еще в 2015 г., а изменения в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» в части маркировки были внесены еще в 2017 г.). Помимо информационной кампании ключевые стейкхолдеры из фармацевтической отрасли активно участвовали в процедуре оценки регулирующего воздействия и направляли свои предложения по совершенствованию механизма в рамках пилотного проекта. Предложения направлялись как со стороны отдельных компаний, так и бизнес-ассоциаций. И даже после вступления с 1 июля в полную силу закона об обязательной маркировке лекарственных препаратов, находящихся в обращении на территории Российской Федерации, фармацевтическое бизнес-сообщество продолжает вносить предложения, касающиеся теперь открытости и бесплатности платформы «Честный Знак» для фармпроизводителей. Например, член совета директоров «Инфамед» Евгений Горохов лоббирует инициативу по организации бизнес-процессов и обмена данными между участниками фармацевтического рынка, согласно которой все записи в системе маркировки должны регулироваться искусственным интеллектом на основе блокчейн, а сама платформа должна быть валидирована по стандартам на примере GAMP+. Данная инициатива в конечном итоге должна способствовать возможности фармпроизводителей за счет доступа к исчерпывающей аналитике прогнозировать рыночные показатели.

За годы существования и развития «Индустрия 4.0» в ряде направлений, включая фармацевтику, трансформировалась в отраслевые технологии. В частности, технологии «Фарма 4.0» в условиях пандемии обеспечили беспрецедентное сокращение временных затрат на процессы производства, регистрации антиковидных вакцин до первой массовой вакцинации населения. Не вдаваясь в детали производства вакцин, стоит отметить, что промышленный IoT, комплексная автоматизация производственного процесса и виртуальная реальность, облачные технологии позволили фармкомпаниям равномерно распределить нагрузку на производство и обеспечить своевременную поставку необходимого количества вакцин.

И конечно же, цифровые средства сейчас являются одним из ключевых помощников для специалистов в области фармаконадзора, открывая им оперативный доступ к сигналам от пациентов о нежелательных явлениях. Однако, являясь ключевым поставщиком информации в нужное время и в нужном месте, «Фарма 4.0» одновременно служит и инструментом защиты национальных производителей, которые, лоббируя свои интересы на международном уровне, ограничивают доступ на рынок вакцин от других производителей, даже подрывая доверие местного населения к национальным вакцинам. Ярчайшим примером служат информационные кампании против российской вакцины «Спутник V» (а также неудачная PR-кампания внутри страны по вакцинации населения данной вакциной) и вакцины компаний Pfizer и BioNTech.

Более того, доступ к информации фактически неограниченного круга пользователей сегодня позволяет довольно скрупулезно провести анализ и выявить все группы интересов тех или иных инициатив. Так, согласно открытым источникам, можно проследить аффилиацию разработчика вакцины «Спутник V» с частной фармацевтической компанией «Биннофарм Групп» (А. Гинцбург входит в совет директоров указанной компании) [О компании «Биннофарм Групп»..., 2022], которая не только первой стала выпускать первую же зарегистрированную вакцину от COVID-19, но и в 2021 г. стала управляющей структурой другой фарм-компании, руководство которой аффилировано с «НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи» (ООО «Ниармедик фарма»).

С помощью интернет-технологий еще на этапе процедуры оценки регулирующего воздействия Государственной программы «Развития фармацевтической и медицинской промышленности» до 2020 года заинтересованные группы обнаружили, что на федеральный портал проектов нормативных правовых актов был загружен для общественно-го обсуждения документ, в котором содержались правки одной из российских фармкомпаний.

Представленные примеры служат подтверждением того, что интернет-технологии в XXI в., с одной стороны, расширяют возможности для лоббирования группами интересов своих инициатив, а с другой стороны, служат барьером для реализации корпоративных интересов.

4.4.3. Интернет как инструмент реализации информационной функции лоббизма и канал для нетворкинга

Анализ отношений государства и бизнеса в контексте информационного поля в условиях внутренней, а порой и мировой политики позволяет выявить влияние ключевых субъектов-участников, групп интересов на политико-экономический и политико-информационный, социальный процессы. Различные акторы (СМИ, финансируемые определенными группами интересов и конкурирующие между собой за аудиторию; бизнес; государство; различные политические институты) формируют соответствующую их интересам информационную повестку дня, манипулируя общественным сознанием и формируя межличностную аттракцию к своим действиям.

В то же время, вспоминая историю становления и развития медиасреды в нашем государстве, можно выявить закономерность трансформации взаимоотношений между частным капиталом и государственным сектором по ряду вопросов, меняющих и влияющих на расстановку политических сил и финансовое благополучие отдельных бизнесменов, а нередко — и на политический вес некоторых регионов. Таким образом, если раньше тезис о том, что лоббисты являются поставщиками информации [American Business and Public Policy..., 1963; Milbrath, 1976] был бесспорным, сегодня и представители государственного сектора нередко выступают для частного капитала в роли поставщиков важной для развития бизнеса, особенно экспортной части, информации. Например, даже доступ к сайтам профильных регуляторов, курирующих вопросы обращения лекарственных средств, не всегда позволяет российским фармпроизводителям понять действующую в ряде африканских, латиноамериканских или азиатских стран схему и специфику регистрации фармпродукции. Более того, не все такие информационные ресурсы полностью переведены или вообще не переведены на один из международных языков. И здесь как раз представители Минздрава и Минпромторга России или подведомственных им учреждений становятся источником информации и мостиком между иностранным регулятором и российским фармпроизводителем. Более того, проводимые под эгидой российских регуляторов бизнес-миссии в эти страны позволяют отечественным компаниям найти партнеров, установить контакты с официальными структурами, специализирующимися на поставке зарубежных лекарственных препаратов и медицинских изделий.

Рассматривая и анализируя классический процесс обмена информацией между лоббистом и политиком или государственным служащим, где поставщиком, а нередко и производителем информации служит именно лоббист, можно отметить, что даже в XXI в., несмотря на неограниченный доступ к любой информации, политические стейкхолдеры все же предпочитают обращаться за аналитическими докладами и записками к лоббистским структурам и консалтинговым агентствам. Бесспорно, интернет-технологии серьезно упростили этот процесс. Если раньше для получения информации представители государственного сектора должны были вступать в личные контакты с группами интересов, то сейчас сбор информации может быть обезличен, что затрудняет возможности для оказания влияния на лиц, принимающих решения и/или субъектов законодательной инициативы. Например, весной 2020 г. через подведомственный Минпромторгу России ФБУ «ГИЛС и НП» был инициирован сбор информации от фармацевтических производителей с целью минимизации рисков дефицита жизненно-необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также предотвращения дефицита лекарственных препаратов, рекомендованных для профилактики и терапии новой коронавирусной инфекции. Сбор информации проводился посредством онлайн-опроса фармкомпаний, которые заполняли анкеты и направляли их на обезличенную почту «ГИЛС и НП». Таким образом наблюдался односторонний канал коммуникации, исключающий возможность для конкретной фармкомпании даже обратиться за адресной поддержкой к профильному чиновнику.

Обезличенности контактов групп интересов с государственным сектором способствует и развитие процедуры ОРВ (оценки регулирующего воздействия), согласно которой все предложения по совершенствованию проектов нормативных правовых актов бизнес-сообщество должно направлять в строго отведенное для этого время через соответствующий сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (regulation.gov.ru).

В условиях пандемии и связанных с ней ограничений на проведение массовых мероприятий существенно сократилась практика индивидуального лоббирования корпоративных интересов, зато усилили свои позиции бизнес-ассоциации, которые в это время продолжали готовить резолюции и предложения по совершенствованию механизмов поддержки различных отраслей. Возможно, именно этим объясняется интерес топ-менеджеров бизнеса к занятию руководящих постов в таких ассоциаци-

ях. Помимо уже упомянутой Анастасии Татуловой, ставшей общественным омбудсменом малого и среднего бизнеса, бизнес-ассоциации сегодня возглавляют бизнесмены. К примеру, основатель и председатель совета директоров группы компаний «Р-Фарм» Алексей Репик является президентом Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», а генеральный директор компании «Генериум» (в экспортные интересы которой входит рынок ЕАЭС) Дмитрий Кудлай осенью 2021 г. возглавил «Ассоциацию фармацевтических производителей Евразийского экономического союза».

Не менее активно лоббисты фармкомпаний используют и механизм системы «вращающихся дверей». Так, в Государственной Думе VIII созыва в комитете по охране здоровья работают: владелец производителя антисептика «Мирамистин» («Инфамед К») Андрей Горохов; бывший в 2010-х годах директором некоммерческого партнерства «Уральский биомедицинский кластер» Александр Петров, который с 2017 г. вошел в наблюдательный совет этого производителя лекарств в Свердловской области. Присутствуют представители фармацевтического сектора и в других комитетах Государственной Думы РФ. Например, генеральный директор аптечных сетей «Неофарм» и «Столички» Евгений Нифантьев входит в комитет по промышленности и торговле.

Поскольку эффективность лоббистской кампании во многом определяет личная коммуникация лоббистов с политиками и представителями государственного сектора, т.е. так называемый «нетворкинг», то стоит сделать несколько замечаний относительно трансформации этого процесса в условиях пандемии. Если раньше коммуникационное воздействие на политических стейкхолдеров группы интересов могли оказать на площадках различных форумов и конференций, то теперь этот процесс постепенно мигрирует в сеть. Практически у каждого второго политика имеется минимум один аккаунт в одной из социальных сетей, через который он не только информирует своих подписчиков о проделанной работе и выдвинутых им инициативах, но и осуществляет взаимодействие с избирателями, среди которых присутствуют и лоббисты.

Таким образом установить контакт с субъектом законодательной инициативы лоббист или заинтересованные лица могут и с помощью социальных сетей. Однако в отличие от живого личного общения в сети у обоих участников коммуникационного процесса отсутствует уверенность, что их взаимодействие останется только личным. В большинстве случаев любой пользователь может выяснить (увидеть) круг друзей и подписчиков конкретного пользователя, что уже делает коммуникацию откры-

той для всех. Более того, политики, как и представители государственных органов, стараются избегать в переписке каких-либо четких формулировок, которые в последствии могут быть расценены с точки зрения коррупционной составляющей. А это, в свою очередь, не дает лоббисту уверенности в однозначном решении вопроса, с которым он обращается к политическому стейкхолдеру.

Вывод. Очевидно, что сегодня интернет-технологии прочно и надолго вошли в лоббистскую деятельность, стали неотъемлемым каналом коммуникации групп интересов и политических акторов. В то же время практика свидетельствует, что полностью заменить привычные каналы коммуникационного взаимодействия лоббистов и политиков интернет-технологиям в ближайшие десятилетия не удастся в силу сохраняющихся тенденций и интересов к нелегальному лоббизму. Однако для формализованных практик интернет-технологии стали каналом, повышающим прозрачность взаимодействия лоббистов и представителей государственного сектора. Более того, последний в силу возможностей своего обезличивания все чаще старается использовать информационные функции лоббизма и возможности групп интересов по поставке уникальной информации для принятия стратегических политических решений.

Раздел 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ

5.1. Роль и место политического анализа и прогнозирования в аналитических исследованиях

Аналитика, аналитическая деятельность неразрывно связаны с человеком, это его природное свойство. Начиная с древних времен аналитикой занимаются передовые умы человечества. В ходе своего развития, исторического взросления человечество пришло к выводу, что интеллект — это тот ресурс, который определяет все стороны жизни и деятельности общества. Сегодня, по мнению многих авторов научных исследований, «можно говорить о глобальном интеллектуальном переделе мира, означающем жесткую конкурентную борьбу отдельных государств за преимущественное обладание интеллектуальными ресурсами» [Курносов, 2004, с. 11]. И здесь аналитика незаменима. Это именно тот инструмент, с помощью которого можно разрешить многие проблемы, кажущиеся на первый взгляд, неразрешимыми.

Что вкладывается в понимание термина «аналитика»? Палитра мнений здесь широкая. Часть определений относится не только к сущности, но и к функциям и формам ее проявления. Аналитику можно представить как дисциплину, объединяющую методологию информационно-аналитической работы, организационное обеспечение этого процесса и обеспечение инструментальных средств для ее ведения, включающих в себя анализ и прогнозирование. Если рассматривать базисные процессы, определяющие сущность аналитики, то к числу наиболее значимых процессов можно отнести:

- процесс анализа информационно-аналитической работы;
- процесс сбора информации;
- процесс анализа и оценки информации, включающих сущность наблюдаемых процессов и явлений;
- процесс прогнозирования явлений и событий;
- процесс синтеза нового знания.

Таким образом, аналитика — это основа интеллектуальной, логико-мыслительной деятельности, направленной на решение практических задач. В основе ее лежит не столько принцип констатации фактов, событий и процессов, сколько принцип опережения событий, что позволяет прогнозировать будущее состояние объекта анализа. Таким образом, можно утверждать, что аналитика интегрирует прошлое, вскрывает настоящее и прогнозирует будущее [Курносов, 2004, с.28];

Берем на себя смелость утверждать, что аналитика, аналитическая деятельность являются составляющей и даже весьма существенной, политики, политической деятельности. В настоящее время, когда технологии, прежде всего, информационно-аналитические, являются ведущими в политических процессах современности, овладение ее главными составляющими — политическим анализом и прогнозированием является важной задачей при подготовке современных политиков и политтехнологов. Поэтому представляется важной задача отбора теорий, методов и накопленного практического опыта. Сравнительный анализ учебников и курсов лекций по политическому анализу и прогнозированию показывает существование универсальных и стандартных процедур или методов анализа и прогнозирования для решения широкого спектра современных общественно-политических проблем. Примерами такого подхода можно считать учебник Patton C. and Sawicki D. «Basic Methods of Policy Analysis and Planning» [Patton and Sawicki, 1986], а также «настольную книгу» прикладной политологии «Политология: методы исследования» Дж. Мангейма и Р. Рича [Мангейм, Рич, 1997].

Альтернативный подход делает акцент на специфике проблемных ситуаций, механизмов выработки и принятия политических решений и организационных процедурах, характерных для тех или иных разделов политики. Образцы данного направления принадлежат авторам, имеющим богатый практический опыт работы в структурах принятия политических решений.

Можно выделить учебники, отдающие предпочтение количественным и иным строго формализованным методам и техникам анализа и прогнозирования [Wildavsky, 1987; Gupta, 2001; Hogwood, Gunn, 1984]. Отчетливо понимая определенную ограниченность таких методов и техник, ряд авто-

ров придерживается более взвешенного подхода, учитывающего как количественные, так и качественные методы исследования. При этом внимание уделяется интерпретации полученных результатов. Среди таких учебников можно отметить «Политический анализ и прогнозирование» А. Ахременко, «Политический анализ и прогнозирование» О. Поповой, «Политический анализ и прогнозирование» под редакцией В. Семенова и В. Колесникова [Ахременко, 2006; Попова, 2011; Семенов, Колесников, 2014]

Учебные курсы политического анализа и прогнозирования отечественных и зарубежных вузов предполагают предварительное усвоение студентами таких предметов, как политическая теория, экономическая теория, математика, социология. При подготовке специалистов-политологов и специалистов государственного управления необходимо также опираться на знания, полученные студентами при изучении таких политико-управленческих дисциплин как «политические технологии», «политический маркетинг», «теория принятия политических решений».

Политическая аналитика как профессия и научная дисциплина в России не носят строгий характер, и нередко заменяются на политический анализ. В словосочетании «политический анализ» комментарий требует прилагательное «политический» из-за особенностей русского языка.

В мировой политической науке для обозначения различных сторон терминов «политика», «политический» используют три самостоятельных термина: «polity», «politics» и «policy» [Турунок, 2005].

«Polity» (полития) означает политическую организацию того или иного общества в широком смысле этого слова.

«Politics» означает политический процесс, политическую жизнь в ее динамике. Этот аспект мира политического охватывает деятельность субъектов, участвующих в политической жизни, претендующих на власть или стремящихся повлиять на политические решения. Сюда можно отнести также различные формы политического сознания, политическую культуру, общественное мнение, ценности и цели политической жизни.

«Policy» — это продукт деятельности политической системы, конкретные регулятивные и распределительные решения и действия, которые образуют политику государства, политический курс. Этот термин отражает прикладной аспект политики, который связан с механизмами принятия решений и их реализации, оценкой их эффективности, социальных последствий и т. д.

5.1.1. Политический анализ

Если обратиться к пониманию специфики профессионального политического анализа, то важным здесь представляется указание на «клиентоориентированный характер» этой деятельности. Если в центре внимания находится предоставление клиенту полезного совета, то понимание важности изучения различных техник политического анализа и прогнозирования становится ясным [Турунок, 2005].

Анализ политики не идентичен политическому анализу, но и не относится к сфере «чистой» теории. Это комплексное изучение политической сферы человеческого бытия. В свою очередь, он состоит из фундаментального (собственно анализ политики) и прикладного анализа (анализ для политики). То есть, сам термин «анализ политики», скорее, применим в случаях широких обобщений, и характеризующих некий, не ограниченный временными и иными рамками, процесс познания политической сферы.

В политологической практике понятие «анализ» всегда требует (и получает) дополнительные характеристики, которые, по меньшей мере, позволяют его отнести к какому-то из двух существующих типов политологического анализа — либо фундаментальному, либо прикладному. Поэтому, говоря о политическом (политологическом) анализе, следует иметь в виду именно эти два типа анализа, а не анализ политики в целом.

Политический анализ позволяет выявить строение исследуемого политического события, его структуру, отделить существенное от несущественного. Анализ развивающегося политического процесса дает возможность выделить в нем различные этапы и противоречивые тенденции.

Целью политического анализа является познание частей как элементов политических явлений, процессов, событий, их изучение в качестве относительно самостоятельных сущностей.

Основоположником современного политического анализа принято считать выдающегося мыслителя эпохи Возрождения Н. Макиавелли. В дальнейшем качественное совершенствование политического анализа происходило в более широком контексте социальных наук в целом, в терминах непреложных закономерностей и причинно-следственных связей (О. Конт, К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи, затем Э. Дюркгейм, В. Парето, Г. Моска и др.). При этом в политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал, в то время как политология англосаксонских стран, особенно США, развиваясь в русле позитивизма, во все более растущей степени

претендовала на статус точной науки наравне с естественными науками [Гаджиев, 1998, с. 503].

В 60–70-х годах прошлого века произошел новый скачок в развитии политического анализа. Во-первых, он стал общепризнанным научным термином и оформился как самостоятельный подход. Во-вторых, произошло развитие количественного анализа статистических показателей результатов политики, в дополнение к традиционному качественно-историческому методу. В-третьих, в изучении формирования политики большое внимание стало уделяться практической реализации этой политики.

Американская программа 1960 г. «Великое общество», разработанная федеральным правительством, стимулировала как прикладной, так и фундаментальный политический анализ. Развитие прикладного стимулировалось требованиями причинных моделей и качественными сравнениями действительности с обещаниями. Развитие фундаментального, в свою очередь, — разработкой лучшего понимания реализации политики; обсуждением основ формирования политики и условий, в которых должны проводиться исследования.

Позже, начиная с середины 70-х гг., вторая фаза исследований в сфере политического анализа повлияла на первую, пытаясь, например, сконструировать модели для лучшего описания того, как политический процесс работает в действительности, а не продолжать использовать старые модели, критикуемые за их центризм и узость в рассмотрении проблемы.

Завершая этот небольшой исторический экскурс, необходимо отметить особую роль социологии в политическом анализе. Не случайно Д.Б. Мангейм и Р.К. Рич заметили, что «самые первые профессиональные политологи получали не столько философское, сколько социологическое образование» [Мангейм, Рич, 1997, с. 23].

Некоторые ученые склонны выделять политическую социологию как самостоятельную отрасль в рамках политологии. Однако, в итоге, и они сходятся на том, что предмет и методы политологии и политической социологии практически не отличаются. Это важно иметь в виду, так как в области аналитической политологии сегодня активно используются категории политической социологии.

Дадим определение политическому анализу: политический анализ является особой прикладной дисциплиной со своим предметным полем и иными особенностями. Вместе с тем он выступает и единой исследовательской основой всех прикладных субдисциплин.

Таким образом, от представления о политическом анализе как тождественном анализу политики мы постепенно пришли к четкой и достаточ-

но жесткой формулировке, относящей его исключительно к сфере прикладной политологии, при этом не в качестве метода, а в качестве прикладной дисциплины.

Чтобы обозначить его (ее) основные особенности и отличия, позаимствуем наиболее удачную, как представляется, систематизацию, предложенную А. И. Соловьевым [Соловьев, 2014, с. 431].

Прежде всего, прикладной анализ ориентируется на описание и изучение конкретной стоящей перед субъектом проблемы, в отличие от теоретической политологии, которая организует свой корпус знаний путем выделения свойств и признаков определенного круга (класса) явлений, их логической взаимосвязи, дающей возможность объединять рассматриваемые объекты в некую социальную целостность.

Прикладной анализ формирует свои представления на основе практических запросов субъекта, которые не простираются дальше конкретной задачи. В качестве проблем, подлежащих политическому анализу, могут выступать только те социальные конфликты и противоречия, которые обладают существенным для общества значением, прямо или косвенно влияют на деятельность органов управления, других политических акторов, т.е. имеют публичный характер и обладают определенной степенью важности.

В силу конкурентной природы политической сферы и различного видения той или иной ситуации представителями соперничающих сил, интерпретация одних и тех же событий приобретает неоднозначный характер. Оценка конкретной ситуации задается не только аналитиком, но и тем лицом, которое должно решить указанную коллизию в соответствии со своим местом и ролью в политическом процессе. Иными словами, структура и содержание политического анализа изначально формируются не только в результате аналитического описания субъектом-исследователем каких-либо событий, но и под влиянием явно или неявно присутствующей фигуры заказчика.

Чаще всего в сфере политической власти трактовка тех или иных событий, придание конфликтам определенной направленности, и соответствующие целевые установки, исходящие от заинтересованных лиц, определяют не только характер использования получаемых результатов аналитической работы, но и важнейшие установки самого исследования. То есть, технолог-аналитик выступает в роли специалиста, интерпретирующего ситуацию (событие) и формирующего практические рекомендации в соответствии с потребностью отдельного лица или группы лиц, заинтересованных в целенаправленном воздействии на нее.

Зависимость от интереса клиента предусматривает возможность отхода аналитика от своих профессиональных целей и полного или частичного подчинения этим интересам.

Поскольку политический анализ принципиально сориентирован на отражение уникальных, единичных событий и ситуаций, и поскольку знания аналитика не всегда обладают универсальной достоверностью и в принципе не претендуют на обобщенный характер, то в чисто содержательном плане результаты анализа могут частично выходить за рамки науки.

В силу чрезвычайной сложности любой конкретной ситуации ее политическая оценка обычно дополняется применением психологических, социологических, антропологических, культурных и иных способов анализа. Основные трудности применения политического анализа связаны с умением взаимоувязывать различные подходы и техники исследования ситуации, состыковывать выводы и информацию, полученную в результате применения качественно различных методик.

Скорость аналитического овладения проблемой становится иногда определяющим фактором ее решения.

Существует мнение, следуя которому, исследование политики лучше считать не множеством наблюдений или теорий, а процессом сбора и интерпретации информации в конкретно заданной области политики [Kerlinger, 1963, p. 13].

Каким образом, в какой последовательности должен происходить аналитический процесс? Принципиально различных точек зрения на этот счет не существует. В индивидуализированных подходах всегда присутствует один и тот же набор необходимых составляющих — этапов, пренебрежение которыми резко снижает ценность исследования, либо вообще делает его недостоверным.

Так, американские ученые Дж. Б. Мангейм и Р. К. Рич выделяют следующие этапы: концептуализация проблемы, моделирование проблемы, составление программы исследования, выбор методов исследования.

Каков результат политического анализа? Он может иметь различное выражение и форму — от подробного аналитического доклада или записки, с диаграммами, графиками и таблицами, до краткой конкретной рекомендации либо совета по частному вопросу. Как правило, форма, и объем зависят от пожеланий структуры или лица, заказавших анализ. В то же время бывают политические ситуации столь неясные и противоречивые, когда выполнить их анализ, необходимый заказчику, представляется невозможным. В этом случае профессиональная обязанность

политического аналитика — своей работой в максимально возможной степени понизить «уровень неопределенности» ситуации — дать ее характеристики, первичный прогноз развития, варианты поведения «включенных» в эту ситуацию акторов. Это может быть даже сама формулировка проблемы, но в таком виде, чтобы она хотя бы отчасти проясняла позиции заказчика [Соловьев, 2014, с. 440].

5.1.2. Политическое прогнозирование

Не менее важными в аналитической деятельности представляются место и роль политического прогнозирования. По существу, это второй, после политического анализа, этап аналитической работы. Третьим этапом является процесс принятия политического решения, который завершает полный аналитический процесс.

Человек всегда стремился «приподнять завесу грядущего» и предвидеть ход событий, т. е. сделать прогноз.

Под прогнозом понимают научно обоснованное суждение, направленное на уменьшение неопределенности будущего и имеющее целью выбор наиболее рациональных практических решений. Прогноз — вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой степенью достоверности.

Практика управления социальными и политическими процессами подтверждает: чем выше уровень прогнозирования, тем эффективнее, результативнее планирование и управление.

Добиться стабильности политической системы, развить у нее способность адаптироваться к внутренним и внешним изменениям, реагировать на импульсы и требования социальных групп, отражать и согласовывать их интересы невозможно без умения научно предвидеть ход и развитие политических процессов. Если претендовать на политическое руководство, надо уметь предвидеть политические события, уметь анализировать то, что должно произойти.

Прогнозирование — это процесс разработки прогнозов.

Прогнозирование — составная часть функции управления, предшествующая планированию и предназначенная для проработки исходных данных при разработке планов.

Прогнозирование охватывает все сферы жизнедеятельности людей. Одним из важных направлений прогнозирования является политическое прогнозирование.

Объектом политического прогнозирования выступает политика, а предметом — познание возможных состояний политических событий, явлений, процессов.

Научная дисциплина о закономерностях разработки прогнозов — «прогностика» имеет своим предметом исследование законов и способов прогнозирования. Прогноз нельзя смешивать с другими формами отношения к будущему, какими являются, например, идеалы, планы, программы, проекты, гипотеза и т. д. Напротив, он призван их обогащать. Прогноз дает представление о возможности реализации политических целей, о предполагаемой эффективности запрограммированных мероприятий. Особенностью прогнозирования в отличие, например, от планирования является его вероятностный характер. В современном мире точно предсказать будущие события, ситуацию практически невозможно, т.к. она полна неопределенностей. Прогнозирование не претендует на временную точность, поскольку ритм политических событий не задан наперед.

Практика прогнозирования позволяет сделать вывод о том, что прогноз — это не столько углубление в будущее, сколько проникновение в глубь сегодняшнего дня и дня вчерашнего, это разведка, имеющая целью обнаружить зарождающуюся тенденцию с тем, чтобы спроецировать их в будущее. Политический деятель, желающий успешно реализовать определенные программы, планы, решения, должен с помощью прогноза ответить прежде всего на следующие вопросы: как будет изменяться политическая ситуация до осуществления предусмотренных планов? Сколько потребуются времени от начала их проведения до первых ожидаемых результатов? Как изменилась бы ситуация, если бы мероприятие не было проведено? Прогностический ответ на эти вопросы может привести политического деятеля к тому, что предусмотренные им политические акции могут быть модифицированы или полностью заменены другими.

Политические события никогда не характеризуются однозначной заданностью, они всегда в процессе становления, и при этом существенную роль играет деятельность человека. Поэтому можно заметить, что в прогнозе переплетаются как объективные, так и субъективные элементы. Прогноз политических событий направлен на выявление того, что произойдет в результате определенной человеческой деятельности при существующих или зарождающихся тенденциях общественного развития. Следовательно, прогнозирование нельзя сводить только к установлению той или иной степени вероятности события, ибо основу прогнозов составляют не только законы теории вероятности, но и законы детерминизма.

Любой серьезный политик в своем сознании связывает себя с будущим, которое имеет для него много аспектов. В будущее он переносит свои цели, планы, проекты, программы, волевые намерения, а каждая цель есть проецируемая в будущее программа действий. Нормы и идеалы также ориентированы на будущее и представляют собой проецируемый на будущее порядок, определяющий действия людей в современных условиях. Но само будущее людей — это также область того, что является исторически неизбежным или исторически вероятным. Задача прогнозирования и состоит в том, чтобы исследовать эту область. Это должно дать людям знание относительно будущего, разъяснить, насколько оно исторически необходимо, вероятно или неизбежно. Во времена Аристотеля знали только одну дилемму: истина или ложь. Позднее выяснилось с полной достоверностью: есть третий вариант — вероятное, возможное. Утверждение обрело гипотетичность.

В то же время сам по себе прогноз не предусматривает активного воздействия на социально-политические процессы, он не связан непосредственно с конкретным решением перспективных политических проблем, по сравнению, например, с планом. Вместе с тем он обладает большей шириной диапазона возможных альтернатив, более высоким порядком многовариантности, позволяет учитывать взаимоисключающие варианты.

Практика управления социально-политическими процессами показывает, что чем выше уровень прогнозирования, тем эффективнее, результативнее планирование и управление. Для органов политического руководства иметь научно обоснованные прогнозы — значит предвидеть ход развития политических событий. Поэтому в самом общем виде политическое прогнозирование можно определить как опережающее отражение политической действительности. Основная причина, побуждающая политического деятеля заниматься прогнозированием, состоит в том, чтобы просчитать и смоделировать результаты принимаемых политических решений на определенном отрезке времени.

Предмет политического прогнозирования — познание возможных состояний политических событий, явлений, процессов. В связи с этим различают внутривнутриполитическое и внешнеполитическое прогнозирование. В сферу внутривнутриполитического прогнозирования входит все содержание внутренней политики. В то же время здесь необходимо различать два аспекта. Один связан с прогнозными оценками конкретных политических событий, другой — охватывает деятельность политических институтов общества. На основе внешнеполитического прогнозирования оценивается общая обстановка в мире, регионе, стране, изучаются тенденции,

направления развития и определяющие их факторы, делаются попытки оценить новые возможности факторов развития.

Таким образом, возможность политического прогнозирования, его объективная основа состоит во взаимосвязи прошедшего и настоящего. Важнейшим фактором прогнозирования является действие законов — тенденций в политической сфере, откуда следует необходимость глубокого знания их системы, механизма действия и использования.

Прогнозирование является одной из составляющих любого познания, любой науки, в том числе и политологии. Интерес к проблеме прогнозирования переживает в настоящее время в России очевидный подъем.

Прогнозами занимаются аналитики-политологи, многочисленные аналитические институты, государственные деятели, журналисты и др.

При прогнозировании актуальным является вопрос о социальной ответственности аналитика за результаты своего исследования, которыми можно распорядиться по-разному. Тем более это актуально для политологии, так как на знаниях, полученных в этой области, строятся конкретные политические решения, а затем действия, которые определяют развитие всего общества, жизнь реальных людей.

5.2. Социально-политическая ситуация в «новой реальности»

5.2.1. «Новая реальность» и социально-политическая ситуация

Современная общественная и политическая жизнь характеризуется кризисными состояниями, цифровыми нововведениями, обесцениванием и отсутствием четких морально-нравственных ориентиров, возникновением новых рисков. Особенно оказывают воздействие на объективную реальность, создавая и поддерживая «новую реальность» («новую нормальность»), неразрешенные проблемные вопросы относительно мира и войны, социального неравенства, экологии, пандемии, демографии, миграции, независимости СМИ.

«Новая реальность» — это новая жизнь, сложившиеся современные условия, обстоятельства, в которых ключевыми являются противостояние, столкновение с кем-то, постоянное преодоление трудностей, поддер-

жание высокого уровня тревожности в обществе, всеобщее подчинение, дистанционный образ жизни, отсутствие ориентиров на будущее, турбулентность, нестабильность, цифровой контроль.

Специфичность состояния «новой реальности» определяется потребностью в наличии полной, достоверной информации о социальных и политических процессах для принятия превентивных мер реагирования на различные угрозы, что усложняет анализ социально-политической ситуации.

Сегодня отсутствует единая трактовка социально-политической ситуации, что показывает многоаспектность этого понятия. Г.М. Евелькин социально-политическую ситуацию рассматривает как «характеристику отношений, формирующихся между обществом и властью в конкретных исторических условиях» [Евелькин, 2014, с. 47].

С точки зрения И.В. Котлярова социально-политическая ситуация — многомерное понятие, которое можно трактовать и как результат взаимодействия факторов и условий, политической и социальной деятельности общества, и как состояние социально-политических отношений, индикатор происходящих в государстве и обществе процессов, и как «систему единства индивидов, социальных общностей, социальных организаций и их связей и отношений друг с другом» [Котляров, 2018, с.17–18].

Таким образом, социально-политическая ситуация может быть представлена как процесс в рамках системы взаимоотношений между различными субъектами с их целями, задачами, потребностями с учетом воздействующих на них факторов, и как результат этого процесса, имеющий историческое, пространственно-временное измерение.

Содержание взаимоотношений между субъектами социально-политической сферы отражается посредством количественных и качественных показателей отношения населения к курсу и результатам государственной политики, государственным структурам, социальным и политическим институтам, политическим лидерам, реализации государственных структурами демократических норм, а также причинами и уровнем политических, экономических, социальных, культурных, религиозных, этнических противоречий участников ситуаций. Поэтому оценки социальными группами друг друга, деятельности политической власти любого уровня через призму удовлетворенности и неудовлетворенности своих потребностей, текущим состоянием в государстве являются определением точек социальной напряженности, устойчивости, стабильности как результата социально-политической ситуации.

5.2.2. Мировые индексы социально-политической ситуации

«Новая реальность», влияющая на социально-политическую ситуацию, характеризуется происходящими событиями и подтверждается результатами рейтингов, статистических данных, при этом используются так называемые «индексы восприятия» и «объективные индексы». Проблема в том, что указанные индексы недостаточно объективны, так как некоторые экспертные оценки имеют и могут иметь зависимость от информации из различных источников, существующего предубеждения о внешней и внутренней политики государств, деятельности политических и общественных лидеров. Статистические данные, результаты социологических исследований центров исследования общественного мнения также не всегда четко отражают ситуацию в силу необходимости поддерживать заинтересованные группы влияния в определенных итоговых оценках.

В любом случае результаты мировых и национальных «индексов восприятия» и «объективных индексов» являются источником формирования общественного мнения, и в итоге эти индексы сами становятся фактором, формирующим социально-политическую ситуацию.

Мировые индексы, характеризующие социально-политическую ситуацию в «новой реальности», демонстрируют уровень и конкурентоспособность страны в мире, являются имиджформирующей информацией, обосновывают оценку происходящих экономических, социальных, политических процессов в государстве, деятельности правительства, повышают или снижают уровень доверия к власти.

Значимыми для формирования общественного мнения являются мировые индексы экономического состояния развития государств, к которым относят популярные индексы Всемирного банка, Американского исследовательского центра «Фонд наследия», Bloomberg, журнала Forbes.com (уровень безработицы, бедности, инфляция, ведение бизнеса, экономическая свобода и другие).

Показательны индексы уровня и качества жизни в Numbeo, в ежегодных отчетах Международной консалтинговой компании в сфере человеческих ресурсов Mercer, в Программе развития ООН (качество и продолжительность жизни, покупательская способность, безопасность, здравоохранение, стоимость жизни, стоимость жилья, отношение цены недвижимости к доходу, климатический, качество пенсионных программ, уровень зарплат, уровень рождаемости и смертности).

Также уровень и качество жизни отражается в индексах счастья (доклад ООН «World Happiness Report»), инклюзивного развития (Inclusive Development Index), которые характеризуют общее экономическое состояние в стране, благосостояние и возможности населения.

Индексы безопасности представлены в Глобальном индексе безопасности здравоохранения и связаны с оценкой эффективности здравоохранения. Global Terrorism Index показывает степень террористических угроз, статистика Numbeo – уровень преступности.

Индексы экологического состояния Центра экологической политики и права при Йельском университете, швейцарской компании-производителя систем очистки воздуха IQAir (загрязнение окружающей среды, качество воздуха, качество питьевой воды, здоровье населения, нагрузка экономической деятельности на окружающую среду, эффективность государственной политики в области экологии) также в сравнительном разрезе создают позитивное или негативное впечатление о стране.

Не в меньшей степени для характеристики социально-политической ситуации представляют интерес индексы эффективности правительства Всемирного банка, уровня доверия людей к политикам Всемирного экономического форума, верховенства закона стран мира Международной неправительственной организации World Justice Project, демократии исследовательской компании The Economist Intelligence Unit, уровня развития электронного правительства ООН, качества элит Университета Санкт-Галлена.

Безусловно, показатели мировых индексов создают не только частное, но и коллективное впечатление о стране в сравнении с другими, и в итоге могут подтолкнуть часть населения к эмиграции в поисках лучшего места для проживания, усилить пассивную или активную удовлетворенность, неудовлетворенность массовых политических настроений.

Что касается представления России в мировых индексах, то за годы пандемии, например, по данным «Фонда наследия» по индексу экономической свободы в 2021 году страна находилась на 92 позиции из 108 по степени свободы как преимущественно несвободная [Рейтинг..., 2021]. Такая позиция определяется высоким уровнем правительственного вмешательства, предвзятостью судебной системы в пользу государства, присутствием коррупции и безнаказанности, проблемами инвестиционной и финансовой свобод, незащищенностью прав собственности. При этом бизнес-климат в России достаточно удовлетворительный, и показателем этого является 28 место из 109 по легкости ведения бизнеса [Рейтинг..., 2020],

Всемирный банк по уровню безработицы в 2020 году Россию определяет на 107 место (5,7 %) из 206 стран [Рейтинг..., 2020], и, согласно Росстату, уровень безработицы на этот период — 5,8 % [Труд..., 2021, с.14], что показывает относительную стабильность и отсутствие явной социальной напряженности в сфере труда.

Согласно индексу качества жизни по странам, представленного на сайте Numbeo, Российская Федерация в 2022 году занимает 70 позицию из 87 [Индекс..., 2022]. Причинами такой позиции являются невысокие показатели в отношении покупательской способности, стоимости жизни, здравоохранения, высокий уровень загрязнения.

Надо отметить, что по уровню экологии согласно результатам исследования Центра экологической политики и права при Йельском университете в 2020 году Россия находится по 22 показателям на 58 позиции из 108 [Рейтинг..., 2020], то есть, имеет средний показатель по сравнению с другими странами, что, конечно, не снижает имеющиеся экологические проблемы на территории страны, которые в последнее время становятся причиной социальной напряженности и активных экологических протестов.

В индексе безопасности по уровню терроризма («Global Terrorism Index») Россия в 2020 году стояла на 30 месте из 135 [Рейтинг..., 2020], а по индексу преступности и безопасности Numbeo — 86-я из 137, где индекс преступности составляет 39,99 %, а индекс безопасности — 60 % [Рейтинг..., 2021], показывает пограничное положение между низким и умеренным уровнем, то есть, со стороны внешних экспертов Россия достаточно небезопасная страна для туристов и населения.

По индексу демократии (The Economist Intelligence Unit) по результатам экспертных оценок, опросов населения в 2021 году Россия находилась на 124 месте из 167 с обозначением политического режима как авторитарного [Рейтинг..., 2021]. По всем категориям этого индекса, а именно — избирательный процесс и плюрализм, деятельность правительства, политическое участие, политическая культура, гражданские свободы — у страны низкие и средние показатели, которые, несмотря на негативную оценку деятельности правительства, характеризуют социально-политическую ситуацию при указанном режиме относительно стабильной, так как уровни политической культуры (3,7 %), политического участия (4,4 %) в обществе могут быть причиной политических изменений.

Относительную стабильность подтверждает и индекс качества элит Университета Санкт-Галлена 2021 года. Российская элита заняла 65 место из 151 с индексом 48,9 [Рейтинг..., 2020] по способности продвигать интересы страны и влиять на ее развитие.

Российские позиции в мировых индексах показывают, в основном средний результат, то есть, по показателям страна не лидирует. Конечно, по каждому показателю индексов имеются слабые стороны, например возможности реализации гражданских свобод, отсутствие чувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне, что связано с гарантией занятости, проблема стабильности семей и коррупции. В целом по совокупности представленных индексов с учетом занимаемых Россией позиций определяются возможные причины социальной напряженности в зависимости от неразрешенных проблем, касающихся коррупции, качества жизни, экологии, экономических свобод, реализации демократических процедур, безопасности, преступности. В итоге неразрешенность этих проблем является результатом и показателем участия деятельности политической власти. Для объективности и более глубокого понимания социально-политической ситуации в государстве необходимо рассматривать показатели мировых индексов в сопоставлении с национальными.

5.2.3. Национальные индексы социально-политической ситуации

Более конкретные характеристики социально-политической ситуации в государстве показывают национальные индексы, так как анализируются данные по каждому региону.

Индекс социально-экономического состояния регионов на основе статистических данных Минфина, Федерального казначейства, Росстата в 2021 году учитывал показатели масштаба, эффективности экономики, бюджетной и социальной сферы. Стабильно по этим показателям лидируют Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ, Московская область, Республика Татарстан [Рейтинг...,2021]. Между лидерами и субъектами, занимающими последние позиции, существенный разрыв в баллах по вышеуказанным показателям. Например, Москва-Санкт-Петербург имеют 83 и 80 баллов соответственно, а Еврейская автономная республика – 10 баллов, Республика Тыва – 12 баллов. Разница в 70 баллов по социально-экономическим показателям обостряет ситуацию в регионах по степени неудовлетворенности распределением бюджета как федеральным центром, так и на региональном уровне, уровнем заработных плат, и, соответственно, качеством жизни в целом, которое характеризуется и в этом индексе продолжительностью жизни.

Социально-экономическое состояние сопряжено с качеством жизни регионов, так как рассматривается с позиций экономического состояния и развития субъектов. Рейтинг качества жизни регионов агентства РИА показывает, что по качеству жизни лидерами также являются Москва и Санкт-Петербург, сильно отстающими – опять Еврейская автономная республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва с разницей 60–50 баллов. Качество жизни характеризуется показателями уровня дохода населения, занятостью населения, жилищными условиями, демографической ситуацией, экологическими условиями, безопасностью, качеством здравоохранения и образования, социальной и транспортной инфраструктурой [Рейтинг..., 2022]. Следует отметить, что по индексу качества жизни в 2020 году указанные субъекты занимали те же позиции, что указывает на отсутствие существенных изменений, происходящих в последнее время на территории регионов.

Однако по уровню тревожности лидирующие регионы (Москва, Санкт-Петербург) оказались самыми «встревоженными» не политическими событиями в стране, а введением QR-кодов, страхом заражения коронавирусом и вакцинации, быстрым ростом цен [Рейтинг..., 2022]. В группу «невозмутимых» попали регионы, которые по качеству жизни далеко не лидирующие, в том числе Еврейская автономная республика, Республика Тыва, Карачаево-Черкесская Республика. Их отличает, по мнению исследователей, невключенность в общую повестку страхов и в большей степени – обеспокоенность проблемами регионального уровня.

В таком случае, социально-политическая ситуация характеризуется в первую очередь тревогами, связанными с эпидемиологической ситуацией, хотя такие социальные проблемы, как социальное неравенство, высокая смертность населения, преступность в связи с пандемией значительно обострились.

5.2.4. Эпидемиологический фактор социально-политической ситуации

Остроту эпидемиологической обстановки в мире представляет каждодневная статистика заболевших COVID-19 на официальных сайтах государств, ЕРБ ВОЗ. Интересным является то, что еще в 2019 году согласно результатам Индекса безопасности здравоохранения были сделаны выводы о полной или частичной неготовности исследуемых стран даже с высоким уровнем дохода к эпидемиям и пандемиям. Россия ока-

залась в группе стран со средним уровнем медицинской подготовки [Глобальный..., 2019].

На основании доклада о состоянии демократии в мире в 2021 году прослеживается связь использования пандемии во многих странах в качестве предлога введения официально ограничительных мер, что в свою очередь нарушает права и свободы граждан [Democracy..., 2021], усиливает автократию и способствует возникновению у населения относительной депривации.

Пандемия также повлияла на экономический рост стран мира, например, в 2020 году Россия по темпу прироста ВВП занимала 73-е место [Экономический..., 2020]. В том числе объективными причинами ухудшения экономического положения страны являются санкционные войны в отношении России, организованной рядом государств, уровень коррупции.

Так, по Индексу восприятия коррупции в 2021 году Россия заняла 136 место, а в 2020 году была на 129 позиции из 180 [Индекс..., 2021]. Для сравнения по данным МВД России за период январь-октябрь 2021 года было зарегистрировано преступлений коррупционной направленности 30929, что больше на 12,2% по сравнению с 2020 годом за такой же отчетный период [Состояние..., 2021, с. 6]. Такие показатели связывают с неэффективностью проводимых антикоррупционных мер и ростом коррупции в системе здравоохранения в период пандемии.

Как следствие пандемии, меры профилактики коронавирусной инфекции придали ускорение цифровизации, вынудили организации внедрить цифровые технологии для удаленной работы. В результате цифровизации некоторым компаниям удалось развить бизнес, образовались гибридные бизнес-модели, широко применяется смешанное — офлайн и онлайн обучение в высших учебных заведениях, совершенствуется процесс доставки товаров и предоставления государственных услуг гражданам.

Однако отмечают отрицательные последствия цифровизации для российской экономики и общества: сокращение количества рабочих мест, цифровое мошенничество и пиратство, проблема безопасности конфиденциальной информации, цифровая зависимость — отказ от живого общения.

В настоящее время цифровые технологии определяют «новую социализацию» в сетевом обществе, так как «социальная виртуальность оказывается реальной социальной силой, влияющей на способ жизнедеятельности людей. Сетевое общество становится существенным социальным институтом, влияние которого активно распространяется на все стороны жизнедеятельности современных людей» [Саяпин, 2016, с. 147].

По Индексу готовности к сетевому обществу по странам в 2021 году Россия занимает 48 место из 134 [Индикаторы..., 2021, с.21], индекс развития электронного правительства по странам показывает 36 позицию России из 138. [Индикаторы..., 2021, с.32]. Такие показатели заставляют не снижать темпы цифровой трансформации, чему способствует принятая национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Таким образом, эпидемиологический фактор является доминирующим в общественной, экономической, политической, информационной сфере, что отражается на состоянии социально-политической ситуации.

5.2.5. Индикаторы социально-политической ситуации

Исследования общественного мнения позволяют определить основные индикаторы социально-политической ситуации, ведущим из которых является индикатор уровня доверия к политикам, государственным институтам. На основе рейтинга доверия политикам 2022 года россияне традиционно доверяют В.В. Путину, В.М. Мишустину, не доверяют Д.А. Медведеву, В.В. Жириновскому [Доверие..., 2022]. Возможно, такой уровень доверия объясняется активными действиями президента и премьер-министра, связанными с социальной поддержкой, защитой населения и управляемостью ситуацией во время пандемии, привлекательным образом В.В.Путина в СМИ, принятием политических решений и отстаиванием позиций на международном уровне в пользу России.

Одобрят деятельность правительства 55 % респондентов, а Государственной Думы — 45 % [Одобрение..., 2022]. Процент одобрения правительства можно соотнести с уровнем доверия председателю правительства В.М. Мишустину, а недоверие в 51 % Госдуме — с не совсем позитивным отношением к депутатам.

В целом наблюдается стабильность по уровню доверия к президенту и премьер-министру.

Следующим индикатором можно выделить индикатор отношения к власти. По результатам исследования Левада-Центра (признанного иноагентом на территории России) в 2021 году 56 % российских граждан оценивают людей, находящихся у власти, как заинтересованных собственной карьерой и материальным благополучием, не учитывающих интересы людей, трактующих законы в свою пользу [Люди..., 2021]. Такое отноше-

ние населения к власти всех уровней связано, по мнению исследователей, с высоким уровнем неудовлетворенности и неоправдываемыми ожиданиями от государственных структур, частотой демонстрации в СМИ информации о коррупции, некорректных высказываниях в отношении населения чиновников высокого ранга, невыполненными обещаниями представителей власти.

В период пандемии индикатор деятельности правительства по решению социальных проблем в большей степени отражает реализуемую антикризисную социальную политику. На основании измерений, проведенных в сентябре 2020 года, позитивно настроенного населения в отношении экономических реформ стало больше по сравнению с 2018–19 гг. [Социальное..., 2021, с. 11]. Это связывают с проводимыми правительством мероприятиями по социальной защите, помощи и поддержке различных категорий граждан, экономической сферы, малого и среднего бизнеса в период пандемии. В 2020 году отмечается масштабность принятия решений и их реализации в рамках социальной политики.

Индикатор «COVID-тревожности». В 2020–2022 гг. основным источником тревог является пандемия. В начале ее объявления «доминирующими тревогами массового сознания стали «дороговизна жизни», «экологическая обстановка», «безработица», «повышение цен на продукты питания» и «повышение тарифов на услуги ЖКХ» [Российское..., 2020, с. 12]. От четверти до почти трети российского социума волновали проблемы «разделения общества на богатых и бедных», «произвола чиновников», «личной безопасности и близких» [Левашов, 2021, с. 15].

В «Проекте корона ФОМ», запущенном ФОМ с начала пандемии замерялись знания, информация о коронавирусе, тревоги населения, применяемые меры со стороны правительства, происходящие изменения, нормализация жизни и другое. Был отмечен рост уровня недоверия к информации о пандемии, в период с начала апреля к сентябрю показатель с 33 % вырос до 47 % [Социология..., 2021, с. 97].

В 2021 году превалирует беспокойность введением QR-кодом, в 68 регионах население боится вакцинации, в 46 субъектах — страх заразиться коронавирусом [Рейтинг..., 2021]. Однако россияне также беспокоятся о состоянии здоровья близких, о начале мировой войны, произволе властей, беззаконии [Страхи, 2022]. Тревоги в отношении пандемии связаны с ковидной повесткой в СМИ и соцмедиа, а именно — с каждодневными сообщениями о росте заболеваемости, темами появления новых штаммов вируса «Дельта», «Омикрон», с масштабом распространения болезни, с обсуждением на уровне правительства введения ковид-паспортов

и QR-кода, инструкции и рекомендации, как обезопасить себя от вируса, отсутствие определенности в планировании на будущее.

Тревожность порождает и поддерживает у населения неудовлетворенную потребность в безопасности, поэтому следующим индикатором следует отметить индикатор безопасности. Содержанием этого индикатора являются события, связанные с расстрелами в образовательных учреждениях в Казани, Перми, жестокими преступлениями в отношении детей, уровнем медицинского обслуживания в период пандемии, с недоверием к вакцинам против коронавируса, экологическими проблемами, информационной незащищенностью, в том числе внешними угрозами со стороны НАТО.

В индикатор социального неравенства и благополучия входят индексы качества жизни, тревожности, а также удовлетворенности и неудовлетворенности жизнью. Например, к концу 2020 года 47 % респондентов были удовлетворены или частично удовлетворены жизнью [Социальные..., 2021], что представляет достаточно обобщенную оценку, которая не конкретизируется показателями.

Во время пандемии в 2021 году отмечается рост среднедушевых доходов населения на 13,3% [Доклад..., 2021, с. 41], рабочих мест в неформальном секторе до пандемического уровня 19,6% [Доклад..., 2021, с. 43]. Однако наблюдается также и рост бедности [Доклад..., 2021, с. 46]. Социально-экономическое-неравенство увеличилось, так по оценке Forbs значительно выросло состояние миллиардеров в России с 392 до 454 млрд долларов [Российские..., 2020], то есть тезис «богатые становятся еще богаче, бедные — беднее» подтверждается в «новой реальности».

Следующий индикатор ограничений свобод и прав с 2020 года связан с введением самоизоляции, обязательным ношением масок и перчаток, социальной дистанцией, различными запретами на передвижения, отменой плановых медицинских услуг, введением QR-кода.

Ограничительные и запретительные меры в связи с коронавирусной инфекцией со стороны органов власти содержали и продолжают содержать различные предписания для населения, характерные для чрезвычайной ситуации. Часть населения, по собственному убеждению, или под напором административных мер приняла такие ограничения, несогласные выполнять меры санитарно-эпидемиологического характера и протестующие против них становятся так называемыми ковид-диссидентами.

С одной стороны, проявляется солидарность и согласие с действиями власти, с другой — солидарность в протестах. Протестная солидарность заставляет органы государственной власти принимать меры социальной

поддержки в отношении финансово уязвимых социальных групп, снижать и смягчать запреты.

При этом индикатор протестов показывает, что на возможность протестов в 2021 году указывали 30 % респондентов, при этом готовы принять участие в них 17–21 % [Положение..., 2021]. Такой же процент возможности протестов отмечается в феврале 2022 года, и высокий процент (70 %) протестного потенциала [Протестный..., 2021]. Низкая протестная активность может быть связана с аполитичностью, со страхом потерять рабочее место, за которое россияне держатся. Также значимым является отсутствие информационного повода, проявление протестных настроений в онлайн формате, локальность протестов в г. Хабаровске в поддержку экс-губернатора С. Фургала, Республике Башкортостан в защиту горы Куштау, г. Екатеринбурге, г. Санкт-Петербурге против введения QR-кодов.

При этом имеется отклик в ответах респондентов на январские события в Казахстане при вопросе о странах, где возможно повторение такой протестной активности, в большинстве ответов звучала Россия [Следующая..., 2022]. Исследователи Левада-центра (признанного иноагентом на территории России) объясняют такой ответ возможностью российских респондентов проецировать собственные проблемы роста цен и ухудшения качества жизни на реальность другой страны. При этом протестный опыт в Беларуси отсутствовал в массовом понимании россиян. В итоге ожидание протестов в обществе имеется, но желания принять в них участия нет.

И, как результат происходящих событий, необходимо отметить индикатор неопределенности. Сегодня нормой стали отсутствие планирования на будущее, динамичная нестабильность цен, очередные волны пандемии, высокий уровень тревожности, пессимизм в отношении будущего. В массовом сознании укрепляется установка «помоги себе сам». В итоге, с одной стороны, неуверенность в завтрашнем дне обострена, с другой — отмечается адаптированность населения к такой ситуации.

Безусловно, вышеперечисленные индикаторы взаимообусловлены, содержат показатели традиционных и новых норм состояния общества, а в комплексе с итогами мировых и национальных индексов являются отличительными оценками относительной стабильности социально-политической ситуации во время пандемии.

5.3. Анализ идентификационных процессов в российском обществе: основные подходы

5.3.1. Актуальность исследования идентификационных процессов в контексте социально-политических изменений

Изменение характера социально-экономических и социально-политических отношений в начале 21 века, ускоренная цифровизация всех сфер жизни и, как следствие, виртуализация социальных отношений и информационной среды ослабили действие механизмов функционирования и воспроизводства культуры — этого сложного целого, состоящего «из пластов разной скорости развития» (Лотман, 2000, с. 20), лежащего в основе групповой, этнической, национально-государственной идентичности. Происходят изменения не только внешние, но и психологические, духовные. Общество оказалось под воздействием не только объективных социальных трансформаций: латентное влияние на самоидентификацию личности и групп оказывает изменчивость социальных представлений и ценностей, неопределенность норм и установок, трансформация политических потребностей, интересов и ориентаций. Возник большой разрыв между субъективными и объективными пространством и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих.

Изменению подвержены представления граждан о реальном мире. В первую очередь, это касается молодежи, социализация которой все больше смещается в виртуальное пространство. Как следствие, размывается ценностно-символическое пространство национально-государственной идентичности, формируется неустойчивая и эклектичная, в отличие от реальности, картина мира, в том числе и политическая. Те самые «политико-культурные паттерны, «всплывшие» из неосознаваемых пластов психики и вернувшие российскому обществу его идентичность» (Шестопал, 2019 б, с. 17), о которых писали ученые МГУ им. М.В. Ломоносова, обобщая политические изменения за четверть века с 1993 по 2018 годы, уже к концу 2020 года стали реже выявляться как определяющие смысловые рамки восприятия социальной реальности, формирующие фреймы и нарративы коллективной памяти, задающие направленность изменений и устойчивость национально-государственной идентичности. Но кризис национально-государственной идентичности в России как «полномасштабного конструкта, целостного образа «мы» во всех его измерениях»

(Титов, 2017 б, с. 41) ученые констатировали еще в 2010-е годы (Зазнаев, 2011, с. 6; Евгеньева, 2012; Комаровский, 2017; Титов 2017а, 2019).

Особенно тревожно, когда такие тенденции выявляются у профессиональных групп, ответственных за воспитание молодежи. Так, результаты исследования готовности педагогов средних образовательных школ к работе в условиях поликультурного образовательного пространства, проведенного учеными из МГУ имени М.В. Ломоносова и НИУ Высшая школа экономики в 2018 году в 6 регионах Российской Федерации, показали, что у более 70 % участников исследования содержание компонентов гражданской идентичности обладают неполнотой, поверхностностью, эмоциональной амбивалентностью, а рассогласование содержания всех компонентов на осознаваемом и неосознанном уровнях свидетельствует об отсутствии сформированности позитивной гражданской идентичности (Шлягина и др., 2018, с. 50). Все это проявляется в тенденции постепенной поляризации общества по типу «свой» — «чужой», противопоставления понятий «страна и государство», «чиновники и народ», «фрагментации идентичности по модели «все против всех» и замкнутости структур гражданского общества в рамках отдельных ниш», что не «закрыло» в научном дискурсе проблемы продолжающегося кризиса национально-государственной идентичности, ее фрагментации, расширения ее множественной детерминации. Дальнейшее имущественное расслоение и социальное разобщение общества в условиях ограничений, связанных с пандемией, стали фактором продолжающейся поляризации сознания в восприятии своей страны, народа, политических институтов, идеологий, а также образов политиков и власти в целом.

Проблема ослабления идентичности переходит из социальной в политическую. Для России эта проблема является весьма актуальной. В многокомпонентном и многонациональном обществе от сохранения национально-государственной идентичности зависит устойчивость государства.

По мнению известного ученого О.Ф. Шаброва «современное государство не случайно называют национальным: его устойчивость покоится на двух основаниях»: во-первых, на «институте государства как инструменте поддержания внутреннего порядка и внешнего суверенитета», а также на «идентичности граждан сообществу, объединяемому государством, их ощущение принадлежности к этому сообществу, чувству «мы» в противоположность другим сообществам, которые рассматриваются как «они», во-вторых. А идентичность эта может быть основана только на общих ценностях, тех самых «образцов», которые сплывают население в народ и нацию, и за производство и воспроизводство которых «отвечает» подси-

стема культуры. Ослабление чувства национально-государственной идентичности равнозначно атомизации общества, превращению народа в население и утрате устойчивости государством, что делает его менее способным обеспечивать целостность и суверенитет» (Шабров, 2020, с. 295). Эта тревожная тенденция требует междисциплинарного анализа.

5.3.2. Междисциплинарные подходы к анализу идентичностей

Внимание к феномену идентичности, зародившись в начале прошлого века в рамках общепсихологических и социально-психологических исследований личности, отношений личности и группы, личности и общества, межгрупповых отношений оказалось устойчивым во времени, а понятия «идентичность» и «идентификация» получили дальнейшее развитие как в психологических, так и в смежных науках, и с середины 20 столетия стали предметом научной рефлексии социальных философов, социологов, культурологов, политологов. Процесс самоидентификации и идентификации личности с группой как процесс психосоциального развития человека (Эриксон, 1996, с.218) получил дальнейшее изучение в рамках когнитивистски и конструкционистски ориентированных концепций, в которых изучалось взаимовлияние идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов. При этом современные представители этих концепций — социологи П. Бергер и Т. Лукман, исходящие из того, что «идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности» (Бергер, Лукман, 1995. С. 279), все-таки усматривали активность и определенную роль индивидов в конструировании социальной реальности в контексте конкретной культуры — тем самым наделяя индивидов не только возможностью самоидентификации с малой и большой группами, но и субъектностью в формировании модели социальных взаимоотношений.

Анализ особенностей взаимоотношений человека и общества, идентификации человека с нацией, государством в специфических условиях постоянно меняющихся социального и политического контекстов конца 20-го столетия стал предметом ряда политико-психологических, политологических и социологических исследований в ведущих вузах и академических институтах страны и в 21-м веке.

Специфика формирования российской идентичности обусловила многозначность терминологии, используемой в научной литературе

и в публичном пространстве — «национальная идентичность», «государственная идентичность», «государственно-гражданская идентичность», «страновая идентичность», «гражданская идентичность», «общенациональная», «общегражданская». Различия в терминологии в известной мере связаны с разными подходами к пониманию интегрирующей идентичности общества (Дробижева, 2020). Тем не менее, независимо от подхода к исследованию идентичности, роль национально-государственной идентичности — как важнейшего конституирующего элемента гражданской общности, основа группового самосознания, создающего из совокупности индивидов коллективного субъекта, — неоспорима. Она — интегратор населения страны и залог стабильного общества. Именно поэтому ослабление или утрата позитивной национальной идентичности вызывает беспокойство.

В психологических исследованиях идентичности последнего десятилетия учитываются меняющиеся контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также новые подходы к анализу информационной культуры: от анализа общих характеристик к дифференциации слоев, к учету и описанию новых «археологических» слоев информационной культуры (Гусельцева 2019, с. 36–37). Изучение идентификационных процессов в психологии обогащается новым направлением науки о культуре — когнитивной культурологией, призванной описать культуру как сложный когнитивный механизм, организующий и определяющий мышление и поведение человека (Судакова, 2017, с.61; Филатова, 2008, с. 132–133).

На уровне личности основными параметрами анализа и построения прогноза поведения в социально-психологическом исследовании считаются «ожидания» и «оценка», в соответствии с построенным ею образом Я, образом группы или образом мира. В ситуации социальных изменений эти параметры, «как правило, разрушаются, и индивид оказывается перед совершенно новым выбором» (Андреева, 2005, с. 5). При этом в освоении личностью новых социальных статусов и политических ролей приобретает значение основанный на рациональном восприятии процесс социальной категоризации [Tajfel, 1978]. В то же время, в условиях нестабильности и политической неопределенности особое значение приобретает процесс интерпретации субъективного эмоционального опыта. Эти два процесса включены в механизм формирования идентичности — от личностной до социальной.

На уровне социума формирование (или утрата) национально-государственной идентичности дополняется усложнением пространства (социального/политического) и времени (прошлого/будущего). Более

того, по мере вытеснения пространственно-временной конструкции в цифровую «реальность» формирование национально-государственной идентичности граждан попадает под влияние референтных групп, соотнесение с ценностями которых происходит не в реальном, а в виртуальном пространстве.

К тому же национально-государственная идентичность по-прежнему рассматривается как многокомпонентное уровневое установочное образование, которое включает в себя когнитивный, эмоциональный, мотивационно-ценностный и поведенческий (регулятивный) аспекты в соответствии с гипотезой А.Г. Асмолова об установках как механизмах, обеспечивающих стабильность поведения в мобильном мире, устойчивость поведения в неопределенных ситуациях (Асмолов, 1979, 2015).

Политические психологи, исследуя динамику всемирных ценностей, отмечают двойственность основ идентификационных процессов: динамизм распространения эмансипированных ценностей демократии и одновременно стабильность и консерватизм традиционных ценностей (Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 73). К похожим выводам приходят не только американские и немецкие ученые, но и российские исследователи, работающие с данными межстрановых исследований. Анализируя карту культур авторов эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, основанную на данных 6-й волны ESS (2010–2014 гг.), российские ученые отмечают, что Россия, с одной стороны, относится к числу стран с довольно выраженными секулярно-рациональными ценностями, но с другой, — ценности самовыражения в нашей стране заметно уступают ценностям выживания (Петухов В., Петухов Р., 2021, с.23).

Кроме того, исследования последних лет показывают, что к концу 2010-х годов в России произошел постиндустриальный сдвиг в ценностях, повлекший увеличение количества россиян, разделяющих индивидуалистически ориентированные установки [Алмакаева, Мавлетова, 2018; Магун, Руднев, Шмидт, 2015; Федотова, 2017]. Этот сдвиг виден и на Культурной карте мира Инглхарта-Вельцеля, основанной на данных 7-й волны ESS (2020). Таким образом, изменившийся ландшафт современности создает новые идеалы человека, где на передний план выходят проблемы качества жизни, коммуникативной компетентности, информационной социализации, сетевой грамотности, самовыражения [Инглхарт, 2018; Norris, Inglehart, 2019]. Важно учитывать перспективу текущих, локальных и глобальных социокультурных трансформаций, а также ведущие общенаучные концептуализации: «информационная эпоха», «множественные модерности», «текущая современность», «метамодернизм»

и т. п. [Современные тенденции..., 2004; Rudrum, Stavris, 2015]. В этой изменившейся реальности также возрастает роль смешанных и трансдисциплинарных исследовательских стратегий, делающих видение реальности более тонким, многомерным и точным. Вот почему в поле политико-психологического анализа идентификационных процессов включают как психические феномены разной степени осознанности, так и латентные социокультурные и когнитивные процессы.

Социологическая наука, обогащенная трудами великих современников с мировыми именами, обращается к осмыслению идентификационных процессов времени позднего модерна, иногда называемого постмодерном, характеризующегося большой неопределенностью, текучестью, сложностью, неоднозначностью. Британский социолог З. Бауман использует метафору «текучая современность» для описания современной эпохи, которую отследить возможно «с помощью многих и различных маркеров» [Бауман, 2008, с. 15]. Но ключевым маркером или особенностью современной жизни, по его мнению, являются «изменяющиеся отношения между пространством и временем» [Там же]. В рамках этих категорий рассматривается трансформация в сознании общества категорий «этнической принадлежности» и «государства-нации» (Бауман, 2008, с. 186) и ставится проблема конечности «многовекового «романа» нации с государством» [Бауман, 2008, с. 199].

Однако, по мнению известного российского социолога Л.М. Дробижевой, государство и общество все еще заинтересованы в осознании жителями страны своей общероссийской идентичности. Государству необходимо устойчивое сцепление между конструкцией политического порядка и «коллективным целым». А для граждан страны их идентичность важна для социально-психологического состояния, осознания себя и представлений о целях в будущем. Для одних — это ощущение общей связанности с прошлым, для других — общности интересов в настоящем и будущем [Дробижева, 2017]. В социологических исследованиях российских ученых идентификационные процессы граждан выявляются через анализ большого спектра явлений: изменения субъективного отношения к различным уровням социального пространства (отношение к государству; отношение к стране, культуре и народу, отношение к своему месту проживания и обучения; отношение к информационному пространству; отношение к социальному окружению; отношение к разным поколениям; отношение к референтным группам; отношение к институтам политического представительства и политического опосредования, к политическим персонам, отношение к политике в целом).

В политической науке идентификационные процессы рассматриваются через призму меняющейся роли современного государства, социально-политической динамики в целом. «В условиях постмодерна государство утрачивает роль основного фактора, образующего нацию. На первый план выходит чувство национальной идентичности, общности культуры» [Шабров, 2011, с. 157]. Проблема для России появляется в случае делегитимации власти, все дело в специфике генезиса российского государства. В России «легитимность политической власти строится, главным образом на традиционном и чувственном основаниях, а сильное централизованное государство имеет оправдание, если оно мобилизует на достижение высоких целей. В отсутствие сильного и одухотворенного, пассионарно заряженного Центра обостряется проблема национальной идентичности» [Шабров, 2011, с. 158]. Также обращается внимание на проблему соотношения гражданской и национально-государственной идентичности, которое может быть изменено в процессе реализации государственной политики идентичности. [Попова, 2020, с. 92].

Ведущим институтом в исследовании идентичности является Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Благодаря работе ученых Института изучение идентичности прошло путь с конца 80-х годов 20 века от ее концептуализации и «влияния идентичности на формирование гражданской и политической нации» до оформления стратегического научного направления исследования идентичности «как ресурса общественного развития» в рамках анализа и прогнозирования изменений в структуре мироустройства в 21 веке [Перспективы исследований идентичности...2020, с. 76–78]. Эволюция концепта идентичности в политической науке многомерно представлена в объемном академическом труде под редакцией И.С. Семененко [Идентичность..., 2017, с. 18–32], где ученые исследуют разные аспекты идентичности в политическом измерении: политическая, гражданская, гибридная, макрополитическая, идейно-политическая, партийно-политическая, имперская, постимперская, неоимперская.

Сегодня в политологических исследованиях национальной идентичности предлагается пересмотр подходов к оценке современной социальной динамики, остро обсуждаемой проблемы культурной и социально-политической поляризации [Семененко, Лапкин, Пантин, 2021а, с. 56–77]. В поле политологического рассмотрения идентификационных процессов (в частности, процесса дисфункций модели национально-территориального государства), проявляющихся в условиях кризисного

и посткризисного мироустройства на фоне растущего разнообразия форм институционализации политических противостояний, ключевое место занимает расширительная трактовка авторами концепта разделенных обществ как категории политического анализа. В практической же политике стоит вопрос об обращении к идентичности как нематериальному ресурсу развития, который может способствовать продвижению ценностей доверия, ответственности, солидарности и в элитных, и в массовых группах на разных уровнях взаимодействия [Семененко, 2021б].

В нашей главе идентификационные процессы в сознании российского общества за 2020–2021 гг. будут рассмотрены через призму критериев анализа политико-психологических и социологических традиций.

5.3.3. Факторы идентификационных процессов

Национально-государственная идентичность формируется и изменяется под влиянием различных факторов, которые объединим в три группы: социально-психологические, политико-идеологические и культурологические.

К группе факторов социально-психологических можно отнести: социальное самочувствие, общественные настроения, психические состояния, социальные оценки положения дел в стране.

В последний год социологи все чаще фиксируют тревожные настроения в обществе, данные аналитических центров России (ФОМ, ВЦИОМ, ЦИРКОН, Левада-Центр) довольно часто коррелируют между собой. Так, в ноябре 2020 года по данным аналитического центра «Левада-Центр» отмечалось снижение позитивных оценок социального самочувствия, рост негативных оценок по сравнению с 2017 годом. При снижении степени удовлетворенности жизнью, а также таких оптимистичных настроений и чувств, как надежда, достоинство, уверенность, свобода, и относительно увеличении депрессивных состояний заметно усилились такие чувства, как ожесточение, обида, страх, отчаяние. Все эти чувства формируют агрессивное психическое состояние, если не происходит ни нравственно-го преодоления, ни поведенческой реакции. Совокупность соответствующих чувств исследователи Левада-Центра объединили в понятие рессентимент, синдром ущербной агрессивности. Снижение оптимистического настроения не может не способствовать фрагментации общества и не оказывать негативное влияние на восприятие власти. В то же время депрессивные астенические настроения снизились с 54% в 2020 году до 48%

в 2021 году. К тому же около половины (48%) респондентов стабильно видят среди окружающих усиление чувств удовлетворенности и самоутверждения (47% в 2020 году и 48% в 2021 году).

С данными «Левада-центра» коррелируют результаты всероссийского опроса Фонда общественного мнения «ФОМнибус» (с 27 сентября 2020 г. по 27 сентября 2021 г.), показавших заметное снижение тревожного настроения и повышение значений спокойного настроения в сентябре 2021 года по сравнению с активной фазой пандемии, социальной изоляции и ограничений летом и осенью 2020 года.

Инерционность массового сознания россиян сохраняется при весьма показательных значениях индексов как оценок ситуации, сложившейся в стране, так и динамики социальных ожиданий, представленных в результатах исследований аналитического центра ВЦИОМ. Относительно низкий показатель социальных оценок положения дел в стране также не способствует укреплению национально-государственной идентичности.

Несмотря на летние подъемы в настроениях, оценка россиян будущего своей страны пока еще далека от оптимистичной. По данным ВЦИОМ оценка россиянами будущего своей страны хотя и вышла из пикового низкого значения в апреле 2020 года и набирает силу, но все-таки остается в низких пределах. Индекс оптимизма в августе 2021 года составил –52 пункта и пока не позволяет говорить об оптимистичных перспективах России в оценках респондентов.

Политико-идеологические факторы идентификационных процессов складываются из ряда важных компонентов, к числу которых, по нашему мнению, следует отнести идентификацию с государством, отношение к власти, к проводимой внутренней политике, оценку общего курса страны, выбор формы правления, выбор политического режима, политическое поведение.

К началу нулевых годов 21 века эксперты Левада-Центра отмечали усиление партикуляризма в структуре массовой идентичности, процесса нивелирования общих моральных ценностей, растущую фрагментацию социума без увеличения его социального и культурного многообразия (феномен социального понижения и упрощения), изоляция целого (страны) и его частей при сохранении принципиальных черт упрощенного социального устройства [Дубин, 2009, С. 57]. Хотя общая композиция этно-национальной идентичности россиян сохранялась в принципе той же самой, но соотношение элементов и разных планов несколько менялось под воздействием факторов деполитизации и ослабления идентификации с государственной властью, расширением серой зоны существова-

ния (негосударственной экономики, приватности и неподконтрольности власти).

В течение следующих двадцати лет сложное отношение к власти менялось как в сторону принятия и одобрения, так и сохранения критичности и недовольства. Идентификация с государством хотя и относится к традиционным российским ценностям, но не остается свободной от противоречий. В 2020 году по данным «Левада-Центра» главные причины недовольства властью возникают по причинам, в первую очередь, социально-экономическим, а затем — политико-правовым и политико-профессиональным. Большое возмущение граждан касается внутренней политики, проводимой властью в стране. Динамика отношения респондентов к проводимой внутренней политике власти по данным ВЦИОМ с 2020 года по август 2021 года имеет тенденцию к снижению (31 % респондентов в 2020 году ответили, что в целом их устраивает внутренняя политика, которую проводят власти нашей страны, в августе 2021 — 25 %). При снижении позитивных оценок внутренней политики, которую проводят власти нашей страны, оценка общего курса страны, по данным «Левада-Центра», остается позитивной.

Традиционно власть в России воспринимается в персонифицированном виде, поэтому отношение к власти коллеги анализируют по вопросам доверия, симпатии граждан к политикам и готовности отдать им свои голоса на выборах. По параметру политической идентификации ответы респондентов весьма парадоксальны, политическое сознание носит характер скорее размытого, «разорванного», чем строго определенного, отличающегося четкой логикой мышления. Социологи и политические психологи отмечали такие характеристики массового сознания, как противоречивость, размытость, неопределенность и даже разорванность сознания, особенно у молодых людей, первичная социализация которых проходила в эпоху интернета [Дробижева, 2020, с. 37–50; Евгеньева, 2019, с. 188–193; Сащенко, 2020, с. 28–31].

Противоречивость или «размытость» наблюдается как в выборе идеологических предпочтений [Шестопал, Вагина, Пасс, 2019а, с. 67–86], так и в запросе на перемены (данные ФОМ). Результаты исследований Института социологии ФНИСЦ РАН также показали почти равное количество как сторонников перемен, так и приверженцев стабильности. Можно заключить, что в обществе остается запрос на сохранение стабильности при ожидании перемен. Политическая пассивность граждан, выражающаяся в слабой электоральной активности, выборе тех, кому не очень доверяют, а иногда и не симпатизируют, основывается не только на отсутствии

разнообразия политического спектра партий, лидеров, идеологических платформ. Причины пассивности, скорее всего, кроются в характеристике массового сознания, в частности — его инерционности и, как следствие, способности мириться с условиями неопределенности социально-политической жизни. В динамике с середины 90-х годов до 2021 года потенциал протеста с экономическими требованиями остается все еще выше потенциала протеста с политическими требованиями. С данными Левада-Центра коррелируют данные Фонда общественного мнения, и показывают, что уровень недовольства и готовность протестовать заметно не повышался до середины 2018 года. Известные события с пенсионной реформой увеличили количество критических высказываний в адрес российских властей, а также усилили потенциал недовольства и возмущений в течение года.

О поведенческих характеристиках можно судить по доминирующим потребностям, удовлетворение которых также связывается с властью. Интересны данные последних исследований ученых из МГУ им. М.В. Ломоносова, которые указывают на «притупление» всех надежд в отношении власти [Шестопад, Вагина, Пасс, 2019а, С. 72]. От нее уже не ждут удовлетворения ни одной из пяти базовых потребностей. Наиболее заметно снизилась ориентация на власть в обеспечении потребностей в безопасности и самоактуализации.

Тем не менее, в 2020 году В.Федоров в своем интервью РИА Новости, рассуждая об общественном идеале современных россиян, не без основания заметил, что в их представлениях Россия — это страна с сильной центральной властью, возглавляемая президентом с широкими полномочиями. Он также отметил, что в общественном идеале отсутствуют такие ценности, как важность сменяемости власти на альтернативной основе; представление об оппозиции как важнейшем институте политической системы; ценность разделения властей и, тем более, их соперничества; идея парламента, партий и представительной демократии вообще; ценность прав меньшинств и, в значительной степени, прав человека в целом; ценность открытости миру, который воспринимается скорее как источник угроз, а не возможностей. Существующая в России государственная власть хорошо вписывается в это пространство социальных ценностей, создающее благоприятные условия для идентификации с ней российского человека.

Культурологические факторы идентификационных процессов включили в себя критерии, заложенные Л.М. Дробижевой в определение национальной, гражданско-государственной идентичности как «отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране — «образ мы»,

чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране» [Дробижева, 2017]. Поэтому представления жителей о стране, государстве, о себе и других как коллективном «мы», ощущение связи со своей страной и народом, а также эмиграционные настроения помогут приблизиться к пониманию направленности идентификационных процессов.

Результаты исследования Левада-Центра в сентябре 2020 года, посвященного восприятию исторических событий и периодов, представлениям об их значимости и в целом важности истории для национальной идентичности россиян показали, что представление жителей России о «нас» как об общности, народе по-прежнему преимущественно обращено в прошлое. На вопрос о том, с чем связывается у них мысль о своем народе, каждый второй участник опроса отметил «наше прошлое, наша история», и за последние два года этот показатель вырос с 53 % в 2018 году до 55 % в 2020 году.

Смысловые ассоциации со «своим» народом включают единую территорию проживания как объединяющий фактор (39 %), родную природу (34 %). Родной язык считают главным для нации 24 % респондентов. Ассоциации с государством в середине списка, то есть, только 20 % опрошенных связывают государство, в котором живут, со своим народом. Душевные качества своего народа национальной чертой назвали всего 9 % россиян, тогда как в еще несколько лет назад, в 2017-м, их выбрали 18 % жителей. Согласно исследованию только 7 % россиян связывают национальную идентичность с праздниками и обычаями, а 8 % — с верой предков. Представление жителей России о «нас» как об общности связано с исторической памятью, и победа в Великой Отечественной войне остается главным событием, за которое россияне испытывают гордость (за 20 лет проведения исследований доля, испытывающих гордость за нее, значимо не менялась), — отмечают в «Левада-Центре». Сегодня победой в Великой Отечественной войне гордятся 89 % граждан нашей страны, а больше всего стыдятся развала СССР (49 %) и бедности (48 %).

По-прежнему сохраняется суммарный уровень согласия с суждением, что «Россия — великая держава» (86 %) — роль, которую Россия должна сохранить за собой. Преобладает мнение, что для этого России нужно бороться с чуждыми нашему народу западными влияниями (63 %), а в меньшей степени России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни (30 %). Но парадоксальность заключается в соотношении идеальной перспективы и сегодняшней реальности не в пользу первой. На вопрос «Какой Вы хотели видеть Россию сейчас в первую очередь?» большинство выбрало вариант — «Страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых

сильных стран мира» (63%), а меньшинство — «Великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны» (35%). При этом идея великодержавности России имеет двойное прочтение: идеальное и реальное.

Значимость проблем коллективного самоопределения и отмежевания от «других» ярко проявляется в национально-государственной идентичности, где очень важен показатель ощущения связи со своей страной. Нами были использованы данные третьей тематической волны Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme (ISSP), посвященной национальной идентичности [(ISSP-2013; GESIS, 2015]. Сбор данных проводился в 2012–2014 гг. в 37 странах, в том числе и в России.

Связь со своей страной 40,0%, россияне чувствуют довольно сильно, 24,3% — очень сильно, в то время как не очень сильно ощущают эту связь 23,4%, а совершенно не чувствуют связь — 12,2% опрошенных.

Любопытно сравнение ощущений связи россиян со своим городом (деревней, селом), с областью, краем, республикой, со своей страной и с Европой. Высокая значимость для россиян — государственно-гражданская, российская (40,0% — довольно сильная связь и 24,8% — очень сильная связь) и этническая, городская, сельская, деревенская (40,8% — довольно сильная связь и 26,1% — очень сильная связь) идентичность, связь с тем людьми, кто живет рядом. На втором месте по значимости — региональная идентичность, идентификация с областью, краем, республикой (38,6% — довольно сильная связь, 21,0% — очень сильное чувство), что, возможно, сохранилось в представлениях о малой родине. Чувство связи с Европой у опрошенных незначительно. Не очень сильно чувствуют связь с ней 31,0% россиян, а 12,2% совершенно не чувствуют связь.

Положительную динамику роста общегражданской, российской идентичности в сознании российского общества отметила Л.М. Дробижева в сравнении данных исследований за 10 лет, с 2005 по 2015 годы [Дробижева, 2017, там же]. К тому же в иерархии идентичностей было отмечено связь по политическим взглядам, что вполне соответствует представлениям о российской идентичности как политически насыщенной. Вместе с тем выросла и региональная идентификация (с краем, республикой, областью). В то же время осталась высокой значимость для людей этнической идентичности и близкого окружения, тех людей, что живут рядом в городе (селе).

Важным критерием анализа степени устойчивости национально-государственной идентичности является желание граждан уехать или остаться в стране. Утечка мозгов, трудовая эмиграция, исход пожилых неработающих или молодых учащих жителей страны представляет собой риско-

генный потенциал как для утраты идентичности, так и для устойчивости государственного суверенитета.

По данным Левада-Центра (2010–2021) пятая часть россиян (22 %) заявили, что хотели бы уехать за границу на постоянное жительство, 77 % — что не хотели бы. Доля выражающих желание уехать выросла за последние несколько лет — еще в 2017 году она составляла 15 %. В мае 2021 году этот показатель достиг уровня 2011–2013 годов — 22 %. Если учесть не только тех, кто оформляет документы, принял твердое решение, обдумывает возможности выезда (таких 10 % в 2021 году), но и тех, кто иногда подумывает над этим (20 % в 2021), то эмиграционный рискогенный потенциал идентичности повышается до 30 % в 2021 году.

Эти данные коррелируют с данными Kelly Services и «Авито. Работа». Желание сменить место проживания ради высокооплачиваемой и перспективной работы охватывает подавляющее большинство россиян, свидетельствуют результаты опроса. Так думают 80 % респондентов из опрошенных 38 тыс. человек, причем 60 % из всех опрошенных — жители городов-миллионников из всех восьми федеральных округов.

Почти половина из тех, кто хочет покинуть нынешнее место проживания, готовы уехать навсегда, а еще 30 % хотели бы уехать на срок до года. При этом 11 % респондентов могут переехать на срок от года до трех лет, и 6 % — от трех до 10 лет. В качестве ключевых причин переезда молодежь выбирает финансовую составляющую, а менеджеры среднего звена — комфортную среду. Топ-менеджеров, помимо прочего, по большей части интересует возможность работы с интересными проектами и задачами, а высокие цели вроде развития региона и конкретных отраслей интересуют всего 10 % респондентов.

При этом по данным исследования банка «ФК Открытие», которое проводилось в январе 2021 года и имеется в распоряжении РИА Новости, 16 % россиян считают, что переезжать надо за границу. Больше всего сторонников такой точки зрения в Москве и Санкт-Петербурге (по 23 %), меньше всего — на Дальнем Востоке и в Сибири (по 6 %). Еще 15 % россиян мечтают перебраться жить в более теплые края. Особенно популярна эта идея у жителей Урала, Северо-Запада (по 24 %) и Дальнего Востока (23 %).

Общественное единство всегда держалось на общности социальных ценностей и основанном на них чувстве национальной идентичности, сопричастности граждан к делам своей страны, объединяющем их в единое политическое сообщество. Но мы являемся свидетелями зарождения эмиграционного потенциала и ослабления идентификационных параметров со своей страной.

5.3.4. Идентификационные процессы в сетях

Сделанные выше выводы подтверждаются результатами локальных инициативных исследований Центра социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в рамках Госзадания в 2020–2021 годы, которые подробно описаны в коллективной монографии [Сащенко, 2021а, С.68–87].

В результате проведенных нами политико-психологических исследований был выявлен ряд актуальных проблем в восприятии политического мира, государственных институтов, идеологий, политических персон и образа своей страны в целом. Исследование подтвердило наше предположение о том, что виртуализация социальных отношений и информационной среды искажает представления, в первую очередь, молодежи о реальном мире, формирует неустойчивую и оторванную от реальности картину мира, в том числе и политическую.

В сознании молодежи политическая картина мира на период исследования имеет противоречивый характер, что допускает мысль о ее неустойчивости, что усиливается еще и дополнительным раздражением в восприятии политических акторов и объектов. Заметно разнятся образы власти (идеальные и реальные), отношение к государству (должному и существу), его институтам и персонам (традиционная роль и современное состояние). При сохранении в неосознаваемой сфере сознания респондентов идеи подчинения, традиционных схем пирамидальной структуры общества и даже элементов архетипических пластов рационализация сознания показала наличие серьезных проблем в отношении к власти.

Остается проблема национально-государственной идентичности в историко-культурном контексте. Нарастающая поляризация «сетевой» молодежи в восприятии России усиливает проблему ослабления идентификационных механизмов граждан со своей страной, что может способствовать уходу «государственного суверенитета» в сторону «сегментации», а также усилит и без того кризисное состояние национально-государственной идентичности молодежи [Сащенко, 2020б, с.8–18; Сащенко, 2021б, с.40–51].

Эволюционно устойчивые общемировые тенденции в той или иной мере все больше охватывают российскую молодежь, особенно пользующуюся интернет-сетями. Молодые люди ищут себя «среди смешанных и переплетающихся слоев идентичности: планетарная, цивилизационная, национальная и гражданская, социокультурная, социальная и профессиональная, этническая, персональная [Гусельцева, 2018,

с. 191]. При этом автором выявляется, что не все слои идентичности отрефлексированы субъектами, некоторые остаются для них скрытными, неявными, латентными.

Пример работы тематических групп в социальной сети «ВКонтакте» с применением методов манипуляции на Украине показывает наличие эффективных хорошо разработанных приемов манипулирования массовым сознанием пользователей сетей, с воздействием на неотрефлексированные субъектом слои идентичности [Shabrov, Sashchenko, Nayat, 2021]. Еще требует особого изучения процесс независимого друг от друга формирования эволюционно-семиотических рядов, порождающих «качественно новое значение концепта культуры», что способствует «обособлению и самосознанию этнических групп людей» [Степанов, 1992, 5–6, 9, 12–13; Судакова, 2017, с. 64].

Вместе с тем в сложный период пандемии и социальной изоляции (2020–2021 годы) наблюдается положительная динамика самооценки национальной идентичности российской студенческой молодежи. С применением методики самооценки шести видов социальной идентичности [Иванова, Румянцева, 2009, С. 117] проанализирована самооценка национальной (русской), европейской и мировой идентичностей студенческой молодежи. Несмотря на постепенный рост среди студенческой молодежи значений европейской самоидентификации, средневзвешенное значение самооценки российской идентификации остается доминирующим.

В исследовании самооценок национально-государственной идентификации студентов российских вузов (МГУ, РАНХиГС) по 10-балльной шкале уровень российской идентичности повышается от 7,2 баллов в феврале 2020 года до 8,1 балла в сентябре 2021 года (см. рис. 1).

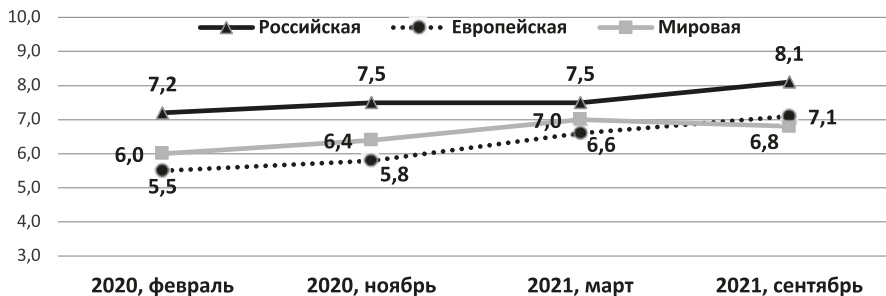

Рис. 1. Динамика самооценки по видам социальной идентичности (студенты МГУ и РАНХиГС, 2020–2021 гг.)

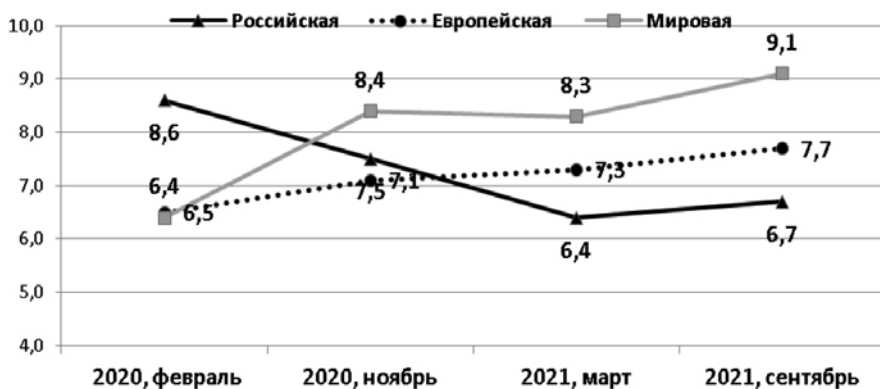

Рис. 2. Динамика прогноза самооценки по видам социальной идентичности в будущем на 2035 год (студенты МГУ и РАНХиГС, 2020–2021 гг.)

Однако прогноз самооценки по видам социальной идентичности на будущее — 2035 год, данный молодыми людьми, больше озадачивает и оставляет тревогу, чем успокоенность (см. рис. 2).

Чувствительным индикатором устойчивости социальной общности в изменяющейся реальности на уровне государства по-прежнему остается национально-государственная идентичность, в основе которой заложен выбор человеком в качестве ориентира не только привлекательных для него ценностей социальных групп, политических проектов, идеологических ориентиров, но и эмоциональной и духовной связи со своей страной, что в конечном счете обеспечивает суверенитет национального государства.

Вывод. В психологических исследованиях идентичности последнего десятилетия учитываются меняющиеся контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также новые подходы к анализу информационной культуры: от анализа общих характеристик к дифференциации слоев, к учету и описанию новых «археологических» слоев информационной культуры. Выявлена двойственность основ идентификационных процессов в России: появившиеся секулярно-рациональные ценности пока заметно уступают традиционным.

1. Социологическая наука обращается к осмыслению идентификационных процессов времени позднего модерна, характеризующегося большой неопределенностью, текучестью, сложностью, неоднозначностью. Анализ идентификационных процессов получил дальнейшее изучение в рамках когнитивистски и конструкци-

онистски ориентированных концепций, в которых изучается взаимовлияние идентичности, исторических социальных структур и социальных процессов.

2. В политической науке идентификационные процессы рассматриваются через призму меняющейся роли современного государства, процесса дисфункций модели национально-территориального государства, социально-политической динамики в целом.
3. В 2010-е годы ученые констатировали кризис национально-государственной идентичности в России как «полномасштабного конструкта, целостного образа «мы» во всех его измерениях». Это проявляется в тенденции постепенной поляризации общества по типу «свой» — «чужой», противопоставления понятий «страна и государство», «чиновники и народ», «фрагментации идентичности по модели «все против всех».
4. Общество оказалось под воздействием не только объективных социальных трансформаций. Латентное влияние на самоидентификацию личности и групп оказывает изменчивость социальных представлений и ценностей, неопределенность норм и установок, трансформация политических потребностей, интересов и ориентаций. Возник большой разрыв между субъективными и объективными пространством и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих.
5. Общественное единство всегда держалось на общности социальных ценностей и основанном на них чувстве национальной идентичности, сопричастности граждан к делам своей страны, объединяющем их в единое политическое сообщество. Сегодня мы являемся, однако, свидетелями зарождения эмиграционного потенциала и ослабления идентификационных параметров со своей страной.

Раздел 6

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

6.1. Гражданское общество: особенности и динамика развития

6.1.1. Понятие и эволюция представлений о гражданском обществе

Гражданское общество является предметом исследования политологов, социологов, правоведов, философов и других представителей научных отраслей социально-гуманитарного направления. Феномен гражданского общества и его отдельные институты рассматриваются в контексте научного плюрализма сотрудниками научно-исследовательских институтов (Институт востоковедения РАН; Институт Европы РАН; Институт Латинской Америки РАН; Институт Философии РАН; Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН и др.) и учеными многообразных направлений в академическом сообществе (МГУ им. М. В. Ломоносова, РАНХиГС при Президенте РФ, СПбГУ, University of Oxford, University of Cambridge, Sorbonne University, Stanford University, Yale University и др.). Несмотря на широкое использование понятия «гражданское общество» в научном сообществе на протяжении двух последних столетий в мировоззрении отдельных граждан, представляющих элитарные слои общества, так и не сформировалось целостное представление о его сущности, ресурсах, эффективности при взаимодействии как с органами государственной власти, так и иными институтами гражданского общества внутри отдельно взятой страны, надгосударственном и межгосударственном уровнях.

Примитивное и упрощенное восприятие институтов гражданского общества не способствует формированию их позитивного имиджа среди определенной части общества, что отчасти облегчает отдельным акторам современного политического пространства использование гражданской активности в своих личных и корпоративных интересах при достижении поставленных амбициозных целей, порой противоречащих национальным интересам и интересам большинства граждан страны.

Современные представления о гражданском обществе базируются на эволюции идей, господствовавших на протяжении ряда тысячелетий в социально-политической и философской мысли.

Анализ научной литературы, в том числе коллективных работ представителей научной школы РАНХиГС при Президенте РФ [«Формирование гражданского общества в России: стратегии и управление», 2015; «GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством», 2012] и др., позволяет выделить пять основных периодов в эволюции представлений о гражданском обществе (таблица 1).

Таблица 1

Эволюция представлений о гражданском обществе

Период	Время	Основные характеристики
Первый	Древний мир — до конца XVI	Отсутствуют четкие разграничения между обществом и государством в философских и социально-политических работах мыслителей
Второй	XVII — конец XVIII	Обоснование авторских концепций гражданского общества в работах, посвященных развитию идей естественного права и общественного договора
Третьей	XIX — первая четверть XX в.	Отмечается полноформатное формирование институтов гражданского общества и определение сферы их деятельности в общественно-политической жизни граждан
Четвертый	Со второй четверти XX в. — до конца XX в.	Активизация деятельности многообразных институтов гражданского общества как на политическом ландшафте отдельно взятого государства, так и на надгосударственном и межгосударственном уровнях
Пятый	С начала XXI в. — по настоящее время	Активное использование электронных ресурсов институтами гражданского общества в общественно-политической жизни, в том числе в сети Интернет на информационных платформах Telegram, TikTok, YouTube и др., идет активный процесс формирования групп по интересам с использованием электронных технологий, что придает импульс для нахождения новых форм коммуникации между разнообразными институтами гражданского общества и компетентными органами государственной власти, а также оперативного вовлечения граждан в различные формы политического участия

В научном сообществе достигнут компромисс в отношении наличия элементов гражданского общества в Древней Греции и Античном Риме. Философы, политические и религиозные деятели не использовали в своей практической деятельности понятие «гражданское общество». Как правило, государство и гражданское общество рассматривались как единое целое. В то же время шла дискуссия среди академического сообщества и политических деятелей в отношении определения оптимальной системы управления в государстве. На повестке дня периодически шел поиск разнообразных самоорганизующихся форм, которые могли бы объединять граждан с учетом их интересов и потребностей в реализации своего потенциала.

В эпоху Средневековья в европейских странах в системе общественного управления доминировала католическая церковь, которая препятствовала формированию и развитию многообразных институтов гражданского общества.

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли в работе «Государь» аргументировал тезис о необходимости разграничения понятий «государство» и «общество», что придало импульс дальнейшим научным исследованиям в Новое и Новейшее время.

Гражданское общество сформировалось в странах Западной Европы в XVII-XVIII вв. Социально-политические мыслители Томас Гоббс, Джон Локк, Шарль Луи Монтескье, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Томас Пейн внесли свой вклад в осмысление феномена «гражданское общество». Однако их определения лишь отчасти раскрывают современный научный подход к содержанию гражданского общества и его функциональности в политической системе.

В середине XVII в. Т. Гоббс в работе «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» выдвинул положение, в соответствии с которым гражданское общество представляет собой множество групп и/или объединений, созданных на основе общих интересов (дел), и их образование возможно с разрешения государства (суверена).

В работе «Два трактата о правлении» Дж. Локк рассматривает гражданское общество как форму государственности, обладающую определенным социально-экономическим и духовным содержанием. Мыслитель одним из первых поставил человеческую личность и ее интересы выше интересов общества и государства, при этом человеческую свободу провозгласил главной общественной ценностью, которую необходимо защищать от государства на основе создания общественного договора, который будет гарантом ее защиты.

Ш. Л. Монтескье в работе «О духе законов» аргументировал авторский взгляд на систему управления в государстве и определил проблемное поле для функционирования институтов гражданского общества и взаимодействия с иными общественно-политическими акторами с целью минимизации благоприятных условий для установления диктатуры со стороны лиц, обладающих властными полномочиями и определяющих вектор социально-политического, экономического и культурного развития страны. По мнению мыслителя диктатура не способствует развитию демократических институтов, а следовательно, если в обществе будет установлен недемократический политический режим, будет ограничена политическая свобода, и институты гражданского общества не смогут осуществлять полноформатную работу.

Согласно позиции Гегеля «в гражданском обществе каждый сам себе цель, все другое для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достичь своих целей в полном объеме...» (Гегель, 1990, с. 228).

Т. Пейн рассматривал гражданское общество как область саморегуляции частных интересов. В основу своих работ он положил тезис о противостоянии гражданского общества и государства. Он утверждал, что «общество в любом состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае — зло нестерпимое» (Пейн, 1963, с. 21).

На протяжении последующего времени ряд исследователей обращались к анализу феномена гражданского общества и его эффективности — Эндрю Арато, Ханна Арент, Энтони Гидденс, Морис Дюверже, Эмиль Дюркгейм, Джин Л. Коэн, Мишель Крозье, Чарльз Тейлор, Карл Шмидт и др., рассматривая институты гражданского общества во всем их многообразии. Однако в современной науке до сих пор отсутствует единая позиция в определении понятия «гражданское общество».

Так, Ю. В. Ирхин утверждает, что «под гражданским обществом понимается совокупность негосударственных социальных, духовных, религиозных, семейных, национальных и других отношений, сфера самопроявления свободных индивидов и добровольно сформированных организаций и ассоциаций граждан, огражденная законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны органов государственной власти» [Ирхин, 2008, с. 44].

Несколько иной точки зрения придерживается А. П. Кочетков, полагая, что гражданское общество целесообразно определять «как систему общественных институтов, выражающую разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества, активно взаимодействующую

с государством, правящими элитами и дающую возможность человеку реализовать его гражданские права» [Кочетков, 2014, с. 40].

Гражданское общество является объектом исследования современных российских политологов — Г.И. Авциновой [Авцинова, Супруга, 2016, с. 27–43], А.В. Баранова [Баранов, 2012, с. 77–99], И.А. Бронникова [Бронников, 2012, с. 77–99] А.А. Горелова [Горелов, Горелова, 2012, с. 34–50], [Е. Donaj 2015, с. 48–52; 2012, с. 165–174] и др. Отдельные аспекты функционирования институтов гражданского общества рассмотрены профессорско-преподавательским коллективом РАНХиГС при Президенте Российской Федерации — М.А. Бурдой [Бурда, 2021, с. 21–30], Ю.В. Ирхиным [Ирхин, 2019, с. 97–114], Л.Н. Тимофеевой [Тимофеева, 2011, с. 53–66], В.И. Тимошенко [Тимошенко, 2021, с. 104–124], Д.Н. Салыковым [Тимошенко, Салыков, 2020, с. 146–158], А.С. Фалиной [Сковиков, Скутина, Фалина, 2018, с. 64–73] и др. Анализ вышеуказанных работ подводит к пониманию гражданского общества как совокупности негосударственных институтов во всех сферах жизнедеятельности человека.

Полагаем, что назрела необходимость дать содержательное определение понятия «гражданское общество», что, несомненно, будет стимулировать и разработку критериев измерения эффективности его деятельности при взаимодействии с органами власти.

6.1.2. Некоторые характеристики гражданского общества

При определении основных характерных черт современного гражданского общества необходимо учитывать тот факт, что основополагающим элементом гражданского общества является личность, которая обладает как неотчуждаемыми правами, так и правами, наделенными в результате принятия законов на национальном, региональном и местных уровнях, а также свободой. В научном сообществе определение степени свободы носит дискуссионный характер, так как свобода всегда относительна и, как правило, свобода личности ограничена свободой в принятии решений другой личностью. Гарантом реализации прав и свобод человека выступают компетентные органы государственной власти. Взаимосвязь личности и государства отражается и на состоянии развития гражданского общества.

Политический процесс развивается динамично с учетом уровня социально-экономического развития страны и на основе сложившейся поли-

тической культуры и традиций. Его динамика проецируется и на ресурсные возможности многообразных институтов гражданского общества. При этом важным фактором в становлении и полноформатном развитии институтов гражданского общества является формирование государства на основе системы разделения властей, его обладания суверенитетом, монополией на насилие, функцией обеспечения общественного порядка, защиты прав и свобод как отдельно взятой личности, так и многообразных общественно-политических объединений.

Экономический (развитие малого и среднего бизнеса наряду с государственным сектором) и идейно-политический плюрализм (отсутствие государственной идеологии) наряду с признанием в обществе различных форм собственности является предпосылкой для формирования многообразных институтов гражданского общества на основе общественной толерантности к их деятельности, если она не противоречит законодательству и сложившейся нормативно-правовой базе («разрешено все, что не запрещено»).

Политической формой существования и полноформатной реализации интересов членов многообразных институтов гражданского общества является демократия и демократические преобразования в государстве. При этом гражданское общество представляет собой социально-экономическую форму существования политической демократии.

Среди основных функций многообразных институтов гражданского общества принято выделять:

- просвещение граждан об их правах и обязанностях;
- защита прав, свобод и частной сферы жизни личности от произвола органов государственной власти;
- продвижение общественных интересов при взаимодействии с компетентными органами государственной власти;
- мотивирование граждан к участию в общественно-политической жизни;
- контроль за процедурой выборов руководства страны, депутатов и пр.
- обеспечение устойчивого равновесия между органами государственной власти, с одной стороны, и негосударственными институтами, движениями, с другой;
- постоянный мониторинг законодательства на предмет социальных рисков, снижения уровня благосостояния и качества жизни граждан.

Многообразные институты и ассоциации гражданского общества расположены горизонтально, в отличие от вертикали власти, установленной в соответствии с законодательством и нормативно-правовыми документами, регламентирующими деятельность органов государственной власти.

В структуру гражданского общества входят общественные организации (ассоциации), средства массовой информации, семья, творческие ассоциации, а также многообразные негосударственные структуры в сферах воспитания, образования, науки, культуры и др.

Мировой политической процесс в третьем тысячелетии развивается особенно противоречиво. За последние тридцать лет постсоветские страны накопили свой опыт государственного строительства и приняли законодательства, регламентирующие деятельность общественных организаций и объединений. В частности, были приняты следующие законы: Закон РБ «Об общественных объединениях» (1994); ФЗ РФ «Об общественных объединениях» (1995); ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (2012); Закон Республики Казахстан «Об общественных объединениях» (1996) Закон РБ «О политических партиях» (1994), ФЗ РФ «О политических партиях» (2001); Закон Республики Казахстан «О политических партиях» (2002).

В соответствии с национальным законодательством, регламентирующем порядок образования, деятельности и прекращения деятельности институтов гражданского общества, в Республике Беларусь было зарегистрировано 3021 общественное объединение и 25 профсоюзов по состоянию на 1 января 2021 года. Среди активных институтов гражданского общества Республики Беларусь — Федерация профсоюзов Беларуси; Белорусский республиканский союз молодежи; Белорусская республиканская пионерская организация, а также около 400 благотворительных организаций, в том числе общественное объединение «Белорусский фонд милосердия и здоровья»; ветеранские и экологические организации.

Согласно данным Министерства юстиции Российской Федерации в 2019 г. было зарегистрировано более 213 тыс. некоммерческих организаций (НКО), из которых 198,8 тыс. подлежат государственному надзору. В 2019 году процедуру государственной регистрации прошли 12,6 тыс. новых НКО, что на 5,8% меньше, чем в 2018 году. Более 15 тыс. организаций были исключены из реестра по решению суда, либо органов государственной власти. Таким образом, в России произошло сокращение некоммерческих организаций за период с 2016–2018 гг. на 4,5%.

Динамика развития современного политического процесса внесла изменения в общественно-политическую жизнь россиян. В структуре институтов гражданского общества произошли изменения с учетом запросов граждан. В середине 2024 года в России действовало 62 тысячи социально-ориентированных некоммерческих неправительственных организаций (17 тысяч созданы за шесть последних лет, около 5 тысяч прекратили свою работу в этом временном интервале).

На национальном уровне постсоветских стран законодательно закреплён порядок организации и проведения выборов руководства страны и представительных органов всех уровней власти на основе демократических ценностей. В ходе проведения выборов многообразные институты гражданского общества активизируют деятельность с целью реализации своих интересов в ходе избирательных кампаний, побуждают электорат к участию в голосовании, проводят просветительскую работу и мотивируют граждан проголосовать за конкретного кандидата, либо политическую партию, а в дни голосования следят за ходом голосования, что придает легитимность полученным результатам. Необходимо помнить, что «в политической истории есть трагические периоды, когда в результате абсентеизма на уровень принятия решений выходили политические силы, которые действовали против политической воли большинства граждан» [Сковиков, Скутина, Фалина, 2018, с. 68].

Как известно, связующим звеном между властью и обществом являются политические партии. В странах западной демократии сложилась устойчивая партийная система, в отличие от постсоветских стран. На протяжении трех последних десятилетий в постсоветских государствах процесс образования новых партий шел противоречиво. Власть в определенные периоды препятствовала регистрации новых партий посредством жесткой законодательной регламентации. Вместе с тем активная позиция граждан внесла импульс и в динамику партийного строительства на постсоветском пространстве, либерализация партийного законодательства позволила зарегистрировать новые партии в ряде постсоветских государств.

Партийная система Республики Беларусь на современном этапе представлена 4 политическими партиями — Белая Русь, Республиканская партия труда и справедливости, Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси. Эти институты гражданского общества соответствуют основным направлениям внутренней и внешней политики, а также концепции национальной безопасности страны. Ряд политических партий, которые ранее были зарегистрированы в установленном порядке, в третьем десятилетии текущего столетия не прошли пере-

регистрацию. В Республике Казахстан на январь 2023 г. было зарегистрировано семь политических партий, что является оптимальным для их узнаваемости среди граждан страны и достойной оценки их деятельности в ходе выборов в представительные органы власти. По состоянию на ноябрь 2024 г. в Российской Федерации функционирует 24 политических партии.

Проведенный экспертный опрос в декабре 2021 года среди специалистов в области партийного строительства (Беларуси, Польши, России, выборка квотная по 10 экспертов от страны; в том числе пропорциональное представительство по полу: 5 мужчин и 5 женщин) позволяет констатировать, что большое количество политических партий не способствует их узнаваемости среди электората и не способствует высокому качеству принятия/непринятия тех или иных законов в контексте национальной безопасности государства и повышения уровня и качества жизни граждан страны. Интерес представляет прогноз, сделанный российскими политологами Е. М. Кокоткиной и В. И. Тимошенко в 2015 году в отношении партийного ландшафта в Российской Федерации в среднесрочной перспективе: «спустя несколько электоральных циклов на политическом поле произойдут количественно-качественные изменения. Сократится ряд неэффективных партий-проектов; в существующую сегодня картель войдет несколько новых сильных партий, но не противоречащих устоявшемуся режиму, которые в совокупности и будут составлять партийный дизайн российской политической системы при сохранении сильного института президентства» [Тимошенко, Кокоткина, 2016, с. 187]. На постсоветском пространстве также будут изменения в трансформации партийных систем в зависимости от сложившегося политического режима, а также от стратегии и тактики со стороны власти по отношению к институтам гражданского общества. «Мертворожденные партии» в перспективе исчезнут с политического ландшафта, так как они не будут востребованы обществом.

Полученные в ходе проведенного вышеуказанного экспертного опроса (различия в позициях экспертов различных стран незначительны; гендерные различия не были установлены) данные позволили выявить проблемное поле острых социальных вопросов современной повестки дня, требующих оперативного разрешения. При этом необходимо учитывать достижения научно-технического прогресса, так как «на первый план выходят технологии создания когнитивных схем» [Volodenkov, 2016, с. 28], глобализацию, информатизацию и цифровизацию, а также обращать внимание на скорость передачи информации между участниками, в том числе среди многообразных институтов гражданского общества. Виртуальное взаимодействие на современном этапе развития общества представляет собой

объективную реальность, так как «Интернет становится коммуникативной площадкой, где политика, вопреки сопротивлению правящей элиты, через активизацию гражданского общества приобретает децентрализованную сетевую форму, т. е. иерархические формы взаимодействия власти и общества дополняются неиерархическими, а сфера взаимодействия государства и гражданского общества демократизируется, наполняется элементами партиципаторной и прямой демократии» [Буренко, Бронников, 2012, с. 49]. Особую активность в виртуальном пространстве представляет молодежь, а ее участие «в мероприятиях гражданской активности, в том числе в онлайн-формах, зачастую, носит нелояльный протестный политический характер» [Фролов, Соколов, Гребенко, 2021, с. 8].

Взаимодействие органов власти и многообразных институтов гражданского общества в реализации молодежной политики посредством трудоустройства на основе их интересов, профессиональных компетенций и предоставлением возможности дальнейшего профессионального роста, получения дополнительного образования, повышения квалификации, включения молодежи в различные общественно-политические проекты, волонтерское движение, безусловно, будет носить позитивный характер. Социально-политическая практика свидетельствует, что молодежь идет на сотрудничество и взаимодействие, «при этом важно отметить целесообразность работы органов власти не только с активной молодежью, уже демонстрирующей свою заинтересованность в общественно-политической жизни в стране, но и с пассивной, уклоняющейся от какого-либо взаимодействия с властью» [Фролов, Соколов, Гребенко, 2021, с. 18].

Вызывает тревогу наметившаяся негативная тенденция в постсоветских странах сокращения негосударственных учебных заведений, которые достойно выполняли социальный заказ и предоставляли подрастающему поколению возможности саморазвития и получения профессиональных компетенций.

Думается, органам власти также необходимо пересмотреть систему образования среди воспитанников детских домов, так как они в большинстве случаев не подготовлены к самостоятельной жизни. Благодаря деятельности ряда институтов гражданского общества в настоящее время наметился позитивный опыт их трудоустройства. Однако данную проблему можно решить только при взаимодействии руководства детских домов, органов власти и институтов гражданского общества.

Традиционные институты — политические партии, церковь, семья, профессиональные ассоциации и др. активизируют свою работу с использованием современных информационных технологий в сети Интернет

и иных электронных средств коммуникации. Их включенность в общественно-политическую жизнь и потенциал различны в зависимости от ресурсов и интересов руководства организаций. При этом формирование групп по интересам на информационных платформах Telegram, TikTok, YouTube и др. в сети Интернет представляет интерес не только для граждан, организаторов групп по интересам (в том числе профессиональных блогеров), но и для власти, так как распространяемая информация не всегда достоверна в силу объективных и субъективных причин [Nikiporets-Takigawa, 2018, с. 6–19].

Политическая действительность ряда стран постсоветского пространства позволяет констатировать сложившееся многообразие институтов гражданского общества. При этом есть потребность в превращении ряда организаций (ассоциаций) в полноценных партнеров государства.

6.2. Партии и партийная система современной России: рубежи 2021/2022 гг.

6.2.1. Характеристика политических партий России

Институт политических партий имеет принципиальное социально-политическое значение в обеспечении общественного прогресса к ценностям демократического устройства. При этом всякая состоявшаяся демократия многопартийна. В этой связи важным является замечание классика политической науки Мориса Дюверже. Он, в частности, писал: «В целом развитие партий оказывается связанным с развитием демократии, то есть, с расширением народного волеизъявления и прав парламентов» [Дюверже, 2000, с. 22]. Политические партии являются предметом рассмотрения в научной школе кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ — В.С. Комаровского [Комаровский, Савенков, 2021, с. 49–54], Ю.И. Матвеевко [Грот, Матвеевко, 2019, с. 11–21], Д.Н. Салыкова [Тимошенко, Салыков, 2016, с. 52–72], А. Skovikov [Skovikov, 2013, с. 4–10] и др.

Для раскрытия сформулированной темы мы избираем институциональный подход, который позволит осуществить количественно-качественные характеристики ведущих российских политических партий, дать их типологию, показать своеобразие формирующейся партийной системы в современной России.

За последние 20 лет партии и многопартийная система России продвинулись в своем становлении и развитии, что может охватываться общим понятием «процесс партийного строительства».

Так, к примеру, стремясь преодолеть «заморозку» процесса партийного строительства, проявившегося за период 2004–2011 гг. [Политология, 2022, с. 113–115], Президент РФ Д.А. Медведев предложил упростить и демократизировать процедуру регистрации вновь возникающих политических партий. Данная инициатива нашла свою скорую реализацию в новой редакции Федерального Закона «О политических партиях» от 2 апреля 2012 г. Согласно ей была резко снижена необходимая минимальная численность российских политических партий и была упрощена процедура создания и регистрации партийных структур. Так, пункт «б» раздела 2 статьи 3 Закона гласил: «...в политической партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии с учетом требований, которые предусмотрены пунктом 6 статьи 23 настоящего Федерального Закона. Уставом политической партии могут быть установлены требования к минимальной численности политической партии в ее региональных отделениях» [О политических..., 2012, с. 4].

Как известно, резкое, законодательно установленное сокращение численности членов каждой партии на момент ее создания (с 40 000 до 500 человек, т.е. в 80 раз), зафиксированное в новой редакции Закона «О политических партиях» от 2 апреля 2012 г., вызвало бурный рост числа новых политических партий. Так, по состоянию на июнь 2014 г. в Минюсте России было зафиксировано 77 политических партий, причем, 69 из них получили право участия в выборах.

Рост числа вновь создаваемых партий продолжался и в последующие годы. По имеющимся данным активную политическую и организационную роль в активизации формирования новых партий России сыграли соответствующие структуры Администрации Президента РФ. А В.В. Путин, вновь избранный 4 марта 2012 г. на должность Президента РФ, в своих посланиях Федеральному Собранию РФ за 2012 и 2013 гг., во-первых, считал позитивным признаком «политической модернизации» рост числа новых партий, а во-вторых, выражал уверенность в том, что многие новые партии составят на будущих парламентских выборах 2016 г. конкуренцию российским политическим должностным лицам.

Однако с 2019 г. началось, к сожалению, резкое сокращение числа партий, прежде всего, возникших после 2 апреля 2012 г. Дело в том, что ст. 37 п. 2 Закона РФ «О политических партиях» гласит: политическая партия, не принимавшая в течение семи лет подряд участия в выборах в соответ-

стии с пунктом 1 настоящей статьи, подлежит ликвидации согласно статье 41 настоящего Федерального Закона [О политических..., 2012, с. 73].

Случаи же участия политической партии в выборах, определенные в п. 1. ст. 37 названного Закона на 2012 г. и последующие годы, были таковы:

- а) выдвинутый ею и зарегистрированный федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ;
- б) утратил силу;
- в) выдвинутого ею и зарегистрированного кандидата на должность Президента РФ;
- г) утратил силу;
- д) выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) в депутаты законодательных (представительных) органов субъектов РФ не менее чем в 20 % субъектов РФ;
- е) выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) на выборах в органы местного самоуправления более чем в половине субъектов РФ [О политических..., 2012, с. 73].

В итоге по данным министерства юстиции РФ, за период 2012–2021 гг. в России было ликвидировано 67 политических партий, причем 26 партий из них, т.е. более 1/3, были ликвидированы с формулировкой «на основании решения суда в связи с недостаточным участием в выборах в течение семи лет подряд», а пять партий из общего названного количества были ликвидированы ввиду того, что имели свои региональные отделения менее чем в половине субъектов РФ. Вместе с тем в процессе создания по данным на 2021г. находилось около 30 партий.

При этом процесс партийного строительства в Российской Федерации, как отмечено выше, продолжается. Мы считаем, что в нашей работе прежде всего важно раскрыть основные количественно-качественные характеристики ряда действующих крупных или заметных российских политических партий, которые были зарегистрированы Центральной избирательной комиссией РФ для участия в выборах в Государственную Думу РФ 8-го созыва 17–19 сентября 2021 г. Именно эта группа партий интересна для анализа.

Всероссийская политическая партий «Единая Россия»

Год создания — 2001.

Лидеры партии — Дмитрий Медведев (председатель), Владимир Путин (де факто, но формально в партии не состоит).

Самоидентификация партии — партия Президента Российской Федерации.

Тип партии — партия правого центра, с акцентом на рациональный консерватизм, этатизм. Всеохватная партия. Президентская партия.

Численность партии, ее организационные звенья. В составе партии более двух миллионов человек. Отделения ЕР действуют во всех 85 субъектах Российской Федерации. Партия имеет более 80 тыс. первичных партийных организаций и более 2,5 тыс. местных партийных организаций. Депутаты от ЕР занимают более 2 тыс. мест в региональных парламентах РФ.

Результаты выборов в Государственную Думу-2021. ЕР заняла первое место на выборах, получив 28 064 200 голосов, т. е. 49,82 %. Численность фракции ЕР 8-го созыва — 324 человека. В настоящее время у ЕР конституционное большинство в депутатском корпусе Государственной Думы.

Властно-политический вес ЕР. Партия считается наиболее влиятельной российской партийно-политической силой, принимающей основные политические решения с вертикалью органов власти в России.

Финансирование партии. В 2020 г. на счетах ЕР имелось 9 млрд 637 млн рублей, из них 4 млрд 336 млн — из федерального бюджета, т. е. 44,9 %, а пожертвования юридических лиц составили 49,9 % в общем объеме денежного фонда партии (Козлов, 2021). В ближайшие пять лет партия «Единая Россия» будет получать из федерального бюджета 4 млрд 265 млн 767 тыс. 220 руб. ежегодно.

Основные предвыборные программные позиции ЕР. Ее общее название — «Народная программа партии «Единая Россия». За благополучие и достойную жизнь людей. За сильную и успешную Россию». Таким образом, избран в качестве основного социального ракурса применительно ко всему российскому обществу, что достаточно необычно для ЕР, если иметь в виду содержание прошлых предвыборных документов партии.

Так, в преамбуле предвыборной программы ЕР под названием «Россия, которую мы строим» определена стратегия партии на обозримый период — это «работа по реализации общенациональной повестки дня, достижение национальных целей развития». Таким образом, ЕР считает, что она вправе быть своеобразным партийно-политическим центром в политической системе России.

Надо отметить, что предвыборная программа ЕР, не в пример предыдущим предвыборным программам, обширна и глубока. Причем, проработка отдельных вопросов настолько основательна, что такого углубленного подхода нельзя найти и отметить в предвыборных программах других партий по аналогичным проблемам.

Вместе с тем в предвыборной программе ЕР есть определенные недостатки. К примеру, мы считаем, что на фоне необычайно большого количества целей и задач, обозначенных в предвыборной программе, напрашивается включение в текст подраздела или даже главы о системе и сроках контроля взятых партией на себя обязательств. К слову говоря, история партии «Единая Россия» показывает, что у нее слабым местом являлся контроль исполнения принятых на себя обязательств.

Еще один замеченный нами недостаток таков, что на фоне широкой и добротной проработки социальной и другой проблематики почему-то отсутствует позиции партии о необходимости поддержания и развития политической демократии в стране, хотя бы в контексте развития Российского парламентаризма.

Авторские оценки. «Единая Россия» сегодня — действительно мощная политическая сила, она обладает в нашей стране политической властью, имея большинство как в федеральном парламенте, так и в представительных (законодательных) органах власти абсолютного большинства регионов и муниципалитетов, а также контролируя исполнительную власть почти во всех регионах России.

Однако автор считает необходимым еще раз отметить существенный недостаток в политике ЕР: в обнародованной предвыборной программе просто необходимо определение контрольных мер за выполнением взятых обязательств.

В условиях социально-экономического застоя, развернувшейся в стране пандемии и падения рейтингов партии «Единой России» крайне требуется решительным образом добиваться позитивных результатов, и здесь введение механизмов жесткого партийного контроля за выполнением собственных программ просто необходимо. Только так можно добиться возвращения авторитета в глазах общества.

Коммунистическая партия Российской Федерации

Год создания — 1993. Правопреемница компартий СССР и РСФСР.

Лидер партии — Геннадий Зюганов.

Самоидентификация партии — Коммунистическая партия.

Тип партии — левая, коммунистическая, необольшевистская партия, считающая своими политико-идеологическими основами марксизм-ленинизм, сталинизм, а также современные теоретические наработки партии.

Численность партии, ее организационные звенья. По состоянию на 2021 год КПРФ имеет численность 64 203 человека. КПРФ насчитывает 13 945 первичных и 2384 местных организаций.

Результаты выборов в Государственную Думу — 2021. КПРФ заняла второе место на выборах, получив 10 660669 голосов, т. е. 18,93 % от общего числа проголосовавших. Численность фракции КПРФ 8-го созыва — 57 человек.

Властно-политический вес КПРФ: партия представлена в Государственной Думе РФ с 1993 г. и непрерывно участвовала во всех 8-ми думских избирательных кампаниях. Отделения КПРФ открыты во всех 85 субъектах Российской Федерации. В региональных заксобраниях работает, по данным ЦИК РФ, 457 депутатов от КПРФ.

Финансирование партии. Согласно финансовому отчету в 2020 г. КПРФ получила 1 млрд 299 миллионов рублей, из них из федерального бюджета — 1 млрд 67 миллионов рублей, или 82,11 %. КПРФ в ближайшие пять лет будет ежегодно получать из федерального бюджета 1 млрд 520 млн 411 тыс. 050 руб.

Основные предвыборные программные позиции.

Предвыборная программа КПРФ «Десять шагов к власти народа. К СССР — сильной, справедливой социалистической Родине». Данное название предвыборной программы КПРФ красноречиво, как мы считаем, говорит о политической стратегии партии на обозримый период и о ее идеологии. В принципиальном плане — это возврат к советской модели социализма с политико-идеологическим доминированием в данной модели самой КПРФ.

Чтобы быть более убедительным в этой нашей оценке, процитируем некоторые положения самого важного для партии документа — программы КПРФ от 2008 г. Цитата первая: «КПРФ убеждена: спасение Отечества — только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма».

Как показывает анализ программных документов КПРФ, партия неуклонно следует избранной стратегии возврата к советскому социализму.

Характер и смысловое своеобразие основных целей, инициатив, «шагов» КПРФ — в ее предвыборной программе.

Вот только несколько основополагающих инициатив:

- шаг 1 — вернуть России суверенную экономику, а для этого покончить с элементами колониальной зависимости страны, вернуть землю в общенародную собственность, провести национализацию стратегических отраслей экономики и системообразующих банков;
- шаг 2 — осуществить индустриализацию 21 века, а для этого, в частности, осуществить переход к пятилетнему планированию и начать осуществление первой пятилетки — пятилетки развития;

- шаг 3 — обеспечить продовольственную безопасность страны. Для этого государство будет развернуто лицом к селу, в том числе, КПРФ осуществит «программу второй целины», возродит крупное сельхозпроизводство и коллективные хозяйства, построит на селе современную социальную инфраструктуру; — и т. д.

Общая оценка намеченных КПРФ стратегических шагов в предвыборной программе — это, по нашему мнению, осуществление разворота России к ценностям и практике советского социализма, а в отдаленной перспективе — к коммунизму.

Авторские оценки. Весь объем изученных материалов о КПРФ показывает, что партия на сегодняшний день представляет собой в организационном отношении мощную партийно-политическую структуру. Однако перед партией вырастают глубокие проблемы и даже тупики в ее существовании. Что касается одной из проблем, решение которой партия все отодвигает — это предельное старение руководящего крыла партийной организации, начиная с Г. А. Зюганова. Если данная назревшая проблема будет и дальше затягиваться, это может привести к спонтанной перетасовке кадров и внутреннему противоборству за власть. Что же касается просматривающегося тупика для КПРФ, то он лежит в программной плоскости: лидеры партии упрямо тянут свой актив и свой электорат в советское прошлое. Это явный тупик.

Либерально-демократическая партия России

Год создания — 1989 г. (как ЛДПСС), 1992г. (как ЛДПР).

Лидеры — Владимир Жириновский, ныне — Леонид Слуцкий.

Тип партии — праворадикальная партия, в этом смысле ее название есть ничто иное, как политическая мимикрия. На деле политическая партия продуцирует идеи и принципы антикоммунизма, русского национализма, неоимпериализма, политического утопизма, придерживается идей сильного государства.

Численность, характер организационного строения — 297 345 человек (на 2019 г.). Отделения ЛДПР имеются во всех 85 субъектах Российской Федерации. Партия имеет 2387 местных организаций, 995 общественных приемных.

Результаты выборов в Государственную Думу-2021. Властно-политический ресурс ЛДПР:

ЛДПР получила 4 252 252 голоса, или 7,55 % от общего числа проголосовавших. Тем самым, партия заняла 3 место по итогам голосования в Государственную Думу РФ 8-го созыва. По итогам состоявшихся

выборов партия сформировала думскую фракцию в 23 депутата. Вообще, ЛДПР успешно участвовала в выборах Государственной Думы всех 8-ми созывов. В региональных законодательных собраниях РФ действуют 247 депутатов от ЛДПР.

Финансирование партии. ЛДПР не имеет ни членских взносов, ни вступительных взносов. Согласно финансовому отчету, представленному в ЦИК РФ, в 2020 г. на счета партии поступило 1 млрд 201 млн 259 тыс. рублей. Из них 1 млрд 51 млн 394 тыс. рублей (87,52%) было получено из федерального бюджета в рамках программы государственного финансирования политических партий. ЛДПР по итогам выборов в Госдуму РФ-2021 будет ежегодно в течение пяти лет получать из федерального бюджета по 646 млн 318 тыс. 592 рубля.

Основные предвыборные программные позиции ЛДПР на выборах в Госдуму-2021. Данная программа была громко названа «Мы — за бедных! Мы — за честных!» В этом названии был заложен ранее отработанный зазывный популистский прием. Ведь еще в 2003 г. на выборах в Государственную Думу 4-го созыва этот прием уже использовался, но звучал несколько иначе: «Мы — за бедных! Мы — за русских!»

Если дать общую ценностную характеристику предвыборной программы ЛДПР, то она, на наш взгляд, пестрая, эклектичная. В ней одновременно наличествуют такие черты, как демократизм, популизм, антикоммунизм, радикализм, национализм, патриотизм, утопизм, рационализм.

Вот примеры данной эклектики, взятые из предвыборной программы ЛДПР-2021:

Демократизм. На этот счет в разделе 1 «Политика и власть», в п.1, партия предлагает: создать специальные места для беспрепятственного собрания граждан, чтобы представители власти слышали мнение народа. В п. 2 раздела 1 партия также предлагает: проводить свободные, честные выборы только по партийным спискам, используя электронные урны. Никаких одномандатных округов! А в п. 5 данного раздела ЛДПР предлагает назначать премьер-министром лидера партии, победившей на выборах в Государственную Думу.

Застарелый национализм. В разделе 1, п. 4 ЛДПР повторяет ранее многократно выдвигаемую инициативу: сформировать в стране 30 губерний; никакого деления по национальному признаку.

Утопизм. В разделе 2 «Внешняя политика», в п. 10 партия предлагает: возврат всех территорий СССР через референдумы без войн.

Антикоммунизм. В разделе 3 «Рывок вперед», в п. 19 ЛДПР требует: на государственном уровне осудить политику большевиков, Горбачева... Нужно осудить «перестройку» и открыть все архивы.

Тут же рядом деланный альтруизм и все тот же популизм. На этот счет в п.20 раздела 3 «Рывок вперед» читаем предложение ЛДПР: «принять акт исторического примирения. Давайте возьмем все лучшее, что было в Российской империи, СССР и новой России. С этим фундаментом пойдём вперед и будем гордиться нашей страной».

Выявленная в предвыборной программе ЛДПР идейно-политическая эклектика имеет, как это ни странно, свой долговременный эффект в определенной технологической подаче — технологии городского Петрушки, который талантливо бросает этот набор в толпу избирателей и находит в этой толпе своих восторженных слушателей и сторонников, хотя бы накануне выборов. После ухода В. В. Жириновского с политической сцены эту технологию уже никто не сможет применить, ибо она была органична натуре лидера ЛДПР.

Кроме вышеизложенных не связанных между собой эклектических позиций, предвыборная программа ЛДПР содержит ряд рациональных, по-деловому актуальных и тем самым, возможно, востребованных в российском законодательном процессе. Так, в разделе 5 «Социальная политика», в п. 42 ЛДПР предлагает полностью бесплатное подключение газа для россиян. Запрет на продажу газа за рубеж до того, пока всем гражданам России, кто в этом нуждается, не подключат газ. А в п. 54 раздела 6 «Образование и наука» ЛДПР требует: запрет на снижение финансирования всех образовательных учреждений, а работников образования приравнять к госслужащим и т. д.

В целом предвыборная программа ЛДПР в ее социально-экономическом аспекте выдвигает ряд инициатив по безусловной модернизации России.

Российская политическая партия

«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»

Годы создания – 2006 г.; объединенная партия возникла в феврале 2021 г.

Лидеры – председатель – Сергей Миронов. Сопредседатели – Захар Прилепин и Геннадий Семигин.

Тип партии – левоцентристская, социал-реформистская партия, видящая своей целью построение социализма 21 века в России.

Численность партии и ее организационные звенья. Партия насчитывает свыше 144 тыс. членов. Региональные отделения партии действуют во всех 85 субъектах Российской Федерации.

Результаты выборов в Госдуму РФ-2021. Властно-политический ресурс партии: на выборах в Государственную Думу 8-го созыва партия

получила 4 млн 201 тыс. 744 голосов, или 7,46 % от общего числа участвовавших в голосовании. Численность современной парламентской фракции в Госдуме — 28 человек. По официальным данным в региональных законодательных собраниях РФ работают 237 депутатов от Справедливой России.

Финансирование партии. В 2020 г. партия получила 654 млн 671 тыс. рублей, большинство этих средств — 76,04 % (497 млн 808 тыс. руб.) — было выделено из федерального бюджета. Еще 23,14 % составили пожертвования от юридических и физических лиц. Членских и вступительных взносов СРЗП не имеет.

«Справедливая Россия — Патриоты — За правду!» по итогам выборов в Госдуму РФ — 2021 будет ежегодно в течение пяти лет получать из федерального бюджета по 638 млн. 660 тыс. 680 рублей.

Основные предвыборные программные позиции Справедливой России на выборах в Госдуму-2021. Предвыборная программа партии лево-го центра — «Социалистической политической партии» — «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» [Утверждена 11-м съездом партии 26.06.2021 г. / [https:// Oby.spravedlivo.ru/sr 73/ 113269 b.pdf/](https://Oby.spravedlivo.ru/sr/73/113269_b.pdf/)]

Положительные акценты в программе объединенной партии:

Первое, что хотелось бы отметить, трем партиям, ныне составившим одно целое, удалось подготовить сравнительно единую и компактную предвыборную программу, в которой, тем не менее, представлены трактовки ведущих ценностей трех некогда самостоятельных партийных субъектов, а именно: трактовки патриотизма, правды и справедливости.

Как известно, в каждом программном документе можно найти заглавный раздел — самоидентификация партий. В этой связи данная объединенная партия уже своим названием самоидентифицирует себя в качестве социалистической партии, стремящейся к построению социализма 21 века, социализма актуального, демократического и эффективного, вобравшего все лучшее из опыта правящих партий социалистов и социал-демократов европейских стран, положительный опыт Советского Союза, мирового социалистического движения.

Один из наиболее глубоко разработанных разделов данного Манифеста — это борьба с бедностью, преодоление социального неравенства и осуществление действенной социальной политики. Ради реализации этих целей намечены, в частности, такие меры:

- повысить прожиточный уровень и минимальный размер оплаты труда до 31 тыс. рублей;

- установить максимальную кратность оплаты труда руководства государственных компаний и корпораций к средней зарплате в рамках одной организации;
- приравнять педагогов и медиков по статусу к государственным служащим по объему предоставляемых трудовых и социальных гарантий (заметим, что данная мера ранее уже выдвигалась «Справедливой Россией»);
- ввести полноценную шкалу прогрессивного налога на доходы физических лиц;
- вести налог на роскошное потребление и предметы роскоши;
- возратить работающим пенсионерам недоиндексированную величину пенсий за последние пять лет;
- и ряд других мер.

В борьбе за социальную справедливость объединенная партия сделала еще один существенный акцент в своей предвыборной программе «в борьбе с беззаконием, коррупцией и врагами страны». В этой связи, к примеру, предлагается:

- введение высшей меры наказания для террористов и их пособников; серийных убийц и педофилов;
- приравнивание коррупции и расхищения государственного имущества к государственной измене, введение конфискации имущества коррупционера и его семьи;
- отмену условно-досрочного освобождения и условных сроков для коррупционеров;
- ратификацию 20-й статьи Конвенции ООН против коррупции и установление уголовной ответственности за незаконное обогащение;
- и ряд других мер.

Авторские оценки. Как видно из предвыборной программы, составная часть объединенной партии — построить «демократический социализм». Но в тексте данной предвыборной программы нет ни слова о необходимых мерах по демократизации общества и власти, особенно по повышению эффективности современной властной системы России. На наш взгляд, это не просто упущение разработчиков программы и лидеров объединенной партии, это просто нонсенс.

В целом, предвыборная программа «Социалистической политической партии» — «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» по-настоящему актуальна своей развернутой социальной позицией, ре-

лизация которой наверняка будет встречена широкими общественными кругами России.

Российская политическая партия «Новые люди»

Год создания — 2020 г.

Лидеры — Алексей Нечаев, Сердана Авксентьева, Тина Канделаки и др.

Типология партии — праволиберальная, демократическая, коммунистическая партия.

Численность партии — общие данные отсутствуют. Отделения партии зарегистрированы в 55 регионах России.

Результаты участия в выборах в Государственную Думу РФ-2021. Властно-политический ресурс партии: по итогам данных выборов партия получила 2 млн 997 тыс. 744 голоса, или 5,32 % от числа проголосовавших. Таким образом, партия «Новые люди» стала пятой партией, победившей на выборах и прошедшей в Госдуму РФ. По итогам выборов партия имеет в Госдуме 8-го созыва парламентскую фракцию в 15 человек.

Еще в сентябре 2020 г. в единый день голосования партия преодолела избирательный барьер в Калужской, Костромской, Новосибирской, Рязанской областях, где выдвинула своих кандидатов. По данным на 2022 г. партия «Новые люди» имеет 34 депутатских места в региональных парламентах России.

Финансирование партии. Еще в 2020 г. партия «Новые люди» заняла второе место по размеру финансовых затрат на выборах в 3-м квартале года, потратив 170 млн. рублей после партии «Единая Россия», у которой затраты в указанный период составили 261 млн. рублей.

По итогам выборов в Госдуму 8-го созыва партия «Новые люди» будет ежегодно в течение пяти лет получать из государственного бюджета 455 млн 646 тыс. 752 рубля.

Признаки картельности партии «Новые люди». По данным специалистов лидер партии «Новые люди» Алексей Нечаев входит в центральный штаб Общероссийского народного фронта, созданного в свое время по инициативе В.В. Путина, и до сих пор возглавляемого Президентом РФ. Партию, как и другие некоторые новые партии, появившиеся в начале 2020 года, обвиняют в спойлерстве, мотивируя это быстрой регистрацией и отсутствием препятствий со стороны властей. Также партию обвиняют в связях с действующей властью. Так, в декабре 2020 года предвыборную кампанию партии возглавил близкий к администрации президента политтехнолог Евгений Минченко.

Основные предвыборные программные позиции партии «Новые люди» на выборах в Госдуму-2021:

Свежесть предвыборной программы данной партии вытекает из того, что партия еще не имеет прошлого, не отягощена, в том числе, негативным опытом, у партии до сих пор нет каких-либо крупных обязательств перед общественностью и скандалов, связанных с их невыполнением. Показателем таких оценок может быть один из фрагментов преамбулы предвыборной программы, которая имеет общее название «Основания». И одно из этих оснований для деятельности партии звучит так: «Сегодня решается важнейший вопрос: впадет ли общество в необратимую деградацию или выйдет на качественно новый уровень. Ответ на него зависит от исхода ключевого конфликта нашей эпохи — между старым миром властных вертикалей, государств и корпораций и новым миром, миром горизонтальной самоорганизации».

Поэтому партия «Новые люди» излагает позиции в своей предвыборной программе в том объеме, в котором она их видит сегодня, без оглядки на прошлое. В этой незакрепощенности проявляются, как мы полагаем, и личные качества лидеров партии. Об отсутствии зажатости, свободе подхода, проявляющихся в предвыборной программе, говорит, к примеру, первый раздел данного документа под названием «Политическое устройство». В нем — смелые позиции, отличные от вышеизложенных программных документов в подзаголовке «Обеспечить конкурентность». На этот счет партия предлагает:

- обеспечение политико-правовых гарантий сменяемости власти. Президент, губернаторы, мэры и депутаты не должны занимать свои посты более двух сроков;
- соблюдать принцип прямых выборов. В этой связи вслед за Президентом мэры и губернаторы должны избираться только прямым голосованием граждан;
- допускать на выборы федерального уровня не только партии, но и общественные организации. Снизить барьер прохождения в Думу с 5 до 1 %;
- отказаться от одномандатных округов. Представительные органы власти избирать только по пропорциональному принципу, чтобы избежать доминирования одной партии;
- запретить партиям использование «электоральных паровозов». В случае отказа участника предвыборного списка от прохождения в Думу его мандат переходит другой партии.

Провести децентрализацию:

- все важные решения в регионах принимать путем референдумов;
- руководители органов исполнительной власти: министры, мэры, губернаторы, — не реже одного раза в год должны отчитываться перед депутатами. В случае неутверждения отчета законодательного органа чиновники должны отправляться в отставку;
- утверждать министров Государственной Думой только на основании и оценки представленной программы развития отрасли. Увольнять министров в случае ее невыполнения и т. д.

Авторские оценки. Подобные радикальные предложения имеют большее или меньшее место и в других разделах предвыборной программы партии «Новые люди», например, в разделах «Экономика», «Здравоохранение», «Образование», «Экология». Теперь политологам важно отслеживать деятельность партии «Новые люди» в аспекте выполнения выдвинутых ею радикальных и при этом нужных обществу инициатив.

Российская партия пенсионеров за социальную справедливость.

Годы создания — 29.11.1997 г.; воссоздана — 07.04.2012 г.

Лидер партии — Владимир Бураков.

Типология партии — левоцентристская, социально-ориентированная, с геронтократической направленностью.

Численность партии — 1000 членов; ее основные организационные звенья: региональные отделения партии действуют в 75 субъектах России.

Финансирование партии. Партия не получает финансирования из государственного бюджета, членских и вступительных взносов не имеет. В 2020 г на ее счета поступило 157 млн.733 тыс. рублей. Практически все они были получены за счет пожертвований юридических лиц.

Результаты участия в выборах в Госдуму РФ 8-го созыва. В ходе голосования партия получила 1 млн 381 тыс. 915 голосов, или 2,45 % от общего числа проголосовавших. В итоге партия заняла 6-е место по количеству полученных голосов. В настоящее время в региональных заксобраниях России работают 32 депутата от партии пенсионеров.

Программные позиции партии. Партия позиционирует себя как партия «конструктивной оппозиции». Партия видит свою главную задачу в реализации прав старшего поколения и повышении качества его жизни.

Партия выступает за:

- прекращение сокращения медицинских учреждений под видом оптимизации;

- повышение ресурсов на здравоохранение за счет средств государственного бюджета;
- радикальную реформу пенсионного обеспечения, направленную на повышение «коэффициента замещения» (соотношения пенсии и заработной платы);
- создание единого, прозрачного и неизменного порядка определения размера пенсий; и т. д.

Партия предлагает:

- обеспечить работающим пенсионерам индексацию пенсий в полном объеме;
- создать единую пенсионную систему, основанную на равенстве граждан, без деления на простых и чиновников, а также без различных методик подсчета пенсий.

Партия выступает за сохранение традиционных общественных ценностей, в том числе — за патриотизм, национальное и межконфессиональное согласие.

Авторские оценки. В ближайшем обозримом будущем партия пенсионеров, как мы полагаем, будет наращивать количество своего электората. Это обусловлено сохраняющимся недовольством граждан различных возрастов, так называемой пенсионной реформой, а также уровнем и качеством пенсионного обслуживания населения. Но в глубине социально-экономической ситуации России лежат более значимые факторы, которые на протяжении ряда последних лет ухудшали социальное положение российских граждан. Отсюда стремление к общественно-политическому объединению будет возрастать. Партия пенсионеров может также получить перспективы для своего развития, если законодательным путем партии получить право на создание предвыборных блоков, а также в том случае, если законодательно будет понижен заградительный барьер на выборах в систему законодательных и представительных органов власти России. Так или иначе партия пенсионеров — эта скромная партия уважаемых людей — будет востребована.

Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»

Годы создания — 1993 г.; 2006 г.

Лидеры партии — Николай Рыбаков (де юре), Григорий Явлинский (де факто).

Типология партии — либерально-демократическая партия с очевидными социальными акцентами. Партия праволиберальной оппозиции.

Численность партии: на 2021 г. «Яблоко» насчитывало 16 100 членов. Региональные отделения партии созданы в 79 субъектах РФ.

Итоги участия партии в выборах в Госдуму РФ. Партия принимала участие во всех парламентских выборах, но лишь трижды проходила в Госдуму РФ: 1993, 1995, 1999 гг. На выборах в Государственную Думу 8-го созыва в 2021 г. за «Яблоко» проголосовало 1,34 % избирателей или 753 268 человек. Таким образом, партия не смогла пройти в Государственную Думу.

Властный ресурс партии. По состоянию на 2021 год партия была представлена фракциями в 4 парламентах субъектов РФ в количестве 11 депутатов. Кроме того, члены партии были депутатами 13 административных центров субъектов Российской Федерации, в Москве являлись муниципальными депутатами 183 представителя партии, в Санкт-Петербурге — 84.

Финансирование партии. «Яблоко» не получает финансирования из федерального бюджета, вступительных и членских взносов не имеет. В 2020 г. на счета партии поступило 215 млн 857 тыс. рублей, 99,97 % которых — в виде пожертвований от юридических и физических лиц.

Предвыборные программные позиции партии «Яблоко». На выборах в Госдуму-2021 партия «Яблоко» одна из немногих партий либерально-демократического характера решила, видимо, исходя из того, что она есть «объединенная демократическая партия» дать решительный бой Кремлю, это с одной стороны, а с другой — за счет решительной политической оппозиционности заполучить голоса избирателей либерально-демократического спектра по максимуму. Эти наши оценки предвыборных замыслов партии вытекают из анализа предвыборной программы (2021) «Яблока».

В самом деле, партия предложила избирателям и властям «Программу альтернативного курса развития России». В преамбуле данной программы партия, что называется, с ходу указывает: «Политика Президента В. В. Путина — это путь в тупик. Это неограниченная власть чиновников, международная изоляция и вражда с соседями, бесправные люди, отсталая экономика, не способная обеспечить высокое качество и уровень жизни граждан».

В этой связи «Яблоко» предложило принципиально другую политику и заявило о готовности ее осуществить. Раскроем, для примера, содержание нескольких разделов данной программы. Первый из них носит политико-правовой характер и назван «Свобода, права человека, демократия, жизнь без страха». В обеспечении «политической свободы» российских граждан партия предлагает: освобождение всех политических заключенных, отмена репрессивных законов, ограничивающих права и свободы

человека и гражданина. Отмена «обнуления» президентских сроков и восстановление конституционного порядка. Свобода собраний и митингов, десталинизация и честная оценка советского периода.

Далее партия в рамках первого раздела программы предложила раскрыть политические преступления. Расследование отравления А. Навального, убийств и покушений на жизнь российских оппозиционных политиков, общественных деятелей и журналистов. В подразделе «Сменяемость власти и честные выборы. Разделение властей» партия предложила: возвращение 4-летнего срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы. Федерализм и развитие реального и финансово обеспеченного местного самоуправления, прямые выборы мэров городов. Парламентский контроль за исполнительной властью, спецслужбами и правоохранительными органами. Независимость избирательных комиссий, допуск к выборам всех партий, равные права и возможности для политических партий и кандидатов.

Во втором разделе предвыборной программы «Современная экономика» «Яблоко», в частности, заявило о неприкосновенности частной собственности и развитии народного капитализма. Партия предложила многократное расширение круга людей, владеющих акциями крупных предприятий, развитие массового предпринимательства, налоговые каникулы для малого бизнеса, В подразделе «Противодействие коррупции» партия предложила: сокращение закрытых статей бюджета, принятие закона о лоббизме, введение действенной защиты заявителей о коррупции. Наконец, партия настаивает на ратификации Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Далее в предвыборной программе «Яблока» есть немало интересных инициатив социально-экономического характера в разделах: «Улучшение жизни», «Экология: чистый воздух и вода», но еще в большей степени оппозиционным и радикальным по сравнению с первым разделом выглядит 4-й раздел программы «Внешняя политика: друзья, а не враги», в том числе включающего в себя так называемый, «Мирный план Г.А. Явлинского по урегулированию конфликта на Донбассе» .

Авторские оценки. Крайний, по сути дела, скандальный радикализм предвыборных позиций партии «Яблоко», без сомнения, оттолкнул часть «яблочного» электората, насторожил Федеральную государственную власть и сказался на результатах выборов в Госдуму-2021. Этот результат, как демонстрируют вышеизложенные данные, оказался неожиданно провальным.

После выборов Г. Явлинский и его ближайшее партийное окружение спохватились и развернули диффамационную кампанию против навал-

нистов и другой внесистемной оппозиции и заявили о необходимости реформирования партии, которую незамедлительно начали, и начали буквально с чистки своих рядов под руководством Федерального политического комитета партии (председатель ФПК Г. Явлинский), что раскололо партийные ряды Яблока, посеяло взаимные обвинения. Ныне партия находится в состоянии глубокого кризиса.

Всероссийская политическая партия «Родина»

Годы создания — 2004, 14 февраля; воссоздана в 2012 г. 29 сентября.

Лидеры партии — председатель партии Алексей Журавлёв; основатели партии — Дмитрий Rogozin, Сергей Глазьев и др.

Тип партии — правая, умеренно национал-консервативная.

Численность партии, ее основные структурные звенья. Количество членов партии — 135 тыс. человек (на 1 января 2006 г.). Свежих данных о численности партии не находится, и мы полагаем, что численность партии за прошедшее время сильно сократилась. Отделения партии открыты в 80 субъектах РФ. В региональных заксобраниях РФ в настоящее время работают 9 депутатов, представляющих партию «Родина».

Финансирование партии. «Родина» не получает государственного финансирования. Так, в 2020 г. на ее счета поступило 16 млн 46 тыс. рублей, 95 % которых — это пожертвования юридических и физических лиц.

Участие партии в избирательных кампаниях в Государственную Думу. На парламентских выборах-2016 «Родина» заняла 8 место в ряду всех партий — участников избирательной кампании, набрав 1,50 % голосов, и не смогла пройти в Государственную Думу. Однако ее лидер Алексей Журавлёв все-таки был избран депутатом Госдумы 7-го созыва от 89-го одномандатного Аннинского избирательного округа (Воронежская область). При этом он не вошел ни в одну из фракций в Думе, являлся членом комитета по международным делам.

На выборах в Госдуму РФ в 2021 г. «Родина» заняла уже 10 место, получив 450 тыс. 449 голосов, или 0,80 %, а ее лидер Алексей Журавлёв использовал прежнюю тактику, и был избран депутатом в Госдуму 8-го созыва уже от Тамбовского одномандатного округа № 177. И уже 11 октября 2021г. вошел, как это ни странно, в думскую фракцию ЛДПР и получил должность заместителя председателя ГД по обороне и др.

Авторские оценки. Извивы предвыборной тактики лидера партии «Родина» А. Журавлёва показывают, во-первых, что он не использовал депутатский мандат в период 2016–2021 гг. в пользу своей партии, а во-вторых, видимо, потеряв возможности для реализации своего пар-

тийного лидерского статуса, решил для себя просто воспользоваться приглашением войти в парламентскую фракцию совершенно другой партии. Все это говорит о том, что партия «Родина» фактически брошена своим лидером, и она, судя по всему, исчезнет.

***Российская экологическая политическая партия
«Зеленая альтернатива»***

Год создания — 2020 г.

Лидеры партии — председатель Руслан Хвостов, лидер — художник Алексей Куделин (псевдоним «Вася Ложкин»).

Тип партии — партия одной комплексной проблемы — проблемы всемерного введения в экономику и социальную жизнь «зеленой политики». Партия — приверженец «энвайронментализма» (международного движения в защиту окружающей среды). Партия правого партийно-политического центра.

Численность партии, ее основные организационные звенья. В планах оргкомитета партии первой половины 2020 г. значилось провести расширение численности партии до 500 человек и 43 отделений; по состоянию на май 2020г. уже было зарегистрировано 48 отделений партии .

Участие партии в выборах. В сентябре 2020 «Зеленая альтернатива» преодолела избирательный барьер на выборах в региональные парламенты в Челябинской области и Республике Коми (получила по одному депутатскому мандату). Итого, у партии два депутатских мандата в региональных заксобраниях. На выборах в Госдуму 8-го созыва — 2021 партия заняла 12 место в ряду партий — участник голосования и получила 357 тыс. 870 голосов или 0,64 %.

Предвыборные программные позиции. Еще в июне 2020 г. партия предложила установить памятник экоактивистке Грете Тунберг в центре московского Гайд-парка в Сокольниках. В 2021 г. «Зеленая альтернатива» подала заявку на вступление в Европейскую партию зеленых. В преамбуле своей предвыборной программы партия идентифицирует себя как партию «новой волны», приоритетом которой является охрана природы России и продвижение экологических ценностей на всех уровнях власти и общественного диалога. Партия убеждена: природа превыше всего, а ее защита есть главенствующая идеология для человека.

Актуальные направления деятельности партии.

Политика: партия считает, что на фоне глубочайших экологических проблем России и огромных угроз природе и всем живым существам присутствие экологов в Государственной Думе РФ и в региональных парла-

ментах представляется очевидным и видится уже сейчас обязательным. Вытекающая из этой позиции цель партии — внедрение экологически ориентированной повестки в основные сферы жизни Российской Федерации, а также пересмотр ряда законодательных актов в пользу природоохранной составляющей.

Образование. Партия считает, что экологическая проблематика должна быть официально закреплена в системе образования в РФ на государственном уровне. Так, соответствующий предмет должен обязательно преподаваться в школах, средних и высших учебных заведениях и, особенно, в тех учебных заведениях, которые готовят специалистов, связанных с промышленным производством, несущим угрозу природе.

Экономика. Партия считает, что те экономические субъекты, которые угрожают природной среде, обязательно должны платить повышенные налоги, а экологические производства могут рассчитывать на льготы. Партия против «сырьевых вампиров» — только так можно назвать тех, кто высасывает недра великой страны. Сырьевая экономика должна уступить место более передовым и гуманным технологиям. Партия выступает с требованием отказа от ископаемого топлива и реализации конкретных мероприятий по сокращению выбросов парниковых газов в России, ведь Россия занимает 4 место в мире по выбросам CO₂.

Развитие территорий. Партия считает, что огромные территории России должны развиваться и благоустраиваться не вопреки природе, а в соответствии с ее правилами и условиями. Развороты рек, осушение болот и прочие чудовищные репрессии в отношении окружающей среды должны быть квалифицированы как экоцид и т. д.

Авторские оценки. Партия «Зеленая альтернатива» сложилась и начала действовать в рамках остроактуальной экологической проблематики, а потому имеет реальную перспективу. Мы считаем, что глубокому и эффективному разрешению экологических проблем способствовало бы ускоренное развитие партией «Зеленая альтернатива» создания общероссийской сети региональных и местных организаций, развитие взаимодействия «зеленых» партийных структур с органами власти, общественностью и различного рода «зелеными» организациями и объединениями

Всероссийская политическая партия «Партия Роста»

Год создания — 2016 г. 26 марта (реорганизация партии «Правое дело»).

Лидеры — председатель партии Борис Титов, сопредседатели — Ксения Безуглова, Оксана Дмитриева, Сергей Шнуров и др.

Тип партии — праволиберальная партия с акцентом на развитие бизнеса в России.

Численность партии: не опубликована. Региональные отделения партии созданы в 81 субъекте РФ. В настоящее время 12 представителей партии роста имеют места в региональных законодательных собраниях РФ.

Участие в выборах: в единый день голосования 2021 г. партийный список партии Роста преодолел 5-процентный барьер в Думу г. Томска — 1 место, в Казанскую городскую Думу — 1 место, в городской совет Нижнего Новгорода — 1 человек. На выборах в Государственную думу 8-го созыва Партия Роста получила 291 тыс. 465 голосов, или 0,52%, заняв тем самым предпоследнее место в ряду 14 политических партий, имевших право участия в выборах-2021.

Однако по 217 одномандатному округу г. Санкт-Петербурга от Партии Роста была избрана Оксана Дмитриева, получившая 48 тыс. голосов «за». Таким образом, в Госдуме 8-го созыва Партия роста имеет одного представителя.

Финансирование партии. Партия не получает финансирование из госбюджета, не имеет вступительных и членских взносов. В 2020 г. на счета партии поступило 53 млн 718 тыс. рублей, из них более 99% — это средства, полученные за счет пожертвований юридических и физических лиц.

Программные позиции «Партии Роста». Своеобразна самоидентификация партии. Уже в своей программе партия определяет: мы партия Людей Дела. Мы — партия производящего класса России, голос конкурентного, независимого от государства бизнеса, не двух десятков крупных сырьевых корпораций, а сотен тысяч малых, средних и крупных предприятий, призванных составлять основу среднего класса общества. Мы — их представитель в политическом пространстве страны.

Мы считаем, что такие самоидентификационные акценты партии обозначены, пожалуй, впервые среди российской многопартийности.

Оценивая современное состояние России, Партия Роста отмечает: Россия продолжает развиваться на отсталой «сырьевой модели», как страна сверхкрупного, сырьевого, чиновничьего государственного капитализма. В этом состоянии наши успехи, подчеркивает партия, зиждутся только на высокой конъюнктуре высоких цен на нефть. И часто получалось так: падает цена на нефть — падает страна.

В противовес этому Партия Роста заявляет: наша задача — научиться зарабатывать по-новому, перейти к модели развития, основанной на частной предпринимательской инициативе миллионов людей, конкуренции малых, средних и крупных предприятий. В этой связи партия к 2020 г.

разработала «Дорожную карту устойчивого роста несырьевого сектора экономики страны» во взаимодействии с Институтом экономики роста им. Столыпина.

В рамках избранной «стратегии роста» и одновременно с учетом преодоления существующего в стране хронического застоя Партия Роста считает, что следует, прежде всего, изменить систему управления экономикой страны за счет отделения управления развитием от текущего управления экономикой и создания специального органа управления развитием. Такова, подчеркивает партия, успешная мировая практика. То есть, создать новый государственный институт — штаб реформ — «Администрацию роста», отделив его от текущей работы правительства.

В своей программе «Партия Роста» определила второе стратегическое направление политики — это создание «эффективной социальной системы». Эта система должна базироваться на следующих действенных факторах: социальная помощь должна быть четко направлена на тех, кто реально в ней нуждается; данная система также должна исходить из наличия высокооплачиваемых современных рабочих мест в частном секторе; разумных справедливых налогов с прогрессивной шкалой в зависимости от доходов и, наконец, в развитых профсоюзах и эффективной системе защиты трудовых прав и социального страхования.

Еще одно стратегическое направление в программе «Партии роста» — это формирование качественно другой политической системы в России, которая должна основываться, к примеру, на следующих принципах: прямые, без каких-либо фильтров выборы глав субъектов РФ; прямые выборы (мэров) городов и других муниципальных образований; прямые выборы представителей регионов в Совете Федерации; последовательная и постоянная ротация кадров в исполнительной власти (ни одно выборное лицо не может оставаться на своем посту более двух сроков подряд); реальное внедрение принципов прямой демократии — прежде всего, в форме референдумов, начиная с местного уровня и заканчивая федеральным; ревизия ныне действующего законодательства и нормативного законодательства о политических партиях с тем, чтобы минимизировать административный контроль над выборами и деятельность выборных лиц и т.д.

Авторские оценки. Итак, «Партия Роста» — новый интересный субъект праволиберального типа. Его программные позиции — профессиональный вызов сложившемуся застою в России. И это, в отличие от предвыборной программы «Яблока», спектр конструктивных демократических экономических, социальных и политических инициатив и предложений по преодолению сложившейся ситуации, по обеспече-

нию дальнейшего эффективного роста России во всех принципиальных направлениях. Мы также считаем, что только ошибки «Партии Роста» в недавно прошедшей думской избирательной кампании не позволили ей добиться успеха, но у партии, уверенны, имеются существенные перспективы.

Сделаем обобщение по изложенному материалу и осуществленным оценкам. Можно с удовлетворением отметить, что из круга избранных нами для анализа 10 крупных и заметных политических партий часть партий, таких, как «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия — За правду», ЛДПР превратились к сегодняшнему временному рубежу в реальные общероссийские партийно-политические структуры. Для такого положения у них есть на сегодня все данные. Это, к примеру, опытные партийные лидеры; развернутые на территории России партийные инфраструктуры в лице центральных, региональных и местных партийных организаций, включающих в свои ряды сотни и десятки тысяч членов партийных структур; сотни и десятки членов данных партий, избранных в состав депутатского корпуса Федерального Собрания России, в региональные парламенты страны, в органы местного самоуправления. Названные партии сегодня имеют свои молодежные структуры, средства массовой информации, свои сайты, девизы и даже гимны. У названных партий наблюдается отлаженное взаимодействие с Президентом РФ, Правительством России, органами представительной и исполнительной власти субъектов РФ, властными муниципальными структурами. У данных партий, имеющих своих представителей в вышеназванных государственных органах, в принципе решены вопросы финансирования из государственного бюджета, кроме того, согласно законодательству они могут рассчитывать на денежные пожертвования от юридических и физических лиц.

В числе вышеназванных ведущих политических партий в ближайшее время может закрепиться партия «Новые люди», не закрыты двери в этот круг для партии «Яблоко». Судя по итогам прошедших выборов, перспективна в своем развитии и повышении политического статуса «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость». Выглядят свежо, интересно и перспективно «Партия роста», партия «Зеленая альтернатива» и некоторые другие.

Все вышеназванные политические партии имеют, как показал анализ, глубокие, концептуально выдержанные, модельные в своей сути предвыборные программные документы, содержащие аргументированно представленные идеологические ценности и заявленные политические приоритеты.

Спектр изученного нами организационного своеобразия, характера и объема их властных ресурсов, содержания и направленности предвыборных партийных платформ и программ позволяют нам утвердительно обозначить типологию представленных в материале партийных структур. Итак, сегодня мы имеем дело с партиями:

- левого, коммунистического, небольшевистского типа — это КПРФ;
- левоцентристского, социал-реформационного характера — «Справедливая Россия-За правду»;
- левоцентристская, социально ориентированная, геронтологическая по своему социальному адресу — «Российская партия пенсионеров за правду»;
- правоцентристская, неоконсервативная, «президентская» партия — «Единая Россия»;
- правоцентристская, национал-патриотическая партия «Родина»;
- правоцентристская, экологическая, партия «Зеленая альтернатива» как партия «новой волны», приверженец международного экологического движения в защиту окружающей среды («энвайронментализма»);
- правая, либерально-демократическая партия «Яблоко»;
- праволиберальная, демократическая, коммунитаристская партия — «Новые люди»;
- праволиберальная, с выраженной социально-политической опорой на сословные круги бизнеса — Всероссийская политическая «Партия Роста»;
- традиционно праворадикальная партия — ЛДПР.

6.2.2. Характер и своеобразие партийной системы современной России

Результаты процесса партийного строительства проявились также и в том, что в России в начале 2-тысячных годов сложилась партийная система. Как известно, отправное направление в понимании сущности партийных систем задал в свое время классик партиологии Морис Дюверже. Он считал, что любая состоявшаяся партийная система есть ничто иное, как «формы и способы сосуществования нескольких партий рассматриваемой страны» [Дюверже, 2000, с. 263].

На сегодняшний день в научной и учебной политологической науке встречаются и другие определения партийной системы. Одно из них — и вполне репрезентативное — мы находим в авторском учебнике известных российских политологов В. П. Пугачева и А. И. Соловьева. По их определению, партийная система — это устоявшиеся связи и отношения партий различного типа друг с другом, а также с государством и иными институтами власти [Пугачев, 1995, с. 218].

Очень важным моментом в понимании генезиса партийных систем является выяснение факторов, которые обуславливают переход простой многопартийности к многопартийной системе. Отправные ориентиры в понимании этой проблемы находим у М. Дюверже. По его мнению сущность и своеобразие партийных систем определяется рядом «общих» и «специфических» (присущих отдельным странам и обществам) факторов. Если предельно компактно раскрыть позиции Дюверже, то к числу «общих» (по сути дела — всеобщих) факторов он относит собственно многопартийный фактор, имея в виду безусловную зрелость и демократизм действующих партий; характер и своеобразие избирательных режимов; наличие демократических «конституционных» форм государственного правления и, наконец, специфические факторы, присущие каждой стране или обществу (своеобразие истории, менталитета, культуры, религиозности, национального вопроса и др.) [Дюверже, 2000, с. 263–265; 278–288; 472–474].

В постсоветской России, после десятков лет «сжатия» общества тоталитарной коммунистической системой, на становление многопартийной системы работал одновременно ряд «общих» и «специфических» для России факторов. Причем, мощнейшее воздействие на этот процесс стал оказывать и продолжает оказывать «специфический» фактор российского бытия. И Россия изначально сама, судя по всему, до конца не осознавая, двигалась через взрывную многопартийность к формированию мультипартийной системы.

В самом деле, для современной России, с ее кардинально меняющейся социальной структурой населения, с широкими и наполненными отчетливыми противоречиями в идейно-политическом спектре, с наличием различных типов политических культур, с историей, наполненной периодами жесточайшей политической борьбы, о которых сохраняется, и время от времени вспыхивает общественная память, наконец, со стихийно возникшими тенденциями к многопартийности и т.д., приемлема, по нашему убеждению, только мультипартийная система. А все разговоры о создании двухпартийной системы просто нереализуемы.

Безусловно, на формирование и развитие мультипартийной системы России работали и работают «общие» политические, институциональные факторы. Это институт Президента Российской Федерации, практически с августа 1991 г. по современный период; институт Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и ее новая редакция от 1 июля 2020 г.; институт Федерального Собрания РФ; институт выборов, прежде всего Президента РФ, депутатского корпуса Государственной Думы РФ, глав субъектов РФ и состава региональных парламентов России и т.д.

Завершающим институциональным шагом к установлению ныне действующего формата мультипартийной системы России явилось также принятие 11 июля 2001 г. Федерального Закона РФ «О политических партиях».

На сегодняшний день российская модель мультипартийной системы есть реальность. Проиллюстрируем это. Так, в соответствии с Федеральным Законом «О политических партиях» Министерством юстиции РФ по состоянию на 30 декабря 2021 г. были зарегистрированы 32 политические партии. Кроме того, на данный период времени действовало еще 30 организационных комитетов по созданию новых политических партий.

Нынешний формат российской мультипартийной системы имеет и другие свои характеристики. В ней на сегодня просматриваются не только несколько десятков партий, но мы видим и стихийное формирование партийно-политических полюсов из ряда близких друг другу партий. Это «блок», или множество одновременно существующих партий левого и левоцентристского характера; это «блок» ряда правоцентристских партий; это «блок» (множество) национал-патриотических партий; это «блок» (множество) либеральных и праволиберальных партий; наконец, это наличие отдельных праворадикальных партий.

Применительно к партиям-субъектам российской мультипартийной системы позволительно использование сложной научной типологии. Так, к числу тех партийных типов, которые обозначены нами в первом разделе нашего материала и чуть выше по тексту, можно с полными основаниями вычленивать и такие типы российских партий: политтехнологические партии (проекты); партии, создаваемые для удовлетворения лидерских амбиций; партии-спойлеры; проблемно-ориентированные партии; массовые партии; кадровые партии; правящие партии и др.

Современная российская мультипартийная система имеет доминирующую «президентскую» партию в лице «Единой России». На сегодняшний день она на деле является лидирующей партийно-политической силой, обладает реальной политической властью, имеет большинство

в Федеральном парламенте и представительных органах власти абсолютного большинства регионального и местного уровня, а также контролирует исполнительную власть почти во всех регионах страны.

Современная российская мультипартийная система имеет также двухуровневый характер: первый уровень — парламентские партии в Госдуме и в региональных парламентах; второй уровень — внепарламентские политические партии, круг которых достаточно широк. Скажем, что этот круг претендует на статус парламентских партий.

Современная российская мультипартийная система внутренне напряжена в виду перманентной политической борьбы и конкуренции, она также имеет круг оппозиционных политических партий.

Формат современной российской мультипартийной системы, как нам представляется, будет существовать и в обозримом политическом будущем России. Однако, все-таки, есть основания к ее возможной модернизации. Мы считаем, что круг парламентских партий застоялся, некоторые из них имеют уже пожилых руководителей. Для того, чтобы обновить круг парламентских партий, не ломая сложившегося формата партийной системы, можно законодательно принять решение о праве партии на создание предвыборных блоков и на понижение заградительного барьера от современных 5 % к 3 %.

Какие-либо радикальные реформационные меры к нынешней мультипартийной системе применять, на наш взгляд, нецелесообразно. Она, как это не звучит пафосно, продолжает быть одним из фундаментов российской политической системы.

Вывод. При всем многообразии научных толкований и определений сущности гражданского общества и при отсутствующей общепринятой на этот счет универсальной теории, можно все же утверждать, что гражданское общество — это сфера самоорганизации и самоуправления индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций граждан, которая ограждена законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны органов государственной власти.

В настоящее время гражданское общество в России, как и в других постсоветских республиках, находится в стадии активного поиска новых технологий для оперативного взаимодействия как между руководством и членами многообразных институтов гражданского общества, находящихся на политическом ландшафте отдельно взятой страны, так и между институтами, а также органами государственной власти. В целях дальнейшего эффективного развития гражданского общества необходимо, по нашему мнению, нахождение компромисса между органами государ-

ственной власти и многообразными институтами гражданского общества в предоставлении полноформатной свободы в рамках действующего законодательства.

Институт политических партий — это один из институтов гражданского общества, ныне действующий во всех странах мира, вступивших на путь демократии, в их числе и в современной России. Востребованность института партий — прежде всего, в повседневной реализации более чем полутора десятков партийно-политических функций. В этом смысле сложившийся институт политических партий — это второй по значимости политический институт после института государства, причем, выдвинутый из глубин гражданского общества.

В современной России продолжается (хотя и не без проблем) развитие института партий. Как показано в данном материале, общее количество зарегистрированных политических партий перевалило за три десятка, и это не последняя цифра. Число членов крупнейших российских партий исчисляется десятками, а то и сотнями тысяч (как в Единой России). Уже сложились определенные типы партий, хотя их типическое разнообразие продолжает множиться и даже на ходу трансформироваться. Наиболее развитые и успешные партии уже глубоко вошли в систему российского парламентаризма, они также оказывают влияние на кадровое обеспечение органов исполнительной власти, политически взаимодействуют как с системой органов власти, так и с широким спектром институтов гражданского общества.

Как известно, высшим уровнем развития института политических партий являются партийные системы, в тех или иных моделях или форматах являющихся узаконенной и легитимной практикой постоянного взаимодействия политических партий как с институтами государственной власти, так и с институтами гражданского общества и отдельными гражданами на предмет политики как средства решения общих социально-политических проблем.

В современной России на основе одновременного действия «специфических» (присущих обществу социально-политических характеристик) и «общих» (или всеобщих, политико-властных и институционально-правовых) факторов ныне утверждается модель (формат) мультипартийной системы, что, по нашему мнению, исключает и возможные разговоры о двухпартийной системе, тем более политические эксперименты на этот счет.

Вместе с тем институт российских политических партий, как и партийная система в целом, только в начале своего развития. В целях их

дальнейшего успешного действия предстоит, как мы считаем, разрешить ряд очевидных проблем. Они таковы:

- дальнейшее укоренение в российском общественном сознании позитивных взглядов и оценок на сущность партий, на безусловную востребованность их присутствия и деятельности в политическом процессе России;
- привитие партийному активу принципа неуклонного следования законодательству и постоянной опоры на социально-политические запросы и интересы российского общества;
- необходимость своевременного обновления кадрового актива политических партий, что будет исключать кадровые и политические кризисы партий;
- необходимость постоянной актуализации программных документов партий, что будет обеспечивать востребованность партийного программного материала среди граждан;
- обеспечение неуклонного соблюдения партиями и государственными структурами, отвечающими за проведение выборов, избирательного законодательства;
- преодоление в системе органов власти застарелого, недемократичного синдрома недоверия к институту партий или проводимой нелегитимной поддержки одних партийных структур против других и т. д.

РАЗДЕЛ 7

ПОЛИТИКА И ПРАВО

7.1. Политология права: идея, содержание, эвристический потенциал

7.1.1. Зарождение и первичная институализация идеи «политология права»

Одним из важнейших государственно-политических проектов становления современной государственно-политической и правовой систем России был Всероссийский проект Администрации Президента России и Государственной Думы Федерального Собрания РФ с международным участием «Мониторинг уголовно-процессуального кодекса РФ», принятого 18 декабря 2001 года и вступившего в силу с 1 июля 2002 года (Уроки реформы уголовного правосудия в России.2006).

В рамках данного проекта мы с профессором В.С.Комаровским осуществляли как политическое, так и социологическое консультирование. На 55 конференциях в субъектах Российской Федерации во всех федеральных округах страны, с участием не менее 10 000 (десяти тысяч) высококвалифицированных юристов всех отраслей и направленностей юридической специализации мы проводили экспресс-анкетирование, вели включенное наблюдение за происходящим процессом.

В ходе этого стремительного и высокодинамичного исследовательского процесса стало ясно и отчетливо видно, что процесс формирования правовых норм идет как минимум в двух плоскостях — в плоскости исключительно юридической и в плоскости политической.

В ходе одной из таких конференций, которая проходило в 2002 году в здании областного суда в Южно-Сахалинске, стало окончательно ясно,

что правовой и юридический процесс в итоге замыкаются на поле политической коммуникации, и это явление можно определить как ничто иное, как «политология права». Там же родилась идея формата международной научно-практической конференции, прошедшая в РАГС 17 декабря 2002 года, по итогам которой была выпущена коллективная монография. Именно в этой монографии мною и была в первоначальном виде оформлена идея политического права (Мизулин, 2003, сс. 124–134).

7.1.2. Сущностная институализация идеи

За последние годы автором опубликовано достаточно много текстов, посвященных раскрытию сущностного потенциала идеи «политология права». Наиболее зримо ее содержание содержится в тексте «Политология права: исходные основания и принципы», размещенного на сайте электронной библиотеки «Гражданское общество России» (https://www.civisbook.ru/files/File/Mizulin_pravo.pdf).

Достаточно подробную библиографическую версию с описанием главных содержательных моментов идеи «политология права» представил в своей публикации И.А.Кузьмин [Кузьмин,2021, сс.25–35]. Автор справедливо отмечает, что «Еще в конце XIX — начале XX в. С.А. Муромцев, Р. Штамлмер и Г. Гурвич обосновывали существование «политики права» как совокупности правовых ценностей, идеалов, методов юридической техники, наиболее подходящей для определенной системы права в конкретную историческую эпоху и выступающей своего рода эталоном развития ее системы. Данный инструментальный подход характеризует политику права в качестве техники совершенствования государственно-правовой действительности, которая призвана обеспечить наиболее эффективные ценности, отраженные в нормах права» (Кузьмин, 2021, с.33).

Систематическую научную и проектную работу в этом направлении в последние годы осуществляет профессор А.Ю.Сунгуров и его ученики — магистры и аспиранты [Сунгуров, Захарова, 2017, с. 83–93].

Как заметил А.Ю. Сунгуров в ходе дискуссии на «круглом столе» в рамках IV Международной конференции «Парламентаризм: региональное измерение» 18 апреля 2019 г. (г. Томск) только политология права может выявить истинное содержание правовых решений и основания (причины) их принятия. Очерчивая «эскиз исследовательского поля», А.Ю. Сунгуров и А.Е. Захарова пришли к выводу, что властно-государственную организацию общества определяют два ключевых фактора: политика и право. Пра-

во (законодательство) является отражением изменений в политической ситуации и выступает связующим звеном между политическими институтами и обществом. Основные точки соприкосновения права и политики авторы усматривают в структуре правотворческой и правоприменительной деятельности, задаются вопросом о том, как политические факторы могут определять развитие законодательства. Перспективы формирования предмета политологии права видятся ими во взаимодействии основных участников (акторов) публичной политики, включая органы законодательной и исполнительной власти, основные институты гражданского общества, а также в изучении переходных периодов развития универсальных прав человека и правосудия, избирательных систем, управленческого потенциала «мягкого права» [Сунгуров, Захарова, с. 90].

Постепенно и последовательно секция «Политика и право» становится регулярной в работе Всероссийского политологического конгресса [Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы, 2021].

Если резюмировать главное сущностное начало и содержание идеи «политология права», то следует констатировать: политология права — это политическое учение о том, как политик осуществляет в конкретных политических и исторических ситуациях «выход из права» или «за пределы права». При этом ключевым альтернативным подходом применительно к праву является юридический концепт, сущность которого состоит в «юридизации социального» или в процедуре «входа в право».

7.1.3. Эвристический потенциал идеи «политология права»

Как и любая мощная метафизическая идея, политология права достаточна тотальна для объяснения «всего», выражаясь языком А.М. Пятигорского. В этом ее сила и универсальность. Достаточно, например, это суждение проиллюстрировать для объяснения сути переживаемого в настоящий момент Россией постконституционного процесса и периода.

Попытаемся объяснить этот феномен в рамках методологии политологии права как одного из феноменов современного политического мышления.

На сегодняшний день предельно ясно, что Президент России полнотью отказался от процедуры подготовки изменений в Конституцию,

созданной и предложенной в начале девяностых годов 20 века. Отказ от «принципа публичного конституционного совещания» произошел в пользу принципа «экспертной работы» Главного правового управления администрации и самой Администрации Президента России с шагом последующего вынесения предлагаемых поправок в Конституцию 1993 года на Всероссийское голосование.

В этой процедуре и кроется главный сюжет конституционных изменений сегодняшнего дня.

Почему именно так поступил Президент России, значительным образом принизив роль иных субъектов законодательной инициативы, реальных и потенциальных политических субъектов, и фактически взяв на себя ответственность за выход за пределы легального (действующего) права, включая как собственно конституционное поле, так и систему действующего законодательства, выстроенного в логической проекции Конституции 1993 года?

Ответ на этот сложный вопрос видится следующим образом.

Во-первых, в процессе постановки вопроса об изменениях действующей Конституции произошел отказ от морально-политического принципа «строго и неукоснительно соблюдать действующую Конституцию» и «выступить ее гарантом». Именно этот политический прием совершенно непонятен практически всем критикам конституционного маневра президента. С критической точки зрения, основанной не на понимании этики политического мышления и деятельности, а на догматизации и абсолютизации нравственно-моральных заповедей, ценностей, принципов и норм строится платформа непринятия предпринятых Президентом России политических действий, направленных на изменение действующей Конституции.

Критики и представители данного направления мысли не учитывают следующее. «Вообще единоличный субъект абсолютной политической власти, за редкими исключениями, шарлатаном быть не может. Что же он делает? Мао Цзэдун менял принципы и каноны политической власти шесть раз — если считать его абсолютную политическую власть условно с 1944 года до его смерти (за этот же период Жан Поль Сартр менял свои принципы — заметьте, до конца оставаясь принципиальным, — только четыре раза) [Пятигорский, 2007, с. 64].

Рассуждения А.М. Пятигорского, во-первых, помогают понять, что Президент России убедительно продемонстрировал всем политикам — именно он является на сей момент единоличным субъектом абсолютной политической власти. Именно он, и никто другой может осуществить «отсечение» потенциальных и реальных претендентов на роль абсолют-

ного носителя политической власти. Во-вторых, понимая и обозначая эту роль, Президент России осознанно идет на политический шаг реконструкции собственных политических принципов, сознательно демонстрируя свой собственный статус абсолютного носителя политической власти. При этом он понимает, что никто другой из реальных политических субъектов в этой точке собственно политического действия в моменте не находится и объективно не может находиться. Происходит то, что постоянно бывает в политической истории — персональное политическое усиление статуса и масштаба собственных политических действий за счет смены этико-моральной парадигмы политического мышления и потенциальной политической деятельности.

Кстати, именно на этот момент, правда в некоторой другой смысловой коннотации, постоянно обращал внимание в своих публичных выступлениях на политической радиостанции «Эхо Москвы» Глеб Павловский (<https://echo.msk.ru/programs/albac/2597504-echo/2020>), когда говорил о фактической и реальной неготовности политической оппозиции противопоставить этому принципиальному шагу Президента России что-то аналогичное по силе и масштабу своего политического размаха.

И то, что это действительно так, показывает на данный момент, провал конституционных инициатив партии «Яблоко» [Конституция свободных людей. <https://www.yabloko.ru.2020>]. При всей, казалось бы, конституционной безупречности эти инициативы по своей мощности и публичной притязательности и привлекательности оказались не только не востребованными общественностью, но и не смогли реально конкурировать со стремительным шагом политических действий абсолютного субъекта политической власти.

Из вышесказанного вовсе не следует, что автор как гражданин России в возможной ситуации персонального политического позиционирования пытается исключительно поддержать действия Президента России и не поддержать, а критиковать, например, действия оппозиции или в данном случае партии «Яблоко». Наша логика совершенно иная. Мы просто констатируем достаточно очевидный для нас факт — факт возможности изменения политических принципов в роли и ситуации обладания абсолютной политической властью. Это не раз случалось в современной политической истории, и это неизбежно будет происходить в будущем. Именно так меняются политические циклы. На смену одной этико-моральной парадигме приходит другая, за ней — следующая, и так происходит постоянно, пока сохраняется и реализуется сингулярное качество политического действия.

В нашем понимании именно это и произошло. Политический принцип «публичности процедуры внесения, обсуждения поправок и проведения национального референдума по Конституции 1993 года» в январе 2020 года Президентом России заменен на принцип «экспертных оценок и разработок с элементами парламентского и всероссийского голосования». И произошел этот процесс на платформе исключительной убежденности Президента России в собственной абсолютности политического властвования, не разделяемого ни с кем из действующих политических субъектов.

И теперь, главное в наших рассуждениях. Требуется понимание того, что следует на практике после этико-морального и нравственного политического перепозиционирования, и почему такое политическое действие возможно в современном мире?

В политологическом контексте неправовые политические действия, а данном случае мы имеем именно с таковыми, — вещь естественная для современного этапа развития общественных отношений. С одной стороны, результативная современная политика не может сегодня обходиться без правовой составляющей, не может ее не учитывать. С другой стороны, она, как результативная и эффективная, становится таковой в тех случаях и в тех ситуациях, когда действует «поверх права».

Политическое действие «поверх права» есть действие «поверх» старой системы юридических координат. Получается, что современное политическое действие есть одновременно и правовое действие, и действие, обеспечивающее ценности, например, права человека или право народа на самоопределение, и действие, направленное на прорыв или разрыв стереотипов, мешающих абсолютному субъекту политической власти удерживать страну и ее территорию как единое целое.

Бесконечное политико-правовое регулирование — настройка и перенастройка парламентских и околопарламентских законодательных процедур эффективной политики не создает. Современная бюрократия в этих случаях всегда выигрывает у политиков, а, следовательно, не дает шанса для развития гражданских инициатив, «проваливая» их в процедурных согласованиях.

Получается, что, если политики исповедуют старое право и старое учение о соотношении права и законодательства, политика в лучшем случае становится стабилизационной, но никак не политикой развития. Политикой развития, и в этом качестве публичной политикой она становится тогда, когда одновременно переоформляет и властные институты, цели и стратегии граждан на своей территории, обеспечивает сохранение нор-

мативных содержаний современности и удерживает символическое поле цивилизационной идентичности [Хабермас, 2011].

На момент написания данной статьи, оставляя в стороне многие важные вопросы современной публичной политики и концентрируясь исключительно на вопросах политологии права, приведем в подкрепление наших мыслей еще одно важное положение.

«Очевидно, что ключевой вопрос политического правоповедения заключается в следующем: «Проводит ли закон различия между теми, кто к нему обращается? То есть, действительно ли различия в правовых нормах, противоположные различиям в судебном поведении, ведут к различиям в судебном исходе?». «Политическая юриспруденция давно признала, что тяжба была формой политического действия групп интересов. Нам еще долго нужно изучать тяжбу как форму политического действия правительства» [Shapiro M. 1983. P. 546, 548].

Так оценивает ситуацию М. Шапиро. И он прав. «Голый нормативизм», предназначенный для обезличенного субъекта, исчерпал себя. Он исчерпал себя как с точки зрения социальности, так и рациональности и, прежде всего, рациональности политической. Нельзя в современном мире создавать нормы, не учитывающие разные позиции и интересы разных правоприменителей и пользователей правовых ном. Нельзя создавать нормы, правила и законы, не учитывающие конкуренцию компетенции агентов и институтов. Нельзя не понимать того, что многие ситуации и глобальные вызовы современности требуют не столько детальной регламентации и юридического описания процедур, сколько точного ответа на вопрос о том, где и при каких условиях право не действует, и когда при его замене более эффективно срабатывают политические практики или социальные технологии.

Вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу — завершившийся 4 марта 2012 года выборами Президента России очередной политический цикл не есть цикл завершившейся политической практики. Это есть фундаментальное онтологическое явление, сутью которого является длянщаяся во времени и пространстве демонстрация и владение Президентом России властно-политическими практиками «выхода» из деструктивной, по его мнению, юриспруденции с постоянными переходами от власти к праву и от права к власти. «Лидер российской нации», Президент — Председатель Правительства — Президент России с участием и без участия, с включением и исключением из политического процесса себя и тех или иных политических субъектов в 1999–2012 годах продумал и создал повторяющийся политический феномен.

Феномен Президента России как единоличного субъекта политической власти на указанном историческом горизонте говорит о том, что он как властитель быстрее и эффективнее работает в мировом и суверенном политическом пространстве, действительно изменяя общественные отношения, нежели это делают другие субъекты политического цикла, или эксперты от науки со всеми ее университетами, школами, методами, экспертизами, диссертациями, претензиями на прогнозы и амбиции, гражданское общество, или то, что называется институтами и демократическими процедурами.

При этом следует помнить, что такой выход за пределы легального права или политическое действие «поверх права» всегда сопрягается с «возвратом к якобы старому». В случае внесения изменений в Конституцию России и созданием новых конституционных норм неизбежной и предельно важной стадией этого процесса станет постконституционное нормотворчество, ключевым содержанием которого будет изменение федерального законодательства и, прежде всего, законодательства, регламентирующего сферу государственно-политических институтов и отношений.

Вывод. Приведенный анализ убедительно демонстрирует эвристический потенциал идеи «политология права». Они позволяют безошибочно констатировать, что на сей момент мы имеем изменения в Конституцию России 1993 года, реализованные за счет перепозиционирования политического принципа мышления и деятельности Президента России.

С момента принятия предложенных Президентом России конституционных поправок в стране в полном объеме начнет действовать новый конституционный порядок, главной особенностью которого станет процедура юридизации (процедура внесения поправок в действующие конституционные федеральные и федеральные законы) политической платформы суверенизации внутренней и внешней политики России. В какой мере и с каким качеством эту задачу решат конституционные и не конституционные субъекты законодательной инициативы, сказать сложно.

Это связано с тем, что единоличный субъект абсолютной политической власти, равно Президент России, в этом процессе вряд ли будет принимать участие в полной мере в силу уже достигнутого политического результата за счет «выхода за пределы права». Сам же «возврат в право» как процесс приведения законодательства в соответствие с принятыми поправками в Конституцию России 1993 года будет крайне противоречив.

К основаниям предельной противоречивости такого постконституционного процесса следует отнести слабость проектно-политического мышления абсолютного большинства действующих субъектов законода-

тельной инициативы, персональная сверхамбициозность действующих и потенциальных политиков, правовой нигилизм представителей технологической революции 4.0 и бизнеса, отсутствие понимания и единодушного толкования действующего права и законодательства представителями юридической инфраструктуры и общественности, неопределенность эффективности политической платформы суверенизации внутренней и внешней политики России.

Для купирования и снижения конфликтных ситуаций процесса входа в новый общественный и правовой порядок автор совместно с группой единомышленников, объединенных платформой «Политическое мышление и действие», готовит политический проект «Постконституционный процесс в России» и приглашает к участию в нем всех заинтересованных читателей нашей кафедральной монографии.

7.2. Единство публичной власти в Российской Федерации: политико-правовой анализ

7.2.1. Понятие и сущность политико-правовой категории «публичная власть»

Политико-правовая категория «публичная власть» давно и обширно используется в научных трудах западных и отечественных ученых, и коннотация данного понятия трактуется достаточно дифференцированно. Следует подчеркнуть, что термин «публичная власть» происходит еще из юриспруденции Древнего Рима — российские ученые А.Н. Савенков и В.Е. Чиркин указывают: «так обозначалось то, что является государственным, однако, одновременно это было также общим, общественным, публичным, общедоступным» [Савенков; Чиркин, 2018, с. 24]. Соответственно, различия между публичным и государственным в праве римские юристы, в сущности, не делали. Подобного различия в трактовке понятия «публичная власть» ученые не увидели и у Ф. Энгельса в его фундаментальном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где в качестве главного признака государства называют публичную власть. В этой связи исследователи заключают, что общее понятие публичной власти шире, чем понятие «государственная власть» [Савен-

ков; Чиркин, 2018, с. 24]. Однако Т.Я. Хабриева указывает в своем исследовании, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали публичную власть только государственной властью [Хабриева, 2005]. При этом ученый В.И. Шкатулла подчеркивает, что публичная власть имеет различные организационные формы.... Публичная власть — это не только государственная власть. Своя публичная власть существует в муниципальном образовании, ее осуществляет народ, такая власть не является государственной властью [Шкатулла, 2019].

В отечественной науке существуют и иные подходы к понятию «публичная власть», в частности, известный ученый С.А. Авакьян не делает отличия «публичной власти» от «политической власти», указывая, что политическую власть называют также публичной властью, исходя из того, что она осуществляется в обществе и адресована широким массам членов общества (т.е. публично) [Авакьян, 2015]. Вместе с тем, ученый заключает, что «в науке конституционного права давно является устойчивым представлением о публичной власти как широком явлении, включающем принадлежность всей полноты власти народу и осуществляющемся как в форме государственной власти, так и форме местного самоуправления» [Авакьян, 2018, с. 7–13].

Отечественные ученые — М.С. Андрианов, С.А. Боголюбов, Н.Д. Бут, Д.Г. Добрецов, К.П. Ермакова и другие исследователи отмечают, что «конституционные нормы являются фундаментом, на котором строится все здание российского правового регулирования» [Андрианов, Боголюбов, Бут, Добрецов, Ермакова и др., 2017, с. 14].

7.2.2. Нормативно-правовое регулирование единства публичной власти в Российской Федерации

Следует особо подчеркнуть, что понятие публичной власти было введено в право Конституционным судом РФ (КС РФ) еще в Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П, в котором КС РФ определил, что местное самоуправление и его органы являются видом публичной власти [Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П]. Затем в Постановлении от 10 июня 1998 г. № 17-П КС РФ употребил понятие «уровни публичной власти» [Постановление Конституционного

Суда РФ от 10.06.1998 N 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П]. Далее, в развитии этих положений в Постановлении от 2 апреля 2002 г. № 7-П КС РФ подтвердил положение о природе местной власти: «местное самоуправление — публичная (муниципальная власть)» (абз. 2. п.2) [Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева»] и ряде других постановлений КС РФ.

Политическим триггером — первым этапом легитимации понятия публичной власти стало послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г., где была запущена идея о необходимости закрепления в Конституции РФ принципов единой системы публичной власти, выстраивания эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами.

Вместе с тем Президент России указывает на качественное изменение роли губернаторов, а именно — не только их участие в рамках Государственного Совета в выработке решений, но, главное, усиление их роли в принятии решений на федеральном уровне, что также относится к принципам единства публичной власти.

К следующему принципу единства публичной власти относится предложение об усилении роли палат парламента во взаимоотношениях с исполнительной властью, прокуратурой и органами судебной власти, а также выведении на новый конституционный уровень принципа взаимодействия федеральных органов всех ветвей государственной власти.

Таким образом, речь идет о следующих принципах единой системы публичной власти:

Первый принцип — это включение органов государственной власти и органов местного самоуправления в единую систему публичной власти.

Второй принцип — это включение субъектов Российской Федерации в процесс принятия общефедеральных решений.

Третий принцип — это принцип взаимодействия федеральных органов государственной власти.

Вторым этапом легитимации единства публичной власти стало принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее — ФКЗ № 1), принятого с учетом анализа предложений членов рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ [Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации»]. В ФКЗ № 1 термин «публичная власть» появляется не только в названии закона, но и несколько раз употребляется, а также поднимает вопросы не только организации публичной власти, но и ее функционирования.

Третьим этапом легитимации и, в данном случае, конституционализации единства публичной власти становится внесение поправок в Конституцию РФ и выход новой редакции Конституции РФ 1 июля 2020 г., принятой с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования.

В новой редакции Конституции РФ термин «публичная власть» упоминается в ч. 1 ст. 67; в п. «г» ст. 71; в ч. 2 ст. 80; в п. «е5» ст. 83; в ч. 3 ст. 131; ч. 3 ст. 132; ст. 133.

Первый принцип впервые закреплен в ч. 3 ст. 132 о вхождении органов государственной власти и органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. В ст. 133 указывается на публичные функции, которые могут выполняться органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти. При этом следует особенно подчеркнуть, что в единую систему публичной власти входят не только эти органы власти, но и формы выражения власти многонациональных народов субъектов Российской Федерации и населения муниципальных образований, о чем постулирует ст. 3 Конституции РФ. В данной интерпретации функциональной составляющей вхождения органов государственной власти и органов местного самоуправления в единую систему публичной власти является взаимодействие данных органов власти в рамках этой системы для более эффективного решения задач в интересах населения Российской Федерации. В Послании Президент РФ подчеркнул, что и в настоящее время запрос на перемены в российском обществе прослеживается весьма очевидно, причем, он исходит от самих людей,

«зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут, работают — в городах, селах, по всей стране» [Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г.].

Конституционную легитимацию получил и порядок участия органов государственной власти в формировании кадрового состава органов местного самоуправления. В рамках единой системы публичной власти органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных Федеральным законом. При этом активное вторжение органов государственной власти в функционирование института местного самоуправления ограничено ч. 2 ст. 132 Конституции РФ, постулирующей, что органы местного самоуправления могут наделяться Федеральным законом, законом субъекта Российской Федерации отдельными государственными полномочиями только при условии передачи им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств.

На наш взгляд, этот серьезный правовой шаг сделан в сторону разрешения давних противоречий и проблем, прекращения многолетней дискуссии по вопросу определения места органов местного самоуправления в системе власти в современной России.

Второй принцип единства публичной власти о возможности участия субъектов РФ в принятии общефедеральных решений закреплен в п. «е5» ст. 83 Конституции РФ, который говорит о полномочиях Президента РФ формировать Государственный Совет РФ, конституционно превратившийся из совещательного органа в орган, обеспечивающий согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти. В рамках действующей Конституции РФ Государственный Совет РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики РФ и приоритетные направления социально-экономического развития государства.

Третий принцип реализации единства публичной власти, выраженный во взаимодействии федеральных органов государственной власти, особенно нашел свое закрепление в поправках к Конституции РФ. Это касается новых взаимных прав и обязанностей в отношениях Президента РФ с Правительством РФ и другими федеральными органами исполнительной власти. Вместе с тем, конституционализировано перераспределение полномочий между Президентом РФ и палатами Федерального Собрания РФ, органами судебной власти и органами прокуратуры.

Следует особо отметить, ст. 71 п. «г» Конституции РФ постулирует: «организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти». Именно эта категория «публичная власть» в данной статье в конструкции конституционной нормы предваряет правовую категорию «система федеральных органов власти», что указывает на ее первостепенное значение и системообразующий характер.

Ст. 80 Конституции РФ устанавливает конституционно-правовой статус Президента РФ. Если ранее в этой статье использовался термин «органы государственной власти», в новой редакции Конституции РФ в ч. 2 ст. 80 теперь заменен на «органы, входящие в единую систему публичной власти».

Ст. 131 дополнена отныне частью 3, указывающей: «Особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом».

Таким образом, совершенно очевидно, что основным стержнем и системообразующим компонентом органов власти в новой редакции Конституции РФ становится правовая категория «единство публичной власти».

7.2.3 Политическая легитимация единства публичной власти в современной России

Помимо правовой категории природы и структуры публичной власти, еще в начале XXI века реализуется ее политический формат — это выстраивание и укрепление «вертикали власти», который становится политическим базисом формирования системы единства публичной власти современной России.

Одновременно с укреплением «вертикали власти» поэтапно осуществляется и одна из форм публичного управления — институализация взаимодействия государства и гражданского общества и его соучастия в управлении государством. Появляются институты общественного контроля, приняты законы об общественных объединениях; о профсоюзах; о политических партиях; об уполномоченном по правам человека; о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях; об Общественной

палате РФ; об обеспечении доступа к информации о деятельности судов, государственных органов и органов местного самоуправления; об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника и др. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» вышел 21 июля 2014 г., где впервые прописано создание общественных советов при федеральных органах исполнительной и законодательной власти, а также органах власти субъектов РФ. Они имеют право выполнять консультативно-совещательные функции, участвовать в осуществлении общественного контроля, содействуют учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций при общественной оценке их деятельности.

Тем не менее, как указывает российский ученый Л.Н. Тимофеева, «Подлинная демократия зависит от степени соучастия народа в управлении» При преобладающем значении у людей ценностей выживания происходит упрочение в общественном сознании института авторитаризма, когда на практике сотрудничество превращается в формальную демократию, когда имеются «бутафорские институты», гражданские и политические права, но правящая элита игнорирует их и действует по собственному усмотрению [Тимофеева, 2018, с. 688]. При этом ученый оптимистично показывает, что «постепенно налаживаются контуры институционального сотрудничества гражданского общества и государства в управлении страной. Пусть институты эти еще подражательные и подыгрывающие власти вместо того, чтобы представить ей обоснованные альтернативы в политике и в экономике, но они уже есть. Создана и продолжает формироваться серьезная законодательная база для такого сотрудничества. Формируются общественные советы при органах государственной и муниципальной власти. На общественные советы возлагается гражданский контроль за ней.... На нынешнем этапе развития институтов гражданского общества все больший интерес его активисты проявляют и к непосредственной коммуникации с властью без посредников. Это связано с бурным развитием Интернета и социальных сетей» [Тимофеева, 2018, с. 688].

В данном контексте вызывает интерес позиция отечественного ученого А.И. Соловьева, указывающего, что «действуя одновременно с лоббистами, сети расширяют зону неформальных коммуникаций, создавая так называемый «каскадный эффект», отражающий наличие множества латентных игроков, работающих с властями по одной группе вопросов. Такая многопоточная тактика увеличивает давление на публичные институты, повышая фрагментарность или пунктуационность (punctuatedness) формирова-

ния правительственных планов. В этой разряженной политической среде сетевые коалиции — как доминирующие политические игроки — получают возможность поддержания локального равновесия (по поводу решения тех или иных вопросов) как с публичными институтами, так и с многочисленными гражданскими структурами [Соловьев, 2019, с. 20]. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что «весьма специфическую «поддержку» общественной повестке оказывают и привилегированные стейкхолдеры. Так, стремясь уловить настроения людей, привлекая внимание правительства к поднимаемым обществом вопросам... они, используя подконтрольные медиаресурсы, неизбежно принуждают их работать на собственные цели и приоритеты. Иначе говоря, такая тактика свидетельствует об их желании самостоятельно — помимо властей — агрегировать гражданские интересы, стремясь при этом подменить и сами правительственные приоритеты... «Однако, — подчеркивает А.И. Соловьев, — даже не оказывая прямого воздействия на правительственные цели, общественная повестка играет весьма конструктивную роль: она структурирует общественное мнение, способствует политической идентификации граждан, показывает рациональные основания неравенства, демонстрируя то или иное отношение к институтам власти. Будучи обращена к населению, эта повестка становится инструментом непосредственного позиционирования народа как суверена власти» [Соловьев, 2019, с. 16–17].

Соответственно, за 30-летний период демократизации современной России, гражданское общество набирает свою политическую силу и происходит укрепление институализации публичного управления — включение гражданского общества в политический процесс.

Об этом свидетельствует и принятая в 2021 г. новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»], где указано, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач (п. 47): развитие институтов гражданского общества, поддержка общественно значимых инициатив, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности (пп. 5).

Политический формат единой системы публичной власти методично реализуется на протяжении многих лет также в «огосударствлении» местного самоуправления и его трансформации в низовой уровень публичной

власти. Основными предпосылками данного устройства публичной власти стала действующая система бюджетирования территорий, а также практика делегирования полномочий органам местного самоуправления.

Вместе с тем существенным образом менялась и практика территориальной организации местного самоуправления в регионах России. Активизировался процесс переформатирования двухуровневой системы местного самоуправления (ранее в ее основе существовал поселенческий принцип) под одноуровневую систему (более лояльную централизации управления), т.е. преобразования муниципальных районов в городские округа [Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 03.04.2017 № 62-ФЗ (последняя редакция)]. Следующий этап к переформатированию территориальной организации муниципального управления был реализован во введении муниципального округа в «неурбанизированных» территориях, с дальнейшей утратой муниципальным районом статуса муниципального образования [Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 01.05.2019 N 87-ФЗ (последняя редакция)]. Завершающим этапом стало исключение из Конституции РФ поселенческого принципа территориальной организации местного самоуправления. Соответственно, на данном этапе, на территориях, где местное самоуправление организовано в одноуровневом формате, единая система публичной власти уже действует в виде трехступенчатой управленческой системы современной России.

Политической практикой реализации единой системы публичной власти является также сложившаяся система неимперативных отношений государственной и муниципальной власти: практика участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, а также передача отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления. В свете развития конституционных положений о единстве системы власти государственной (ст. 5, ч. 3 Конституции РФ), и единстве системы власти исполнительной (ст. 77, ч. 2 Конституции РФ) существует повсеместная практика согласования высшим должностным лицом субъекта РФ с федеральными органами власти кандидатур на должность руководителей отраслевых государственных органов субъектов РФ. Соответственно, в рамках реализации единой системы публичной власти, при внесении необходимых изменений в федеральное законодательство, совершенно логично внедрение практики согласования с органами государственной власти субъектов РФ кандидатур для назначения

должностных лиц местного самоуправления в отраслевые органы муниципальной власти.

Вектор централизации власти продолжает усиливаться и по настоящее время, правовым венцом которого стало принятие новой редакции Конституции РФ 1 июля 2020 г. Законодательное развитие конституционной новеллы о единой системе публичной власти получило дальнейшую реализацию в последующих федеральных конституционных законах, федеральных законах, законах субъектов РФ и иных правовых актах с целью формирования законодательной базы для эффективного и согласованного функционирования и взаимодействия федеральной, региональной и муниципальной публичной власти.

В данной политико-правовой логике 21 декабря 2021 г. принят ФЗ № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который заменит ФЗ № 184 от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Тем самым закрепляется принцип единства публичной власти в РФ, реализация которого направлена на повышение эффективности взаимодействия всех уровней публичной власти (федерального, регионального и местного) для более качественного решения задач, стоящих перед органами публичной власти, а также усиления контроля деятельности и повышения ответственности этих органов.

Политической реализацией данного федерального закона устанавливаются принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте РФ; предусматривается, что федеральные органы исполнительной власти могут участвовать в формировании органов исполнительной власти регионов; дается возможность руководителям регионов избираться более чем на два срока подряд, при этом срок полномочий губернаторов и парламентов субъектов ограничили до пяти лет; срок нахождения губернаторов у власти будут определять законодательные собрания субъектов РФ; предусматривается, что высшее должностное лицо субъекта РФ одновременно замещает государственную должность РФ и государственную должность субъекта РФ; закрепляется, что Президент РФ может прекращать полномочия глав регионов в любой момент в связи с утратой доверия (ранее это было связано только с несоблюдением антикоррупционных требований), а также законодательное собрание региона в связи с выражением ему недоверия; главы регионов наделяются полномочиями по привлечению к ответственности глав муниципальных образований, а также отрешением их от должности в слу-

чае непринятия мер по исправлению ситуации; повышается роль Государственного Совета как конституционного органа, обеспечивающего согласованное функционирование всех уровней публичной власти; в рамках дальнейшего политико-правового укрепления «вертикали власти» закрепляется, что региональные нормативные акты должны в обязательном порядке отвечать Конституции РФ и федеральным законам, а также другие политико-правовые инициативы, укрепляющие единство публичной власти в современной России.

Вывод. Таким образом, на новом этапе своего «электорального цикла» (выборы 2018 г.) Президент РФ В.В. Путин усиливает вектор трансформации политической системы России, изменение подходов к ее управлению. И эти изменения, прежде всего, связаны с «обратной связью» с гражданами, их влиянием на власть и принятием политических решений. Одним из главных направлений является включение широких масс населения в политический процесс. Соответственно, такая позиция российского президента должна стать одним из главных курсов на новый виток политической модернизации современной России. Введенная в Конституцию РФ 2020 г. категория «единая система публичной власти» означает политическое объединение всего многонационального российского народа в рамках единой политической системы управления — публичной власти.

Раздел 8

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛИСТИКА

8.1. Кризис глобализации: истоки фрагментации и вызовы региолизма

8.1.1. Конфигурации современного развития международных отношений

Современный мир изменил вектор своего развития. В системе международных отношений мы наблюдаем существенный регресс и деформацию политических принципов развития, основы которого были заложены на протяжении десятилетий поиска баланса интересов разнонаправленных политических систем. Нарушаются принципы стабильного безопасного развития. Политическая турбулентность начала XXI века формирует существенные экономические диспропорции и приводит к кризисам. Конфликт между ускоряющимся технологическим прогрессом и потребностями реальной социальной системы отношений оказывает все возрастающее давление на современный мир.

Эти вызовы политическому развитию современного мира требуют нового понимания сложившейся геополитической конфигурации мира. Вместе с тем это не является неким неожиданным феноменом современного политического развития. Они имеют хорошо изученные и встроенные в систему международных отношений причины. Опасность обострения конфронтационного сценария современных отношений, формирующихся в условиях по-прежнему превышенной критической массы всеуничтожающего ядерного оружия, лежит в основе обеспечения международной безопасности как основы существования глобального мирового сообщества.

Необходимость понимания этого груза ответственности лежит прежде всего на политических элитах, взявших на себя бремя власти. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН в 1953 году президент США Д. Эйзенхауэр отмечал: «Атомная эра подошла к нам с такой быстротой, что каждый гражданин мира должен в какой-то степени понимать, хотя бы путем сравнения, охват этого явления, его крайнюю важность для каждого из нас. Совершенно ясно, что для того, чтобы народы мира могли всем своим разумом стремиться к миру, они должны быть во всеоружии главнейших фактов нашего современного существования.

Естественно, что я излагаю опасность и мощь атомной энергии с американской точки зрения, так как это единственные неопровержимые факты, которые мне известны. Едва ли мне следует указывать здесь, однако, что по своему характеру вопрос этот не просто национальный, но мировой». [Д.Эйзенхауэр, Выступление на заседании ГА ООН, 1953].

Спустя 54 года в феврале 2007 года в Мюнхене к важности понимания взаимосвязанности мира привлёк внимание президент России В. Путин: «Неделимый характер безопасности выражен и в ее базовом принципе: безопасность каждого — это безопасность всех». [Путин, Выступление в Мюнхене, 2007].

Очевидно, что долгожданное сближение великих держав мира вокруг общепринятых правил поведения в международной системе не осуществилось. В силу этого политическая наука призвана исследовать эти процессы, отталкиваясь от сложившихся в политологии прежних моделей и стереотипов. Перед ней стоит задача объяснить еще раз всем, кто несет ответственность за принятие решений, что забвение прошлого опыта чревато необратимыми последствиями.

Проблема контроля над вооружениями тесно связана с пространственными факторами расположения вооруженных сил. Проблема разоружения начала обсуждаться в условиях конкретных географических доминант с обеих сторон.

Политические принципы и пространственные параметры этого процесса были закреплены в 1975 году в Заключительном Акте совещания по безопасности сотрудничеству в Европе.

Затем это состояние начало деформироваться США в одностороннем порядке в целях достижения гегемонии и создания однополярного мира, игнорируя условия достижения глобальной стабильности в условиях двухполярного мира. Ключевым фактором этого процесса стало расширение НАТО.

Становление глобальных сообществ идет по многим направлениям. Принципы их структурирования лежат в основе всех организационных систем, определяющих современное состояние глобальных международных отношений. В первую очередь, это международные организации, куда входят страны всего мира — ООН и различные ее специализированные организации: ЮНЕСКО, ЮНИДО, ЮНИСЕФ и др., а также ФАО, МОТ, ВОЗ и другие, действующие в рамках обеспечения паритета интересов всех участников. Помимо этого, существуют международные организации — Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк развития и реконструкции, другие крупнейшие банки, Всемирная торговая организация, Большая семерка (восьмерка), НАТО и другие, такие как Совет Европы, действия которых управляются ключевыми, преимущественно западными странами.

В следующей группе, встроенной в реализацию глобальных целей управления, находятся более 60 региональных (по континентам) союзов, объединений, таких как Лига Арабских государств, Ассоциация стран юго-восточной Азии (АСЕАН), Африканский союз, Организация американских государств. Кроме того, в мире насчитывается более 60 тысяч многонациональных корпораций (МНК), множество фондов, союзов, страховых и других компаний, неправительственных организаций, движений.

Особое место в этой системе отношений в настоящее время занимают сложноструктурированные негосударственные объединения надгосударственного уровня, действующие в рамках Парижского, Лондонского, Римского клубов, Всемирного экономического форума и других закрытых объединений и фондов, которые влияют на многие события в мире. Взаимодействуя с бесчисленным множеством организаций, учреждений, концернов, фирм, предприятий наднационального характера, они действуют в целях реализации глобальной либерально-демократической идеологии. В их деятельность вовлечены многие десятки миллионов людей. Они организуются и функционируют по социальным законам, отличным от тех, по которым функционируют компоненты традиционных национальных государств современного мира, представляя собой реальное сверхобщество.

Расслоение современного политического пространства на общепризнанные институты международного сотрудничества и инструменты достижения глобальных целей привели к разрушению в первую очередь основ правовых отношений в современном мире. «Это наиболее ярко проявляется на примере Организации Объединенных Наций, которая является ярким проявлением международного порядка, основанного на балансе суверенного равенства с политикой великих держав в стремлении сохра-

нить международный мир. Но ее способность делать это — и достигать других своих целей, которые включают защиту прав человека и оказание помощи, — в последние годы была серьезно ограничена противоречиями между его государствами-членами. Оглядываясь назад, вероятно, также верно и то, что вызов — в первую очередь со стороны России и Китая — либеральным элементам либерального международного порядка был неизбежен». [Wright T, Liberal-international-order-free-world. 2018].

Под воздействием этих факторов развития политического процесса в современном его образе глобальное развитие стал претерпевать серьезные трансформации. Глобализация с одной стороны действительно открыла возможности для эффективного взаимовыгодного проникновения в ранее закрытые зоны экономического интереса и создала предпосылки для демократизации экономических отношений. Но наряду с этим глобализация стала основой для разрушения цивилизационной идентичности различных стран, регионов и народов. Как результат, на локальном уровне глобализация оказалась не путем выхода из кризиса, а силой, которая разрушила политико-экономические отношения на местном уровне и обострила все противоречия как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри их самих.

Наиболее ярким примером этому стали кризисные явления на европейском политическом пространстве. Глобализация легла в основу нейтрализации национальных социально-политических интересов с целью достижения глобального экономического контроля.

На практическом уровне этот процесс был запущен вскоре после распада Советского Союза. Образовавшийся вакуум военно-политического контроля над новыми пространствами в Европе продолжался недолго. Задекларированные в рамках еще действующей психологии двух сверхдержав принципы учета интересов противоборствующих сторон были достаточно быстро изменены на новые. Предпосылки к этому были сформированы вследствие нарушения принципа безусловности правового обеспечения политического статус-кво, корни которого лежат в историческом опыте и принципах консистентности обеспечения политических интересов участников международных отношений. [Камышанов В.И., Фрагментация глобализации. 2021].

На идеологическую конфронтацию накладывается и вопрос измененной территориальной конфигурации. Получившие в результате Первой мировой войны возможности контролировать огромные колониальные пространства, Великобритания и Франция стремились к умиротворению своего соперника, Германии, открывая для него перспективы приращения

территориальных претензий прежде всего там, где возможности у англичан и французов были слишком затратными.

Таким образом территориальные вопросы, изменение границ и методы их изменения по-прежнему оказывают основное влияние на принятие политических решений в современном мире. Нерешенные проблемы границ по итогам Первой мировой войны создавали необходимые условия для оказания влияния на происходящие события. Мюнхенский договор 1938 года в этом плане представляет собой яркий опыт в понимании принципа манипулирования территориальным и этническим вопросом для достижения основной цели — сохранения ключевой роли Великобритании в управлении европейской политикой. Для обывательского Запада, который не очень четко представляет себе идеологические тонкости развития истории, Россия остается все тем же «красным медведем», которым последовательно запугивали европейского жителя на протяжении последнего столетия. Одновременно формируется мотивационный плацдарм для движения и дальше в этом направлении.

В современной политике мы наблюдаем много исторических параллелей в использовании этого механизма в политической манипуляции международными отношениями.

8.1.2. Корни проблемы — в забвении истоков безопасности

Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству, подписанный в Хельсинки в 1975 году, ставил своей задачей минимизировать возможности использования территориальных несовершенностей, возникших по итогам двух мировых войн из международной практики как фактора конфликта в противостоянии ключевых международных игроков. Главным достижением этого документа была фиксация неизменности границ в Европе, установленных по итогам Второй мировой войны и определение условий сосуществования двух мировых систем. Это были усилия, направленные на нахождение баланса в понимании основополагающих принципов международных отношений в вопросах права наций на самоопределение и территориальной целостности государств. На этот аспект проблемы обращает внимание американский аналитик Дэвид Эпштейн: «Сложившийся баланс сил в этом вопросе позволил в течение длительного периода балансировать на грани войны и обеспечивать пра-

во человека на мир. Многие эксперты считают, что просчет — ситуация, в которой два государственных субъекта вступают в ядерный обмен, — является вероятным способом начала ядерного конфликта. Инфраструктуры управления и контроля Соединенных Штатов и других ядерных держав далеко не надежны; было много случаев, когда ранние системы предупреждения ложно сообщали о ядерных атаках, что едва не привело к войне». [Epstein D. Why the financial community should work. 2019].

Процесс, который мы сегодня наблюдаем — это стремление к установлению контроля над новыми территориями. На этом пути находятся препятствия, и в первую очередь, таким препятствием является ООН. Созданный механизм сдержек в рамках Совета Безопасности существенно демпфирует процесс трансформации политических пространств. Тем не менее, этот процесс продолжает развиваться, в том числе и в обход Устава ООН, как это было в случае с Югославией, Ираком, Афганистаном. Расширение НАТО на восток представляет собой, по сути, дела продолжение концепции мюнхенского сговора в новых исторических условиях.

Отталкиваясь от нее и сегодня следует рассматривать происходящие трансформации в современном мире через призму понимания дихотомии «права наций на самоопределение» и зафиксированной в 1975 году концепции «территориальной целостности», которая в настоящее время требует пересмотра и нового определения. Очевидно, что в современных условиях артикулируемая рядом политиков необходимость «новой архитектуры безопасности» требует уточнения современного территориального и государственного пространства участников такой архитектуры. На это и направленные инициативы России, сформулированные в конце 2021 года²⁸.

Очевидна необходимость предметного анализа причин нарастающих вызовов международной безопасности и возврата к анализу обстановки и действий политических элит на разломе двухполярного мира. Роспуск Варшавского договора и последующее неоформленное должным правовым образом в системе международных отношений присоединение Восточной Германии к ФРГ стал ключевым элементом фрагментации международного права. Устные заверения США и ее партнеров по НАТО о статус-кво в Европе после дезинтеграции Советского Союза оказались

²⁸ В целях формирования юридически обязывающих гарантий безопасности на западном направлении, исключающих дальнейшее продвижение НАТО на Восток и размещение угрожающих систем вооружений вблизи от границ России, в декабре 2021 г. США и странам НАТО переданы проект договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности и проект соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора.

примером применения «принципа сделки», легко игнорируемого или модифицируемого при изменении политических условий в системе отношений между государствами. Спустя 30 лет его активно внедрял в международную практику президент США Д.Трамп.

Основная проблема в решении проблем в правовом поле в условиях турбулентности глобализации — это сопряжение политической парадигмы международной безопасности с задачей достижения полного экономического контроля над ресурсными районами современного мира. Угроза безопасности заложена в противоречии между политическими возможностями в условиях фрагментации глобализации и монопольным контролем над современными финансово-экономическими отношениями.

В формировании идеологии Мюнхенского сговора важную роль играли экономические интересы крупных магнатов, в том числе в Германии, таких как Ялмар Шахт. В меньшей степени на этот процесс влияли и интересы семей Ротшильдов, Рокфеллеров, представителей экономических элит Италии, Франции. Эти группы влияния и сегодня определяют содержание этих процессов и рассматривают формирование политической системы отношений как средство достижения своих интересов с использованием столкновения экономических интересов государств.

В 30-е годы XX века в центре этого процесса находился ответ на вопрос, как удовлетворить интересы германского экономического клана в восстановлении утраченных доходов после потери германских колониальных владений. И сегодня эта проблема влияет на принятие решений — контроль за потоками энергоресурсов определяет возникновение пространственных конфликтов — будь это «Южный поток», трансформировавшийся сегодня в «Турецкий» или коллизия вокруг «Северного потока», которая стала фактором включения политического давления как следствия борьбы энергомагнатов США за европейский рынок с целью не допустить более стабильных каналов их поставки в Европу из России и ослабить современную Германию.

Между тем, под воздействием экономических кризисов появилась потребность в формировании адекватной системы контроля и реакции на эти вызовы. В поисках решения задачи управления мировой экономикой было расширено ядро развитых западных стран до более широкой группы, состоящей из 20 крупнейших экономик мира.

В ходе серии глобальных саммитов в течение нескольких лет «Большой двадцатке» удалось принять меры, которые позволили избежать наихудших сценариев протекционистских торговых войн.

Высокий темп продвижения идеологии глобализации оказывает серьезное влияние на пересмотр концепции значения суверенных интересов государства в отношении к глобальным вызовам. Многие государства, встроившиеся в систему глобальных инструментов современного развития, оказались перед кризисом национальной идентичности. В силу этого точка зрения, что глобализация усугубляет территориальные диспропорции, порождая противоположные по своей сути, но взаимозависимые процессы глобализации и регионализации, находит свое практическое отражение в современном политическом процессе и требует дальнейшего исследования с целью достижения общего понимания путей развития политических процессов в современном мире.

Стремительно изменилась роль и влияние информационных пространств на понимание современного развития соотношения интересов между глобальными задачами транснациональных сил, стремящихся к глобальному контролю, и наличием противоположных по своей сути интересов защиты национальных приоритетов. Стремление к формированию глобального информационного пространства и концентрации контроля над ним обернулось возникновением новых параметров идеологии антиглобализма в виде контрглобализма в поиске ответов на вызовы глобализации.

Учитывая специфику трансформации роли и места России в системе мировых отношений и мирохозяйственных связей, этот феномен следует рассматривать через предлагаемый исследователями анализ «возможностей фрагментации элементов общественной системы на основе их автономии и субсидиарности. С особой силой территориальные противоречия «центр-периферия» проявляются именно в постсоветской России и на постсоветском пространстве. Особенно злободневны такие вопросы, как мера централизации власти, нахождение баланса интересов акторов политики в регионах, выбор моделей федерализма и административно-территориального устройства, цели и методы региональной политики. В конечном счете от решения этих вопросов во многом зависит роль России в глобализируемом мире». [Баранов. Теоретические основы политической регионалистики. 2016].

Региональные проблемы стали инструментом глобальной политической борьбы. Для России это имеет принципиальное значение с точки зрения сохранения национальной безопасности. Ее возможности в обеспечении своих территориальных интересов оказались в зависимости от внешних игроков, являющихся составной частью НАТО. Речь идет о таких явлениях, как блокирование возможностей беспрепятственного сообщения с анклавной Калининградской областью. Под таким же прессом Рос-

сия находится и в отношении своих интересов по периметру границ на постсоветском пространстве.

В классическом политическом процессе глобализация рассматривается как результат объективного воздействия экономических вызовов на преодоление кризиса в развитии мировой общественно-политической системы. Таким образом, глобальные процессы ставят новые задачи перед политической наукой в стремлении объяснить происходящее на региональном суверенном уровне с точки зрения глобальных возможностей. В этих условиях доминирующим оказалось применение политтехнологий достижения конечных целей, а геополитика в современных условиях стала одной из ключевых тем политических исследований, изменив воззрение на глобализацию как исключительно экономический процесс формирования векторов развития в современном мире.

В силу этого мы видим следующие тенденции в развитии глобальных процессов:

- Глобализация как объективный социально-экономический процесс развития, как ответ на формирование четвертого технологического уклада и ускорение информационно-технологических возможностей в мире. Нелинейность этого процесса сформировала несколько взглядов на соотношение социально-политических условий и постиндустриального развития.
- Глобализм как идеология создания новых условия для обеспечения процветания определенного круга промышленно развитых стран и контролирующих их транснациональных и наднациональных сил.

Глобализация подверглась серьезной проверке в связи проблемой COVID-19. Объявленная в результате этого пандемия ставит задачу поиска причин рационального и иррационального поведения в формировании международного ответа наций на новый вызов человеку как биологическому виду. Для достижения ответа необходимо опираться на имеющийся опыт выхода из кризисного состояния подобного уровня и задаться вопросом: соразмерна ли по своему уровню влияния на систему политического взаимодействия в современных условиях угроза пандемии с угрозой глобального термоядерного конфликта, и попробовать в процессе анализа этих двух парадигм прийти к пониманию уровня вызовов современному развитию цивилизационного пространства.

Линейный ответ на сформулированную под влиянием пандемии задачу имеет следующие основные составляющие:

- Медико-биологическую
- Политическую

- Экономическую
- Этно-социальную.

Тем не менее, мы сталкиваемся с разными примерами нелинейного поведения участников международного сообщества в борьбе с этим вызовом. Действия в этой области являются составной частью общей системы противостояния различных интересов в достижении своих интересов на глобальном уровне, что следует исследовать через дихотомию рационального и иррационального в формировании общего потенциала для противодействия глобальной угрозе. Достижение практического результата здесь зависит от эффективной корреляции интересов идеологии, политики и человека на рациональном уровне. Вместе с тем современное состояние в осуществлении политики в этой сфере носит иррациональную доминанту с точки зрения общей логики интересов. Как проявляется иррациональное?

- через разрушение поля международного политического сотрудничества по решению текущих проблем международной безопасности;
- через обострение экономического кризиса в результате применения методов санкций;
- через поиск выгоды от индивидуальных действий, что выражается в отказе от координации совместных научных международных действий в борьбе с вирусной угрозой человеку как биологическому виду;
- через обострение внутривнутриполитических и региональных противоречий системным разрушением межэтнического и социального поля общественных отношений.

Подводя общий знаменатель данным выводам, можно обозначить, в чем состоит основной вызов современному сосуществованию. Организатор и идеолог Давоса К.Шваб в контексте этой проблемы отмечает, что «некоторые представители научных кругов и профессиональных сообществ считают рассматриваемые здесь процессы изменений всего лишь составляющей частью третьей промышленной революции. Тем не менее я считаю, что самостоятельность четвертой промышленной революции можно обосновать тремя факторами: темпы развития — в отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами; широта и глубина — она основана на цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся; системное воздействие — оно предусматривает целостные внешние и внутренние пре-

образования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом». [Шваб К. Четвертая промышленная революция, 2016].

Борьба идеологий в современном контексте фрагментации глобализации ушла на второй уровень противостояния, а в основе современного развития и принятия решений лежит проблема неограниченного стремления к обогащению и неудовлетворенность контролирующих амбиций у основных участников международного рынка.

К такому выводу приходят различные исследователи. «Складывается впечатление, что политический истеблишмент потерял ориентиры в современном мире. Кризис либерально-демократической концепции управления миром становится все более очевидным. Поэтому, наверное, имеет смысл обратиться к некоторым идеям, которые существуют в поиске нового многоуровневого национального управления в системе федерализационного построения мира». [Levi, Papers of Federalism, 2010].

Что это может означать в современных условиях? Прежде всего, пересмотр концепции монетарного управления мировым развитием. Мы видим, что идеология глобализма рынка несет в себе все более негативные последствия для развития мирового сообществ, представляет собой одну из причин разрушения основ стабильного развития мира.

Развитие международных отношений в современных условиях следует рассматривать через выбор базовой цели: перспективное планирование или игра на опережение?

В настоящее время мы наблюдаем, что доминирующим вектором стало достижение превосходства через реализацию политики опережения.

В рамках пандемии 2019–2022 гг. рельефно проявился именно этот принцип — каждая из стран, обладающая необходимым научно-производственным потенциалом, постаралась сыграть на опережение в выработке противоядия от глобальной угрозы на локальном уровне с одновременным блокированием альтернативных вариантов. Отказ от перспективного планирования, которое требует, как минимум, разграничения интересов и объединения усилий в наиболее слабых точках развития, привел к глобальному отказу от императива сотрудничества и его замещению принципом политики опережения.

В условиях глобализации и изменения роли и места суверенной политической системы участие гражданского общества в политической инновации критично. Отсюда необходимо рассматривать роль и значение гражданского общества не с точки зрения его противопоставления государству как политическому механизму управления, а как потенциала гражданского общества в формировании эффективной политической системы, реша-

ющей двуединую задачу — встраивание государства в общие глобальные трансформации в мировом сообществе и сохранение национальной идентичности как основы социально-политической стабильности.

В силу этого гражданское общество является основой для формирования национальной государственной идентичности и формирования доминанты суверенитета в системе глобального политического процесса.

Решение этой задачи требует также формирования инструментов дополнительного политического образования для сферы экономического и государственного управления как среди уже признанных лидеров экономик и финансов, так и среди студентов экономического звена, которые представляют собой будущих лидеров этой сферы деятельности.

Понимание взаимозависимости экономики и безопасности сегодня приобретает важное значение. В последние годы в результате увеличения негативных последствий глобализации происходит изменение социальной базы антиглобалистского движения, приобретающего новые формы контрглобализма и формирующего новые вызовы политическому устройству. Наблюдается трансформация влияния антиглобалистских убеждений на мировые процессы и события, а, следовательно, необходимость обобщенного анализа социально-политической природы протестного движения как принципиально новой парадигмы мирового развития по сравнению с глобализацией.

8.1.3. Необходимость поиска новых решений

На протяжении всего этапа развития современной политической науки основным вопросом в развитии дискуссии о глобализации оставалось ее понимание как единого однонаправленного процесса. При этом основную ценность глобализации воспринимали как ее способность стать инструментом глобального охвата рыночной либерально-демократической системой новых политических пространств в условиях демонтажа двухполюсной системы мира.

Однако более пристальный анализ событий в начале XXI века в развитии мирового пространства подтверждает, что противоречия в развитии глобализации, отмеченные политологами, такими как Эндрю Хейвуд, неизбежно ведут к развивающемуся в настоящее время многоуровневому конфликту между глобализацией как системного института глобального контроля над мировой экономикой, и регионализмом как политической, социальной и культурной основой развития мирового сообщества.

[Andrew Heywood, Global Politics, 2011]. Эти проблемы в настоящее время приобрели определяющий характер, что и лежит в основе активно формирующейся фрагментации глобализации.

Его развитие является естественным процессом в условиях мирного развития внутригосударственных и международных отношений. Однако его темпы значительно опережают управленческие решения в этой области. Причина — в отсутствии условий для равноуровневого и многостороннего обсуждения проблем и вызовов современного мира, что требует активного восстановления диалога.

Возврат к обсуждению проблем на основе уважительного диалога и объективных знаний — это сегодня требование времени.

Сложность создания единой интеллектуально-образовательной базы в настоящее время сталкивается с общей турбулентностью в системе международных отношений. Этот процесс идет не во взаимосвязи, а в разрыве с нарастанием региональных и субрегиональных турбулентных процессов. При этом надо понимать, что образование в применении к этому вопросу имеет несколько уровней. Это и образовательные институты, которые должны создавать равнозначные знания в вопросах диалога политических и экономических элит в широком контексте диалога цивилизаций, и использование широких возможностей неформального образования через систему общественного дискурса.

Доминирование экономических рыночных интересов над логикой политических процессов требует синхронизации политического образования для различных уровней политического, социального и экономического персонала, формирующего и принимающего решения в своих сферах деятельности.

Недалековидность в этом вопросе чревата серьезными последствиями. В основном вопросы безопасности лежат в сфере деятельности политиков и властных структур. Однако современные вызовы требуют эффективного включения в этот процесс и представителей финансовых и деловых структур. На это обращают внимание и американские аналитики, отмечающие, что «большинство участников рынков капитала мало обсуждают ядерные риски изо дня в день, и еще меньше делают для подготовки к потенциальному инциденту. Им нужно делать больше. Как управляющие рынками капитала и экономикой, банкиры, финансовые менеджеры, регулирующие органы и лидеры более широкого делового сообщества должны следовать двойному пути, работая над предотвращением ядерных инцидентов, одновременно готовясь к рыночным и экономическим потрясениям, которые, несомненно, последуют, если усилия по пре-

дотворачению потерпят неудачу». [Epstein D. Why the financial community should work. 2019].

Одно из важных направлений здесь — восстановление объективных знаний о современном мире, об основах безопасности, формирование уважительного отношения к различным народам и культурам.

Разрывы связей между этими уровнями в свою очередь являются источником фрагментации глобализации, которая в настоящее время приобрела устойчивые формы и охватывает следующие направления:

- фрагментация международного права;
- фрагментация общественных отношений;
- фрагментация безопасности;
- фрагментация в сфере образования и научно-технического прогресса;
- фрагментация политических и экономических элит;
- фрагментация этноконфессиональной идентичности.
- фрагментация общецивилизационного интеллектуального и культурного пространства

Одной из важных причин этого многовекторного процесса стало концептуальное противостояние между классической системой международно-правовых отношений и рыночными либерально-демократическими принципами управления обществом. Наиболее рельефно это изменение концепции в системе международных отношений проявилось в условиях конфликта между идеологией однополярного и многополярного мира, что нашло свое отражение в стремлении закрепить диктат принципа правила над правом. Изменение в системе политико-правовых отношений выстраивалось на протяжении длительного времени и начало предметно воплощаться в жизнь политической и экономической элитой США в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. Окончательно этот принцип сформировал и ввел в практику современного политического процесса президент Д.Трамп.

На национальном уровне этот принцип стал выражаться в претворении в жизнь принципа прямолинейного политического транзита от социалистической к капиталистической идеологии в странах постсоветского пространства.

В этих условиях политические элиты оказались в отрыве от политической науки в определении основных трендов развития в новой системе политических координат в мире, что и определило приемлемость смены парадигмы международного и национального права на парадигму правила. Опора на формулу сделки в системе политических отношений привела к дисбалансу в понимании роли государства в новых условиях. Последствия

перехода от одной системы отношений к другой, менее жестко закрепленной в системе отношений, требует серьезного критического анализа.

Второе десятилетие XXI века стало временем изменения конфигурации формирования региональных систем в мире.

Эти события ложатся в основу новых принципов деления глобального пространства на региональные векторы отношений. Выход Великобритании из ЕС резко усилил трансатлантический вектор взаимодействия, который лежит в основе англо-американских отношений, цель которых сформулировал У. Черчилль в ходе своей знаменитой речи в Фултоне: «Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен. Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны». [Черчилль У. Фултонская речь. 1946].

Выход Великобритании из ЕС ведет к объективному возвращению континентальной Европы к поиску своих точек влияния на современный политический процесс. Это выражается в сближении интересов политических элит Франции и Германии в поиске баланса трансрегиональных интересов Североамериканского, Североатлантического и Европейского пространств и сохранения роли континентальной Европы в системе международных экономических и военно-политических отношений. Под влиянием кризисных процессов на Североатлантическом пространстве новый импульс приобрели идеи автономии в Европе.

Кризис единства европейского пространства в Евросоюзе привел к реанимации латентных региональных противоречий. И примеры это видны в развитии феномена Брексита, в формировании системы политического компромисса для достижения властных полномочий в ходе смены политической власти в Германии, конфликте интересов национального и наднационального права в Польше, внутриэтнических противоречиях в Испании.

Новые концептуальные основы начали проявляться в воззрениях на развитие системы отношений в Индо-Тихоокеанском регионе.

Главная причина, обусловившая политическую конфигурацию Ближневосточного региона, заключается в том, что есть несколько центров силы, равноценных по политико-экономическому потенциалу, чьи поли-

тические и идеологические противоречия исключительно глубоко и имеют межцивилизационный характер.

Усилились субрегиональные процессы, активизировали свою деятельность такие «спящие структуры» как Вышеградская группа. Последовательно развивается идея политического оформления неоосманизма как основы региональных амбиций со стороны Турции.

Столкновения происходят между стержневыми государствами, принадлежащими к разным цивилизациям и оказывающим влияние на формирование глобальных процессов, на действие международных организаций. На макроуровне конфликты возникают из-за стремления западной цивилизации экспортировать свои ценности на безусловной основе.

Вывод. Мир вместе с тем более не есть сумма или конгломерат стран Запада. Современная реальность мира совсем иная. Она отражает переход к социальным системам более высокого и сложного уровня организации, в которых возрастающую роль играют кибертехнологии. Тем не менее, новые национальные основы социально-политического и цивилизационного устройства мира, которые начали складываться после Второй мировой войны, объединяя и интегрируя государства в период «холодной войны», по-прежнему лежат в основе национальных интересов суверенных государств. Глобализация лишь ускорила этот процесс. Современное политическое пространство продолжает трансформироваться особенно интенсивно в последние десятилетия. Мир стоит перед реальностью регионализации, ростом суверенизации политических систем и поиском моделей нового социально-экономического устройства.

8.2. Регионы государств как акторы международной политики

8.2.1. Регионы государств и международная политика: основные понятия

Современная международная система характеризуется множественностью участников мирового процесса. Его субъектами выступают не только суверенные государства, межправительственные международные организации и межгосударственные объединения, но и неправительственные международные структуры.

Рост числа участников международного взаимодействия требует регулирования данного процесса, а это осуществляется посредством проведения международной политики.

Международная политика становится ядром современных международных отношений.

Существуют разные точки зрения на понимание международной политики. Так, Г. Моргентау в труде «Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace» («Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир») рассматривает международную политику как борьбу за власть. Этой теме он посвятил целую главу в данной книге, которая так и называется — «Международная политика как борьба за власть». [Morgenthau, 1955, p. 26].

Австрийский социолог Л. Гумплович считал, что «внешняя политика определяет внутреннюю, а международная политика подчиняется трем непреложным законам:

1. Между соседними государствами идет непрерывная борьба из-за приграничной линии.
2. Любое государство должно препятствовать усилению соседа и заботиться о политическом равновесии.
3. Внутренняя политика должна быть подчинена целям наращивания военной силы, с помощью которой обеспечиваются ресурсы выживания государства». [Гумплович, 1910, с. 47].

Существо международной политики по-разному понимается и современными политологами. Так, профессор французского университета SciencesPo Дарио Баттистелла рассматривает международную политику через противопоставление реалистического подхода с точки зрения межгосударственной системы и либерального подхода с точки зрения международных компаний. [Un monde unidimensionnel, 2011, p. 22].

Профессор Н.М. Сирота пишет, что «международная политика — это совокупность действий субъектов политики — государств, межгосударственных объединений и международных организаций по реализации своих и общих интересов». [Сирота, 2012, с. 20].

О.Н. Глазунов считает, что «международная политика — это часть системы международных отношений, деятельность государств по властному обеспечению их интересов при решении проблем, возникающих в сфере международных отношений». [Глазунов, 2012, с. 3].

Некоторые исследователи международной политикой называют «процессы выработки, принятия и реализации решений, затрагивающих жизнь мирового сообщества». [Байтурбаева, 2012, с.11].

По мнению доктора политических наук, профессора МГИМО А.Д. Богатурова «...становление мировой политики как самостоятельно-го исследовательского поля характерно для политических исследований преимущественно в России...В научном сообществе США вообще отсутствует проблема размежевания мировой политики и международных отношений». [Глазунов, 2012, с. 11].

Нам представляется, что, если мы говорим о международной политике, то это подразумевает политическое регулирование деятельности акторов на международной арене. Среди них можно выделить основных (первичных) игроков, а к ним относятся государства, которые никто не создает, они возникают в результате естественного исторического процесса, и вторичные (производные акторы), которые создаются государствами, и это международные межправительственные организации, межгосударственные объединения и регионы государств.

Создавая данные структуры, государства делегируют часть своих полномочий на наднациональный и субнациональный уровни, в том числе и в сфере международной деятельности, что приводит к созданию многоуровневой системы международной политики, которая включает в себя надгосударственный, межгосударственный и субгосударственный уровни.

В данной главе особое внимание будет уделено субгосударственному уровню международной политики, участию регионов государств в международных связях и отношениях. Данная проблема является весьма актуальной, т. к. она касается обеспечения безопасности государств и сохранения их целостности, развития демократических процессов в мире и сохранения национальной и культурной идентичности.

8.2.2. Основные факторы, влияющие на участие регионов государств в международной политике

Регионы государств стали активно участвовать в международной политике со второй половины XX века.

Можно выделить целый ряд факторов, способствовавших выходу регионов государств на международную арену. Одними из них являются глобализация и регионализация — два основных тренда современности, которые втягивают в свою орбиту не только надгосударственные и государственные субъекты международной политики, но и субгосударственные структуры — регионы государств.

Другим важным фактором можно назвать проявление активности на местах, когда население регионов не хочет и не может больше оставаться в стороне от решения насущных проблем и готово многие из них решать самостоятельно, но при поддержке государства.

На международную деятельность регионов оказывает влияние и такой важный фактор, как форма государства, которая закрепляет его деление на регионы. Государства определяют принципы взаимоотношения регионов между собой и с государственным правительством (центром), они же наделяют свои регионы определенными полномочиями в международной сфере.

По форме государственного устройства можно выделить унитарные, федеративные и конфедеративные государства и каждой форме присуща своя степень свободы на международной арене, свои предметы ведения.

Унитарные государства, в зависимости от степени централизации, могут быть централизованными, относительно децентрализованными и децентрализованными. В централизованных унитарных государствах все международные связи и отношения осуществляют центральные государственные органы. В них отсутствует даже само понятие «полномочия регионов в международной сфере», например, в Швеции.

Регионы относительно децентрализованных унитарных государств могут участвовать в международных переговорах по вопросам, касающимся реализации проектов, связанных с их территорией, например, Аландские острова в Финляндии.

Регионы децентрализованных унитарных государств могут самостоятельно определять векторы своего международного сотрудничества и даже представлять свои интересы в международных европейских организациях, как, например, регионы в Нидерландах, или регионы Италии, которые могут непосредственно участвовать в заседаниях комитетов и комиссий Евросоюза, если вопросы международных отношений затрагивают их полномочия и предметы ведения, а автономии Китая могут самостоятельно осуществлять международные связи и т. д.

Таким образом, мы видим, что степень централизации и децентрализации в унитарных государствах влияет на уровень полномочий регионов в международной сфере.

Что касается федеративных государств, то следует сказать, что их регионы обладают определенной самостоятельностью в области международной деятельности.

Федеративным государствам присуще существование двухуровневой системы государственных органов — федеральный и региональный уровень.

В федеративных государствах предметы ведения и полномочия регионов в международной сфере могут определяться государством (США, ФРГ, Россия), регионами и государством (Австрия, Бельгия и др.).

Если говорить о конфедерациях, то следует сказать, что в конфедерации власть распределяется снизу-вверх, от регионов к правительству и главе государства. Основная власть, в том числе и в международной сфере сосредоточена на региональном уровне, как, например, в кантонах Швейцарии.

Кантоны Швейцарии имеют возможность участвовать в международных отношениях особым образом: через «референдарную» демократию, через принципы субсидиарности и нейтралитета, через принцип двойного большинства народа и кантонов и через «магическую формулу», как систему политического партнерства, существующую в стране с 1959 года.

Что касается референдарной демократии, то здесь необходимо отметить, что она имеет важное значение для Швейцарии. Носителем верховной власти в Швейцарии является ее народ, который выражает свою волю через проведение референдумов. Через референдумы швейцарцы могут влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. Регулярное проведение референдумов показывает высокий уровень развития демократии в стране, основанной на принципе субсидиарности. Инициировать референдум может гражданин, организация, партия и правительство при соблюдении определенных требований, прописанных в Конституции. В ней указаны два вида референдумов — факультативный и обязательный. Факультативные референдумы проводятся по региональным или внутригосударственным проблемам, а обязательные — по международным вопросам или вопросам, связанным с пересмотром Конституции.

В Конституции Швейцарии прописаны полномочия всех уровней власти, в том числе и в международной сфере. В международной деятельности кантоны имеют следующие полномочия: через «референдарную демократию» они могут разрешить или не разрешить Конфедерации подписать тот или иной международный договор, если он предусматривает присоединение к международным организациям, или имеет неопределенную продолжительность действия, или не подлежат денонсации [Конституция Швейцарии, 1999, ст. 89. п.5], или, если договор влечет за собой многостороннюю унификацию права [Конституция Швейцарии, 1999, ст. 89. п.3].

Эти требования могут применяться и к другим международным договорам по решению обеих палат Федерального Собрания [Конституция Швейцарии, 1999, ст. 89. п.4].

Конституция страны позволяет кантонам заключать международные договоры по вопросам хозяйствования, соседских отношений и полиции, при условии, что они не нарушают права Конфедерации или других кантонов [Конституция Швейцарии, 1999]. Правительство страны выступает в качестве гаранта и посредника при подписании международных договоров кантонами [Конституция Швейцарии, 1999]. Без согласования с Правительством кантоны могут осуществлять международные отношения с более низким уровнем власти и чиновниками иностранных государств [Конституция Швейцарии, 1999]. Заключение военных договоров в Швейцарии не разрешается никаким уровням власти [Конституция Швейцарии, 1999].

Несмотря на то, что Швейцария является конфедерацией, когда речь идет о кантонах, то о них говорят не как о полноправных субъектах международного права, а как об участниках международных отношений в силу особого международного титула этих образований. Фактически международная правосубъектность государств-членов Конфедерации является ограниченной. Основным принципом, который используется в Конфедерации при распределении полномочий и предметов ведения в международной сфере, является принцип субсидиарности. Он закреплен в основном законе страны: «...кантоны суверенны, поскольку их суверенитет не ограничен Союзной конституцией (Конституцией Швейцарской Конфедерации); они осуществляют все права, которые не переданы Союзу (Конфедерации)». [Конституция Швейцарии, 1999]. Согласно принципу субсидиарности распределение предметов ведения, в том числе и в международных отношениях, распределяется «снизу-вверх».

Кантоны являются равноправными в своих отношениях с Конфедерацией и между собой [Конституция Швейцарии, 1999]. Данный принцип равноправия ставит кантоны в одинаковые условия, в том числе и в сфере международных отношений. Из этого принципа вытекает ответственность правительства кантона перед гражданами своего региона, а не перед федеральным правительством. Влияние кантонов на внешнеполитический процесс проявляется уже на уровне принятия законов Советом Кантонов и Национальным Советом.

Принцип двойного большинства народа и кантонов оказывает решающее влияние на принятие решений в области внешней политики. Так, например, при проведении референдума в стране по поводу вступления Швейцарии в Европейский Союз, кантоны проголосовали против [Gabriel, Fischer, 2003, p. 3].

Очень важным политическим институтом в Швейцарии является институт постоянного (неизменного и вечного) нейтралитета, который оказывает большое влияние на международные отношения Конфедерации и ее регионов. С учетом международно-правового статуса постоянного нейтралитета строится и внешняя политика этого государства.

Швейцария не входит в военные альянсы и в международные организации, кроме ООН и его организаций и структур.

Большое значение для осуществления международных связей кантонами Швейцарии имеет политический институт, который определяется термином — «магическая формула». «Магическая формула» — это исторически сложившаяся коалиция четырех партий в Правительстве страны: христианских демократов, социал-демократов, радикал-демократов и народной партии. Союз этих партий формирует общее политическое пространство, идентичное современной Европе. На протяжении уже более 60 лет эти партии действуют в коалиции, чего не наблюдается ни в какой другой стране Европы.

Еще одним немаловажным фактором международной деятельности регионов государств является их расположение относительно государственной границы. И здесь можно выделить приграничные, трансграничные и внутригосударственные регионы.

Приграничные регионы — это регионы, территории которых прилегают к государственной границе. Именно с них началось международное сотрудничество регионов европейских государств.

Приграничное сотрудничество — это сотрудничество приграничных регионов сопредельных государств.

Основной причиной появления приграничного сотрудничества является наличие проблем в приграничном пространстве, решение которых приобретает транснациональное измерение.

Приграничное сотрудничество осуществляется на основе следующих принципов: «соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной и региональной власти; учет интересов национальной безопасности государств; учет особенностей межгосударственных отношений и особенностей территорий приграничного сотрудничества сопредельных государств» [ФЗ-179 «Об основах приграничного сотрудничества», 2017].

Основными направлениями приграничного сотрудничества являются: сотрудничество в области экономики, науки и образования, культуры, здравоохранения, экологии; сельского хозяйства, лесоводства

и рыболовства; предупреждение чрезвычайных ситуаций, ликвидация последствий катастроф, стихийных бедствий, борьба с эпидемиями и ликвидация их последствий и др.

Приграничные регионы федеративных и децентрализованных унитарных государств, как правило, наделены следующими полномочиями в международной сфере: проведение международных встреч, конференций, заключение соглашений о приграничном сотрудничестве, создание организаций приграничного сотрудничества и (или) участие в их деятельности; участие в деятельности международных организаций в сфере приграничного сотрудничества; участие в разработке и реализации международных программ приграничного сотрудничества и др.

Приграничные регионы могут осуществлять связи только с регионами сопредельных государств. Если возникает необходимость проведения встреч с органами государственной власти сопредельного государства, то это возможно осуществить только с согласия правительств обеих стран.

Субъектами приграничного сотрудничества в настоящее время выступают не только приграничные регионы, но и трансграничные пространства.

Трансграничные пространства — это пространства, созданные приграничными регионами сопредельных государств с целью сотрудничества. Такие пространства создаются на базе заключения международного договора с согласия государственных органов. Они могут быть основаны без учреждения юридического лица и с учреждением такового, причем трансграничные регионы могут быть мононациональными или многонациональными. В трансграничные структуры могут вступать регионы и федеративных, и унитарных государств.

Целью создания трансграничных пространств является объединение усилий сопредельных государств и их регионов для решения проблем, существующих по обе стороны границы, в сфере экономики, экологии, образования, культуры и т. д. Ярким примером трансграничных пространств являются еврорегионы. Для регулирования международного сотрудничества регионов в Европе был принят целый ряд документов.

Не приграничные регионы осуществляют межтерриториальное сотрудничество.

Международное межтерриториальное сотрудничество (ММС) — это «согласованные действия, направленные на установление отношений между регионами двух или более государств, отличных от отношений приграничного сотрудничества».

Основными причинами межтерриториального сотрудничества являются: наличие сложных внешних и внутренних проблем, с которыми

сталкиваются страны и их регионы в глобализирующемся мире; необходимость выведения регионов на нужный уровень интеграции; поиск новых, соответствующих сегодняшней ситуации, форм, методов, институтов и инструментов взаимодействия регионов; необходимость нахождения действенного механизма взаимодействия при решении тех или иных задач, которые стоят перед регионами и могут дать выгоду им и государствам в их развитии и др.

Целью международного межтерриториального сотрудничества является использование тех возможностей, которые открываются в связи с международным общением. Регионам приходится активно сотрудничать в достижении своих целей.

На международное сотрудничество регионов государств оказывают влияние такие важные факторы, как геополитическое положение государств и их регионов, экономическая ситуация в мире, стране и в регионе, уровень экономического развития государств и их регионов, международная ситуация и многое другое.

Рассмотрим влияние геополитического положения государств на их внешнюю политику и международное сотрудничество субгосударственных регионов. С геополитической точки зрения можно выделить три вида стран: «островные» государства, не имеющие выхода к морю или к суше, и страны, имеющие выход и к суше, и к морю. Во всех случаях внешняя и региональная политика государств строится, исходя из данных обстоятельств.

«Островное» геополитическое положение стран, с одной стороны, является выгодным, т. к. может обеспечить безопасность государств. Государства, защищенные морями или неприступными горами от внезапных нападений, менее уязвимы, чем те страны, которые ими не окружены, но, с другой стороны, у таких «островных» государств затруднен доступ к рынкам, в том числе и из-за таможенных и транзитных тарифов.

На развитие международных отношений государств и международного сотрудничества их регионов оказывает влияние количество и уровень развития сопредельных государств и их регионов. Страны, имеющие сопредельные границы с другими государствами, вынуждены налаживать с ними добрососедские отношения, и хорошо, если эти страны и их регионы являются дружественными и экономически развитыми. И вывод австрийского социолога Л. Гумпловича, который писал в начале XX века, что «между соседними государствами идет непрерывная борьба из-за приграничной линии, и любое государство должно препятствовать усилению соседа и заботиться о политическом равновесии».

[Гумплович, 1910, р. 47], не подходит к политике государств и народов, живущих в XXI веке. Соответственно политика добрососедских отношений важна как главная составляющая международной политики.

На международное сотрудничество регионов государств большое влияние оказывает такие факторы, как размер территории государства и плотность проживающего в нем населения, а также размещение производственной структуры по стране. Для подтверждения данных тезисов в качестве примера возьмем Россию. Россия является самым большим по территории государством мира, площадь которого составляет 17 130 000 кв. км. Российская Федерация граничит с 18 государствами мира и на суше, и на море, а протяженность ее границ составляет почти 61 000 километров.

Россия разделена на 85 субъектов, 50 из которых являются приграничными, в том числе 12 из них имеют сухопутные границы, совпадающие с государственной. Приграничные регионы России являются малонаселенными, в них проживает около 8 % населения, а на площадь приграничного пояса приходится примерно 25 % территории страны. Средняя плотность населения в приграничных районах составляет примерно 2,7 человека на один квадратный километр. Это говорит о том, что приграничные регионы страны являются малонаселенными. В дополнение к этому следует добавить, что в 34 приграничных субъектах Российской Федерации доходы населения в среднем ниже, чем в целом по стране, и эти приграничные регионы относятся к наиболее бедным субъектам, что влияет на приграничное сотрудничество этих территорий. [Дубровина, Плотникова, 2016, с.97–100].

На международные связи регионов оказывает влияние и фактор размещения населения по стране. Так, в «России 3/4 населения проживает в европейской части страны, до Урала, на 1/3 части ее территории страны, и 1/4 населения проживает в азиатской части России, за Уралом, на 2/3 территории государства, где сосредоточены основные запасы сырьевых и энергетических ресурсов». [Дубровина, Плотникова, 2016, с. 97–100].

Данные факторы отражаются на производственном и экономическом потенциале и его использовании, и, безусловно, на международном сотрудничестве регионов России.

«Большой частью своего периметра Россия граничит с более бедными странами, чем она сама. При этом приграничные регионы этих стран в основном являются их наименее развитыми территориями.

Таким образом, государственные границы проходят по периферийным районам России и соседних с ней стран. Это отражается на уровне

международных связей регионов страны. Приграничный пояс субъектов Российской Федерации представляет собой структурный барьер, который препятствует вхождению России и ее субъектам в мировую экономику» [Дубровина, Плотникова, 2016, с. 97–100].

Важным фактором участия в международной политике государств и их регионов является положение страны на политической карте мира и экономика государства. Выгодные природные ресурсы, климат и местоположение определяют экономическое развитие стран, следовательно, его политическую мощь и место в международной политике. Но эта взаимосвязь не всегда успешна, поскольку не всегда богатые запасы природных ископаемых делают страны успешнее государств, не обладающих этими ресурсами. Если проанализировать страны, которые не имеют выхода к морю, но имеют богатые природные ресурсы, то мы увидим, что по экономическим показателям они относятся к категории беднейших стран, а их правовой статус оценивается как близкий к распаду. Примером этих стран может служить Афганистан, Сомали, Ливан, Йемен, Ирак. Некоторые ученые разделяет данные страны по типу развитости: «как несостоятельные, страны, которые идут к несостоятельности (failingstates), страны, рискующие стать несостоятельными, слабые государства, государства изгои (roguestates) и распавшиеся государства» [Taşdemir, 2013. p. 95.].

Большое влияние на развитие государств и их регионов, а также на их международные отношения и связи оказывают международные конфликты и территориальные споры.

По оценкам специалистов «гражданская война в соседнем государстве сокращает показатель ежегодного роста экономики сопредельного государства примерно на 0,5 %, что приводит к тому, что соседние страны увеличивают свои военные расходы на 2 %. Кроме того, появляются беженцы и возникают перебои в функционировании основных торговых путей. Можно сказать, что при конфликте обе его стороны платят своеобразную «цену», выражающуюся в сокращении темпов роста или спаде экономики» [Доклад о мировом развитии. Новый взгляд на экономическую географию, 2009].

Вывод

1. Начиная со второй половины XX века, на международную арену стали активно выходить регионы государств, и сегодня они являются акторами международной политики. Это стало возможным в результате двух, шедших навстречу друг другу процессов, — требования регионов

о предоставлении им определенных прав и свобод в международной деятельности и желания государств передать своим регионам часть полномочий в сфере международной политики.

2. Предоставляя своим регионам право выхода на международную арену, государства преследуют определенные цели: улучшить социально-экономическую ситуацию в стране и регионах и расширить сферы своего международного влияния за счет международной деятельности регионов, которая является важным резервом внешней политики государств.

Свои цели преследуют и субгосударственные регионы — международное, особенно приграничное сотрудничество, позволяет решать проблемы субъектов, расположенных далеко от своего центра. К таким проблемам можно отнести экономические, экологические и другие.

3. Различные государства и их регионы в разные исторические периоды неодинаковым образом оказываются вовлечены в международную политику. Таким образом, отношение государств и их субъектов к участию в международной политике является динамической и исторической категорией, которая зависит от внутривнутриполитической обстановки в стране и от международной ситуации.

4. В отличие от государств субгосударственные регионы не имеют права вступать в политические отношения. На международной арене они участвуют в экономических, экологических, гуманитарных, культурных и иных отношениях.

5. На международную деятельность регионов государств оказывают влияние целый ряд факторов: глобализация и регионализация, государственное устройство, геополитическое положение государства и его регионов, расположение регионов относительно государственных границ, экономическая и политическая ситуация в мире, стране, в регионах, уровень экономического развития государств и их регионов, количество и уровень развития сопредельных государств и их регионов, величина территории государств и их регионов, распределение производственной инфраструктуры по стране и др.

8.3 Феномен радикального ислама в постиндустриальном обществе: на примере Европы, США и России

8.3.1. Кого считать мусульманским радикалом?

Сегодня исламский радикализм является одной из главных угроз международной стабильности. Явление, которое долгое время воспринималось как не имеющий исторической перспективы средневековый атавизм, продемонстрировало высочайшую степень живучести и адаптивности. В начале второй декады XXI в. одним из центров мусульманского экстремизма стала Европа, ближне- и средневосточные диаспоры которой пополнились за счет огромного количества беженцев. Экономические и социальные условия Старого Света оказались не вполне подходящими для переселенцев, пополнивших ряды криминальных объединений, религиозных организаций и радикальных групп. Смешение народов, культур и трактовок религиозных законов внутри специфических сообществ — гетто — привело к появлению обновленного типа исламского экстремизма, характерного для США и стран Европейского континента — исламизма постиндустриального общества.

Единой точки зрения на этот счет в отечественной науке не существует. Наиболее часто исследователи исходят из двух моментов. Первый — к радикалам причисляют всех, кто так или иначе выступает за очищение ислама от вредных нововведений («бида»), и второй — тех, кто активно использует методы вооруженной борьбы (включая террористические акты и иные экстремистские действия). Однако оба подхода имеют существенные недостатки.

Поборников очищения ислама и возвращения его к духовным и бытовым основам периода «даавы» (призыва) считают так называемыми «салафитами» (от слова «салаф» — предки, предшественники). К ним относят основателя ханбалитской религиозно-правовой школы (мазхаба) Ахмада Ибн-Ханбала и его последователей — виднейших мусульманских богословов средневековья Ибн-Таймийю и Ибн Аль-Джаузи, Мухаммеда ибн Абд Аль-Ваххаба, саудовских ваххабитов и т.д. В новое и новейшее время к салафитам стали причислять членов организации «Братья-мусульмане» (Хасан Аль-Банна, Сейид Кутб), радикалов из «Аль-Каиды», представителей ИГИЛ.

Однако не только ханбалиты и связанные с ними течения и организации выступали за очищение веры. Поборниками истинного ислама часто являлись конфессии и религиозные группы, которые традиционно считаются умеренными. В первую очередь это касается направлений внутри относительно либерального ханифитского мазхаба. Особенно важно обратить внимание на суфийские тарикаты. Ханбалитская проповедь XVIII в. была направлена именно против этого широко распространенного в Османской империи движения. В системе верований суфиев, основанной на культе святых, салафиты-ханбалиты усматривали элементы джахилии — неверия, язычества. Искоренение суфизма являлось одной из главных целей борьбы Аль-Ваххаба [Васильев, 1982].

Позже, в XXI в., отголоски конфликта между суфиями и радикальными ханбалитами будут ощущаться на всем пространстве мусульманского мира от Ближнего Востока до российского Северного Кавказа. Однако и среди суфиев было немало поборников борьбы против беда. В первую очередь здесь следует сказать об основанном в XVII в. в Индии Ахмадом Сирхинди движении муджаддийя. Идейной его основой было представление о необходимости очищения ислама от вредных нововведений при сохранении суфийской религиозной традиции. Проводниками данной концепции на Среднем Востоке стали представители бухарской династии Мантыгов, в частности, «дервиш на троне» Шахмурад (1741–1800 гг.) [Россия — Средняя Азия, 2011, с. 56–81].

Другим примером борьбы за чистоту веры была Исламская революция в Иране. В данном случае за «возвращение к основам» выступали представители другой враждебной салафитам конфессии — шиитов. Шиитские верования и доктрины, основанные на сакрализации личности (в данном случае — сокрытого имама), были неприемлемы для салафитов наравне с подходами суфиев, и по той же самой причине — поклонение кому-то, кроме Аллаха. Аятоллы считали, что воплощение на практике принципов истинного исламского управления (концепция «вилает-е-факих») и реставрация на бытовом уровне исламских обычаев являются залогом процветания государства [Хуторская, 2003, с. 301–308].

Что касается другого, часто упоминаемого экспертами, характеризующего радикальный ислам признака — склонности к использованию насилия, то его также нельзя считать определяющим. Ислам, будучи религией воинов и торговцев, не чужд насилию. Моменты, связанные с так называемой «вооруженной проповедью» — джихадом меча (газаватом), имманентны данной религии, являются ее неотъемлемой частью. В этой связи многие течения, которые принято отождествлять с умеренным исламом,

использовали насилие наравне с радикалами. Делали это и суфии, и шииты, и ханифиты. Достаточно вспомнить войну против Советской власти центральноазиатских суфиев (басмачи), проходившую под лозунгами джихада, или также суфийское движение кавказских горцев (имамат Шамиля).

Таким образом, говорить о применении насилия или приверженности чистоте веры как о характеризующих именно радикальный ислам признаках, не вполне корректно. Важно в этой связи отметить, что, например, движение «Хизбут Тахрир Аль-Ислами» вообще отказалось от насильственных способов борьбы. Однако данный факт никак не повлиял на отношение к этой организации со стороны официальных властей многих стран мира [Центральная Азия, 2010, с.212–218]. «Хизбут Тахрир» признана экстремистской в том числе и в России.

Приведенные выше примеры говорят о том, насколько в принципе зыбка грань в вопросе расставления научных дефиниций. Однако сложность и спорность ряда теоретических вопросов не освобождает исследовательское сообщество от необходимости точнее определить — кого, как и при каких условиях можно с большей вероятностью причислять к религиозным радикалам. Для этого, по всей видимости, следует подробнее остановиться на политической повестке. Дело в том, что внутри мировой мусульманской уммы существует целый ряд партий, движений, групп и течений, считающих своим долгом распространять истинную веру по всему миру. Навязывание ислама, «принудительное спасение», перманентная война против Дар Аль-Харб (земля войны) являются основой концепции данных организаций, прародительницей которых считается упоминавшаяся выше ассоциация «Братья-мусульмане».

Уход ряда течений внутри суннитского ислама, который сам по себе аморфен и лишен единоначалия (нет даже подобия религиозной иерархии), от богословских поисков к активным политическим действиям произошел в первой половине XX в. Главной его причиной стало обострение борьбы народов Азии против колониального гнета. До определенного момента разнородные силы были объединены общей идеей свержения иноземного господства. Однако, когда цель в той или иной степени оказалась достигнута, и возникли независимые арабские государства, начали набирать силу противоречия между вчерашними соратниками по борьбе. Взявшие верх националисты отстаивали светский, социалистический, проект, традиционалисты — необходимость построения религиозного государства. На первых порах националисты казались более успешными — они создали новую экономику арабского мира, отстаивали его суверенитет, сумели сформировать национальные вооруженные силы. Однако

после жесточайшего поражения в Шестидневной войне и последовавшего в 90-х гг. экономического кризиса консерваторы получили возможность для реванша. В результате к началу XXI в. объявленные еще правительством Насера вне закона «Братья-мусульмане» стали неотъемлемой частью политического ландшафта АРЕ, Сирии, отчасти Ливана, а Исламский фронт спасения (ИФС) фактически сверг власть ФНО в Алжире.

До определенного момента активизация исламистов считалась делом исключительно региональным. Все изменил Афганистан. В ходе борьбы против коммунистического руководства и советских войск возникла организация, объединившая радикалов из Афганистана, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии, Иордании, Ливии. Сначала она носила название «Мактаб аль-Кадимат» (основатель Абдулла Аззам, убит в 1989 году), а позже была переименована в «Аль-Каиду». Отличительной чертой «Аль-Каиды» стало включение в ее политическую программу тезиса о глобальном джихаде. И если «Братья» лишь имели в виду необходимость создания мирового халифата, то «Аль-Каида» приступила к практической реализации данной идеи, развернув борьбу за истинную веру по всей территории планеты. Как союзная ей организация возникла «Ат-Таухид ва Аль-Джихад» (лидер — Абу-Муссаб аз-Заркави, настоящее имя — Ахмед Фадиль Аль-Хайлайли), на верность Бен-Ладену присягнули африканские «Боко Харам» и «Аш-Шабаб». Однако главным и наиболее успешным наследником «Аль-Каиды» стала иракская ИГИЛ. Ее руководству во главе с Аль-Багдади (Авад Ибрагим Аль-Бадри) удалось не только расширить географию мирового джихада, но и создать исламистское квазигосударство, объединившее суннитские районы Центрального Ирака и восточные мухафазы САР.

Как представляется, именно глобальность претензий, желание осуществлять джихад до момента окончательного торжества ислама во всем мире является главной отличительной чертой движений, которые следует отнести к исламистским. При этом важно отметить, что с течением времени, как это уже говорилось выше, исламизм стал проникать и на территорию западных стран. Там он, развиваясь внутри мусульманских диаспор, трансформировался в новые формы и стал в скором времени одной из главных угроз глобальной стабильности.

8.3.2. Основные вехи формирования мусульманской диаспоры Европы

Мусульманское население Европы росло долгие годы. Согласно данным Исследовательского центра Пью, взрывной рост произошел в период между 2010 г., когда численность мусульман в Старом Свете составляла 19 млн 520 тыс. человек, и 2016 г., когда она составила уже 25 млн 770 тыс. человек [Europe's Growing Muslim Population, 2022]. Происходило это по причинам как политического, так и социально-экономического характера.

Европейские страны, имевшие когда-то колонии на Ближнем Востоке, в Африке и в Южной Азии, пытались сохранить здесь влияние. Они принимали на обучение в ВУЗы местную молодежь, выдавали рабочие визы, активно контактировали с элитой. Такую линию осуществляли в первую очередь Великобритания и Франция. Лондон и Париж долгое время были движимы желанием вырвать страны Востока из сферы интересов СССР, а потом уже — после разрушения советского блока — превратить их в рынки сбыта для своей промышленной продукции и справиться за счет миграции с демографическим кризисом. Что касается Германии, которая во второй половине XX века не имела особенных политических амбиций, то она была заинтересована в мигрантах по соображениям сугубо хозяйственным. Для активно развивающейся экономики ФРГ требовались рабочие руки, а их в разрушенной Второй мировой войне стране не хватало. В результате в 1961 г. между Берлином и Анкарой было подписано соглашение о найме рабочих, в 1963 и 1965 гг. аналогичные документы были подписаны с Марокко и Тунисом [Матсон, 2016]. После этого в Старый Свет начали стекаться трудовые мигранты, поток которых удавалось регулировать с очень большим трудом. В результате к началу 2000-х гг. процент мусульманского населения трех ведущих стран Европы составлял 7,8% от общего числа жителей во Франции, 4,1% — в Германии, 4,7% — в Великобритании [Kettani, 2010, с154–164].

Однако в конце 90-х — начале 2000-х гг. в глобальной экономике начались процессы, негативным образом отразившиеся на положении мусульманского населения ЕС. С 1999 г. немецкие, французские и британские корпорации приступили к перемещению производств в страны с более низким уровнем оплаты труда (офшоринг). Заводы и фабрики двинулись в Румынию, Словакию (компании из Франции) — Китай, Тайвань, Аргентину, Таиланд (Германия), Индию (Швеция). В результате за один 2008 г. «Рено» сократил во Франции примерно 4 тыс. рабочих мест, «Вольво» в 2009 г. оставил без работы полторы тысячи человек, а «Сименс», имея

в 1990 г. в Германии 228 тыс. работников, к 2017 г. оставил всего 113 тыс. (при этом компания имела только в Китае прибыль в 8 млрд. долларов в год, а по всему миру — 87 млрд.) [Tost, Efficiency...]. Согласно данным европейской статистики в период с 2003 по 2016 гг. из-за вывода производств работы в Старом Свете лишились более 200 тыс. человек. Также следует отметить, что с 1961 по 2000 гг. безработица среди экономически активного населения Европы неуклонно росла. В Великобритании она составила почти 10 %, во Франции перешла отметку в 13 %, а в Германии — 9 % (в ФРГ наблюдался перманентный рост безработицы на протяжении почти сорока лет) [Hurley, Peruffo, Storrie, 2017. P. 22].

Сокращение производств привело не только к потере рабочих мест большим числом мигрантов, но и к исчезновению естественной социальной среды, которая их абсорбировала. Таким образом, сформировались условия для появления феномена гетто как особого культурного пространства, где мусульмане стали жить изолированно, постепенно маргинализируясь и создавая собственные, отличные от европейских, субкультуры. Если первое поколение «старых рабочих» еще помнило совместную с европейцами жизнь и деятельность, то поколение второе и третье этого знания было уже лишено.

Сегодня именно с гетто, его специфической средой, напрямую связан феномен исламизма постиндустриального времени, появившегося из синтеза криминальной и радикально-религиозной культур.

8.3.3. Гетто и исламизм постиндустриального времени

После атак экстремистов в США в 2001 г., в Испании в 2004-м и в Великобритании в 2005-м гг. экспертное сообщество стало внимательнее относиться к проблематике радикального ислама. Всплеск интереса произошел после 2014 года, когда Европу захлестнула волна миграционного кризиса. Вдруг выяснилось, что мусульманские диаспоры сильны, многочисленны, и главное — они существуют как изолированные в территориальном и культурном отношении единицы. Мало того, достаточно скоро выяснилось, что новое поколение мигрантов — молодежь и люди возраста от 30 до 40 лет — не принимают в полной мере либеральные ценности западного общества. Наиболее же непримиримая часть мусульман является поборниками идей, призывающих к полному разрушению существующей глобальной модели управления и создания нового, справедливого госу-

дарства, основанного на религиозных принципах (шариат). Именно эти представители диаспор и стали главными носителями концепта, которые мы условно называем «исланизм постиндустриального общества». Для него характерен следующий набор признаков:

- твердая приверженность адептов доктрине священной войны (газавата);
- уверенность в необходимости обновления мира путем создания глобального халифата;
- определенное безразличие к идейным отличиям между направлениями ислама;
- вестернизированность носителей, ведущих весьма светский и свободный образ жизни, и в то же время презрение к Западу, угнетающему весь мир и мусульман в первую очередь;
- особая манера поведения и специфический культурный продукт, создаваемый и потребляемый в рамках движения.

Данный феномен неразрывно связан с субкультурами, которые также зародились и развились внутри гетто и мусульманских диаспор крупных европейских городов — *jihobbist* и *jihadi cool*. В основе этих субкультур находятся три момента: культ силы, криминальная традиция и поверхностное представление об исламе.

В середине первой декады XXI в. среди мусульманской молодежи стали популярными специфические тренды — ношение одежды с джихадистской символикой, потребление особой музыкальной, видео и информационной продукции (джихад-рэп, экстремистские каналы и ролики в Instagram и TikTok). Через это молодые люди начали подчеркивать свое неприятие рептильного (с их точки зрения) Западного мира и приверженность идеям борьбы против него. Особенно характерен здесь пример Великобритании, где данные субкультуры развиваются наиболее активно. Самый беглый анализ товарного ряда интернет-магазинов показывает популярность «традиционного» исламского продукта на территории Соединенного Королевства. Клиентам предлагается украсить стены в своем доме цитатами из священных текстов или напечатать на одежде мусульманские символы. Также в ходу рисунки со стилизованными мусульманскими символами, специфическими слоганами («Don't panic I am Islamic», «This is awesome muslim looks like») или с прямым обозначением своего политического кредо — «Mr. Jihad» и т.д.

Цифровой след данных продуктов отследить чрезвычайно сложно. Сколько именно исламских «мерчей» и за какой период времени было продано, установить невозможно (по крайней мере, автор соответству-

ющими техническими средствами не располагает). Однако обилие вариантов, разнообразие электронных площадок, на которых эти варианты предлагаются, а также географический охват предложения (существуют китайские интернет-магазины, поставляющие соответствующий продукт для европейских мусульман) свидетельствуют в пользу высокой популярности тематики *jihadi cool* в Европе. При этом социальная среда, питающая эти тенденции, питает также и исламский радикализм в его крайних, террористических формах. Данную связь можно установить, например, путем изучения биографий ведущих джихад-рэперов, сделавших шаг от сочувствия идеям священной войны к войне открытой. Ряд исполнителей джихад-рэпа сегодня входят в списки наиболее разыскиваемых террористов. Здесь и Абдель-Маджид Абдель-Бари (он же *Lyric Jinn*), и Омар Хаммами (сценический псевдоним — Аль-Амрики), и Денис Мамаду Кусперт (Абу-Малик).

Наиболее показательна биография Абдель-Маджида Абдель-Бари. Исламист во втором поколении (отец был причастен к взрывам американских посольств в Кении и Танзании в 1998 году). Начал музыкальную деятельность с создания вполне обычных композиций в стиле гангста-рэп. Потом перешел в стан радикалов, и в его песнях стали появляться фразы типа: «Give me the pride and the honour like my father, I swear the day they came and took my dad, I could have killed a cop or two». Или: «Imagine then I was only six, picture what I'd do now with a loaded stick. Like boom bang fine, I'm wishing you were dead, violate my brothers and I'm filling you with lead» [Drag, Krogulec, Marecki, 2016]. В 2014 году во всемирную сеть была выложена запись казни исламистами американского фотжурналиста Джеймса Фоли. На видео со сценой экзекуции была наложена композиция Л-Джинни. В апреле 2020 г. Абдель-Бари арестовали в Испании. Омар Хаммами (Аль-Амрики) включен в список наиболее разыскиваемых американскими спецслужбами террористов (одно время его считали главой сомалийской радикальной группировки «Аш-Шабаб») вместе с Денисом Куспертом.

Важно отметить, что, помимо процессов макроэкономических и международно-политических, на феномен исламизма постиндустриального времени ключевое влияние оказала социальная среда гетто, о которой необходимо сказать несколько слов.

Впервые об этой проблеме заговорили после беспорядков во Франции в октябре 2005 г. Тогда в результате небрежно проведенной полицейской операции погибли два мусульманских подростка — выходцы из Туниса и Марокко. «Визитной карточкой» погромов стали поджоги автомо-

билей. Когда выяснилось, что внутри мусульманских анклавов накопился высочайший уровень напряженности, экспертное сообщество начало выдвигать различные точки зрения относительно того, почему так случилось (несмотря на толерантность и политику поддержки меньшинств). В частности, американский исследователь Даниэль Пайпс заявил, что на окраинах крупных городов Евросоюза образовались так называемые «no-go-zones», куда простым европейцам вход закрыт. Гетто якобы полностью контролируются мусульманским криминалитетом и религиозными лидерами. Здесь не действуют законы, а лишь традиции и культ силы. Пайпсу вторил еще один американский ученый — С.Керн, также разделивший концепцию «no-go-zones».

Более взвешенный анализ ситуации дает несколько иную картину. С одной стороны, гетто действительно представляют собой достаточно закрытую со всех точек зрения среду, где под воздействием внутренних процессов формируется специфическая, характерная лишь для их жителей, система ценностей. С другой — проблема криминальности мусульманских общин серьезно раздута. Как показывает статистика министерства внутренних дел Франции, север страны контролируется выходцами из Югославии, Северо-Запад — румынами и цыганами, Запад — албанцами, хорватами и марокканцами, Юго-Восток и Юго-Запад — «принадлежат» албанцам, кавказцам (в основном — грузинам), балканцам и африканским (южнее Сахары) сообществам, Эльзас и Лотарингия — опять же балканцам и туркам. И только лишь на Юге (Марсель) и в Иль-де-Франс прослеживается доминирующее влияние арабов из Магриба. Отдельным пунктом здесь стоит ситуация в Париже, где из-за высокого скопления населения мусульманский криминалитет представлен также широко (согласно имеющимся данным, на Париж приходится 21,7 % похищений с целью выкупа и принуждения к проституции, а также 27,1 % национального наркотрафика).

Из приведенных выше данных видно, что арабский криминал не является доминирующим даже во Франции, которую принято считать едва ли не центром европейского исламизма. В то же время очевидно, что гетто являются проблемой, причем, в почти всех без исключения крупных европейских городах. Особенно показателен в этой связи пример Дижона, где в 2020 г. произошел конфликт между представителями чеченской и магрибинской диаспор. Прекратить его удалось только путем прямых переговоров тунисского и чеченского имамов. Характеризующим ситуацией моментом стала почти полная индифферентность к происходящему полицейских патрулей.

Экономика гетто

Во многом изолированность мусульманских анклавов сформировалась за счет существования там особого вида полукриминальной экономики, напрямую связанной с глобальной системой нелегальных денежных переводов, существующих с древности в мусульманском мире — хавала.

Вследствие деятельности криминалитета внутри гетто аккумулируется значительное количество неучтенных официальными налоговыми органами финансов, которые используются для различного рода, в том числе и экстремистской, деятельности. Группировки не только тратят полученные средства на развлечения, но и «отмывают» их за счет так называемой мусульманской благотворительности. К таковой относятся пожертвования на религиозные нужды: во-первых, религиозный налог — закят, во-вторых, милостыня — садака.

Закят является частью так называемых «пяти столпов ислама». Выплата его обязательна для всех мусульман, чье имущество соответствует некоему минимальному уровню благосостояния (нисаб). Садака — добровольное пожертвование, которое при этом должен совершать любой верующий, имеющий пристойные материальные возможности. Закят (закят аль-фитр, закят аль-мал) и садака служат делу поддержки малоимущих представителей общины. Лондонская школа экономики оценивает ежегодные объемы закята в промежутке от 200 млрд. до 1 трлн долларов (данные по всему миру за 2018 год). The Times, анализируя данные непосредственно по Великобритании, приводит сумму в 300 млн. фунтов или 417 млн. долларов (данные за 2018 год). Помимо непосредственно денег, жертвования могут осуществляться едой, одеждой, свободным временем (общественные работы). Неточность в оценках вызвана тем, что большинство благотворительных денег уплачивается и расходуется «в черную». «Дарение» делается наличными либо местному имаму, либо собирается в специальный ящик для пожертвований. Порой садака осуществляется напрямую — то есть, человек состоятельный дает деньги нуждающемуся без посредника, что также затрудняет официальный учет.

Аккумулированные средства переправляются в различные части исламского мира при помощи системы хавала. Деньги отправляют родственникам, ссужают в долг, вкладывают в бизнесы за пределами страны проживания и т.д. Также при помощи хавалы финансируются террористические и иные экстремистские организации. Система основана на взаимном доверии участников и функционирует не одну сотню лет. Работает она примерно так. Клиент-мусульманин из европейского города хочет перевести деньги своим родственникам на Ближнем Востоке. Он

идет к хаваладару (как правило, эти люди широко известны среди членов общин), сообщает ему о своем намерении, а заодно передает сумму, которую хотел бы переправить плюс небольшой процент за услуги. Хаваладар связывается со своим партнером в городе, куда должен быть направлен платеж, и также сообщает кому, когда и сколько денег нужно будет передать. В назначенный день родственник европейского мусульманина в своем уже городе приходит к местному хаваладару и получает необходимую сумму. Позже, когда между хаваладарами накапливается определенное количество взаимных обязательств, они встречаются на нейтральной территории (как правило, в одном из крупных мировых финансовых центров, например, в Дубае) и производят взаиморасчеты наличными или при помощи золота и иных драгоценностей.

Действует хавала и в гетто европейских городов. С ее помощью происходит финансирование полулегальных или нелегальных проектов в разных областях бизнеса и политической деятельности. Согласно данным Европола в течение 2016 г. было проведено несколько крупных операций по пресечению деятельности хаваладаров. Аресты прошли во Франции, в Германии, Испании, Бельгии, Нидерландах и Соединенном Королевстве. Изъято было несколько миллионов долларов, десятки килограммов наркотиков, выявлены связи хаваладаров в Австралии, США, Индии, Пакистане, Афганистане, Иране и ОАЭ. Однако даже после этого европейским правоохранителям не удалось понять масштаб распространенности этой системы. Оценить его эксперты сумели лишь как «очень большой», а значение — как «возрастающее» и «опасное» для мировой финансовой стабильности.

Все сказанное выше говорит о том, что гетто являются изолированными и почти полностью самодостаточными районами, малозависимыми от государственного финансирования (миф о том, что все мигранты живут исключительно за счет пособия, крайне устойчив, хотя действительно соответствует не вполне). Замкнутость сообществ позволяет их жителям формировать собственную систему ценностей, отличную от европейских стандартов. Имеющиеся экономические условия дают значительной части из них возможность либо вообще не коммуницировать с местным населением, либо свести эти контакты к минимуму. Таким образом и формируются субкультуры, представляющие из себя микст криминала и неких представлений о мусульманской традиции (существенно искаженных и поверхностно понимаемых в связи с продолжительным отрывом их носителей от аутентичной среды и давлением западной материальной культуры). Они же потом питают экстремистские религиозные течения в разных частях мира.

8.3.4. Новое слово в пропаганде ислама

Особо следует отметить формы и средства коммуникации, которые используются «новыми исламистами». Представители jihobbist и jihadi cool перевели большую часть своей деятельности по прославлению идей джихада в новейшие и наиболее популярные среди молодежи социальные сети Instagram и TikTok. В последние годы именно TikTok стал едва ли не ведущей пропагандистской площадкой. Здесь выкладываются ролики, в которых содержатся слова и напутствия имамов, рассуждения о проблемах религиозной схоластики, в занимательной форме (в виде мультфильмов или компьютерной анимации) рассказывается о мировом джихадистском движении. Некоторые ролики выполнены в абсолютно неприемлемой с точки зрения традиционной мусульманской морали форме — повествование идет на фоне танцующих девушек или сопровождается композициями в стиле рэп. По количеству подписчиков на каждом из каналов (касается в первую очередь Instagram) можно судить о достаточно высокой популярности данного контента среди молодежи, а подходы к его внедрению характерны именно для представителей «обновленной», постиндустриальной версии исламизма (с учетом их, в общем-то, наплевательского отношения к традиционным устоям и нюансам соблюдения исламской морали).

С приходом коронавируса в пропаганде радикалов (в том числе и исламистов постиндустриального общества) появился новый момент. А именно — ожидание Судного дня. Глобальная пандемия разожгла мистические настроения в среде радикалов, которые стали транслироваться ими через все доступные каналы пропаганды. Вирус стал в их глазах признаком скорого конца времен, перед лицом которого всем правоверным необходимо объединяться и творить благие дела (в том числе путем глобального джихада).

В целом эсхатология ислама, скомпилированная в общих чертах с христианского вероучения, базируется на концепции судного дня («аль-маад») и посмертного воздаяния («аль-кийама»). Согласно Корану и хадисам, конец времен (прямой перевод слова «аль-маад» — возвращение) начнется с того, что на землю явятся йаджудж и маджудж (отождествляются с библейскими Гогом и Магогом), потом возникнут столбы дыма, солнце взойдет с запада, состоится выход из земли некоего говорящего зверя и явится ад-Даджжал («антихрист»). Ад-Даджжал — обманщик, лжепророк — имеет прямую связь с падшим ангелом Иблисом (дьявол, сатана) и до своего торжества присутствует в мире, будучи

прикованным к скале на одном из островов в Индийском океане. Великий враг придет с Востока, будет иметь один глаз, красную кожу и выписанную на лбу букву каф («кафир»). Окружать лжепророка будет свита, состоящая из семидесяти тысяч неверующих и лицемеров («мунафикун») [Ислам, 1991, с. 55], по другой версии — из семидесяти тысяч евреев [Ирвин, 1998. с. 252]. Последний момент весьма важен, поскольку, как это уже говорилось выше, иудеи и иные «лицемеры» являются в глазах радикалов последователями Ад-Даджжла. То есть, нынешние события на Ближнем Востоке можно трактовать как пришествие свиты «антихриста», а значит, в скором времени должен появиться и он сам. Спасение мира начнется с приходом «ведомого верным путем» — махди и второго пришествия пророка Исы (Иисус Христос), которые сразятся с Ад-Даджалом и победят его.

Важным местом в толкованиях радикалами концепции конца света и связанных с ним признаков занимает вопрос о месте решающей битвы. В исламском богословии иногда упоминается Иерусалим, иногда небольшой город сирийской мухафазы Алеппо — Дабик. С последним, опираясь на хадисы, соотносят место мистического сражения радикалы (во второй декаде XXI в. ИГИЛ даже начало издавать одноименный журнал). «Искра разгорелась в Ираке, и жар от нее будет расти до тех пор, пока, по соизволению Аллаха, этот пожар не уничтожит армии крестоносцев под Дабиком», — говорил Абу Муссаб Аз-Заркави.

Зловещий образ судного дня, по мнению радикалов, должен воспалить сердца истинных верующих, поднять их на решающую битву против грядущего Ад-Даджжла. Признаки конца света усматриваются в эпидемии COVID (отождествляется с упоминаемой в хадисах чумой — один из второстепенных признаков последних дней; базирующееся в Индии радикальное издание «Наваи Газва Хинд» впрямую называет вирус «чумой, посланной Аллахом против неверных и врагов ислама») и в объединении против мусульман сил зла — мунафиков, тагутов и крестоносцев, в природных, техногенных и антропогенных катастрофах.

Эти мотивы все ярче прослеживаются в пропаганде исламистов как наиболее сильные с эмоциональной и эстетической точек зрения. То есть, можно сказать, что пока коронавирус свирепствует и международные контакты осуществлять в полном объеме невозможно (что сказывается на динамике джихадистского движения), радикалы используют затишье для вербовки в свои ряды новых adeptов.

8.3.5. Россия и исламизм постиндустриального времени

В той или иной форме, но исламизм постиндустриального общества постепенно проникает и в Россию. Сегодня нельзя говорить о том, что эта культура здесь окончательно сформировалась, однако отдельные ее элементы просматриваются достаточно четко. Среди них — мода на «гламурный» ислам (аксессуары, одежда, предметы интерьера с исламской символикой), видеопродукция исламистской направленности (тик-ток-ролики, посвященные джихаду и вопросам «веры»; профили в Инстаграм, освещающие специфическую проблематику) и музыкальная продукция в стиле гангста-рэп.

Для удовлетворения «эстетических» потребностей поклонников субкультуры в России появляется все больше интернет-магазинов, предлагающих продукцию с религиозной символикой. Как правило, это предметы одежды (рубашки, футболки, худи, толстовки), с напечатанными фразами «Аллах» или «Аллах велик!», рисунками полумесяца с утренней звездой, текстом шахады или поздравлений с религиозными праздниками. Среди относительно безобидных образцов часто встречаются и более радикальные варианты, которые можно рассматривать как призыв к политическим действиям. Например, изображение руки с поднятым вверх указательным пальцем (символ единобожия, используемый именно радикальными исламистами), слоган «Свободу Палестине!» и иная сомнительная символика.

Анализ Instagram-акканунтов показал, что радикалы очень часто наполняют контент своих страниц прославлением героев священных войн против христианства — Саллах ад-Дина, Имада ад-Дина Занги, праведного халифа Умара. «Реклама» данных исторических персонажей построена таким образом, что фактически содержит призыв следовать «праведным» путем истинных героев. Также соответствующие страницы в Instagram содержат откровенные выпады (нерегулярные) против других (помимо христиан) «врагов веры». По большей части, в подобном качестве фигурируют иудеи.

Вывод. Некоторое запаздывание в развитии исламистской субкультуры в России связано с тем, что отечественный радикальный ислам в идейном плане чрезвычайно зависим от внешнего воздействия. Вероятнее всего, в случае с его новой разновидностью ситуация будет складываться по схожему сценарию: согласно наблюдениям, сначала в криминализованной среде сформируются протестные настроения, которые постепенно приобретут специфические субкультурные очертания. Потом ко всему этому примешается исламистский фактор. Пока в России данное явление находится в промежуточной фазе между первым и вторым этапами, а как оно будет развиваться в дальнейшем, покажут время и политика руководства РФ.

Заключение

За последние годы кафедра политологии и политического управления значительно обновилась, как и обновилась учебные программы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Кафедра продолжает заниматься развитием политической науки. Состоялись два Московских политологических форума с международным участием в 2022 и 2024 гг. Оба форума исследовали политику с точки зрения междисциплинарного подхода неслучайно. Они объединили исследователей в области социально-гуманитарных и точных наук, которые с разных научных точек зрения изучают политику и политические процессы, тем самым обогащая политологию достижениями в области социологии, истории, философии, экономики, психологии, коммуникативистики, культурологии, математики, юриспруденции и других областей знаний.

Актуальность темы вызвана необходимостью сближения и выработки общего понимания современных явлений в политике в России и мире и единого языка в выражении политических процессов. Часто именно дисциплинарный снобизм мешает этому. Кроме того, сегодня политология, как и любая другая наука, нуждается в обогащении междисциплинарными методами исследования, помогающими лучше усвоить суть происходящего. Сами политологи нередко сталкиваются с различным толкованием или названием одних и тех же явлений, что мешает им понимать друг друга. Междисциплинарность настолько давно стала частью современной науки, что уже могут быть пересмотрены рамки того, что мы знаем и делаем. Форум стал площадкой для систематизации уже накопленного опыта междисциплинарных исследований в области политики и пересмотра существующих дисциплинарных и междисциплинарных границ.

Однако не только междисциплинарный подход к политическому определяет сегодня основной вектор развития этой науки, но и, как отмечено в нашей монографии, отказ от бездумной универсальной нор-

мативности европоцентричности политологической теории. Кроме того, речь идет о разумном соотношении качественных и количественных методов исследования в политологии и о нецелесообразности сведения всей палитры количественных методов только к одной их категории (линейной статистической регрессии), поскольку данный подход чреват сведением множественности социальных каузальных взаимосвязей к их упрощенным версиям.

Политика многомерна, и не стоит на месте. Отсюда и изменения в объекте и предмете политической науки, появление новых подходов и методов в ее изучении. Выдающемуся философу Древней Греции Гераклиту Эфесскому — основателю первой исторической формы диалектики — принадлежит афоризм: ***кто не ожидает неожиданного, тот не найдет и трудно находимого***. А это означает, что кафедра должна продолжать работать во имя лучшего будущего своей страны и ее политической науки.

Литература

Нормативно-правовые документы

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2022) [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/(дата обращения: 20.01.2022).
- Федеральный конституционный закон Российской Федерации № 1 от 14.03.2020 г. о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- Федеральный закон Российской Федерации № 10 от 12.01.1996 «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата обращения:12.03. 2022)
- Федеральный закон Российской Федерации №7 от 12.02.1996 г. «О некоммерческих организациях» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>(дата обращения:12.03. 2022)
- Федеральный закон Российской Федерации №178 от 17.07.1999 г. «О государственной социальной помощи» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата обращения:12.03. 2022)
- Федеральный закон Российской Федерации № 184 от 06.10.1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. 21.12.2021), с изменениями и дополнениями, вступил в силу 01.01.2022[Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058 (дата обращения: 20.01.2023).
- Федеральный закон Российской Федерации № 95 от 11.07.2001 г. «О политических партиях» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991&ysclid=m1xxew3ifb86187387> (дата обращения: 20.01.2023).
- Федеральный закон Российской Федерации № 380 от 03.12.2011 г. «О хозяйственных партнерствах» [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
- Федеральный закон Российской Федерации № 212 от 21.07.2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (последняя редакция) [Элек-

- тронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809 (дата обращения: 20.08.2022).
- Федеральный закон Российской Федерации № 224 от 13 июля 2015 г. «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2022)
- Федеральный закон Российской Федерации № 62 от 03.04.2017 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция). [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214788/ (дата обращения: 20.01.2022).
- Федеральный закон Российской Федерации «Об основах приграничного сотрудничества» №179 от 26.07.2017 г. [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 20.01.2022).
- Федеральный закон Российской Федерации №87 от 01.05.2019 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция). [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323814/ (дата обращения: 20.01.2022).
- Федеральный закон Российской Федерации № 44-П от 27.10.2020 г. «О проверке конституционного пункта 1 статьи 7 ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях»: Постановление Конституционного суда РФ по делу №... // Российская газета 2020, 6 ноября.
- Федеральный закон Российской Федерации № 414 от 21.12.2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 20.01.2022).
- Указ Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvdl1HCCsv.pdf> (дата обращения: 09.10.2022).
- Указ Президента РСФСР № 212 от 15.11.1991 г. «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» [Электронный ресурс] // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.04.2023).
- Указ Президента Российской Федерации № 364 от 15.06.2021 г. «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2021 № 25. Ст. 4787.
- Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 20.01.2022).
- Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // Российская газета. 15.01.2020.
- Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой

информации. [Электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

Постановление Конституционного Суда РФ № 1-П от 24.01.1997 г. «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: Постановление Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/ (дата обращения: 20.01.2023).

Постановление Конституционного Суда РФ №17-П от 10.06.1998 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19098/ (дата обращения: 20.01.2023).

Постановление Конституционного Суда РФ №7-П от 02.04.2002 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36154/ (дата обращения: 20.01.2023).

Трудовой кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2015.

Зарубежное законодательство

Конституция Швейцарии. Ст. 10. п. 1. // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/79349> (дата обращения: 20.01.2022).

Дополнительный протокол к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества. 1995. / <https://docs.cntd.ru/document/901909711> (дата обращения: 20.01.2022).

Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества. 1998. / <https://www.refworld.org.ru/pdfid/55c1c7444.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. 2009. / <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102419973&backlink=1&&nd=102601155> (дата обращения: 20.01.2022).

Монографии, сборники, статьи

- GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- GR и лоббизм: теории и технологии: учебник для вузов / В.А. Ачкасова [и др.]; под редакцией В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. 2-е изд. М.: ЛИТРЕС – 2021.
- Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ. – 2015.
- Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). – С. 7–13.
- Авдонин В. С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // МЕТОД. М.: ИНИОН РАН. 2015. Вып. 5. – С.265–278.
- Авцинова Г.И., Супряга И.А. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте обеспечения общественной безопасности России // PolitBook. 2016. № 1. – С. 27–43.
- Алексеева Т. А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т.8. №4. – С. 30–41.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М., 2018.
- Алиева Н.З. Постнеклассическое естественнонаучное образование: концептуальные и философские основания. М.: Акад. Естествознания, 2008.
- Алкер Х.Р. Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече. 1999.
- Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. – С. 91–112.
- Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины//Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.). Политическая наука. Новые направления. М.: Вече. 1999. – С. 69–112.
- Андреев Ю.Н. Рецензия на доклад НИУ ВШЭ о реформировании государственного аппарата // Управление наукой и наукометрия. 2021. Т. 16. № 1. – С. 144–157.
- Андреева Г. М. Социальная психология и социальные изменения// Психологический журнал. Том 26. №5. 2005. – С.5–15
- Андрианов М.С., Боголюбов С.А., Бут Н.Д., Добрецов Д.Г., Ермакова К.П. и др. Законность: теория и практика: Монография / Отв. Ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Академия Генеральной прокуратуры РФ. 2017.
- Аптекарь П. Фавлократия по-русски//Ведомости. 2020. 28 января.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетей, 2000.
- Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Рук. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1997.

- Арнольд В.И. Теория катастроф. 3-е изд., дополненное. М.: Наука, 1990.
- Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования: электрон, науч. журн. 2015. Т. 8. № 40.
- Атлас новых профессий. М.: Сколково, 2015.
- Атлас новых профессий. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: учебное пособие. М.: Гардарики, 2006.
- Баранов А.В. Общественные объединения и социальные сети: роль в политическом процессе Краснодарского края // PolitBook. 2012. № 2. — С. 51–61.
- Баранов Н.А. Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. 2021. № 1. — С. 5–21.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М.: Весь мир. 2004.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Башева О.А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2000. Т. 6. № 1. — С. 41–57.
- Бенетон Ф. Введение в политическую науку / Пер. с фр. М.: Издательство «Весь мир», 2002.
- Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.
- Бёрк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования 1991. № 6. — С. 113–121.
- Бир С. Т. Кибернетика и управление производством / Пер. с англ. В.Я.Алтаева; под ред. А.Б.Челусткина. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1965.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», 2000.
- Большая российская энциклопедия / Под ред. Ю. С. Осипова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2016. Т.31, 646.
- Большая советская энциклопедия / Глав. ред. А.М.Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т.12, книга 1. — С.142, 240–241.
- Бор Н. Избранные научные труды. Статьи 1925–1961 гг., Том 2. М.: «Наука».1971.
- Борщевский Г.А. Совершенствование нормативно-правового регулирования и общей организации системы государственной службы. В кн.: Перспективы социально-экономического развития Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Н.Н. Калмыкова. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2017. — С. 37–57.
- Бронников И.А. Метаморфозы гражданского общества // PolitBook. 2012. № 2. С. 77–99.
- Бронников И.А. Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // Politbook. 2019. № 2. — С. 6–24.
- Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2000. Т. 13. № 2. — С. 269–285.
- Бузгалин А. Гарант стагнации // Московский комсомолец. 2021. 27 октября.

- Бурда М.А. Миграционная политика: мировая практика и российская действительность // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. — С. 807.
- Бурда М.А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий // PolitBook. 2017. № 4. — С. 115–125.
- Бурда М.А. Миграционный кризис в странах Западной Европы и политические процессы // ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО. материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Государственный университет управления. 2019. — С. 301–302.
- Бурда М.А., Порошина А.С. Социальная сеть «ТикТок» как новый инструмент политической коммуникации в молодежной среде // PolitBook. 2021. № 4. — С. 21–30.
- Буренко В.И., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический анализ) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. — С. 44–51.
- Валлерстайн И. и др. Есть ли будущее у капитализма? / Пер. с англ.. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — С. 21.
- Ванкевич А.С. Социально-политические факторы, определяющие процесс лоббизма // Вестник МГОУ. 2009. №3. — С. 3–10.
- Васецкий А.А. Лоббизм в политическом процессе современной России // Политика и правовое государство. 2019. №2. — С.79–97.
- Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. Т.3. № 2. 2020.— С. 3–16.
- Васильев А.Н. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.); РАН. Ин-т Африки. — 2 изд., расш. и доп. М.: Классика плюс, 1999.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол Классик. 2018.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука. 1991.
- Володенков С.В. Политическое управление как процесс информационно-коммуникационного регулирования современных общественных отношений // Вестник РУДН. Серия Политология. 2017. Т.19, №3.
- Володенков С.В. Цифровая политическая коммуникация: особенности и механизмы // Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / Под ред. Л.В.Сморгунова. М.: Политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2021.
- Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014, Вып. 3 (26). — С. 5–12.
- Волох В.А. Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // Социально-трудовые исследования. 2019. № 4 (37). — С. 57–65.
- Волох В.А., Курдюмов Н.В. Пандемия: проблемы управления международной трудовой миграцией // Власть. 2021. Т. 29. № 4. — С. 139–145.
- Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М.: Логос, 1999.
- Гаджиев Х.А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. №1.
- Гадисов С.Р. Суверенитет государства в условиях глобализации: факторный анализ // Вестник Поволжского института управления. 2019, Т. 19, № 6. — С. 80–86.

- Гаман-Голутвина О. В. Партии и власть // Свободная мысль. 2004. № 9. — С. 77–86.
- Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании в эпоху неопределенности. // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. — С. 19–42.
- Гармоненко Д. Оппозиция не получит столицу для реванша // Независимая газета. 2021. 2 декабря.
- Гармоненко Д. Яблоко раскалывается из-за Навального // Независимая газета. 2021. 22 октября.
- Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990.
- Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII. История философии. М.-Л., 1935.
- Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: [Пер. с нем.] М.: Наука, 1990. — С. 205–206.
- Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей Правительством РФ на 2021–2023 годы // Российская газета, 2021. 13 апреля.
- Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004.
- Гимазова Ю.В., Акимов Н.П. Проблемы и тенденции развития технологий лоббизма в России // Nauka-Rastudent.ru. 2015. № 10. — С. 1.
- Глазунов О. Н. Мировая политика и международные отношения. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2012.
- Горелов А.А., Горелова Т.А. Предпосылки становления гражданского общества // PolitBook. 2012. № 2. — С. 34–50.
- Гостев А.Н., Демченко Т.С., Шалаев М.С. Бюрократия в системе государственной службы: социолого-управленческий взгляд // Вестник Академии права и управления. 2021. № 3 (64). — С. 61–75.
- Грачев М.Н. Политологический потенциал кибернетики // XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки. Тезисы выступлений на XXIV Всероссийских чтениях студентов, аспирантов, молодых ученых с международным участием. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015.
- Гроот В., Матвеев Ю.И. Роль политических партий в модернизации государства // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2. — С. 11–21.
- Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб.: «Типография Т-ва «Общественная польза», 1910.
- Гусельцева М.С. Трансформации идентичности в информационной культуре // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Коллективная монография. Под редакцией Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. Москва, 2019. — С.36–43.
- Давтян А.Г., Шабалина О.Г., Садовникова Н.П., Парыгин Д.С. Кибернетика как курс управления // Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2019. №2. — С.22–26.
- Де Валь Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. 2-е изд. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2016.
- Десяряев А.А. Принятие политических решений: Учебное пособие. М.: КДУ, 2004.

- Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭ-ПИ и группы зарубежных авторов. М.: Издательский дом Академии имени Н.Е.Жуковского, 2015.
- Денисов Ю.П., Стаурский Е.С. Феномен публичной службы в контексте административно-политических трансформаций // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 2 (35). — С. 25–28.
- Дерипаска О. Как увеличить ВВП за 12 лет // Ведомости 2020. 25 декабря.
- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / Пер. с англ. А.А.Писарева, науч. ред. С.М.Гавриленко. М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2016.
- Динамика инноваций / Под науч. ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2011.
- Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. М.: Всемирный банк, Весь мир, 2009. — с.115.
- Доклад об экономике России № 46. Декабрь 2021 // Группа Всемирного банка. 2021. — 106 с.
- Донай Л. Гражданское общество и свобода слова в Интернете. Избирательные вопросы регулирования содержимого сети // PolitBook. 2015. № 2. — С. 48–62.
- Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика пространства // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
- Дробижева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интег-рационных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №4. С. 7–22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.
- Дубин Б.В. Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшний России // Вестник общественного мнения. № 2 (100) апрель-июнь 2009. — С.55–64
- Дубровина О. Ю., Плотникова О. В. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма. 2016.
- Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000.
- Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // Ценности и смыслы. 2012, № 5(21) — С. 27–36.
- Евелькин Г.М. Социально-политическая ситуация как проблема познания: к концептуализации понятий и исследовательских подходов // Социология. 2014. №2. — С.47–57.
- Епинаина В.С. Генезис концепции публичного управления: фактор качества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 5. — С. 33–42.
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 1. — С. 162–192.
- Жулин А.Б., Кузьминов Я.И. (ред.). Ответ на вызовы цифровизации: госуправление, основанное на данных, «штабная» модель управления и структурный маневр в численности госслужащих. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
- Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003.
- Зорин В.Ю., Бурда М.А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // PolitBook. 2020. № 1. — С. 113–128.

- Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов // ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.
- Ильи М.В. Сравнительный подход в истории политической мысли/ Современная сравнительная политология/ Под ред. О.В.Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Хранитель, 1993.
- Ильин М. В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разъединенные сферы познания? // МЕТОД. М.: ИНИОН РАН. 2014. Вып. 4. — С. 6–11.
- Ильин М. В. Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука. 2018. № 1. — С. 40–67.
- Ильин М. В., Фомин И. В. Чем и как могут насытить политические исследования математика, семиотика и морфология? Ежегодник РАПН — 2017 / Под ред. А. И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2017.
- Ильичева Л.Е. Лоббизм в США: опыт функционирования // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 5. — С. 13–20.
- Ильичева Л.Е. Провокация в системе политических технологий в сфере лоббистской деятельности / Провокации: экспертное измерение. Отв. редактор А. В. Дмитриев. М.: Новый хронограф, 2017. — С. 56–69.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Индикаторы цифровой экономики: 2021 // Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 124 с.
- Интернет в России. М.: Типография «Форвард Принт», 2021. — 96 с.
- Ирвин Р. Ислам и крестовые походы // История крестовых походов / Райли-Смит Дж. М., 1998. — С.252.
- Ирхин Ю. В. Анализ взаимодействия гражданского общества и государства в Российской Федерации // Научный эксперт. 2008. — С. 44–61.
- Ирхин Ю.В. Создание, институализация и деятельность международной ассоциации политической науки: к 70-летию МАПН // PolitBook. 2019. № 4. — С. 97–114.
- Исаев И.А. Институты и бюрократия: взаимодополняющие части «машин» // История государства и права. 2020. № 3. — С. 3–9.
- Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. — С.55.
- Каллиома Л.А. Журналист печатных СМИ в условиях цифровой революции: испытание переменами // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 5. — С. 102–106.
- Камышанов В.И. Фрагментация глобализации как вызов устойчивому развитию: фактор идентичности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). — С. 78–90.
- Каневский П. С. Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ: монография. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020.
- Каневский П.С. Дуалистическая природа института лоббизма в современных демократиях // Вест. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. — С. 125–134.

- Каневский П.С. Развитие института лоббизма в постсоциалистических странах Евросоюза: сравнительный анализ словенской и польской моделей // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. — С. 134–148.
- Каневский П.С. Тенденции развития лоббизма в Британии // Современная Европа. 2019. № 2 (88). — С. 62–73.
- Капица С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. №4. — С. 42–54.
- Карпова Н.В. Политическая культура как фактор формирования цивилизационного лоббизма в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. — С. 135–150.
- Комаровский В. С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. Т. 25. № 1. — С. 5–11.
- Комаровский В. С. Государственная служба и средства массовой информации: курс лекций. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2003.
- Комаровский В. С. Российские новые правые как политический актор // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития: сборник статей / Ин-т «Справедливый мир» [и др.]; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. М.: Ключ, 2013.
- Комаровский В.С. В двери ВУЗа стучатся проблемы // Государственная служба 2001. № 1. — С. 62–67.
- Комаровский В.С., Савенков Р.В. Политическая повестка молодежи в программных документах партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. — С. 49–54.
- Коновалов В.А. Ренессанс публичной службы в Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2021. № 1. — С. 33–36.
- Королев Н. Искусственный интеллект проведет психоанализ россиян по соцсетям // Коммерсантъ. 29.11.2021.
- Костяев С.С. Лоббизм и санкции США: статистический анализ // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 1. — С. 118–126.
- Котляров И.В. Социально-политическая ситуация как фактор цивилизационного кода // Социологический альманах. 2018. №9. — С.15–28.
- Кочетков А.П. Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 1. — С. 29–51.
- Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Кошкина А. Бедность — величина неинтересная // Ведомости 2020. 25 декабря.
- Кривов В.Д. (ред.). Развитие государственной гражданской службы. Новый этап: материалы научно-методического семинара // Аналитический вестник Совета Федерации. 2020. № 3 (746). — С. 45–50.
- Кузич А.Е. Политика и политическое управление // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 1999. №2 (10). — С.41–49.
- Кузьмин И. А. Политология права в системе юридических исследований (постановка проблемы) // Право и политика. 2021. № 4. — С.25–35.

- Кузьминов И.И. Избранные труды: очерки политической экономии. В 2 т. [редкол. и авт. предисл. С. В. Рогачев (отв. ред.), В. С. Дунаев, И. Т. Назаренко]. М.: Мысль, 1982.
- Купряшин Г.Л. Публичное управление // Политическая наука. 2016. № 2. — С. 101–131.
- Курносов Ю. В. Аналитика. М.: РУСАКИ, 2004.
- Лапшина Д.М., Попов С.И. Кадровая политика государственной гражданской службы России на современном этапе и пути ее совершенствования // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11. — С. 3152–3156.
- Левакин И.В. Историко-компаративистский анализ бюрократии на основных этапах развития публичной власти // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 3. — С. 158–173.
- Левантовский Л.В. Особенности границы области устойчивости // Функциональный анализ и его приложения. 1982, т.16, вып.1. — С.44–48.
- Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Российское общество и государство в условиях пандемии // Россия: Центр и регионы / Отв. ред. В. Н. Иванов, Х. В. Дзуцев. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.– С.7–46.
- Левичева В.Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интервенция // Социологические исследования. 2021. № 10. — С. 50–60.
- Литвак Б. Г. Наука управления: теория и политика. М.: Изд. Дело АНХ. 2011. — С.165.
- Локшин И.М. 20 лет дискуссии об обновлении методологии социальных наук // МЕТОД. Вып. 4. Под ред. Ильина М.В. М.: ИНИОН РАН. М., 2014.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. — С.-Петербург: «Искусство-СПБ». 2000.
- Магун А.В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: НЛО, 2011.
- Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). — С. 74–93.
- Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология: методы исследования. М.: Весь мир, 1997.
- Матвеева А.В. Особенности гражданского участия в условиях современного цифрового пространства // Форум молодых ученых. Саратов: ООО «Институт управления и социально-экономического развития, 2018. № 5–2 (21). — С. 620–625.
- Матсон О.О. Формирование отношений мусульманской диаспоры и титульного этноса Германии в 20–21 вв. // Вестник Брянского государственного университета. №2 (28) 2016. — С.75–76.
- Мельвиль А. Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований/Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. Том 29. № 1. — С. 22–43.
- Мельков С.А., Ножка С.М., Чумаченко А.П. Сравнительный анализ института лоббизма в России и США // Власть. 2018. Т. 26. № 5. — С. 45–51.
- Мерзликин Н.В. 1.4. Социально-политические вызовы и риски перехода к цифровой зрелости. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Феде-

- рации в 2020 году [Осипов Г.В., Левашов В.К., Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Тощенко Ж.Т. и др.]. М.: Перспектива, 2020. — С.88–109.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
- Методы исторического исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2003.
- Мизулин М.Ю. Политическое право: идея, парадигма, категоризация. Судебная реформа и становление правового государства в Российской Федерации (по материалам международной научно-практической конференции) / Под общей редакцией Комаровского В.С., Мизулина М.Ю. // М.: ДиАР. 2003. — С.124–134.
- Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е. Инициативы Президента Д. Трампа в контексте формирования и реализации иммиграционной политики США // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 6 (144). — С.45–46.
- Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика: учебник для вузов. М.: Экзамен, 2001. — С.23.
- Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. — С. 140–152.
- Мухаметшина Е. Общество неинтересно власти // Ведомости. 2019. 28 ноября.
- Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006.
- Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. № 1. 2017. — С. 144–158.
- Никовская Л.И., Якимец В. Н., Молокова М. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011. — С.222.
- Николаев И. Время застоя // Московский комсомолец. 2013. 28 декабря.
- Носов С.И. Суверенитет государства в условиях глобализации: новые угрозы и вызовы // Право и образование. 2015. №3. — С. 103–111.
- Образ будущего России глазами молодежи: монография / Комаровский В.С., Беляков А.А., Бориско О.А., Екшина М.Д. и др.; под ред. В. С. Комаровского // М.: Аспект Пресс, 2021.
- Павроз А. В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. СПб: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2019.
- Панарин А.С. Политология: Учебник. М.: Проспект, 1997.
- Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А.Седова и А.Д.Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Парусова Е. М. Выживание бизнеса в США: лоббизм в условиях пандемии // Вестник Белого генерала. 2020. № 4. — С. 31–40.
- Патцельт В. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука. 2018. № 1. — С. 68–92.
- Пейн Т. Избранные произведения. М.: АН СССР, 1963.
- Перспективы исследований идентичности в социальных науках: продвижение неконфликтной публичной дискуссии (беседа профессора Л.А. Фадеевой с член-корреспондентом РАН И.С. Семененко) // Политическая наука. 2020. № 4. — С. 74–85.

- Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. — С.16–38.
- Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика: монография / Под ред. Л.Н.Тимофеевой. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012.
- Политические институты, процессы и технологии: теории и кейсы / коллектив авторов; под ред. С. А. Мельникова. М.: КНОРУС, 2021.
- Политические партии в Российской Федерации. 2014 г. Выпуск 3. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2014. — 288 с.
- Политический анализ и прогнозирование. / Под ред. В Семенова, В. Колесникова. СПб.: Питер, 2014.
- Политический класс в современном обществе / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. Библиотека РАПН. М.: РОССПЭН, 2012.
- Политическое управление. Сборник научных трудов кафедры политологии и политического управления / Отв. ред. Кулинченко В.А., Бакушев В.В., Тимошенко В.И. М.: РАГС, 1998.
- Политическое управление: курс лекций / Под ред. В. С. Комаровского, С. В. Рогачева; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — 2. изд., перераб. М.: РАГС, 1999.
- Политология. Дисциплины специализации. Связи государственной службы с общественностью: учебно-методический комплекс: часть 3.2 / Л.Н. Тимофеева; под общ. ред. О.Ф. Шаброва. М.: Изд-во РАГС, 2005.
- Политология: Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Политология: общепрофессиональные дисциплины: учебно-методический комплекс // Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации; под общ. ред. О. Ф. Шаброва. М.: Изд-во РАГС, 2007.
- Политология: учебник / Комаровский В. С., Алексеева Т. А., Бакушев В. В. и др. // Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2002.
- Политология: учебник для академического бакалавриата / Под ред. В. С. Комаровского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Политология: учебник для вузов / В. С. Комаровский и др. ; под редакцией В. С. Комаровского. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024.
- Политология: учебник / А.Ю.Мельвиль и др. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
- Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект Пресс, 2011.
- Попова О.В. О нерешенных проблемах теории Государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука, 2020. № 4. — С. 86–110.
- Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. В 2 т. Том 2. М.: Открытое об-во «Феникс», 1992. — С.27. 133.
- Постон Мл. Дадли, Моррисон П. Демография стены Трампа // Демографическое обозрение. 2018. № 4. — С.164–170.
- Посульченко В.А, Фалина А.С. Предпосылки формирования политического Интернет-активизма в контексте экологического лоббизма // PolitBook. 2022. № 2. — С. 97–109.
- Посульченко В.А. Экологический лоббизм как индикатор развития гражданского общества // PolitBook. 2020. № 2. — С. 24–41.

- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта / Научно-исследовательские исследования, 2018: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Ракитов А.И. М., 2018.
- Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. М. 2007.
- Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Рапопорт А. Уверенность и сомнения. М.: Информ. центр, 1999.
- Рогачев С.В. Диалектика объективного и субъективного в экономике развитого социализма: Полит. -экон. аспект. М.: Мысль, 1979.
- Рогачев С.В. Политология. Введение к предмету: Лекция; Рос. акад. управления, Политол. центр. М.: Луч, 1992.
- Российские и мировые миграции: историко-политологический анализ (к 300-летию создания подразделений по вопросам миграции системы МВД России): Монография / А.Б. Паскачев, В.А. Волох, В.А. Суворова. М.: Литера, 2019. — С.14.
- Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. М.: ИТД «Перспектива», 2020.
- Россия — Средняя Азия: / [С. Н. Абашин и др.; редкол.; А. А. Кокошин, В. В. Наумкин, Л. Р. Сюкияйнен]; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак-т мировой политики. М.: URSS. Т. 1. — С. 56–81.
- Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. / Под общ.ред. О.В.Гаман-Голутвиной, Л.В.Сморгунова, Л.Н.Тимофеевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
- Рощин Ю.В. Миграция населения и Россия. Роль и значение миграционных процессов в миграционной политике в прошлом, настоящем и будущем Российского государства: учебное пособие. М.: ГУУ, 2007. — С. 196.
- Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001. 114 с.
- Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциация публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2018. № 12. — С. 24.
- Самусевич А.Г., Соболева К.В. Современные представления о лоббизме в законодательном процессе // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 1 (19). — С. 26–28.
- Сашенко Н.П. Российская идентичность в цифровую эпоху и социальные представления пользователей социальных сетей // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, №1. — С. 40–51.
- Сашенко Н.П. Идентификационные процессы в российском обществе // Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: [монография] / В. К. Левашов [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — С. 68–87.

- Сашенко Н.П. Российская идентичность в цифровую эпоху и социальные представления пользователей социальных сетей // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 1 (25). — С. 40–51.
- Сашенко Н.П. Структура социальных представлений молодежи о России: проблема идентичности // Наука. Культура. Общество. — 2020. Т. 26. № 3. — С. 8–18.
- Саяпин В. О. Сетевое общество как матрица современной структуры социальной виртуальности // Манускрипт. 2016. № 1. — С. 140–147.
- Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под общ. ред. В. С. Комаровского; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2001.
- Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. — С. 56–77.
- Семененко И.С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // ПОЛИС. Политические исследования. 2021. №2. — С.25–45
- Семененко И.С. Политические изменения в современном мире: новые контуры исследовательского поля. Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития // М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 29, 33.
- Сирота Н.М. Политология. СПб.: Питер, 2012.
- Сковиков А.К. Логика: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2015.
- Сковиков А.К., Скутина С.Г., Фалина А.С. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе // PolitBook. 2018. № 4. — С. 64–73.
- Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: [в 2 т.] / [пер. с нем. К. Левинсон, сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле]. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Словарь философских терминов / Науч. ред. профессор В.Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2013.
- Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. — С. 129–153.
- Смирнов В.А., Фидря Е.С. Сравнительный анализ проницаемости каналов рекрутирования властных групп в странах Прибалтики // Власть. 2016. №9. — С. 98–104.
- Сморгунов Л. В. Политическое «между»: феномен лиминальности в современной политике // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. — С. 159–169.
- Сморгунов Л.В. Методологический синтез в современной сравнительной политологии // МЕТОД. М.: ИНИОН РАН. 2014. Вып. 4. — С. 300–310.
- Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. 2014. №6. — С.5–14.
- Современная политическая наука. Методология / [Т.А.Алексеева и др.]; отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина, А.И.Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019.
- Современная политическая наука. Методология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс. 2019.
- Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. — С. 6–101.
- Соловьев А.И. Исторически судьбы и перспективы российской политической науки // Рос.полит.наука в 5 т. / Под общей ред. А.И.Соловьева, М.: Российская политическая энциклопедия, т.1. 2008. — С. 8.

- Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. — С. 8–25.
- Сорос Д. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Пер. с англ. К.Вагнера // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010.
- Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов // М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Социология пандемии. Проект корона ФОМ / Рук. авт. колл. А.А.Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.
- Сравнительная политология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический Проект; Трикста, 2011.
- Судакова О.Н. Семиотическая концептуализация культуры в работах Ю. С. Степанова // Вестник СПбГУКИ 2017. №2(31) июнь. — С 61–64.
- Сунгуров А.Ю., Захарова А.Е. Юридическая политология или политология права: эскиз исследовательского поля // Общественные науки и современность. 2017. № 5. — С.83–93.
- Таагепера Р. Две моих мечты // Политическая наука. 2018. № 1. — С. 12–39.
- Теория управления (дополнительные главы): Учебное пособие / Под ред. Д.А.Новикова. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Тимофеева Л.Н. Альтернативная печать: ее сущность и значение//Пресса: опыт, проблемы и тенденции. М.: Издательство «Луч», РАУ. 1992. — С. 23–49.
- Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология: (Учеб.-метод. пособие) М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1996.
- Тимофеева Л.Н. Политический конфликт: лекция. М.: Изд-во РАГС, 2008.
- Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис: Политические исследования. 2009. N 5. — С. 41–54.
- Тимофеева Л.Н. Гражданское общество дает больше, чем справедливость — чувство общности и дружбы. Институты гражданского общества в преодолении социально-экономического кризиса / Под ред. Ю.Г.Павленко и Р.В.Короткова. М.: ИЭ РАН, 2011. — С.53–66.
- Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекция. Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии (под ред. О.В. Гаман-Голутвиной). М.: Издательство «Аспект Пресс». 2015. — С. 378–402.
- Тимофеева Л.Н. Институализация публичной критики как условие развития общества и государства. Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции / Материалы научно-практической конференции. Отв. ред. Р.В.Евстифеев. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. — С.7–32.
- Тимофеева Л.Н. Управление через сотрудничество государства и общества как новый вектор. Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы / Материалы 15-й Международной конференции. Коллектив авторов. — М.: «КДУ», «Добросвет», 2018. — С. 683–689.

- Тимофеева Л.Н. Альтернативизм в науке и политике / Современная политическая наука: Методология (отв. ред. О.В.Гаман-Голутвина, А.И.Никитин). М.: Издательство «Аспект Пресс». 2019. — С. 525–550.
- Тимофеева Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. — С. 64–69.
- Тимофеева Л.Н. Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. 2020. № 3. — С. 114–146.
- Тимофеева Л.Н. 1.8. Конструктивная критика в регулировании политических конфликтов: возможности и перспективы. Конфликтное поле публичной политики: опыт, уроки и перспективы современного российского общества / Под ред. А.И.Соловьева, Г.В.Пушкаревой М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2022. — С.118–132.
- Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. — С. 53–71.
- Тимофеева Л.Н., Климова Г.С. Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы // Власть. 2022. № 3. — С. 276–279.
- Тимофеева Л.Н. Политический альтернативизм. Политология. Новый лексикон / Под ред. Соловьева А.И. М.: Аспект Пресс, 2023. — С. 30–41.
- Тимошенко В.И., Кокоткина Е.М. Возможные перспективы развития партийной системы в контексте либерализации партийного законодательства // PolitBook. 2015. № 3. — С. 179–191.
- Тимошенко В.И., Сальков Д.Н. К теории партий и партийных систем // PolitBook. 2016. № 2. — С. 52–72.
- Тимошенко В.И., Сальков Д.Н. Протопартии и малые партии в эпоху европейского средневековья в контексте книги Макиавелли «История Флоренции» // PolitBook. 2020. № 2. — С. 146–158.
- Тимошенко В.И. Предвыборные программы политических партий как предмет политологического анализа // PolitBook. 2021. № 4. — С. 104–124.
- Тимченко А.Н. Лоббизм в России в контексте моделей принятия политических решений: возможна ли эволюция? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. — С.168–179.
- Тимшина Е.Л. Реформирование государственного устройства России в программных документах политических партий (по материалам избирательных кампаний 2011 и 2016 гг.) // Право и политика. 2020. № 7. — С. 136–150.
- Титов В. В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. — С. 42–54.
- Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017.
- Титов В. В. Политические технологии формирования национально-государственной идентичности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25. № 3. — С. 78–83.
- Титова А., Зубаревич Н. «Денег точно будет меньше» // Новая газета. 2021. 22 января.

- Толстых П.А. Лоббизм как информирование // Грамота. 2012. № 7 (21), в 3-х ч. Ч. II. — С. 165–169.
- Торкунов А.В. Вызовы социогуманитарной науке в России // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. — С. 8–16.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ, 2008
- Труд и занятость в России. 2021 // Федеральная служба государственной статистики. М.: Росстат, 2021.
- Турунок С.Г. Политический анализ. Курс лекций. М.: Дело, 2005.
- Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введение в действие) // Сборник статей и материалов под ред. Е.Б.Мизулиной и В.Н.Плигина. М., Юрист, 2006.
- Фалина А.С. Политический лоббизм и его роль в реализации власти / Политическая социология: Учебник для вузов под ред.чл.-корр.РАН Ж.Т.Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — С.371–397.
- Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. — С. 78–86.
- Фельдман П. Я. Лоббизм: теория и практика. М.: Горячая линия — Телеком, 2017.
- Фельдман П.Я. Концептуализация подходов к интерпретации феномена лоббизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. — С. 182–189.
- Фидря Е. С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. — С. 40–56.
- Филатова А. А. К вопросу о соотношении когнитивных структур и социокода (на примере архаического типа культуры) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5 (42). — С. 130–134.
- Фомин Г.А. Детерминация государственно-политического управления в контексте теорий взаимодействия политической власти и бюрократии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. — С. 267–273.
- Формирование гражданского общества в России: стратегии и управление. М.: Аналитик, 2015.
- Фрейд З. К истории психоаналитического движения / По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с нем. А. А.Гугнина. М.: Прогресс, Литера, 1992.
- Фролов А.А., Соколов А.В., Гребенко Е.Д. Политическая активность и лояльность современной молодежи // PolitBook. 2021. № 4. — С. 6–20.
- Хабермас Ю. Что такое «политическое». Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии (сокращенный перевод под редакцией Дмитрия Узланера по изданию *The Power of Religion in the Public Sphere: Judith Butler, Jürgen Habermas, Charles Taylor, Cornel West; ed. E. Mendieta, J. VanAntwerpen, C. Calhoun. N.Y.: Columbia University Press, 2011.*) // Русский журнал. 2011. — 24 авг.
- Хабриева Т.Я. Современная конституция и местное самоуправление // Журнал российского права. 2005. № 4. — С. 10–18.

- Хайдеггер, М. Время картины мира. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. — М.: Издательство АСТ, 2017. — С.339.
- Харин АН. Альтернативные модели нации-государства в современном мире: монография. М.: Наука, 2016.
- Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г.Водолазова, В.Ю.Бельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
- Хокинг С. Краткие ответы на большие вопросы. Пер. С.Бавина. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2019. — С.107.
- Худяков А.В. Политическое управление: генезис и проблемы становления // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2015. № 14. — С. 59–62.
- Хуторская В.В. Исламская демократия в Иране // Востокведческий сборник. М. 2003. Вып. 5. — С. 301–308.
- Центральная Азия. Геополитика и экономика региона // Ин-т стратегических оценок и анализа; [под общ. ред. В. А. Гусейнова]. М.: Красная звезда, 2010.
- Цифровая трансформация экономики: государство, бизнес, общество: колл. Монография под науч. ред. Н.П. Кононковой. М.: ТЕИС, 2019.
- Цифровизация: завтра началось вчера / М. И. Бесхмельницин, С. В. Рогачев [и др.]; ФНИСЦ РАН. — М.: Изд-во «Проспект», 2020. — С. 16.
- Чернышова Л.В., Кадырова А.И., Нургалиев А.Р. Влияние лоббизма на формирование государственной политики в общественно-политической жизни // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). — С. 388–389.
- Чугров С.В. Существует ли не западная политология? // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. — С. 182–191.
- Чумиков А.Н. GR и лоббизм: теория и практика // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 22. — С. 176–181.
- Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997.
- Шабров О.Ф. Эффективность политического управления: системно-кибернетический подход». Дисс. в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук. М.: РАГС, 1998.
- Шабров О.Ф. Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2. — С.155–158
- Шабров О. Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. Том 24. № 9. — С. 51–61.
- Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. № 6. — С.295–299
- Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. — С.9.
- Шевченко Е.С. Концептуальные основы формирования и реализации политической повестки Д. Трампом: выбор инструментария принятия решений // PolitBook. 2018. № 2. — С. 58–71.
- Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. №1. — С.9–20.

- Шестопал Е. Б., Вагина В. В., Пасс П. С. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз // Журнал политической философии, социологии и политики.* — 2019. № 4. — С.67–86.
- Шилов А.С. Введение в политическую экологию: учебное пособие. М.: ИНЭК, 2008. — С.252.
- Шкатулла В.И. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. М.: «Юстицинформ», 2019.
- Шклярук М.С. (ред.). *Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения.* М.: Счетная палата РФ, ЦПУР, 2021.
- Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб: Наука, 2016.
- Экономическая энциклопедия. Политическая экономия в 4 т. / Гл. ред. А. М. Румянцев. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т.3. — С.277.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
- Эшби У. Росс. Введение в кибернетику / Пер. с англ. Д.Г.Лахути, под ред. В.А.Успенского. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
- Эшби У. Росс. Конструкция мозга / Пер. с англ. Ю.И.Лашкевича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.

Иностранные источники

- Achen C. “Editorial”. *Political Methodology*: 11. Achen C. 1983. Towards theories of data: The state of political methodology // *Political Science: The State of the Discipline/* Ed. by A. Finifter. Washington (D.C.): American Political Science Association, 1985. — P. 69–94.
- Achen C. *Toward a New Political Methodology: Microfoundations and ART.* *Annual Review of Political Science*, 2002. vol. 5. — P. 423–450.
- Almond G. *A Discipline Divided Schools and Sects in Political Science.* Newbury Park, L.: New Dehli, 1990.
- American Business and Public Policy: The Politics of Foreign Trade.* By Raymond A. Bauer, Ithiel de Sola Pool, and Lewis Anthony Dexter. New York: Atherton Press, 1963.
- Bartels L. and Brady H. *The State of Quantitative Political Methodology.* In *Political Science: The State of the Discipline*, ed. Ada Finifter. 1993.Vol. 2 Washington, D.C.: American Political Science Association. — P. 121–159.
- Beck N. *Political Methodology: A Welcoming Discipline.* *Journal of the American Statistical Association*, 2000.vol. 95, no. 450. — P. 651–654.
- Boulianne S., Theocharis Y. *Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research.* *Social Science Computer Review*, 2018. 19(1). –P.111–127.
- Box-Steffensmeier J., Brady H., and Collier D., eds.*The Oxford Handbook of Political Methodology.* Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Brady H. and D. Collier, eds. *Rethinking social inquiry: diverse tools, shared standards.* 2010.
- Brady H. E., Collier D. and Box-Steffensmeier J. *Overview of Political Methodology: Post-Behavioral Movements and Trends.* Ed. by Goodin R.E. In: *The Oxford Handbook of Political Science.* 2011.

- Bull H. International Theory: The Case of a Classical Approach. // *Contending Approaches to International Politics* / Ed. by Klaus Knorr, James N. Rosenau. Princeton, 1969. — P. 20–37.
- Burda M.A., Gerasimova I.V., Ochacha M. Migration policy as instrument of ensuring national security // *Przegląd Strategiczny*. 2019. T. 12. — P. 183–194.
- Collier D. “The Comparative Method.” In *Political Science: The State of the Discipline II*, ed. Ada W. Finifter, Washington, DC: American Political Science Association. 1993. — P. 105–119.
- Collier D. and Munck G., eds. *Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studying Critical Junctures*. In: *Qualitative & Multi-Method Research* 2017.15, No. 1. Spring. — P. 2–9.
- Corwin E. S. The Democratic Dogma and the Future of Political Science // *The American Political Science Review*, Aug., 1929, Vol. 23, No. 3. — P. 569–592.
- Couldry N., Mejias U. A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism*. Redwood City: Stanford University Press. 2019.
- Desouza K. C., Jacob B. Big Data in the Public Sector: Lessons for Practitioners and Scholars. *Adm. Soc.*, 2017, vol. 49, No. 7.– P. 1043–1064,
- Dogan M. Use and Misuse of Statistics in Comparative Research // M. Dogan and A. Kazansigil (eds). *Comparing Nations*. Oxford, Blackwell, 1994.
- Donaj L. Chosen problems of forecasting social phenomena: forecasting, backcasting, and foresight // *PolitBook*. 2012. № 2. — P. 165–175.
- Eastman H. *Lobbying: a constitutionally protected right*/ Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 1977.
- Easton D. The New Revolution in Political Science // *The American Political Science Review*, Dec. 1969. Vol. 63, №. 4. — P. 1051–1061.
- Fourcade M., Healy K. Categories All the Way Down. *Historical Social Research*. 2017. 42(1). — P. 286–296.
- Gabriel J. M., Fischer T. *Swiss Foreign Policy 1945–2002*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Gaman-Golutvina O. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. // *Historical Social Research*. 2018. Vol. 43. №. 4. — P. 141–163.
- Gaman-Golutvina O.V. Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendency // *Comparative Sociology*. 2007. Vol. 6. № 1–2. — P. 136–157.
- Gaman-Golutvina O.V. The Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. № 1. — P. 37–53.
- Gerbaudo P. From Cyber Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. 2017. — P. 477–489.
- Gerring J. Qualitative methods. *Annual Review of Political Science*. Vol. 20. — P. 15–36.
- Gerring J. *Social science methodology: A unified framework*. Cambridge: Cambridge university press, 2012.
- Gigerenzer G. Mindless statistics // *Journal of socio-economics*. — Greenwich, Conn., 2004. Vol. 33. — P. 587–606.
- Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. Social Media Use for News and Individuals’ Social Capital, Civic Engagement and Political Participation. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2017. Vol. 17. — P. 319–336.

- Gillespie T. Custodians of the internet: Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media. New Haven: Yale University Press. 2018.
- Gupta D. *Analysing Public Policy: Concepts, Tools and Techniques*. CQ Press, 2001.
- Habermas J. *This Too a History of Philosophy*. Vol. 2. Rational Liberty. *Traces of the Discourse on Faith and Knowledge*. London: Polity, 2019.
- Hargens L., Kelly-Wilson L. Determinants of disciplinary discontent // *Social forces*. Chapel Hill, 1994. Vol. 72, № 4. — P. 1177–1195.
- Heywood A. *Global Politics*, Palgrave Macmillan. 2011.
- Hogwood B. and Gunn L. *Policy Analysis for the Real World*. L.: Oxford University Press, 1984.
- Hurley J., Peruffo E., Storrie D. ERM annual report 2016: Globalisation slowdown? Recent evidence of offshoring and reshoring in Europe// *European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Eurofound)*, 2017. — P. 22
- Katzenbach C., Ulbricht L. Algorithmic governance. *Internet Policy Review*, 2019. 8(4). — P. 1–18.
- Kerlinger F.N. *Foundations of Behavioral Research*. New York: 1964.
- Kettani H. Muslim Population in Europe: 1950–2020//*International Journal of Environmental Science and Development*. Vol. 1, No. 2, 2010. — P.154–164.
- King G. 1991. On Political Methodology. *Political Analysis*, vol. 2, — P. 1–30.
- King G., Keohane R., Verba S. *Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research*. Princeton: Princeton univ. press, 1994.
- Kissinger H. *World Order*. New York: Penguin Press, 2014.
- Kittel B. A crazy methodology? On the limits of macro-quantitative social science research // *International sociology*. L., 2006. Vol. 21. — P. 647–677.
- Korgunyak Y. Classification of Russian Parties // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2. № 3. — P. 255–286.
- Laitin D. *Comparative Politics: The State of the Subdiscipline* // I. Katznelson and H. Milner (eds). *Political Science: The state of the discipline*. Washington DC, American Political Science Association, 2002.
- Lasswell H. D. *The Future of the Political Science*. Transaction Publishers. New Brunswick. 2009.
- Latour B. *Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime*. Polity Press. 2018.
- Levi L. The Federalist Debate, *Papers of Federalism in Europe and the World*, Number 2, July. 2010.
- Lieberman E. Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research // *American Political Science Review*. 2005. № 99 (3). — P. 435–452.
- Longford N.T. Editorial: Model selection and efficiency — Is ‘Which model...?’ the right question? // *Journal of the royal statistical society. Series A*. — L., 2005. Vol. 168. — P. 469–472.
- Lucio L. The Federalist Debate, *Papers of Federalism in Europe and the World*, Year XXIII, Number 2, July 2010.
- Lyon D. Surveillance, Snowden, and Big Data: Capacities, consequences, critique. *Big Data & Society*, 1(2). 2014.
- Meillasoux Q. *Science Fiction and Extro-Science Fiction*. Univocal. 2015.
- Melhem S. *Next Generation e-Government: Transformation into Smart Government*, 2012.

- Michael K. Miller K. Big data: New opportunities and new challenges," *Computer* (Long Beach, Calif). 2013. vol. 46, № 6. — P. 22–24.
- Milbrath L. *The Washington Lobbyists*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1976.
- Monroe K.R., ed. *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science*. New Haven, Yale University Press. 2005.
- Morgenthau H. J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
- Munck G. & Snyder R. *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 2007.
- Neumann I. Introduction to the Forum on Liminality. — *Review of International Studies*, 2012. vol. 38, № 2. — P. 473–479.
- Nikiporets-Takigawa G. «Sociopolitical insider» system: promises and limitations for the political analysis and prognosis // *PolitBook*. 2018. № 1. — P. 6–20.
- Norris P.A *Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies*. N.Y.: Cambridge University Press. 2000. — P. 213–216.
- Norris, P., Inglehart, R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 2019.
- Pappas I.O., Mikalef P., Giannakos M.N., Krogstie J., Lekakos G. Big data and business analytics ecosystems: paving the way towards digital transformation and sustainable societies. // *Information Systems and e-Business Management* 2018. — P.479–491.
- Patton C.V. and Sawicki D. *Basic Methods of Policy Analysis and Planning*. Englewood Clift's.: Prentice Hall, 1986. — 482 p.
- Ragin G. *Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond*. Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 2008.
- Ragin C. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Roberts M.E. 2018. What is Political Methodology? // *Political Science and Politics*, vol. 51. № 3. — P. 597–601.
- Rudrum D., Stavris N., *Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century I* Ed. by D. Rudrum, N. Stavris., NY.: Bloomsbury Academic, 2015.
- Schmitter Ph. 2009. The nature and future of comparative politics // *European Political Science Review*. 2009. Vol. 1. № 1. — P. 33–61.
- Scholl H. J., Scholl M. *C Smart Governance: A Roadmap for Research and Practice*. *iConference 2014 Proceedings*, 2014, № 1. — P. 163–176.
- Schram S. and Caterino D. (eds). *Making Political Science Matter* (New York, NYU Press). — P. 17–31.
- Schrodt P.A. Seven deadly sins of contemporary quantitative political analysis // *Journal of peace research*. L., 2014. Vol. 51, N 2. — P. 287–300.
- Shabrov O.F., Sashchenko N.P., Hayat M. Education as an institution of national identity formation. *SHS Web Conf.* 2021. Volume 103. — P.24–69.
- Shapiro M. Recent Developments in Political Jurisprudence // *The Western Political Quarterly*. 1983. Vol. 36, N 4. — P. 339–344.
- Skovikov A. Youth and political parties: interaction and interests // *Youth World Politic*. 2013. № 1. — P. 4–10.

- Stoker G., Peters B. G. and Pierre J., eds. *The Relevance of Political Science*. N. Y. Palgrave and Macmillan. 2015.
- Studin I. (ed.) *Russia: Strategy, Policy & Administration*. Toronto: Institute for 21st century questions, Springer, 2018.
- Taagepera R. *Logical models and basic numeracy in social sciences*. Tartu, 2015.
- Taagepera R. *Making social sciences more scientific: The need for predictive models*. Oxford: Oxford univ. press, 2008.
- Taagepera R. *Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // International political science review*. Beverly Hills, Calif., 2018. — Vol. 39, Iss. 1. — P. 145–159.
- Tajfel H. *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of inter-group relations*. / H. Tajfel — London: Academic Press, 1978.
- Taylor F.W. *The Principles of Scientific Management*. Harper & Brothers, New York, 1911.
- The Blackwell encyclopaedia of political institutions*. Basil Blackwell Ltd.: Editorial organisation Vernon Bogdanor, 1987.
- The Future of the Political Science. 100 Perspectives*. Ed. by G. King, K.L. Schlozman, N. Nie. Routledge, 2009.
- The Oxford Handbook of Political Methodology*. Ed. by J. Box-Steffensmeier, H. Brady, D. Collier. Oxford: Oxford University Press. 2008.
- The Oxford Handbook of Political Science*. Ed. by R. E. Goodin. Oxford: Oxford University Press. 2009.
- Un monde unidimensionnel / Dario Battistella*. Paris: Presses de Sciences Po. 2011.
- Valentine J.C., Aloe A.M., Lau T.S. *Life after NHST: How to describe your data without 'p-ing' everywhere // Basic and applied social psychology*. — Mahwah, NJ, 2015. Vol. 37, № 5. — P. 260–273.
- Veale M., Brass I. *Administration by Algorithm? Public Management meets Public Sector Machine Learning*. In K. Yeung & M. Lodge (Eds.), *Algorithmic Regulation*. Oxford: Oxford University Press. 2019. — P. 121–149
- Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C.T., Ellison N., Lampe C. *It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 // Election*. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2011. Vol. 14. — P. 107–114.
- Volodenkov S. *Features and application of internet propaganda technologies in the political management // PolitBook*. 2016. № 4. — P. 15–30.
- Wahlke J.C. *Liberal Learning and Political Science Major: A Report to the Profession // Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. № 1. — P. 48–60.
- Wallerstein I. (ed.). *The World is Out of Joint: World-Historical Interpretations of Continuing Polarizations*. New York: Routledge. 2015.
- Watkins M. Edwards and Thakrar U. *Winning the Influence Game: What Every Business Leader Should Know About Government*. New York: John Wiley & Sons. 2001.
- Wendt A. *Quantum Mind and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015.
- Wiener N. *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*. New York: The Technology Press and John Wiley & Sons, Inc. Paris: Hermann et Cie. 1948.

- Wildavsky A. Speaking Truth to Power. The Art and Craft of Policy Analysis. New Brunswick. 1987.
- Wilson W. The Study of Administration // Political Science Quarterly, Vol. 2, №2 (Jun., 1887). — P. 197–222.
- Wojciech Drag, Jakub Krogulec, Mateusz Marecki. War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media. Cambridge Scholars Publishing, 2016.
- Xenos M., Vromen A., Loader B.D. The Great Equalizer? Patterns of Social Media Use and Youth Political Engagement in Three Advanced Democracies // Information, Communication & Society, 2014. Vol. 17. Is. 2. — P. 151–167.
- Yeung K. Algorithmic regulation: A critical interrogation. Regulation & Governance, 2018. 12(4) — P. 505–523.
- Ziman J. Real science: What it is, and what it means. Cambridge: Cambridge University, 2000.
- Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. London, UK: Profile Books. 2019.

Статистика, факты, статьи из интернета и соцсетей — тренды в России и в мире

- Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. 2017. №3 (77). [Электронный ресурс]//URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-demograficheskogo-razvitiya-rossii-do-serediny-veka> (дата обращения 09.08.2020).
- Байтурбаева А. Т. Мировая политика и международные отношения // Вестник КазНПУ. Алма-Ата, изд-во Банк России. Трансграничные переводы физических лиц (резидентов и нерезидентов). [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/tg (дата обращения 22.03.2022).
- Баранов Н. Теоретические основы политической регионалистики [Электронный ресурс] // URL: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-regionalistika/180-lektsiya-1-teoreticheskie-osnovy-politicheskoy-regionalistiki> (дата обращения 27.12 2021)
- Большие данные в государственном управлении: опыт внедрения (пилотное исследование). Материалы круглого стола. Сайт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <https://ac.gov.ru/files/content/10087/sorokin-kruglyj-stol-issledovanie-pdf.pdf> (дата обращения 13.01.2022).
- Виноградов Егор. Что мешает диалогу между властью и оппозицией России [Электронный ресурс] // URL: <https://inosmi.ru/russia/20120920/199512705.html> (дата обращения 20 сентября 2020)
- Встреча Владимира Путина с руководителями фракций Госдумы. Стенограмма [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2021/02/17/vstrecha-vladimira-putina-s-rukovoditeliami-frakcij-gosdumy-stenogramma.html> (дата обращения 02.05. 2022)
- В России появилась платформа для прямой коммуникации общества с властью. [Электронный ресурс] // <https://rg.ru/2020/09/30/v-rossii-poiavilas-platforma-dlia-priamoj-kommunikacii-obshchestva-s-vlastiu.html> (дата обращения 02.05. 2021)

- Глобальный индекс безопасности здоровья. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-health-security-index> (дата обращения 22.01.2021).
- Дикая битва в Дижоне // Новая газета (Объявлена иноагентом) // [Электронный ресурс]//URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/18/85902-dikaya-bitva-v-dizhone>, дата обращения (дата обращения 04.02.2022).
- Директор Курчатовского института М. Ковальчук выступил на заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта» // Ресурс СФ РФ, 30 сентября 2015 года). [Электронный ресурс] // URL: <http://council.gov.ru/events/multimedia/video/44107/> (дата обращения 13.02.2022).
- Доверие политикам. Сетевое издание ВЦИОМ. Новости. [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения 22.01.2022).
- Доклад о человеческом развитии / 2020 [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2020_overview_russian_0.pdf (дата обращения 07.02.2020).
- Доклад ОЭСР «Лоббирование в XXI веке», 2021. <https://econs.online/articles/ekonomika/praktika-mirovogo-lobbizma/> (дата обращения 15.03.2022)
- Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. 1980. [Электронный ресурс] // URL: / <https://rm.coe.int/1680078b2a> (дата обращения 04.12.2023).
- Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на (на 02 декабря 2023 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения 04.12.2023).
- Индекс восприятия коррупции в 2021 году. Информационный портал Transparency International. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021/index/rus> (дата обращения 22.01.2022).
- Индекс качества жизни по странам 2022. [Электронный ресурс]//Информационный портал Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp (дата обращения 21.02.2022).
- Искусственный интеллект (ИИ) Artificial intelligence (AI). 2021. Adviser. Портал Государство. Бизнес. Технологии. [Электронный ресурс] // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/_Artificial_intelligence,_AI (дата обращения 09.10.2022).
- Искусственный интеллект в принятии решений: сможет ли компьютер заменить человека? 17.08.2020. Портал Государство. Бизнес. Технологии. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 09.10.2022).
- Козлов А. Список партий на выборы в Госдуму 2021 г. в России [Электронный ресурс] // URL: <https://zensovet.ru.> (дата обращения 15.12.2021).
- Комиссарова Ж.Н., Глушков П.А. Иммиграция и иммиграционная политика во Франции [Электронный ресурс] // URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/skeditor/files/immigration-and-immigration-policy-in-france.pdf> (дата обращения 04.02.2022).
- Крушанов А.А. Понятие «управление» в кибернетическом контексте // Философский журнал Vox: <http://vox-journal.org> Выпуск 23 (декабрь 2017). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32299239_29900033.pdf (дата обращения 05.02.2022).

- Левада-Центр. Пресс-выпуски. Мониторинг ксенофобских настроений от 18.09.2019 (признан иноагентом на территории России). [Электронный ресурс] //URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/> (дата обращения 24.07.2020).
- Люди у власти. 09.11.2021. Левада-Центр (признан иноагентом на территории России). [Электронный ресурс] // URL: ([levada.ru https://www.levada.ru/2021/11/09/lyudi-u-vlasti/](https://www.levada.ru/2021/11/09/lyudi-u-vlasti/)) (дата обращения 22.01.2022).
- МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам. [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/> (дата обращения 21.03.2022).
- МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июнь 2022 года с распределением по странам и регионам. [Электронный ресурс]//URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/31387860/> (дата обращения 13.08.2022).
- Мизулин М.Ю. Политология права: исходные основания и принципы. [Электронный ресурс] // https://www.civisbook.ru/files/File/Mizulin_pravo.pdf (дата обращения 09.01.2022).
- Мьюир Дж. Взлет и падение «Исламского государства» // BBC // [Электронный ресурс] URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41724612> (дата обращения 04.02.2022)
- Одобрение органов власти / Левада-Центр (признан иноагентом на территории России). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/ru> (дата обращения 22.01.2022).
- Положение дел в стране / Левада-Центр (признан иноагентом на территории России). [Электронный ресурс] // URL: ([levada.r https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ru](https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ru)) (дата обращения 22.01.2022).
- По оценке Росстата численность постоянного населения РФ на 1 октября 2021 года составила 145,8 млн человек. [Электронный ресурс] // <https://www.interfax.ru/russia/806540> (дата обращения 22.01.2022).
- Протестный потенциал. Сетевое издание ВЦИОМ. Новости. [Электронный ресурс] // URL:([wciom https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial.ru](https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial.ru)) (дата обращения 22.01.2022).
- Пастухов В.Б. 2007. Мы живем в «дополитическом» государстве // Ресурс АПН. [Электронный ресурс] URL: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> (дата обращения 01.05.2016)
- Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по безопасности, 12 февраля 2007. [Электронный ресурс] // URL: <http://izvestia.ru/news/321595> (дата обращения 29.04.2023).
- Развитие искусственного интеллекта. Департамент стратегического развития и инноваций: сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения 09.10.2022).
- Рейтинг российских регионов по качеству жизни. Инфографика. Сетевое издание РИА Новости, 14.02.2022. [Электронный ресурс] // URL:([ria.ruhttps://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html](https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html)) (дата обращения 21.02.2022).

- Рейтинг социально-экономического положения регионов. Инфографика. Сетевое издание РИА Новости, 31.05.2021. [Электронный ресурс] // URL: (ria.ru https://ria.ru/20210531/rejting-1734768833.html u) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран мира по индексу качества элит // Гуманитарный портал. [Электронный ресурс] // URL: https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по легкости ведения бизнеса (Doing Business) // Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/doing-business) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по уровню безработицы. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/unemploymenty (nonews.co) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по уровню демократии. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/democracy) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по уровню преступности. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/crime-index) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по уровню терроризма. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/terrorism) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по уровню экологии. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/ecology.co) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг стран по уровню экономической свободы. Информационный портал Nonews. [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/economic-freedom) (дата обращения 21.02.2022).
- Рейтинг, основанный на данных «Национального индекса тревожностей» по итогам 2021 года. КРОС. Сайт коммуникационного агентства. [Электронный ресурс] // URL: https://www.cros.ru/ru/exploration/research_part_detail/3047/) (дата обращения 21.02.2022).
- Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества / Сборник статей под ред. Г.Асмолов. Издательство «Когито-Центр». Москва. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://hs.te-st.ru/wp-content/uploads/2020/09/Horizon-Scanner.pdf) (дата обращения 23.02.2022).
- «Российский медиа-ландшафт 2019». Отчет «Левада-Центр» (признан иноагентом на территории России). [Электронный ресурс] // https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/print/) (дата обращения 07.08.2020).
- Российские миллиардеры разбогатели за время пандемии на \$62 млрд. 26.05.2020. Сетевое издание Forbes. [Электронный ресурс] // URL: https://www.forbes.ru/milliardery/401395-rossiyskie-milliardery-razbogateli-za-vremya-pandemii-na-62-mlrd) (дата обращения 22.02.2022).
- Следующая станция – Россия? / 10.02.2022. Левада-Центр (признан иноагентом на территории России). Аналитика. [Электронный ресурс] // URL: (levada https://www.levada.ru/2022/02/10/sleduyushhaya-stantsiya-rossiya/.ru) (дата обращения 22.02.2022).

- Состояние преступности в России за январь-октябрь 2021 года. Информационный портал МВД Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: file:///C:/Users/delet/Downloads/Sb_2110.pdf (дата обращения 22.01.2021).
- Социальные настроения: мониторинг / 11.01.2021. Сетевое издание ВЦИОМ. Новости. [Электронный ресурс] // URL:(wciom.ru https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroeniija-monitoringu) (дата обращения 22.02.2022).
- «Стоп паника». [Электронный ресурс] // URL: https://stoppanika.ru/news/452-sudebnyi-precedent-torgovaja-organizacija-ne-objazana-vakcinirovat-svoih-sotrudnikov.html (дата обращения 07.08.2020).
- Страхи / 12.01.2022. Левада-Центр (признан иноагентом на территории России). Пресс-выпуски. [Электронный ресурс] // URL: Левада-Центр (levad https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/a.ru) (дата обращения 22.02.2022).
- США записали бывшего немецкого рэпера в террористы // Deutsche Welle (Объявлена иноагентом [Электронный ресурс]// URL: https://p.dw.com/p/1EYqV?maca=ru (дата обращения 04.02.2022)
- Черчилль У. Фултонская речь, прочитанная Виндзорском колледже в США (Фултон), 1946 [Электронный ресурс]// URL: https://diletant.media/articles/37502097/ (дата обращения 27.12 2021)
- Чубайс о сокращении населения планеты Земля с 7 млрд до 1,5 млрд человек. Ресурс Яндекс Дзен (5 июля 2021). [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=A0T4-gGdzk (дата обращения 13.02.2022).
- Эйзенхауэр Д. Выступление на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, 1953. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm (дата обращения 25.12 2021).
- Экономический рост: классификация стран. Экономический рост: темп прироста реального ВВП, 2020. Информационный портал The globaleconomy.com. [Электронный ресурс] // URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Economic_growth/ (дата обращения 22.01.2022).
- Эксперты оценили встречу Путина с лидерами думских фракций: https://ria.ru/20210217/vstrecha-1597888535.html (дата обращения 21.02.2022).
- British 'jihadi rapper' who posed with a severed head and was suspected of being ISIS 'Beate' Jihadi John is arrested in Spain by anti-terror police. [Электронный ресурс] URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-8241409/British-jihadi-rapper-arrested-Spain-anti-terror-police.html (дата обращения 04.02.2022).
- Could zakat change the face of refugee aid? [Электронный ресурс] // URL: https://blogs.lse.ac.uk/internationaldevelopment/2018/06/25/could-zakat-completely-change-the-face-of-refugee-aid/ (дата обращения 04.02.2022).
- Democracy report 2021. Transparency International. 2021. [Электронный ресурс] // URL: Users/delet/Downloads/dr_2021.pdf (дата обращения 22.01.2022).
- Epstein D. Why the financial community should work to prevent the market and economic shocks of a nuclear incident. [Электронный ресурс] // URL: https://the.bulletin.org/2019/03/why-the-financial-community-should-work-to-prevent-the-market-and-economic-shocks-of-a-nuclear-incident/ (дата обращения 27.12 2021)
- Europe's Growing Muslim Population [Электронный ресурс] // URL: https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/(дата обращения 04.02.2022)

- Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs Pew Research Centre [Электронный ресурс]// [URL: <https://www.pewglobal.org/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/>] (дата обращения 24.07.2020).
- Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs Pew Research Centre. [Электронный ресурс]// [URL: <https://www.pewglobal.org/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/>] (дата обращения 24.07.2022).
- Migrationdataportal (MDP). [Электронный ресурс]//URL:https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019 (дата обращения 28.07.2020).
- Mongaillard V. Ramadan: «La zakat al-fitr, c'est 5 € par tête et c'est obligatoire»// Le Parisien. 4 juillet 2016 [Электронный ресурс]// URL: <https://www.leparisien.fr/societe/le-don-c-est-5-eur-par-tete-et-c-est-obligatoire-04-07-2016-5937795.php> (дата обращения 04.02.2022).
- Muslims urged to spend zakat charitable giving in the UK [Электронный ресурс] // URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/muslims-urged-to-spend-zakat-charitable-giving-in-the-uk-7772c9lm8> (дата обращения 04.02.2022).
- New Report from Corinium and FICO Finds that Lack of Urgency Around Responsible AI Use is Putting Most Companies at Risk [Электронный ресурс] // URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/new-report-from-corinium-and-fico-finds-that-lack-of-urgency-around-responsible-ai-use-is-putting-most-companies-at-risk-301298434.html> (дата обращения 14 февраля 2022)
- Prensky M. Digital Natives Digital Immigrants. MCB University Press, 2001. Vol. 9 No. 5, October. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
- Reality Check: Who voted for Donald Trump? BBC News. November, — 2016. № 9. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37922> (дата обращения 07.08.2020).
- Siemens A. Global Power House// Siemens China. 2020. [Электронный ресурс]// URL: <https://new.siemens.com/cn/en/company/about.html> [дата обращения 04.02.2022].
- Siemens AG// S&P Global Ratings. 21 March 2019. [Электронный ресурс]// URL: <https://assets.new.siemens.com/siemens/assets/api/uuid:d62be848-db7c-436d-875c-100a8129579b/version:1568887422/190321-rating-update-sp.pdf> (дата обращения 04.02.2022).
- Snapshot: How Extremist Groups Are Responding to Covid-19. [Электронный ресурс] // URL: <https://institute.global/policy/snapshot-how-extremist-groups-are-responding-covid-19-9-april-2020> (дата обращения 04.02.2022).
- Taşdemir Fatma. Başarısız Devletler, İç Savaş ve Terörizm. 2013. [Электронный ресурс] // URL: www.ankarastrateji.org/yazar/doc/basarisiz-devletler-ic-savas-ve-terorizm (дата обращения 11.12.2021).
- The Future of work after COVID-19. 2021. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/the-future-of-work-after-covid-19> (дата обращения 04.02.2022).
- The role of criminal “Hawala” and other similar service providers (HOSSPs) in illegal immigration, money laundering and terrorism financing — recommendations

for changes and other initiatives. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2017/sep/eu-council-austria-europol-hawala-money-transfer-crime-12005-17.pdf> (дата обращения 04.02.2022).

Tost D. Efficiency Drive: Siemens to Cut 1,700 Jobs in Germany // Handelsblatt GmbH. 05.11.2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.handelsblatt.com/today/companies/efficiency-drive-siemens-to-cut-1-700-jobs-in-germany/23569588.html?ticket=ST-2327021-inB5fciUUrTaNenYcVdR-ap1#:~:text=Siemens%20has%20over%20113%2C000%20employees,25%2C000%20new%20jobs%20created%20worldwide> (дата обращения 04.02.2022).

Unemployment rate // OECD Data [Электронный ресурс] // URL: <https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm> (дата обращения 04.02.2022)

US-born 'jihadist rapper' Omar Hammami reportedly killed in Somalia // The Guardian [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/sep/12/jihadist-rapper-omar-hammami-killed> (дата обращения 04.02.2022).

Wright T. The Return to Great-Power Rivalry Was Inevitable. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/liberal-international-order-free-world-trump-authoritarianism/569881/> (дата обращения 27.12 2021).

Сведения об авторах

Борщевский Георгий Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Бурда Михаил Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, руководитель направления «Миграция» Центра научно-исследовательского и экспертного сопровождения проектов содействующих достижению национальных целей развития им. П.А. Столыпина института Высшей школы государственного управления РАНХиГС при Президенте РФ, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 2 класса.

Демиденко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

Дубровина Ольга Васильевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, профессор-исследователь НИУ ВШЭ, Президент РАПН, член Президиума Академии политической науки, член Общественной палаты РФ, Общественной палаты Москвы и Общественного Совета при Минобрнауки РФ, председатель Экспертного совета РФФИ, член-корреспондент РАН, лауреат Общенациональные премии Российского профессорского собрания «Профессор года 2019» федерального уровня.

Дорина Евгения Анатольевна, кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

Камышанов Виктор Иванович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, в 2007–2022 гг. Президент международной общественной организации «Федерации мира и согласия» с консультативным статусом при ЭКОСОС ООН и статусом участника Совета Европы.

Климова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой политологии и политического управления Института общественных наук РАНХиГС.

Комаровский Владимир Савельевич, доктор философских наук, профессор, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления РАНХиГС, действительный член Академии политической науки и член Научного совета РАПН, Заслуженный деятель науки РФ, Почетная медаль им. Г.Х. Шахназарова РАПН за вклад в развитие российской политической науки и образования.

Матвеев Юрий Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Академии политической науки.

Мизулин Михаил Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, член Российской ассоциации политической науки, Исследовательского комитета РАПН по политологии права и правам человека, правообладатель государственного патента «Государственный форум имени Ярослава Мудрого».

Михеев Валентин Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, член Российской ассоциации политической науки, эксперт Российской трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений.

Нестерчук Ольга Алексеевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, член Российской ассоциации политической науки.

Павлютенкова Марианна Николаевна, кандидат политических наук, доцент, доцент Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления РАНХиГС, действительный член Академии политической науки.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Почетный президент и член Президиума Академии политической науки.

Сащенко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), главный ученый секретарь Академии политической науки, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Сергеева Светлана Леонидовна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

Сковиков Алексей Константинович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС.

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, вице-президент Правления РАПН.

Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований, научный руководитель факультета политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, вице-президент, председатель Правления РАПН, вице-президент Академии политической науки, член Президиума Международной ассоциации конфликтологов, Почетный работник

высшего профессионального образования РФ, лауреат Общенациональные премии Российского профессорского собрания «Профессор года 2023» федерального уровня.

Тимошенко Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований Института общественных наук РАН-ХиГС, консультант Департамента общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Фалина Алла Семеновна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления факультета политических исследований, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Шабров Олег Федорович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики Факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политической науки, член Правления, руководитель Исследовательского комитета РАПН по политическому управлению, Почетный работник высшего профессионального образования, Почетная медаль им. Г.Х. Шахназарова РАПН за вклад в развитие российской политической науки и образования.

Научное издание

**Политология и политическое управление:
традиции и новации в науке**

Под редакцией *Л.Н. Тимофеевой, Г.С. Климовой*

Оформление обложки и компьютерная верстка
И.С. Павлова

Подписано в печать ???.?.2024. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Октава». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 100 экз. Заказ 447

Отпечатано в ООО «Издательство «Проспект»
121471, г. Москва, ул. Рябиновая, д. 51А, стр. 1

